Стимпанк, зомби и дирижабли под одной обложкой! Захватывающее приключение сногсшибательного масштаба!
Скотт Вестерфельд

Чери Прист

КОСТОГРЫЗ

LOCUS Лучший фантастический роман 2010 года

Костотряс
Чери Прист

Аннотация
Чери Прист. КОСТОТРЯС
Благодарности
ИЗ «НЕВЕРОЯТНЫХ СТРАНИЦ ИСТОРИИ ЗАПАДА». Незавершенный труд Хейла Куортера (1880)
Глава 7. Сиэтл — город за стеной
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16

17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
Эпилог
От автора

Аннотация

В первые годы Гражданской войны слухи о золоте, таящемся в мерзлых недрах Клондайка, увлекли на север тихоокеанского побережья полчища старателей. Не желая уступить в этой игре, российское правительство поручило изобретателю Левитикусу Блю соорудить большую машину, способную буравить льды Аляски. Так появился на свет «Невероятный Костотрясный Бурильный Агрегат доктора Блю».

Однако в первый же день испытаний Костотряс повел себя непредсказуемо, разгромив несколько кварталов в деловой части Сиэтла и вскрыв подземные залежи губительного газа, который обращал любого человека, вдохнувшего его, в живого мертвеца.

Прошло шестнадцать лет. Опустошенные и все еще токсичные районы обнесены гигантской стеной. В ее окрестностях живет вдова доктора Блю, Брайар Уилкс. Загубленная репутация и сын-подросток, которого нужно растить, не делают ее жизнь легче, но они с Иезекиилем справляются. До того дня, когда

Иезекииль, задумав переписать историю, втайне от матери отправляется в отчаянный поход.

Поиски заведут его в туннели под стеной, а оттуда — в город, кишащий прожорливыми зомби, воздушными пиратами, королями преступного мира и вооруженными до зубов дезертирами. И только матери под силу вывести его оттуда живым.

Чери Прист
КОСТОТРЯС

Посвящается сиэтлской бригаде —
Марку Генри, Кэйтлин Киттредж,
Райчел Мид и Кэт Ричардсон, —
ибо в них душа и сердце этого места

Благодарности

На сей раз без кучи благодарностей не обойтись, так что позвольте мне перечислить всех.

Спасибо моему редактору Лиз Горински за ее высочайший профессионализм, удивительное терпение и несравненную целеустремленность; спасибо рекламному отделу издательства «Тор», особенно Дот Лин и Пэтти Гарсиа — обе отжигают не по-детски; спасибо моему агенту — всегда готовой ободрить и несокрушимой Дженнифер Джексон.

Спасибо и всем домашним — в частности, моему мужу Арику Энниэру, которому приходится выслушивать чуть ли не все мои истории в самых утомительных подробностях и усердно их препарировать, пока те не приобретут окончательный вид; спасибо моей сестре Бекки Прист за помощь с черновиками и вычиткой; Джерри и Донне Прист, моим болельщикам номер один; и спасибо моей матери Шэрон Прист — за то, что не дает мне задирать нос.

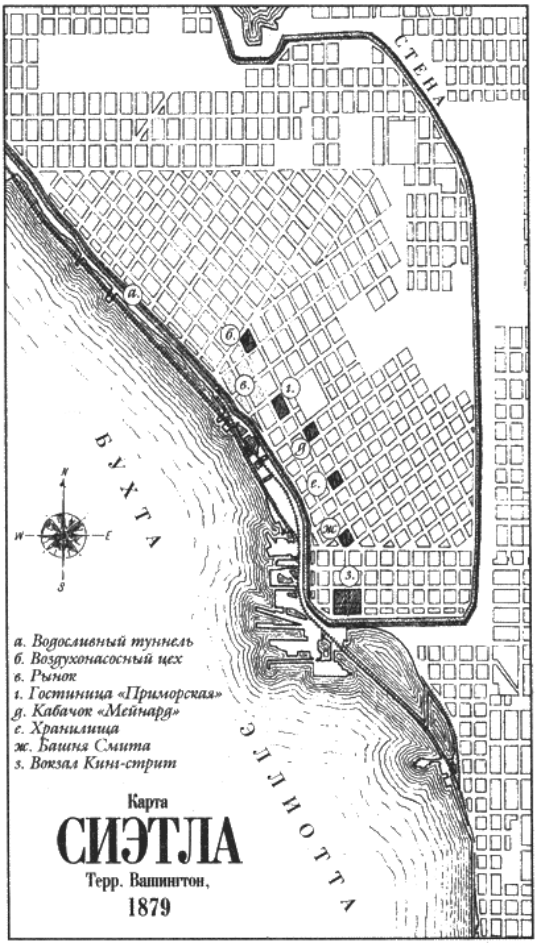
Спасибо вышеупомянутой сиэтлской бригаде, а также нашим друзьям — Дуэйну Уилкинсу из

книжной лавки Вашингтонского университета и несравненной Синд Корман из филиала «Барнс энд Ноубл», что в центре. Кстати, о «Барнс энд Ноубл» — передаю привет и благодарности Полу Гоуту Аллену. Он знает за что.

Далее поток благодарностей полагается моей любимой оборотн***и***це Аманде Гэннон — за то, что разрешила назвать дирижабль в честь ее ЖЖ (изначально ник *Наама*[1] *Дарлинг* принадлежал именно ей); экскурсоводам Сиэтлских катакомб — я так часто ходила на их экскурсии, что они до сих пор предлагают мне работу; моей старой подруге Андреа Джонс и ее «Подозрительным лицам», которая всегда помогает мне с историческим фоном и подбирает для меня *лучшие на свете* эпиграфы. Также благодарю Талию Кэй, чрезвычайно любезную и неравнодушную к фантастике сотрудницу Сиэтлского зала Сиэтлской публичной библиотеки; Грега Уайлд-Смита, моего неустрашимого веб-мастера; Уоррена Эллиса и всех ребят из клуба; и Эллен Милн — за печенье.

[1] Примечания: 1

Под этим именем известны несколько персонажей в иудейской и библейской мифологии, так что возможны такие варианты перевода, как «Нахема», «Ноема» и др.



Карта

СИЭТЛА

Терр. Вашингтон,

1879

В нынешнюю эпоху изобретательства оружейная наука достигла немалых успехов. Действительно, со времени затяжных войн, одолевавших Европу в начале столетия, появились крайне примечательные изобретения, и недолгая Итальянская кампания, развернутая Францией в 1859 году,[2] служит наглядным примером того, какой выдающейся мощи могут достигнуть орудия разрушения.

Томас П. Кеттелл: *История Великого Восстания от начала и до конца, повествующая о его предпосылках, Отделении Южных Штатов и Формировании Конфедеративного Правительства, накоплении Военных и Финансовых ресурсов федерального правительства, становлении его неизмеримого могущества, формировании, организации и снабжении противоборствующих армий на суше и на море; ясные, наглядные и достоверные описания сражений и артиллерийских наступлений, обороны и капитуляции осажденных фортов, захваченных батарей и проч., и проч.; необъятных финансовых ресурсов и тщательно продуманных шагов правительства, патриотических порывов и подвигов народа, с*

[2] Примечания: 2

Также известна как Австро-итало-французская война и Вторая война за независимость Италии.

приложением биографических очерков всех выдающихся государственных деятелей, полководцев и флотоводцев, а также исчерпывающего алфавитного указателя. На основании официальных источников (1862).

ИЗ «НЕВЕРОЯТНЫХ СТРАНИЦ ИСТОРИИ ЗАПАДА»
Незавершенный труд Хейла Куортера (1880)

Глава 7
Сиэтл — город за стеной

Проселки и тропы тут выдавали себя за дороги; они стягивали берега страны, как шнурки — башмак, связывали ее, словно сплетения струн или пальцы, скрещенные на удачу. И с востока на запад упорно тянулись поселенцы — через великую реку, через прерии и горные перевалы. Тонким ручейком просачивались они через Скалистые горы — кучками и горстками, на фургонах и дилижансах.

Вот как все начиналось.

В Калифорнии прямо на земле валялись самородки с грецкий орех величиной — по крайней мере так толковали люди, а истина всегда плетется позади, когда слухи воспарят на золотых крылах. Людской ручеек превратился в величественный поток. Западное побережье манило соблазнами и кишело старателями, искушавшими судьбу в каменистых ручьях и грезах о богатстве.

Со временем на калифорнийской земле стало тесно, а старательские делянки оскудели. Теперь

из недр извлекали такую мелкую золотую пыль, что ее можно было ненароком вдохнуть.

В 1850 году с севера примчался новый слух — сияющий крылатый вестник.

Клондайк, провозгласил он. Езжайте туда и вгрызитесь в лед. Того, кому хватит решимости, ждет золотое изобилие.

Поток сменил курс и хлынул в северные широты. Это обернулось небывалой удачей для поселения на краю фронтира, последнего перед канадской границей, — глухого заводского городишки у залива Пьюджет-Саунд, названного Сиэтлом в честь местного индейского вождя. Чуть ли не за ночь замызганный поселок превратился в миниатюрную империю, где старатели и путешественники могли обменять товары и запастись необходимым.

Пока американские законодатели спорили, покупать Аляску или нет, в России приостановили сделку и задумались над ценой. Если недра полуострова и в самом деле ломятся от драгоценных ископаемых, то ставки меняются на корню. Но даже если отыщется стабильное месторождение, удастся ли его разрабатывать? Для проверки идеально подошла бы рудная жила, выходящая участками на поверхность, но в основе своей

погребенная под стофутовым панцирем нетающего льда.

В 1860 году русские объявили конкурс, пообещав награду в сто тысяч рублей изобретателю, который сконструирует или придумает машину, способную в поисках золота буравить лед. Так в науке началась гонка вооружений, а между тем Гражданская война была уже не за горами.

На северо-западном побережье начали одну за другой мастерить большие и малые машины. То были замысловатые механизмы, рассчитанные на страшный холод и бурение твердой, как алмаз, мерзлоты. Работали они на пару и угле, для смазки же использовались специальные составы, защищавшие детали от воздействия стихий. Были машины, которыми правили вручную, как почтовыми каретами, а встречались и такие, что бурили сами по себе, подчиняясь часовым механизмам и хитроумным направляющим устройствам.

Однако ни одной из них не хватило мощи, чтобы добраться до скрытой подо льдом жилы, и русские готовы уже были продать Аляску за смешную, по всем меркам, сумму… как вдруг на них вышел изобретатель из Сиэтла и завел разговор о чудесной машине. То будет горнодобывающий

агрегат, мощнейший из известных человечеству: пятьдесят футов длиной, полная механизация, в роли движущей силы — сжатый пар. Спереди располагаются три основные бурильно-режущие головки, а система спиралевидных расчищающих устройств, смонтированная на боках и задней части машины, удаляет из бурового канала отработанный лед, землю и скальную породу. Тщательно сбалансированная масса и усиленный корпус позволят машине вести бурение строго по вертикали или горизонтали — как уж заблагорассудится человеку, сидящему в кресле механика. По точности машине не будет равных, а в отношении мощности она установит стандарт для всех последующих аналогов.

Вот только ее еще надо построить.

Изобретатель, некто Левитикус Блю, выхлопотал у русских достаточно солидный аванс, которого хватило бы и на покупку материалов, и на сооружение Невероятного Костотрясного Бурильного Агрегата доктора Блю. На работу он запросил шесть месяцев, по истечении коих обязался устроить публичные испытания.

Разжившись финансами, Левитикус Блю вернулся в Сиэтл и начал в подвале собственного дома конструировать свою замечательную маши-

ну. Деталь за деталью возводил он детище своего разума, укрывшись от глаз горожан; ночь за ночью шум загадочных инструментов и приборов пугал соседей. Но вот наконец — между прочим, задолго до заявленного срока — изобретатель объявил, что его шедевр «закончен».

Относительно дальнейших событий уверенности нет до сих пор.

Возможно, то была всего лишь авария — ужасный сбой, бунт взбесившейся техники. Возможно, причина кроется в банальной нерасторопности, неудачно выбранном времени, неточных расчетах. Или же все-таки это была хорошо спланированная акция, неслыханная в своей жестокости и корыстолюбии попытка стереть городской центр с лица земли.

Чем руководствовался в своих поступках доктор Блю, мы вряд ли уже узнаем.

Ему была свойственна некоторая алчность, но не более, чем большинству людей; есть вероятность, что он всего-то задумал скрыться с российскими деньгами и прихватить для верности кое-какие дополнительные средства. Незадолго перед этим изобретатель женился (как утверждали злые языки, невеста была моложе его на двадцать пять лет), и нередко высказываются

догадки, что к его поступкам приложила руку супруга. Скажем, принуждала его к излишней спешке или уж слишком хотела быть замужем за богачом. Или же, как потом неустанно твердила она сама, была абсолютно не в курсе мужних дел.

Наверняка можно сказать следующее. Утром 2 января 1863 года из подвала дома на Денни-Хилле вырвалось кошмарное нечто, прорвалось сквозь город вплоть до центрального делового района, оставляя за собой одни разрушения, и тем же манером вернулось обратно.

В показаниях сходятся лишь единицы; еще меньше найдется людей, которым повезло хотя бы мельком лицезреть Невероятный Костотрясный Бурильный Агрегат. Он пробуравил себе путь к подножию холма, вспарывая землю под особняками зажиточных мореходов и корабельных магнатов, под низким бережком, на котором раскинулись постройки лесопильни, и далее — вдоль коридоров и подвалов, подземных хранилищ универмагов, дамских галантерейных магазинов, аптек и… правильно, банков.

Здания четырех основных банков, выстроенные рядом, разрушились мгновенно, когда их фундаменты обратились в каменную крошку.

Стены с грохотом рухнули. Полы вместе с лагами ушли вниз и сложились книжкой, возникшую пустоту частично заполнили обвалившиеся крыши. Между тем в этих четырех банках хранилось три миллиона долларов, а то и больше — капитал калифорнийских старателей, распродавших добытые самородки и устремившихся на север в поисках новых.

Погибли десятки невинных клиентов, задумавших в тот день пополнить или обналичить счета. Еще больше смертей было на улице: покосившиеся стены сотрясала дрожь, раствор в кладке не выдерживал — и каменные громады обрушивались на людей.

Горожане взывали о помощи, но откуда ей было прийти? Сама земля отверзалась и поглощала их на каждом шагу — повсюду, где Бурильный Аппарат проходил достаточно близко к поверхности. Улица буквально ходуном ходила, сотрясалась, словно коврик, из которого выбивали пыль. Она тяжело ворочалась, бугрилась волнами. И куда бы ни направлялась машина, в оставленных ею червоточинах громыхало и обваливалось.

Назвать все это «происшествием» было бы сильным преуменьшением. Общее число погибших так и не удалось установить: одному небу

известно, сколько трупов скрывалось под обломками. И увы, времени на спасательные работы не оставалось.

Едва только машина доктора Блю утихомирилась в подвале его дома, едва были утолены мольбы раненых, едва с уцелевших крыш зазвучали первые разгневанные возгласы, как город захлестнула вторая волна ужаса. Жителям Сиэтла трудно было не связать эту напасть с предыдущей, но внятных резонов для подобных обвинений так и не прозвучало.

Теперь остается лишь перечислить голые факты; возможно, в будущем исследователи найдут более весомые объяснения, чем наши смутные догадки.

Достоверно известно следующее. После невиданной по масштабу разрушений катастрофы с Бурильным Агрегатом рабочих, трудившихся над разбором обломков разгромленных банковских кварталов, начала поражать некая болезнь. В конце концов — и на этом сходятся все источники — поиски ее источника привели к пробуренным машиной туннелям, точнее, к сочащемуся из них газу. Поначалу тот не имел ни запаха, ни цвета, однако со временем его концентрация достигла таких величин, что газ стал различим для чело-

веческого глаза, вооруженного подцвеченной линзой.

Методом проб и ошибок были установлены некоторые свойства газа. При отравлении тяжелая, тягучая, неторопливо расползающаяся субстанция вызывала смерть, однако в большинстве случаев ее удавалось остановить либо изолировать при помощи простейших барьеров. Параллельно с эвакуацией по всему городу началось сооружение временных заграждений. Из палаток, раскроенных на части и обработанных смолой, устраивали импровизированные стены.

Один за другим рубежи обороны давали слабину, тысячи и тысячи жителей становились жертвами смертельной болезни, и назрела необходимость в более существенных мерах. Поспешно были разработаны и приняты соответствующие проекты, и менее чем через год после инцидента с Невероятным Костотрясным Бурильным Агрегатом доктора Блю бывший деловой центр был целиком обнесен могучей стеной из кирпича и камня.

В высоту стена достигает около двухсот футов, следуя прихотливому городскому рельефу, а средняя ее ширина колеблется в пределах пятнадцати-двадцати футов. Общая площадь

пострадавших кварталов, огороженных стеной, составляет без малого две квадратные мили. Воистину чудо инженерии!

Однако за барьером город пришел в упадок и полностью вымер, если не считать крыс и ворон, которые там якобы расплодились. Газ по-прежнему сочится из земных недр и губит все живое. Там, где когда-то бурлила активность, остался лишь город-призрак, по периметру которого селятся выжившие. Эти люди стали беженцами на родной земле, и хотя многие перебрались на север, в Ванкувер, или на юг, в Такому и Портленд, немало народу по-прежнему держится стены.

Обитают они на побережье и на склонах холмов, в широко раскинувшейся карикатуре на город, известной как Окраина; и вот там-то их жизнь началась заново.

1

Заметив его, она застыла в нескольких шагах от лестницы.

— Простите, — поспешно сказал он, — я не хотел вас напугать.

Женщина в серо-черном пальто даже не моргнула и не двинулась с места.

— Что вам нужно?

Он припас на этот случай целую речь, но теперь все позабыл.

— Поговорить. Хочу с вами поговорить.

Брайар Уилкс зажмурилась, потом открыла глаза и спросила:

— Вы по поводу Зика? Что он на сей раз натворил?

— Нет-нет, он тут ни при чем, — заверил посетитель. — Мэм, я рассчитывал побеседовать с вами о вашем отце.

Ее плечи тут же обмякли, настороженной напряженности как не бывало. Она покачала головой:

— Вот оно что. Богом клянусь, все мужчины в моей жизни, они… — Она осеклась, затем про-

должила: — Мой отец был тираном, и все, кого он любил, жили в страхе перед ним. Вы это хотели услышать?

От входа и от гостя ее отделяли одиннадцать перекошенных ступенек. Он подождал, пока она взберется по лестнице, и только тогда подал голос:

— А это правда?

— Скорее да, чем нет.

Женщина встала перед ним, стискивая в руках связку ключей. Ее макушка оказалась вровень с его подбородком. Ключи почему-то были нацелены ему в живот. Он вовремя сообразил, что загораживает ей дверь, и отступил в сторону.

— И долго вы меня тут ждете? — поинтересовалась она.

Он был не прочь солгать, но взгляд женщины пригвоздил его к стене.

— Несколько часов. Хотел встретить вас, как вернетесь домой.

Дверь щелкнула, лязгнула и рывком открылась.

— Я взяла на станции внеочередную смену. Могли бы заглянуть попозже.

— Прошу вас, мэм. Разрешите войти?

Женщина пожала плечами, но и «нет» не ска-

зала, не оставив торчать на холоде, так что он скользнул за ней, прикрыл дверь и подождал, пока она искала и зажигала лампу.

Она отнесла лампу к камину, где давно уже прогорели дрова. У каминной полки обнаружились кочерга, мехи и плоская железная коробка с щепками на растопку. Хозяйка поковыряла кочергой почерневшую массу и нашарила на дне несколько тлеющих угольков.

Их осторожно раздули, добавили горстку щепок, еще парочку поленьев — и вот уже лениво заиграло пламя.

Брайар выпростала руки из рукавов и повесила пальто на крючок. Без верхней одежды ее тело выглядело тощим, словно она слишком много работала и слишком мало или плохо питалась. На перчатках и высоких коричневых ботинках осела заводская копоть, она была одета в брюки, как мужчина. Длинные черные волосы были стянуты узлом на затылке, но после двух смен прическа растрепалась, тяжелые пряди свисали как придется, гребни не удерживали прическу.

Ей было тридцать пять, и выглядела она в аккурат на свой возраст.

Перед оживающим, пышущим светом камином стоял большой старинный стул, обитый кожей.

Брайар плюхнулась на него.

— Скажите мне, мистер… Простите, вы не назвались.

— Хейл. Хейл Куортер. И должен признать, встреча с вами — большая честь для меня.

На миг ему показалось, что она вот-вот рассмеется, но — нет.

Женщина протянула руку к небольшому столику и взяла кисет.

— Ну что же, Хейл Куортер, выкладывайте. Зачем вам понадобилось меня подкарауливать в такую-то непогоду?

Из кисета были извлечены клочок бумаги и добрая щепоть табака. Хозяйка умелыми движениями скрутила сигаретку и подпалила ее от лампы.

Пока что правда шла гостю на пользу, и он решился на очередное признание:

— Я знал, что вас не будет дома, когда шел сюда. Мне сказали, если я к вам постучусь, то вы застрелите меня через дверной глазок.

Кивнув, она откинулась затылком на кожаную спинку.

— Да, слышала такую историю. Отпугивает не так много народу, как можно подумать.

Трудно было понять, подтверждает она слухи

или отрицает.

— Тогда спасибо вам вдвойне — за то, что не застрелили, да еще впустили к себе.

— Пожалуйста.

— Разрешите… разрешите, я присяду? Вас это не побеспокоит?

— Как угодно, но долго вы здесь все равно не пробудете, — с уверенностью сказала она.

— Вы не хотите разговаривать?

— Да, о Мейнарде я разговаривать не хочу. И мне нечего сообщить о том, что с ним случилось. Истины не знает никто. Но вы можете задавать любые вопросы, какие пожелаете. И вольны удалиться, когда начнете меня утомлять или когда вам наскучит слушать, как вам на разные лады твердят: «Я не знаю», — тут уж кому из нас дольше хватит терпения.

Приободрившись, он подтащил к себе деревянный стул с высокой спинкой, уселся прямо напротив собеседницы и открыл блокнот. В верхней части нелинованного листа были мелким почерком нацарапаны несколько слов.

Хозяйка тем временем спросила:

— А с чего это вас заинтересовал Мейнард? Почему сейчас? Он умер пятнадцать лет назад. Скоро будет шестнадцать.

— А почему бы и не сейчас? — Хейл просмотрел заметки на предыдущей странице, и карандаш его с готовностью завис над чистой бумагой. — Но если говорить прямо, я пишу книгу.

— Опять книга? — отрывисто бросила она.

— Без намека на сенсационность, — примирительно пояснил он. — Я хочу написать правдивую биографию Мейнарда Уилкса, поскольку убежден, что с ним обошлись на редкость несправедливо. Вы со мной согласны?

— Нет, отнюдь. Он получил ровно то, что заслуживал. Тридцать лет пахал как вол, за так, а от города, которому служил, никакого уважения не видел. — Она повертела в руках наполовину скуренную самокрутку. — Но все спускал им с рук. И я ненавидела его за это.

— Однако ваш отец верил в закон.

— Как и любой преступник! — чуть ли не рявкнула она в ответ.

Хейл оживился:

— Так вы в самом деле считаете, что он был преступником?

Последовала еще одна глубокая затяжка, потом женщина заговорила:

— Не передергивайте. Хотя вы правы. Он верил в закон. Временами у меня возникали сомнения,

верит ли он во что-нибудь еще, но… да, в закон он верил.

Ненадолго воцарилось молчание, нарушаемое лишь треском и шипением искр в камине. Наконец Хейл произнес:

— Я пытаюсь во всем разобраться, мэм. Только и всего. Мне кажется, речь идет о чем-то большем, нежели побег из тюрьмы…

— Почему? — перебила она. — Почему, по-вашему, он пошел на это? Какой теории будет посвящена ваша книга, мистер Куортер?

Он замялся, потому что не успел еще определиться — пока не успел. И решил поставить на версию, которая, по его расчетам, должна была показаться Брайар наименее оскорбительной:

— Думаю, он поступал так, как ему казалось правильным. Но если честно, меня больше интересует *ваше* мнение. Мейнард ведь растил вас в одиночку, если не ошибаюсь? Наверное, вы знали его лучше, чем кто-либо еще.

Ее лицо приобрело нарочито непроницаемое выражение.

— Хочу вас удивить. Мы были не так уж близки.

— Но ваша мать скончалась…

— …при родах, совершенно верно. Иных роди-

телей я не знала, да и он был не ахти какой отец. Он не лучше разбирался в воспитании дочерей, чем я в географии Испании.

Почуяв, что разговор заходит в тупик, Хейл отважился на другой маневр, которым чаял вернуть ее расположение. Его взгляд блуждал по каморке — по добротной мебели без претензий на роскошь, по чистым, но видавшим виды полам. В глаза ему бросился коридорчик, ведущий в заднюю часть дома. С его места было видно, что все четыре двери в конце прохода закрыты.

— Видимо, вы здесь выросли? В этом доме? — изобразил он внезапную догадку.

Она не подобрела:

— Это всем известно.

— И все-таки они принесли его сюда. Один из участников побега и его брат — они принесли его сюда и попытались спасти. Послали за доктором, но…

Брайар ухватилась за провисшую нить беседы и потянула на себя:

— …но он чересчур надышался Гнили. И умер даже раньше, чем о нем узнал доктор. И честное слово, — она стряхнула в камин длинный столбик пепла, — так оно и лучше. Вы хоть представляете, что его ожидало бы, если б он выжил? Суд

за измену, по меньшей мере за злостное неподчинение. В лучшем случае — тюрьма. В худшем — расстрел. У нас с отцом были разногласия, но такой участи я ему не пожелала бы. Да, так оно и лучше, — повторила она и уставилась на пламя.

Хейл на пару мгновений замешкался с ответом, собираясь с мыслями. Наконец проговорил:

— А вам удалось повидать его перед смертью? Я знаю, вы покинули Сиэтл одной из последних и наведались сюда. Удалось ли взглянуть на него в последний раз?

— Удалось, — кивнула она. — Он лежал вон в той задней комнате — на собственной кровати, под простыней, перепачканной рвотой, от которой в итоге и задохнулся. Ни следа посещения доктора, да он и не приходил, судя по всему. Я вообще не уверена, что в те дни, в разгар эвакуации, кому-то по силам было найти врача.

— Значит, он был мертв — и в доме никого?

— Никого, — подтвердила она. — Парадная дверь оказалась взломана, но при этом притворена. Кто-то с почтением уложил его на кровать, это врезалось мне в память. Тело прикрыли простыней, а возле кровати оставили его винтовку и жетон. Но он был мертв, окончательно и бесповоротно. Гниль не поставила его на ноги, спасибо

Господу и на том.

Хейл строчил в блокноте, подбадривая собеседницу голосом. Карандаш порхал по бумаге.

— Как думаете, это сделали заключенные?

— Это *вы* так думаете, — сказала она. Интонация не казалась обвиняющей.

— Предполагаю, — отозвался он, хотя от уверенности захватывало дух.

Брат того заключенного рассказал ему, что жилище Мейнарда они оставили в полном порядке и ничего там не тронули. По его словам, тело уложили на кровать, а лицо прикрыли. Все эти подробности не всплывали ни в досужих разговорах, ни в официальных расследованиях по делу о Великом Побеге. А их за прошедшие годы хватило с лихвой.

— А затем… — с надеждой на продолжение начал он.

— Я вытащила его за дом и похоронила под деревом, рядом с его старым псом. Пару дней спустя пришли двое из городской полиции и выкопали его обратно.

— Чтобы знать наверняка?..

Она крякнула.

— Чтобы знать наверняка, что он не сбежал из города на восток; что Гниль не оживила его; что

я зарыла его там, где показала им. Выбирайте сами.

Закончив погоню карандаша за словами, он поднял глаза:

— Что вы сейчас сказали насчет Гнили? Неужели они так быстро поняли, чего от нее ждать?

— Поняли. Они почти сразу смекнули, что к чему. Не все жертвы Гнили поднимались на ноги, но уж если поднимались, то выходили на охоту в считаные дни. Но по большому счету власти хотели убедиться, что Мейнард не ушел безнаказанным. А когда поняли, что им уже до него не добраться, бросили на заднем дворе. Даже не позаботились о погребении. Оставили под деревом, и все. Пришлось хоронить во второй раз.

Карандаш и подбородок Хейла замерли над блокнотом.

— Простите, я не ослышался?.. Вы хотите сказать…

— Не делайте такой потрясенный вид. — Она шевельнулась, обивка стула скрипнула. — Яму не засыпали, и то хорошо. Во второй раз все прошло куда быстрее. Позвольте теперь задать вопрос *вам*, мистер Куортер.

— Хейл, если можно.

— Воля ваша, Хейл. Скажите, сколько вам было

лет, когда к нам пожаловала Гниль?

Карандаш дрогнул. Биограф приложил его к блокноту и произнес:

— Почти шесть.

— Так я и думала. То есть совсем еще малютка. Вы ведь даже и не помните, какова была жизнь до появления стены?

Он покачал головой: нет, не помнит. Совсем.

— Зато я помню, как возводили стену. Как она фут за футом возносилась над зараженными кварталами. Все двести футов, вокруг всего эвакуированного района. Да, я помню… Прямо отсюда я за ней и наблюдала. Вон из того окошка рядом с кухней. — Она махнула в направлении печки и небольшой прямоугольной рамы. — И днем, и ночью. Все семь месяцев, две недели и три дня, которые ушли у них на строительство.

— Удивительная точность. Вы всегда ведете счет таким вещам?

— Нет. Но запомнить было немудрено. Они закончили ровно в день, когда родился мой сын. Одно время мне думалось, а не скучает ли он по всему этому шуму. Он ведь ничего другого и не слышал, когда я его вынашивала, — только грохот кувалд да стук зубил. Как только бедняжка появился на свет, на мир пала тишина.

Внезапно женщину посетила какая-то мысль, и она села прямо. Стул запротестовал.

Она взглянула на дверь:

— Кстати, о мальчишке. Время уже позднее. И куда только он запропастился, ума не приложу. Обычно к этому часу он возвращается. — Тут же поправилась: — Он *часто* возвращается к этому часу, а на улице холод собачий.

Хейл привалился к жесткой деревянной спинке присвоенного стула.

— Жаль, он никогда не видел деда. Уверен, Мейнард гордился бы им.

Брайар подалась вперед, опершись локтями на колени, потом спрятала лицо в ладонях и потерла глаза.

— Не знаю, — проронила она.

Выпрямилась, утерла лоб тыльной стороной руки. Стянула перчатки, бросила на приземистый круглый столик перед камином.

— Не знаете? Разве у него есть еще какие-то внуки? Ведь у него не было других детей, кроме вас?

— Нет, насколько мне известно, но всякое возможно. — Она нагнулась и начала расшнуровывать ботинки. — Простите, что при вас. Я в них с шести утра.

— Да что вы, не обращайте на меня внима-

ния, — откликнулся он и стал смотреть на огонь. — Извините за назойливость, я все понимаю.

— Вы и впрямь назойливы, но впустила-то вас я, так что сама виновата. — Один ботинок с глухим чавканьем соскочил с ноги, и она взялась за второй. — И не берусь утверждать, значил бы что-то Зик для Мейнарда или наоборот. Слишком они разные.

— Быть может, Зик… — Хейл ступал на опасную почву и понимал это, но все-таки не мог удержаться, — слишком похож на своего отца?

Брайар не вздрогнула, не нахмурилась. Ее лицо вновь превратилось в неподвижную маску. Она стащила второй ботинок и пристроила рядом с первым.

— Не исключено. Отцовская кровь еще может взыграть, но пока он всего лишь мальчишка. У него еще есть время, чтобы разобраться в себе. Что же до вас, мистер Хейл, то, боюсь, пора нам прощаться. Поздно уже, рассвет скоро.

Хейл со вздохом кивнул. Слишком сильно надавил, не удержался… Нужно было и дальше говорить о покойном отце, а не о покойном муже.

— Прошу прощения, — сказал он, встал со стула и засунул блокнот под мышку. Потом надел

шляпу, поплотнее запахнул пальто на груди и добавил: — И спасибо, что уделили мне время. Очень вам признателен за все, что вы рассказали. Если мою книгу когда-нибудь опубликуют, не забуду вас упомянуть.

— Угу.

И она выпроводила его за дверь, в объятия темноты. Хейл потуже обмотал шарф вокруг шеи и натянул шерстяные перчатки, настраиваясь на рандеву с ветреным зимним вечером.

2

За угол дома юркнула какая-то тень, и раздался шепот:

— Эй. Эй, это я вам…

Хейл остановился и подождал. Из-за угла выглянула голова с растрепанной каштановой шевелюрой. За ней последовало костлявое, но основательно укутанное тело — подросток, ввалившиеся щеки, диковатые глаза. Его лицо то озарялось в неровном свете камина, сочащемся из окна, то исчезало в тени.

— Вы тут расспрашивали про моего дедушку?

— Иезекииль? — без труда догадался Хейл.

Мальчишка подобрался поближе, сторонясь просвета между шторами, через который его могли разглядеть из дома.

— И что вам сказала моя мать?

— Почти ничего.

— Она сказала вам, что он герой?

— Нет, — ответил Хейл. — Такого она мне не говорила.

Подросток сердито фыркнул и мазнул перчаткой по макушке, пуще прежнего взъерошивая

волосы.

— Ну само собой, не говорила. Она в это не верит, а даже если и верит, то плевать хотела.

— Не могу знать.

— Зато я знаю. Она ведет себя так, будто он и не сделал ничего хорошего. Как будто остальные правы и он выпустил заключенных ради взятки — ну и где тогда деньги? Разве похоже, что у нас есть какие-то деньги?

Зик красноречиво умолк, но биограф не нашелся с ответом. Мальчишка продолжил:

— Как только до них дошло насчет Гнили, они стали эвакуировать всех кого не лень, помните? Из больницы и даже из тюрьмы, но были еще люди в полицейском участке, которых арестовали, но не успели ни в чем обвинить. Их просто оставили взаперти. И никак не выбраться. А Гниль была на подходе, об этом все знали. А им всем, значит, умирать. — Он шмыгнул носом и потер под ним рукой — то ли из него текло, то ли просто закоченел. — Но мой дедушка — в смысле, Мейнард… Капитан велел ему перекрыть последний выход из квартала, но он не стал этого делать, потому что там еще оставались люди. А они были бедняки вроде нас. И не все ведь натворили что-то плохое, какое там. На ерунде в основном

попались — украли какую-нибудь мелочь, ну или сломали.

А вот мой дед уперся, и все тут. Не захотел обрекать их на смерть. Газ почти уже до них добрался, и самый короткий путь до участка был отрезан. Но он рванул туда прямо через Гниль — только прикрыл лицо, как сумел.

Как добежал до места, потянул за рычаг, который открывает камеры, а потом налег всем весом и удерживал — а то двери опять захлопнулись бы. И пока все спасались, дед оставался там.

Последними вышли двое братьев. Они поняли, что он сделал, и вытащили его. Но дед к тому времени надышался газа, и было слишком поздно. Они дотащили его до дому — пытались помочь, хотя могли бы снова угодить за решетку, если бы их кто-нибудь увидел, и знали об этом. И все равно не побоялись, прямо как он сам. Потому что не бывает так, чтобы человек был вконец плохой. Может, Мейнард поступил не совсем хорошо, но и они ведь сделали доброе дело.

В общем, расклад такой, — сказал Зик, тыча пальцем Хейлу под нос. — В камерах сидело двадцать два человека, и Мейнард спас их всех до единого. Это стоило деду жизни, а взамен ему — ничегошеньки. — Уже взявшись за дверную

ручку, мальчишка добавил: — И *нам* тоже.

3

Брайар Уилкс закрыла за биографом дверь.

На минутку прижалась к ней лбом и постояла, затем побрела к камину. Погрела руки, составила рядом ботинки и принялась расстегивать рубашку, ослабив корсетный пояс.

В коридоре ее поджидали двери в комнаты, принадлежавшие ее отцу и сыну. Если бы ими пользовалась только она, то с таким же успехом их можно было заколотить. В отцовскую каморку Брайар не заглядывала уже много лет. К сыну… как она ни напрягала память, вспомнить не удавалось — не удалось даже представить, как выглядит его комната.

Она остановилась перед дверью Иезекииля.

В отцовское жилище она не заглядывала из некой философской необходимости; комнаты мальчика она сторонилась без особой на то причины. Если бы кто-нибудь ее об этом спросил (а никто, естественно, не спрашивал), Брайар могла бы сказать в свое оправдание, что уважает его право на личную жизнь; однако на деле все обстояло проще, не сказать — хуже. Она забро-

сила его комнату, потому что та не будила в ней ровным счетом никакого любопытства. Кто-то мог бы усмотреть в ее равнодушии безразличие к сыну, но то был лишь один из побочных эффектов постоянной усталости. И все равно ее кольнуло чувство вины. «Я плохая мать», — произнесла она вслух, потому что ни одна живая душа не могла ее услышать — некому возразить, некому согласиться.

Мимолетное наблюдение, не более, — и все-таки в ней заговорила потребность как-то его опровергнуть. Она взялась за дверную ручку и провернула ее.

Дверь открылась внутрь, и лампа разогнала непроглядную пещерную тьму.

В углу притулилась знакомая кровать с плоским изголовьем. На ней Брайар спала в детстве. Она была вдвое уже ее нынешнего ложа, хотя по длине вполне сгодилась бы взрослому человеку. На поперечинах покоилась старая пуховая перина, слежавшаяся в блин толщиной дюйм-два. Поверх замызганной простыни комком валялось стеганое одеяло, сбитое к изножью.

У окошка в изножье кровати притаился грузный коричневый комод, там же — груда грязной одежды, из которой тут и там выглядывали рас-

парованные ботинки.

— Надо бы постирать его вещички, — пробормотала она, прекрасно зная, что либо придется с этим повременить до воскресенья, либо горбатиться ночью — и что Зик, скорее всего, устанет до той поры от беспорядка и займется стиркой сам.

Ей не доводилось еще слышать о мальчишке, до такой степени наловчившемся ухаживать за собой, — впрочем, вместе с Гнилью в жизнь каждой семьи вошли перемены. Да, перемены коснулись всех. Но Брайар и Зика в особенности.

Ей нравилась мысль, что мальчик хотя бы отчасти понимает, почему так редко видит свою мать. И приятнее было считать, что он не слишком осуждал ее. Чего хотят мальчишки, как не свободы? Они ценят независимость, носятся с ней как со знаком зрелости — и если так рассуждать, то ее сыну невероятно повезло.

В парадную дверь что-то стукнуло, шумно завозились с замком. Вздрогнув, Брайар прикрыла дверь спальни и скользнула под защиту собственной комнаты. Там она сбросила с себя остатки рабочей одежды и, заслышав топот в гостиной, крикнула:

— Ты пришел, Зик?

И почувствовала себя глупо — хотя вместо при-

ветствия сгодится и такой вопрос.

— Что?

— Я спросила, ты пришел?

— Пришел, — донеслось в ответ. — Ты где?

— Уже иду, — заверила она, но показалась из спальни добрую минуту спустя — зато теперь от нее не так несло машинной смазкой и угольной гарью. — Где был?

— Гулял.

Он успел снять пальто и повесить его на крючке возле двери.

— Ты ел? — спросила она, стараясь не замечать его худобы. — Мне вчера выдали жалованье. Знаю, в кладовке у нас сейчас шаром покати, но скоро я это исправлю. Ну и кое-что все-таки найдется.

— Да нет, я уже поел. — Он всегда так говорил — и оставалось только гадать, правда это или нет. Предупреждая дальнейшие расспросы, Зик продолжил: — Ты сегодня поздно вернулась, да? Что-то холодновато тут. По-моему, камин и разгореться толком не успел.

Она кивнула и направилась к чулану с продуктами. Ужасно хотелось есть, но чувство голода так часто навещало ее, что Брайар привыкла на него не отвлекаться.

— Взяла дополнительную смену. У нас там кое-кто заболел.

На верхней полке в чулане обнаружилась смесь для тушения — сушеные бобы и кукуруза. Снимая банку, Брайар мысленно посетовала на отсутствие мяса, но увлекаться сожалениями не стала.

Она поставила на огонь кастрюльку с водой и нашарила под полотенцем кусочек хлеба, зачерствелого чуть ли не до несъедобности, однако сунула его в рот и принялась жевать.

Иезекииль взял стул, присвоенный Хейлом, подтащил его к камину и принялся отогревать онемевшие на холоде руки.

— К тебе заходил какой-то мужчина, — сказал он с таким расчетом, чтобы мать за углом расслышала его слова.

— Так ты его видел?

— Чего он хотел?

В кастрюльку с глухим перестуком и бульканьем посыпалась суповая смесь.

— Поговорить. Конечно, для гостей поздновато. Наверное, со стороны это не очень-то, но что нам могут сделать соседи? Наболтать всяких гадостей у нас за спиной?

Когда сын опять заговорил, в его голосе слыша-

лась усмешка:

— И о чем же он хотел поговорить?

Вместо ответа, она дожевала хлеб и спросила в свой черед:

— Ты уверен, что не хочешь присоединиться? На нас двоих с головой хватит, а вид у тебя — не позавидуешь. Кожа да кости.

— Я же сказал, что поужинал. А вот *тебе* в самый раз бы подзаправиться. Ты такая тощая, куда уж мне до тебя.

— А вот и нет, — отозвалась она.

— Да оба мы такие. Но чего все-таки хотел тот мужчина? — повторил Зик.

Она вышла из-за угла и привалилась к стене, сложив руки на груди. Волосы окончательно растрепались, от прически и не осталось и следа.

— Он пишет книгу о твоем дедушке. Или говорит, что пишет.

— Думаешь, может и не писать?

Брайар пристально вгляделась в лицо сына, пытаясь понять, кого же он напоминает, когда делает такое вот невинное, нарочито бесстрастное лицо. Определенно, не своего отца, хотя бедняжке и достались в наследство его космы. Посветлее, чем у нее, потемнее, чем у папаши, — дикая шевелюра, которую ни гребнем, ни маслом

не урезонить. Такие волосы словно созданы для того, чтобы расти на детской головке и получать ласки от воркующих старушек. Но чем старше становился Зик, тем нелепее они смотрелись.

— Мам? — не отступался он. — Думаешь, тот мужчина врал?

Она мотнула головой — ничего не отрицая, только чтобы отделаться от мыслей.

— Мм… Ну, не знаю. Может, да. А может, и нет.

— С тобой все хорошо?

— Лучше не бывает, — проговорила она. — Просто… просто на тебя смотрела. Я так редко тебя вижу, честное слово… Надо бы нам… не знаю даже. Надо нам что-нибудь делать вместе.

Он смущенно заерзал:

— Что, например?

Его смущение не осталось незамеченным. Брайар попыталась замять собственные слова:

— Да ничего конкретного. Так себе идея, пожалуй. Может… хм. — Она вернулась на кухню, где можно было говорить правду и не видеть при этом, как ему неловко. — Может, для тебя даже лучше, что я держусь на расстоянии. Тебе, наверное, не очень-то легко приходится — еще бы, быть моим сыном. Иногда мне кажется, что если бы я позволила тебе сделать вид, будто меня вовсе не

существует, то поступила бы очень милосердно.

Какое-то время из гостиной не доносилось ни звука, потом он сказал:

— Да не так уж и плохо быть твоим сыном. Я тебя не стыжусь, если что.

Но остался у камина, в лицо говорить не рискнул.

— Спасибо.

Она помешала вскипающую смесь деревянной ложкой, прочерчивая в пене замысловатые спирали.

— Да нет, я серьезно. И если уж на то пошло, то быть внуком Мейнарда тоже не так уж плохо. А в некоторых кругах и вовсе даже хорошо, — добавил он.

И от Брайар не ускользнуло, как резко осеклась его речь, — словно мальчик испугался, что сболтнул лишнего.

Будто она и без того не знала.

— Хотелось бы, чтобы ты водил компанию с кем-нибудь получше, — проронила она.

И судя по ее словам, она догадывалась о большем, чем ей хотелось бы. А где еще ее ребенку искать друзей? Кто еще захочет иметь с ним дело, как не люди, для которых Мейнард Уилкс — народный герой, а не преступник, которому

повезло не дожить до суда.

— Мама…

— Нет, послушай меня. — Оставив кастрюльку, она снова встала на углу. — Чтобы у тебя оставалась хоть какая-то надежда на нормальную жизнь, нужно быть в ладах с законом, а это значит держаться подальше от таких мест и таких людей.

— Нормальная жизнь? И откуда ей, по-твоему, взяться? Да я до самой смерти могу строить из себя «честного бедняка», если так тебе угодно, только…

— Знаю, ты еще молод и не веришь мне, но поверить придется: *другой выход еще хуже.* Лучше оставаться бедным и честным, чем не иметь крыши над головой или сидеть в тюрьме. Там нет ничего такого, чтобы ради этого жертвовать…

Она не нашлась чем закончить фразу, но сочла, что смысл ее слов достаточно ясен, а потому развернулась на пятках и прошествовала к печке.

Иезекииль оставил в покое камин и двинулся на кухню. Там он встал на выходе и загородил матери путь, настойчиво привлекая к себе внимание.

— Жертвовать — чем? Что я теряю, мама? Вот *это?* — Широким насмешливым жестом он об-

вел недра полутемного невзрачного жилища, в котором они ютились. — Бесчисленных друзей, состояние?

Она пристроила ложку у моечного тазика и схватила какую-то миску, чтобы плеснуть себе недоваренного рагу, — так она могла не глядеть на ребенка, которого произвела на свет. В нем не было ничего от нее самой, зато с каждым днем он все больше походил то на одного из мужчин, то на другого. В зависимости от освещения и расположения его духа в мальчике проглядывал то отец Брайар, то ее муж.

С миской, полной безвкусного варева, она протиснулась мимо сына, чудом ничего не расплескав.

— А по-твоему, лучше сбежать? Что ж, это объяснимо. Тебя здесь мало что держит. Может быть, когда повзрослеешь, ты возьмешь и уедешь отсюда, — заключила она, плюхнув глиняную миску на стол и устраиваясь на стуле. — Понимаю, по мне не скажешь, что честный каждодневный труд — увлекательная штука; понимаю и то, что у тебя в голове сидит мысль, будто тебя обманом лишили какой-то другой жизни, получше нынешней, — и не могу тебя винить. Но так уж все для нас сложилось, и мы таковы, каковы мы есть.

Мы прокляты волею обстоятельств.

— Обстоятельств?

Она зачерпнула порцию побольше, стараясь не смотреть на сына, затем откликнулась:

— Да, из-за обстоятельств и *меня.* Можешь винить свою мать, если угодно. Точно так же и я могу взвалить вину на твоего отца или *моего* отца — без разницы. Ничего от этого не изменится. У тебя отобрали будущее еще до твоего рождения, и теперь в живых не осталось ни одного человека, которого ты мог бы в этом упрекнуть, — кроме меня.

Краешком глаза она наблюдала, как мальчик сжимает и разжимает кулаки. Выжидала. В любой миг Иезекиилю может изменить выдержка, и юные черты обретут бешеное, злобное выражение — призрак его отца. Тогда ей придется закрыть глаза, чтобы не видеть его.

Однако срыва не последовало, жуткая пелена безумия не тронула его. Мальчик заговорил бесцветным голосом, вторившим пустому взгляду, которым он наградил мать немного раньше:

— Так ведь это и есть главная несправедливость. Ты же совсем ни в чем не виновата.

Она была удивлена, но не показала виду:

— Думаешь?

— Да, я так считаю.

Брайар громко и невесело рассмеялась:

— Значит, ты у нас теперь во всем разобрался, да?

— Да уж лучше, чем ты думаешь. И надо было рассказать тому писателю о Мейнарде. Чем больше народу узнает о его поступке, тем лучше, — если хоть кто-то из *уважаемых* людей поймет, что он не преступник, то от тебя перестанут шарахаться как от прокаженной.

Она налегла на овощи, чтобы выгадать пару секунд и пораскинуть мозгами. Похоже, Зик успел переговорить с Хейлом, но лучше не заострять на этом внимания.

— Я не стала ничего рассказывать биографу о Мейнарде, потому что он и без меня уже предостаточно знает и сам пришел к некоторым выводам. Если тебе от этого легче, то он с тобой одного мнения. Тоже считает Мейнарда героем.

Взмахнув руками, Зик воскликнул:

— Ну видишь? Я не один такой! А что до моих приятелей, то это, конечно, не высшее общество, но отличить хорошего человека от плохого они умеют.

— Твои дружки — жулики, — отрезала она.

— Да откуда тебе знать? Ты с ними даже не

знакома. Только Ректора и видела, а он не такой уж и плохой друг, бывают и похуже — твои слова, между прочим. И вот что: имя Мейнарда — оно как тайный знак. Для них его произнести — все равно что в кулак поплевать, когда даешь клятву, или как на Библии поклясться. Всем известно, что Мейнард и вправду кое-что хорошее сделал.

— Брось такие разговоры, — оборвала его мать. — Попытки переписать историю ни к чему хорошему не приведут. Так и будешь перетасовывать факты, пока они не сложатся во что-нибудь получше?

— Да ничего я не пытаюсь переписать! — И она услышала пугающий мужской тембр в его ломком подростковом голосе. — Я всего лишь хочу, чтобы все было по справедливости!

Остатки еды она проглотила второпях, едва ли не обжигаясь, — чтобы как можно быстрее забыть про голод и сосредоточиться на ссоре, раз уж до нее дошло.

— Ты не понимаешь, — вздохнула она, и слова жгуче отдались в обожженном горле. — Вот тебе тяжелая и страшная правда жизни, Зик, и даже если никогда больше не захочешь меня слушать, услышь на этот раз: не важно, был Мейнард героем или нет. И если твой отец был честным

человеком с добрыми намерениями, это тоже ничего не изменит. Не важно, заслужила ли я хоть чем-то все напасти, свалившиеся на мою голову, и не важно, что на твою жизнь пала тень еще до того, как я узнала о твоем существовании.

— Но как такое может быть? Если бы все поняли, если бы о дедушке и папе стало все всем известно, тогда… — Сквозь поток возражений проступала безысходность.

— Тогда что? Тогда на нас сразу обрушатся богатство, счастье и всеобщая любовь? Да, ты еще очень молод, но не настолько же глуп, чтобы верить в такую чушь. Вот несколько поколений спустя, когда пройдет достаточно времени, когда не останется очевидцев катастрофы и забудутся страхи, а твой дед окончательно превратится в легенду, — тогда-то, может быть, сочинители вроде этого юноши, мистера Куортера, и скажут последнее слово…

И тут голос изменил ей: с внезапным ужасом Брайар осознала, что, по сути, ее сын говорил не совсем о Мейнарде… совсем не о нем. Вдохнув поглубже, она встала из-за стола, отнесла миску к тазу и оставила там. Нет уж, качать сейчас воду и возиться с посудой — выше ее сил.

— Мама? — Иезекииль сообразил, что пересек

некую запретную черту, но не мог взять в толк какую. — Мама, да что такое?

— Ты не понимаешь, — проговорила она, хотя чувство было такое, будто за последние полчаса ей приходилось говорить это тысячи раз. — Так много вещей, которых ты не понимаешь, но все-таки я знаю тебя лучше, чем тебе кажется. Знаю лучше, чем кто-либо, потому что знала мужчин, которым ты подражаешь, хотя и не подозреваешь об этом, — даже когда понятия не имеешь, чего такого сказал или сделал, чтобы так меня перепугать.

— Мама, ты какой-то бред несешь.

Она постучала себе в грудь:

— Это *я-то* — бред? Так разве не ты мне тут рассказываешь замечательные небылицы о том, кого и не видел никогда, из кожи вон лезешь, чтобы оправдать одного покойника, потому что втемяшил себе — а знать-то неоткуда, — что если обелить *одного,* то и *другого,* может быть, выйдет. Ты же сам себя выдал — взял да и назвал обоих единым духом. — Видя, как она потрясена, мальчик приумолк и весь обратился в слух; пока чувства не схлынули, надо продолжать. — Вот к чему все эти разговоры, верно? Если Мейнард был не так уж плох, то, может, и с отцом тот же

случай? Отстоишь одного, так и для другого надежда появится?

Он закивал — сначала медленно, потом увереннее, с нажимом:

— Да, только все не так глупо, как получается с твоих слов… нет, нет, *прекрати.* Хватит, послушай меня. Дай договорить. Все эти годы жители Окраины заблуждались на твой счет. Если так, то…

— Заблуждались — в каком смысле? — оборвала она.

— Да на тебя сваливают все подряд! И побег заключенных, и Гниль, и самого Костотряса. Но твоей вины здесь нет, да и побег из тюрьмы не был «общественно вредным актом хаоса». — Он сделал паузу, чтобы отдышаться. Брайар диву давалась, откуда ее сын нахватался таких выражений. — Итак, насчет тебя они дали маху и насчет деда, мне кажется, тоже. То есть в двух случаях из трех. Ну почему бы им тогда не ошибиться и относительно отца, что тут такого ненормального?

Это было именно то, чего она боялась, — весьма стройно изложенное.

— Ты… — начала Брайар, но ее хватило только на кашель. Она постаралась успокоиться, хотя

слова сына, опасные в своем простодушии, стали для нее тяжким ударом. — Есть… послушай. Я понимаю, почему для тебя все выглядит столь очевидным и почему тебе хочется верить, что память о твоем отце стоит сохранить — хоть какие-то крохи. И… наверное, ты прав насчет Мейнарда: должно быть, он и вправду хотел помочь. Наверное, в какой-то миг перед ним встал выбор — подчиняться букве закона или его духу. И его вели какие-то идеалы — вели в Гниль, а потом и в могилу. В это я могу поверить, могу принять, могу даже злиться на тех, кто выставляет его в ином свете.

Зик изумленно охнул, не веря услышанному, и потянул к матери руки, словно желал хорошенько встряхнуть мать, а то и задушить.

— Так почему же ты всю жизнь молчала? Почему позволяешь им глумиться над его памятью, если и сама считаешь, что он пытался помочь тем людям?

— Я же сказала тебе — *это не имеет значения.* И кстати, даже если и не было бы никакого побега, если бы он умер при каких-нибудь других, менее странных обстоятельствах, для меня *лично* ничего бы не изменилось. Какие бы подвиги ни совершил он в последние минуты, в моих вос-

поминаниях отец остался бы точно таким же… И опять-таки, — отчаянно оправдывалась Брайар, — кто бы меня послушал? Люди сторонятся меня и отвергают, а тут уж Мейнард ни при чем, совсем ни при чем. Я ничего не могу сказать в его защиту ни одной душе на Окраине, ибо родиться его дочерью — не худшее из проклятий, павших на мою голову.

Ее голос вновь зазвенел — и страха в нем было больше, чем ей хотелось бы. Она начала размеренно дышать, считая вдохи и выдохи. Слова должны выстроиться в краткую и логичную цепочку, способную встать рядом с фразой Иезекииля и одолеть ее.

— Я не выбирала своих родителей; никто не выбирает. За отцовские грехи меня еще можно простить. Но *твоего* отца я выбрала сама. И за *это* мне не дадут покоя никогда.

Что-то соленое и жгучее поднималось в ее груди, и она почувствовала, как слезы царапают горло. Брайар сглотнула. Усилием воли заставила себя дышать. А мальчик уже направлялся в спальню, стремясь отгородиться от нее. Она двинулась за ним.

Сын захлопнул дверь у нее перед носом. И запер бы, но за неимением замка ограничился тем, что

налег всем весом, — она слышала глухой удар его тела о дверь.

Брайар не стала даже браться за дверную ручку.

Она прижалась виском там, где могла быть его голова, и сказала:

— Ну что ж, попробуй оправдать Мейнарда, раз так тебе будет легче. Считай это своим призванием, если так в твоей жизни станет больше определенности и меньше… злости. Но, Зик, умоляю тебя. Вину Левитикуса Блю ничем уже не загладишь. Ничем, ничем. Копнешь глубже, чем нужно, узнаешь больше положенного — и добьешься лишь того, что твое сердце разобьется. Иногда большинство все-таки не ошибается. Так бывает не всегда и даже не слишком часто, но все-таки бывает.

Чтобы удержаться от дальнейших разговоров, потребовалось все ее самообладание. Она молча пошла к себе в комнату и лишь там дала волю гневу и брани.

4

Утром пятницы Брайар проснулась, как обычно, незадолго до рассвета и стала одеваться при свете свечи.

Ее вещи ждали на привычном месте. Рубашку она сменила на свежую, но штаны надела вчерашние и заправила брючины в ботинки. Кожаный корсетный пояс свисал со столбика кровати. Брайар нацепила и его, как можно туже стянув талию. Когда нагреется от тела, станет немного удобнее, пока же придется потерпеть.

Вскоре ботинки были зашнурованы, а поверх рубашки появилась толстая шерстяная жилетка. Брайар стащила с другого столбика пальто, накинула на себя и вышла в коридор.

Из комнаты сына не доносилось ни звука — ни сопения, ни беспокойного шороха простынь. Скорее всего, он еще спал, даже если посещение школы и входило в его сегодняшние планы. Чаще всего — не входило.

Брайар могла убедиться, что мальчик неплохо научился читать, а счет и сложение освоил куда лучше, чем большинство известных ей детей, так

что особых причин для беспокойства не было. Чем искать неприятностей на улице, лучше ходить на занятия, но ведь нередко неприятности поджидали и там. До явления Гнили, когда город еще развивался и мог позволить себе подобные траты, в округе имелось несколько школ. Однако после катастрофы, унесшей столько жизней и распугавшей стольких горожан, далеко не все учителя остались на прежних местах, и от избытка дисциплины ученики не страдали.

Брайар все гадала, когда же закончится война на востоке. В газетах о ней писали в самых громких выражениях. Гражданская война, Война между штатами, Война за независимость, Большая Агрессия… От этих слов так и веяло эпичностью — и, возможно, после восемнадцати лет непрекращающихся столкновений так дело и обстояло. Но если война все-таки закончится, то имело бы, наверное, смысл перебраться на восточное побережье. Может быть, стоит поднатужиться и накопить денег, чтобы начать с чистого листа на новом месте, где никто не слышал о ее отце и муже. Или же, на худой конец, Вашингтон объявят полноценным штатом,[3] а

[3] Примечания: 3

До 1889 года (в нашей реальности) Вашингтон имел статус «территории» и не входил в число штатов.

не медвежьим углом без всяких прав. Если Сиэтл закрепят за штатом, то Америке, само собой, придется оказать им поддержку. Тогда они возведут стену получше прежней или придумают, что делать с газом, скопившимся в огороженных районах. И если нанять врачей, те найдут какой-нибудь способ облегчить участь заразившихся, а то и вылечить их, чем черт не шутит…

По идее, такие мысли должны были бодрить, но Брайар не чувствовала и намека на воодушевление. По крайней мере в шесть часов утра, в самом начале двухмильной прогулки по приливной полосе.

Солнце потихоньку вставало над горизонтом, по небу расползалась дневная молочная серость, с которой придется мириться до самой весны. Моросил косой дождь; ветер задувал капли под широкие поля кожаной шляпы Брайар, в рукава и ботинки, пока ее ноги совсем не закоченели, а руки не стали на ощупь как голая цыплячья кожица.

Когда она добралась до станции, ее лицо онемело от холода, но уже чуточку горело от едко пахнущей воды.

Ее путь лежал к тыльной стороне грохочущего промышленного исполина, раскинувшегося на

берегу залива Пьюджет-Саунд. Двадцать четыре часа в сутки тут скрежетали двигатели и работали насосы, закачивая дождевую и грунтовую воду, после чего та проходила фильтрацию, обработку и очистку до тех пор, пока не становилась пригодной для питья и купания. Процедура была медленная и кропотливая, требовавшая большого труда, но не бессмысленная. После катастрофы ядовитый газ отравлял все вокруг, пока окрестные речки и ручьи не налились губительной желтизной. Даже на дождь, перестук которого не прекращался почти никогда, нельзя было положиться. Любая туча могла захватить по пути огороженные районы и насосаться достаточно яда, чтобы под обычным ливнем воспалялась кожа и выцветала краска.

Но кипячение убивало Гниль; жидкость фильтровали, выпаривали и еще раз фильтровали. Семнадцать часов процедур — и воду можно было употреблять без опаски.

Тогда ее разливали по бакам и на больших фургонах, запряженных здоровенными тяжеловозами, доставляли в городские кварталы. Там воду перекачивали в общественные резервуары, откуда ее разбирали горожане.

Вот только сначала ее требовалось обработать

— прогнать через недра водоочистной станции, на которой Брайар Уилкс и несколько сотен ей подобных по десять-пятнадцать часов в день подцепляли и отцепляли медные бачки и баки, перемещая их из цеха в цех, от фильтра к фильтру. Чаще всего емкости располагались у рабочих над головой; их можно было переводить из одной точки в другую по специальным рельсам. А вот цилиндры, встроенные в пол, приходилось двигать из гнезда в гнездо, совсем как в пятнашках.

Брайар взошла по ступенькам служебного входа, подняла засов на металлической двери и тут же зажмурилась: как обычно, ее встретили клубы пара.

В дальнем углу комнаты располагались ячейки, в которых рабочие держали инвентарь, выданный компанией. Там хранились и перчатки Брайар — хоть и не чета тем шедеврам из плотной шерсти, что она носила в свободное время, зато толстая кожа оберегала руки от раскаленных стенок резервуаров.

Она натянула левую до запястья и лишь тогда заметила краску. На ладони и вдоль пальцев — а с тыльной стороны и поперек — кто-то навел кистью ярко-синие полосы. Правую перчатку размалевали подобным же образом.

Кроме Брайар, в подсобке не было ни души. На работу она пришла загодя, а краска давно высохла. Шутники наведались сюда вчера ночью, когда она закончила смену и ушла. Теперь обвинять некого.

Она со вздохом продела пальцы во вторую перчатку. По крайней мере, на этот раз ей не плеснули краски внутрь. Перчатки по-прежнему годились для работы, брать новые не придется. Может, как-нибудь потом она их даже отчистит.

— До сих пор ведь не наскучило, а? — пробормотала она себе под нос. — А ведь шестнадцать лет прошло, чтоб их. Вот и думаешь, грешным делом, — а не пора бы шутке устареть?

Шерстяные перчатки она оставила на полке, на которой когда-то значилось ее имя. Брайар написала на ней УИЛКС, но кто-то все перечеркнул и переправил на БЛЮ.[4] Поверх этой надписи она снова нацарапала УИЛКС, и игра повторялась раз за разом, пока на доске не осталось свободного места, — хотя все уже намертво уяснили, кому принадлежит эта полка.

Ее защитные очки остались нетронутыми — что ж, спасибо и на том. Ей недешево обходились

---

[4] Примечания: 4
Blue *(англ.)* — синий.

и перчатки, а за порчу более сложного инвентаря пришлось бы отдать компании недельный заработок.

Все рабочие носили очки с подцвеченными линзами, позволявшими любому наблюдателю — по причинам, до сих пор толком не исследованным, — без труда различать коварную Гниль. Даже в небольших количествах та представлялась глазу зеленовато-желтым, вязко сочащимся маревом. Хотя с научной точки зрения Гниль относилась к газам, она обладала приличной плотностью и по свойствам напоминала ил, растекаясь и собираясь в сгустки.

Застегнув ремешки и пристроив неуклюжее приспособление на лице, Брайар повесила пальто на крючок, вооружилась гаечным ключом — длинным, в половину руки, — и прошла в главный цех, где ей предстояло до самого вечера двигать с места на место пышущие жаром котлы.

Десять часов спустя она сняла перчатки, стянула очки и вернула все на полку.

За дверью по-прежнему моросило, и неудивительно. Брайар потуже затянула на подбородке завязки шляпы — большой, с круглыми полями. Не хватало еще, чтобы по милости дождя в воло-

сах выцвели рыжие пряди; лучше им оставаться черными. Поплотнее запахнув пальто на груди и спрятав руки в карманы, она зашагала домой.

Обратная дорога представляла собой чуть ли не сплошной подъем, зато ветер бил прямо в спину, шквалом налетая с океана и разбиваясь о крыши на задворках старого города. Сам путь был хоть и неблизким, но хорошо знакомым, и Брайар не обращала на стихию особого внимания. Она так привыкла к непогоде, что та казалась не более чем фоновой музыкой — неприятной, но и не назойливой, разве что временами по пальцам ног разливалось онемение, и приходилось хорошенько притопнуть, чтобы вернуть в них жизнь.

Когда она дошла до дому, только-только начало темнеть.

Еще немного, и у нее закружилась бы голова от радости. Зимой ей редко случалось возвращаться до того, как небосклон наливался чернотой, — и до чего же удивительно было взбираться по перекошенным каменным ступеням, когда среди туч еще проглядывали розовые жилки!

Невелика победа — и все же ее хотелось отпраздновать.

Только сперва, подумала Брайар, нужно извиниться перед Иезекиилем. Усадить его рядышком

и поговорить — лишь бы выслушал до конца. Если уж на то пошло, можно рассказать ему кое-какие подробности. Не все, само собой.

Самого худшего ему неоткуда было знать, даже если он и считал иначе. Брайар представляла, какие слухи бродят по городу. Ей и самой приходилось с ними сталкиваться, десятки раз отвечая на расспросы десятков полицейских, репортеров и взбешенных потерпевших.

Дело ясное, слышал их и Зик. Его терзали ими в школе, еще когда он был малышом и давал волю слезам. Однажды — тогда мальчик едва доставал ей до пояса — он поинтересовался, а правда ли все это. Неужели это папа сделал ту ужасную машину, из-за которой город оказался разрушен и местами ушел под землю? Неужели Гниль началась из-за него?

— Да, — пришлось ей сказать в тот день. — Да, так все и произошло, но я не знаю почему. Он никогда мне не говорил. Пожалуйста, не спрашивай меня больше о таких вещах.

И он действительно перестал спрашивать, хотя временами Брайар и жалела об этом. Если бы мальчик спросил, она бы, возможно, придумала для него какую-нибудь хорошую… замечательную историю. Ведь не сводилось же все к страху

и отчуждению… Некогда она искренне любила своего мужа — и не без причин. Кое-какие из них не спишешь на девичье легкомыслие, и не в одних деньгах дело.

(О, она знала, что он богат… и в каком-то смысле, наверное, деньги помогали ей оставаться легкомысленной. Но решающей роли они не играли. Никогда.)

Можно рассказать Зику о тайком даримых цветах, о записках, начертанных почти что волшебными чернилами, которые сами собой начинали мерцать, вспыхивали и исчезали без следа. А еще были всякие милые штучки и очаровательные игрушки. Однажды Левитикус сделал для нее брошку, которая со стороны казалась обычной пуговицей, но стоило повернуть филигранный ободок, как миниатюрный механизм внутри начинал выводить изысканную мелодию.

Если бы Зик хоть раз ее спросил, она бы поделилась с ним парой-тройкой историй об этом человеке и тот не выглядел бы уже таким чудовищем.

И все же, подумалось ей, глупо было ждать, пока мальчик сам не спросит. Все вдруг стало очевидней некуда: надо было просто рассказать ему. Пускай бы бедный мальчик знал, что выпадали

на их долю и хорошие деньки и что у нее имелись весомые причины — по крайней мере так ей казалось в то время, — чтобы сбежать от строгого, холодного отца под венец с каким-то там ученым, хотя ей тогда набежало едва ли больше лет, чем теперь ее сыну.

И вообще, так бы ему и сказала прошлым вечером: «Ты *тоже* ни в чем не виноват. Насчет тебя они точно так же заблуждаются, но у тебя еще есть время их переубедить. Тебе еще не приходилось принимать решений, способных искалечить твою жизнь».

От этих мыслей она приободрилась даже больше, чем от раннего возвращения домой и от надежды застать Зика. Можно начать без всяких вступлений. Надо загладить старые промахи — да и они, по сути, не что иное, как недоразумения, порожденные нерешительностью.

Ключ с резким звуком повернулся в скважине. За отворившейся дверью затаилась темнота.

— Зик? Зик, ты дома?

Камин остыл. Брайар взяла лампу со столика у двери и принялась искать спички. В доме не горело ни единой свечи. Ее раздражала необходимость в дополнительном освещении. Прошло много месяцев с тех пор, как можно было вер-

нуться сюда с работы и впустить свет, всего-то раздвинув шторы. Но солнце почти уже скрылось за горизонтом, и все комнаты тонули во мраке, лишь от ее лампы разбегались тени.

— Зик?

Она и сама не знала, для чего опять выкрикивает имя сына, — она уже поняла, что его нет дома. И дело было не только в темноте — просто дом казался пустым. В нем стояла тишина, в которой не было места для мальчика, запершегося у себя в комнате.

— Зик?

Безмолвие становилось невыносимым, и Брайар не понимала отчего. Ей не раз доводилось возвращаться в пустой дом, но это никогда не действовало ей на нервы.

Хорошего настроения как не бывало.

Свет лампы заметался по дому. Детали понемногу выступали из тьмы. Ей не показалось: кое-что и вправду было не так. Один из шкафчиков на кухне открыт; в нем она хранила бакалейные продукты, когда удавалось ими разжиться, — консервы, сухари, крупа. Теперь он зиял пустотой. Посреди комнаты, на полу перед кожаным стулом, блеснул отраженным светом кусочек металла.

Пуля.

— Зик? — снова повторила она, только это напоминало уже не вопрос, а бессильный выдох.

Она подняла пулю и стала рассматривать ее — и все то время, что допрашивала взглядом бессловесный металл, чувствовала себя уязвимой.

И не так, будто за ней наблюдают. Нет, будто она беззащитна перед нападением.

Будто где-то рядом таилась опасность и знала, как пробраться в дом.

Двери. Четыре двери в тесном коридорчике — одна ведет в кладовку, три другие — в спальни.

Дверь Зика была распахнута.

Она чуть не выронила лампу с пулей заодно. Слепой ужас сдавил ей грудь, пригвоздил к месту.

Стряхнуть его можно было единственным способом — пошевелиться. И она поволокла ноги к коридору. Может статься, к ним нагрянули воры… вот только какое-то первобытное чутье подсказывало ей, что посторонних здесь нет. Слишком законченной казалась пустота, слишком глубоко отдавались звуки. В доме никого не было, в том числе и тех, кому тут находиться не полагалось.

Комната Зика выглядела почти так же, как и за день до этого. Ни особой чистоты, ни беспорядка

— личных вещей у мальчика было всего ничего.

И лишь выдвижной ящичек сиротливо лежал на кровати.

Поскольку он был пуст, а Брайар понятия не имела, что могло в нем лежать раньше, она сразу направилась к комоду и проверила остальные. В них тоже ничего не обнаружилось, кроме одинокого носка, который до того зиял дырами, что превратился в сетку.

У мальчика была торба. Точно была: с ней он ходил в школу, когда удостаивал ту посещением. Брайар сама ее смастерила из завалявшихся лоскутов парусины и кожи — шила и шила, пока у нее не получилась достаточно вместительная и крепкая сумка, способная выдержать груз учебников, на которые они едва наскребли денег.

И вот ее-то Брайар и не могла найти.

Быстро обшарив комнату, она ничего не достигла: не было даже намека на то, куда подевался мальчик или сумка… пока ей не пришло на ум опуститься на колени и задрать край одеяла. Под самой кроватью — пусто. А вот под матрасом, между рамой и слежавшейся периной, бросался в глаза бугор правильной формы. Просунув руку, Брайар выудила связку чего-то гладкого и хрустящего между пальцами.

Бумаги. Небольшая пачка бумаг всех форм и размеров. В том числе…

Она перевернула ее, осмотрела спереди и сзади, и легкие сдавило таким ледяным страхом, что стало трудно дышать.

…карта центральных кварталов Сиэтла, разорванная пополам.

Надо полагать, на недостающей половине был изображен старый деловой район — тот, что пал жертвой чудовищного землетрясения, последовавшего за пробным пуском Костотряса… тот, где несколько дней спустя потекли первые струйки Гнили.

Откуда Зик ее взял?

С одного края городского плана виднелась аккуратная линия отрыва, — похоже, раньше он красовался в какой-то книге. Однако скромная Сиэтлская библиотека так и осталась за запретными стенами, и книги в городе теперь встречались редко, а стоили немало. Купить такую ему было бы не по средствам, хотя он мог ее украсть или…

От карты странно пахло. Брайар добрых полминуты продержала ее в руках, прежде чем учуяла запах, — тот оказался до того знакомым, что его легко было не заметить. Она поднесла бумажку к носу и принюхалась. Может, ей это только чудит-

ся. Но есть один хороший способ увериться.

Она пробежала по коридору к себе в комнату и принялась копаться в высоком и скрипучем платяном шкафу, пока не нашарила нужную вещь — фрагмент линзы, оставшийся с давних времен, с самых первых и самых тяжелых дней… дней, когда приказ об эвакуации только-только вышел и был довольно расплывчатым. Никто не был до конца уверен, от чего спасается и почему; зато все усвоили, что напасть становится различимой для глаза, если надеть маску или очки с подцвеченными линзами.

Других способов на тот момент не существовало. Спекулянты приторговывали стекляшками прямо на улицах, заламывая неслыханные цены, — и не все линзы были настоящими. Кое-какие повытаскивали из промышленных масок или защитных очков, а подделки подешевле так и вовсе мастерили из обычных моноклей и бутылочных донышек.

О деньгах в ту пору никто не задумывался. Брайар досталась линза размером с ладонь — зато настоящая, и пользы от нее было ничуть не меньше, чем от тех очков, что остались на очистной станции вместе с перчатками.

Она затеплила еще пару свечей и отнесла в

комнату Зика. Поставив их рядом с лампой, Брайар поднесла к глазам исцарапанную стекляшку и присмотрелась к вещам, обнаруженным в матрасе. И действительно, все они: карта, всякие листовки, обрывки плакатов — испускали нездоровое, желтое свечение, которое лучше любых табличек указывало на исходящую от них угрозу.

— Гниль, — простонала она.

Бумаги носили обильные следы заразы. До того обильные, строго говоря, что происхождение этих бумаг практически не вызывало сомнений. Едва ли ее сын отдал за них деньги — за диковинки из города, скрытого за исполинской глухой стеной. В некоторых лавках и в самом деле торговали вещичками, оставшимися после эвакуации, но стоили те недешево.

— Черт бы побрал его безмозглых дружков вместе с их дурацкой желтухой, — вырвалось у нее. — *Черт бы побрал их всех.*

Не без труда поднявшись с колен, она снова сбегала в свою спальню, на сей раз за маской из муслиновой ткани. Прикрыла рот и нос, завязала и лишь тогда рискнула вывалить содержимое тайника на кровать. Подборка оказалась странной, если не сказать больше. Кроме карты, в

матрасе хранились старые билеты и афиши, страницы из каких-то романов, вырезки из газет, которым насчитывалось больше лет, чем самому мальчику.

Жаль, кожаные перчатки остались на работе. За неимением лучшего Брайар нацепила на руку дырявый носок и начала просматривать бумаги, на ходу сортируя их. На глаза ей то и дело попадалось ее имя, по крайней мере когда-то это имя ей принадлежало.

> 9 АВГУСТА 1864 г. Властями проведен обыск в доме Левитикуса и Брайар Блю, однако никаких улик, способных пролить свет на происшествие с Костотрясом, обнаружить не удалось. Местонахождение Блю по-прежнему остается неизвестным, что подкрепляет версию о злом умысле. Жена ученого не смогла что-либо пояснить по сути испытаний, в результате которых едва не ушло под землю несколько городских районов и погибло не менее тридцати семи человек и трех лошадей.
>
> 11 АВГУСТА 1864 г. Брайар Блю задержана для допроса по делу о разрушении банков на Коммершл-авеню и последо-

вавшем исчезновении ее мужа. Ее роль в событиях, связанных с трагическим запуском Костотряса, остается неясной.

Брайар помнила эти статьи. В памяти всплыло, как она за обедом проглядывает заметку за заметкой и безуспешно пытается изобразить аппетит, не подозревая еще, что за ее тошнотой кроется нечто большее, чем измотанные следователями нервы. Но где мог Иезекииль раздобыть такие вырезки — и как? Все эти газеты вышли из печати шестнадцать лет назад и распространялись в городе, который простоял мертвым и покинутым почти все это время.

Наморщив нос, она схватила подушку Зика, сорвала наволочку и запихнула в нее бумаги. Под несколькими слоями постельного белья от них тоже не было особого вреда, но чем меньше они соприкасались с окружающим миром, тем спокойнее становилось у нее на душе. Мало припрятать их, убрать от греха подальше — на самом деле Брайар хотелось закопать их в землю. Да какой теперь в том смысл?

Зика все еще не было дома. У нее появилось подозрение, что этой ночью он и не собирался возвращаться домой.

И появилось оно еще до того, как Брайар приметила на столе в гостиной записку, на которую сперва не обратила внимания. Зик высказался кратко и по существу: «Мой отец невиновен, и я сумею это доказать. Прости меня за все. Вернусь, как только смогу».

Брайар смяла записку в кулаке и зашлась дрожью, которую оборвал лишь ее крик — неистовый, яростный вопль, перепугавший, без сомнения, всех соседей. Но их мнение значило для нее столь мало, что вопль повторился вновь. Лучше ей от этого не стало ни на йоту, но она не удержалась и завопила в третий раз, а потом схватила попавший под руку стул и швырнула его через всю комнату, прямо в каминную полку.

Стул разломился пополам, но не успели его останки рухнуть на пол, как Брайар уже вылетела с фонарем на крыльцо и скатилась по лестнице.

Она на бегу подвязала шляпу и запахнула пальто. Дождь почти перестал, но бежать приходилось против ветра, по обыкновению колючего. Спустившись с холма, Брайар поспешила в то единственное место, где Зика можно было наверняка застать в тех редких случаях, когда он задерживался достаточно долго, чтобы она начала волноваться.

В четырехэтажном здании у воды, успевшем побывать и складом, и борделем, община монашек устроила приют для детей, у которых Гниль отняла родителей.

В Сиротской обители сестер Благодати Господней выросло целое поколение мальчишек и девчонок, умудрившихся ускользнуть от газа и без помощи взрослых пробраться на Окраину. Сейчас даже самые юные из тех, кто поселился здесь в первые годы, были уже достаточно взрослыми, чтобы либо подыскать себе новый дом, либо согласиться на какую-нибудь работу в церкви.

Среди мальчиков постарше выделялся некий Ректор Шерман по прозвищу Задирала — парнишка лет семнадцати, если не больше. Он заработал себе известность, приторговывая «желтухой» — штукой хоть и незаконной, но крайне востребованной. То был дешевый наркотик — желтоватая зернистая кашица, которую получали перегонкой зловредного газа. Действие он оказывал столь же приятное, сколь и губительное. Желтуху заваривали и вдыхали пары, чтобы блаженно и тупо прибалдеть, однако рано или поздно хроническое употребление приводило к смерти… и не слишком быстрой.

Желтуха не просто разрушала разум — омертвлялось само тело. Возникнув в уголках рта, гангрена расползалась по всему лицу, поедая щеки и нос. Пальцы на руках и ногах отваливались, и со временем больной мог окончательно превратиться в пародию на неупокоенных «трухляков», которые, похоже, и по сей день бессмысленно волочили ноги в обнесенных стеной кварталах.

Несмотря на очевидную опасность, наркотик пользовался большим спросом. А поскольку спрос был велик, Ректор всегда располагал полным ассортиментом трубок, рецептов и крошечных бумажных пакетиков с дурью.

Брайар пыталась оградить Зика от его влияния, но реально сделать ничего не могла, а Ректор как будто и не навязывал наркотика ее сыну — ни для продажи, ни для употребления. В сущности, мальчика интересовали совсем другие материи — общение, дух товарищества, возможность потереться среди сверстников, которым не придет на ум облить его синей краской или повалить на землю и намалевать на лице грязное ругательство.

Да, она все понимала, но это еще не значило, что ей все это нравилось, и отозвавшийся на крики, которыми она оглашала приют, долговязый

рыжий паренек ей тоже не нравился.

Она протиснулась мимо монашки в неуклюжем сером одеянии и приперла Ректора к стене. Глаза у него стали до того круглыми и честными, что о невиновности и речи быть не могло.

— Слушай, — начала она, нацелив палец ему в подбородок, — тебе известно, где сейчас мой сын, и ты мне это скажешь, иначе я оторву тебе уши и заставлю их съесть, портовый ты оборвыш, торгаш поганый.

Ее голос ни разу не взлетел до крика, но каждое слово было увесистым, как молот.

— Сестра Клэр? — проскулил он, обнаружив, что дальше ему пятиться некуда.

Брайар одарила сестру Клэр взглядом, от которого металл пошел бы ржавчиной, и снова переключила внимание на Ректора:

— Если мне придется просить дважды, то жалеть об этом ты будешь до конца жизни, как бы тот ни был далек.

— Но я не знаю. Честно, не знаю, — прохныкал он.

— Зато догадываешься, сдается мне. А еще мне сдается, что догадки твои близки к истине. И вот честное слово, если ты сию же минуту не откроешь рот и не заговоришь, то навлечешь на себя

тяжелейшие и неприятнейшие телесные повреждения, и, когда я закончу, ни одна монашка и ни один священник, да и вообще ни один человек, разгуливающий в святых одежках, тебя уже не узнает. Ангелы будут *рыдать*, глядя на то, что от тебя останется. А теперь говори.

Его безумный взгляд метался между Брайар, застывшей с разинутым ртом сестрой Клэр и священником, который мгновение назад вошел в комнату.

Тут ее осенило, и вовремя, иначе парнишка схлопотал бы удар в живот.

— Понимаю, понимаю.

Он не хотел обсуждать дела на виду у своих благодетелей.

Брайар схватила его за руку и потянула за собой, бормоча через плечо:

— Прошу прощения, сестра и отец, но нам с этим молодым человеком нужно немного побеседовать. Это совсем ненадолго — даю вам слово, к отбою он снова будет у вас. — И добавила вполголоса, увлекая его на лестничную клетку: — Будьте так любезны отметить, господин Задирала, что никаких гарантий относительно вашего состояния по окончании нашей беседы я не давала.

— Слышал я, слышал, — откликнулся он.

Брайар потащила подростка вниз. Он налетел на угол, споткнулся на лестнице. Женщина не особенно представляла, куда ведет его, — на лестнице царствовали тишь и мрак. Если бы не ее фонарь да пара светильничков на стенах, сориентироваться здесь было бы невозможно.

В подвале за лестницей обнаружилась небольшая ниша.

Она рывком остановила Ректора и развернула лицом к себе.

— Ну, вот мы и пришли! — прорычала она с яростью, способной испугать и медведя. — Тут нас никто не услышит. Ты мне все расскажешь, и расскажешь быстро. Мне надо знать, куда направился Зик, и как можно скорее.

Ректор вздрогнул и заколотил по пальцам, сдавившим его костлявое плечишко. Однако Брайар не поддалась. Лишь когда ее хватка стала вконец невыносимой, паренек истошно взвизгнул и кое-как сумел высвободиться.

— Да он ведь просто хочет доказать, что Левитикус был не мошенник и не псих!

— Откуда у него уверенность, что ему это по силам? И с чего вообще он ввязался в такую авантюру?

Для неосведомленного человека его ответ был

слишком осторожным:

— Наверное, до него дошел кое-откуда один слух…

— Что за слух? И откуда именно?

— Помните, одно время гуляли россказни о конторской книге Блю? Разве доктор не признался, что русские отвалили ему денег, чтобы испытания пошли наперекосяк?

Ее глаза сузились.

— Да, это слова Леви. Но никаких доказательств так и не нашлось. Даже если доказательства и были, вы их не найдете — он ни с кем не делился таким подробностями.

— Даже с вами?

— Со мной в особенности. Он никогда не рассказывал мне, чем занимается у себя в лаборатории, что за машины строит. И уж тем более не распространялся о денежных вопросах.

— Но вы ведь были ему женой!

— И что с того? — сказала она.

Для нее и по сей день оставалось загадкой, почему муж был столь скрытен с ней: то ли не доверял, то ли считал дурочкой. Скорее всего, понемногу и того и другого.

— Слушайте, мэм, вы могли бы и сами догадаться насчет Зика, когда он начал задавать вопросы

об отце.

Брайар шарахнула свободной рукой по перилам:

— Да не задавал он никаких вопросов! Последний раз он спрашивал о Леви, когда еще под стол пешком ходил. — И добавила, но уже тише: — Зато интересовался Мейнардом.

Ректор все так же таращил глаза, все так же вжимаясь в стену и стараясь как можно дальше отодвинуться от Брайар. Сейчас был самый подходящий момент, чтобы подкинуть ей какие-нибудь полезные сведения, но мальчишка как воды в рот набрал — пока она опять не замахнулась и не треснула кулаком по металлической перекладине.

— Не надо, — выговорил он, выставив перед собой руки. — Не надо, мэм… не стоит. Все с ним будет нормально, вот увидите. Парень он неглупый, знает что и как и про Мейнарда тоже знает, так что ничего с ним не случится.

— О чем это ты? Знает про Мейнарда? Да про Мейнарда все знают.

Он кивнул и опустил руки, держа их поближе к груди, на случай если придется защищаться.

— Но Зик ведь приходится ему внуком, и люди будут о нем заботиться. Ну, не то чтобы… — Он

осекся и начал заново: — Не все и не везде, но, учитывая, куда и зачем он ушел… там ребята как раз такие. Тамошние все знают про Мейнарда, так что ему не дадут пропасть.

— «Там» — это *где?* — спросила Брайар.

Последнее слово вырвалось мучительным хрипом, потому что она все поняла, какой бы невероятной и безумной ни казалась эта догадка. Ей сразу же стало ясно *где,* хотя в этом и не было никакого смысла.

— Он сейчас… Он ушел…

Ректор ткнул пальцем в направлении, примерно соответствующем старым кварталам.

Брайар потребовалась вся сила воли, до последней унции, чтобы не врезать мальчишке по лицу; на то, чтобы удержаться от крика, ее уже не хватило.

— Как он туда попадет? И что намерен делать, когда переберется через стену и ему нечем станет дышать, а вокруг не видно ни зги…

И снова Ректор поднял руки и нашел в себе достаточно мужества, чтобы приблизиться к ней на шажок:

— Мэм, не нужно кричать. Прекратите.

— …и ни одной живой души, кроме недобитых трухляков, бродящих за стеной, они схватят его

и убьют…

— Мэм! — прервал ее парень, почти гаркнул и едва не нарвался на пинок. Но тирада на какой-то миг захлебнулась, а ему только этого и надо было. — Там живут люди!

Воцарилось молчание. Наконец Брайар переспросила:

— Что ты сказал?

Он задрожал как осиновый лист и в который раз начал пятиться, пока не уперся плечами в стену.

— Там живут люди. За стеной.

Она сглотнула:

— Сколько?

— Не очень много. Но больше, чем можно подумать. Те, кто о них знает, называют их Дохлыми, потому что для остального мира они все равно что мертвы.

— Но как?.. — Она неверяще покачала головой. — Невозможно. Такого просто не может быть. В городе не осталось воздуха. Нечего есть, никакого солнца, никаких…

— Ну, право слово, мэм. Вот мы с вами тоже солнца не видим. А что до воздуха, то они кое-что придумали. Законопатили несколько зданий и закачивают его через верхние этажи — с нашей

стороны стены, там воздух вполне годится для дыхания. Если вы хоть раз обходили стену целиком, то должны были заметить трубы в дальней части города.

— Но зачем им это надо? К чему такие ухищрения? — И тут в ее голове мелькнула жуткая мысль, тут же сорвавшаяся с губ: — Только не говори мне, что они не могут выбраться!

Ректор издал нервный смешок:

— Нет-нет, мэм. Могут. Просто они... — Он пожал плечами, насколько позволяла поза. — Остались, и всё.

— Почему? — В ее голосе уже звенела истерика.

Паренек опять принялся ее успокаивать, поводя руками: говорите тише, ни к чему нам волноваться.

— Одни не захотели оставлять свои дома. Другие не успели эвакуироваться, а кое-кто понадеялся, что газ сам собой рассеется.

И все же что-то он утаивал: это чувствовалось по вернувшейся к нему нервозности.

— А остальные? — подсказала Брайар.

Голос парнишки упал до хриплого шепота:

— Дурь, мэм. Откуда она вообще берется, по-вашему?

— Перегоняют из газа, — проворчала она. — Нашел дуру!

— Я вовсе вас дурой и не считаю, мэм. Но откуда люди берут сам газ, не задумывались? Знаете, сколько тошнотки делают у нас на Окраине? А навалом, вот сколько. Куда больше, чем можно получить, вываривая дождевую воду.

Про себя Брайар с неохотой признала, что и в самом деле грешила на дождь и на отходы очистной станции. Кажется, никто толком не знал, куда деваются емкости с концентрированной отравой, когда уезжают на «передержку». Ее давно одолевали подозрения, что их потихоньку выкрадывают и тем или иным способом сбывают, однако Ректор утверждал иное:

— И гадость, которую вы у себя на заводе выцеживаете из грунтовых вод, тоже ни при чем. Я тут знал одного химика, он как раз подумывал наложить на нее лапу, но ничего не вышло. Сказал, пользы от нее никакой — чистый яд.

— А желтуха, значит, получше будет?

— Желтуха, ох ты господи! — ухмыльнулся он, сопроводив богохульство насмешкой. — Ну да, старики ж ее так зовут.

Брайар закатила глаза:

— Мне плевать, как ее называют детишки вро-

де тебя, — главное, я ни с чем ее не спутаю. И видела, что она делает с людьми, — куда уж там яду. Будь мой отец жив, он бы… — Замявшись, она неуверенно закончила: — Он ни за что бы такого не одобрил.

— Мейнард давно умер, мэм. Может, ему это и не понравилось бы, трудно сказать, но многим из нас он заменяет святого заступника.

— Его бы это страшно взбесило, — сухо заметила она.

Наступила очередь Ректора задать все тот же вопрос:

— Почему?

— Потому что он верил в закон.

— И это все? Все, что вы можете сказать о родном отце?

Она вспылила:

— Закрой рот, пока не схлопотал!

— Но он был *справедлив.* Ну как вы не понимаете? Уличные мальчишки и девчонки, которые торгуют гнильем и сами на нем сидят, воры и шлюхи, голодранцы и бродяги — короче, все, кто на своей шкуре узнал, как жизнь несправедлива… все они верят в Мейнарда, потому что он был *другим.*

Брайар выпытала у Ректора еще кое-какие

подробности о побеге Зика. Ко времени, когда в подвале объявились священник — повнушительнее первого — и кучка монашек, намеренные выставить ее вон, на руках у нее было предостаточно сведений, и отнюдь не утешительных. Все они сводились к одному безжалостному факту.

Ее сын ушел в закрытый город.

5

Иезекииль Уилкс зябко поеживался перед входом в старую канализационную систему. Он не сводил глаз с дыры, словно та могла его проглотить, — или даже надеялся на это, потому что опасался передумать идти туда. Однако были и другие мысли, понастойчивее. Уже проделан большой путь. Пройти каких-то несколько ярдов по широкому туннелю — и он в городе, который стал непригоден для жизни еще до его рождения.

Фонарь в его руке подрагивал в такт трясущемуся локтю. В кармане у продрогшего Зика лежала мятая карта, скатанная в комок. Захватил он ее порядка ради, поскольку выучил наизусть.

Но кое-чего он не знал, и это сильно его беспокоило.

Он не знал, где когда-то жили его родители. Не знал точного адреса.

Мать никогда не говорила, где стоял их дом, но Зик проникся уверенностью, что жили они на холме Денни-Хилл, и у его поисков появилась отправная точка. Сам холм был не особенно велик,

а внешний вид дома он примерно представлял. В рассказах матери, под которые Зик засыпал, когда был помоложе, дом представал настоящим замком. Если он еще не рухнул, то у него лилово-кремовые стены, два этажа и башенка. И еще терраса на весь фасад, а на ней — кресло-качалка, выкрашенное под дерево.

На самом деле оно было металлическое, оборудованное специальным механизмом, спрятанным в полу. Он заводился специальной ручкой, и тогда кресло начинало качаться само собой, к восторгу сидящего.

Зика бесило то, что он почти ничего не знает о человеке, сотворившем это чудо. Но теперь он догадывался, где искать истину. Нужно было лишь пробраться по туннелю, сразу же свернуть налево и взобраться на холм — это и будет Денни-Хилл.

Ему захотелось спросить у кого-нибудь дорогу, но никого рядом не было.

Никого и ничего, кроме ощутимой даже здесь вони от таинственных испарений, которые попрежнему сочились из-под земли за стеной.

Самое время надеть маску.

Поглубже вдохнув, он надвинул приспособление на лицо и застегнул ремни. При выдохе смотровой щиток затуманился, но только на

секунду.

Сквозь забрало маски жерло туннеля казалось еще нереальнее и глубже, странно вытягиваясь. При каждом движении головы темнота будто бы колыхалась и закручивалась. Ремешки до зуда натирали кожу на ушах и под ними. Зик просунул под них палец и хорошенько почесался.

Он в десятый раз проверил фонарь. Да, керосина по самый венчик. Заглянул в торбу. Да, тут все припасы, какие удалось достать. Он был готов настолько, насколько это вообще в его силах.

Зик выпрямил фитиль фонаря — чем больше света, тем лучше.

Усилием воли он заставил себя переступить линию, отделявшую привычную ночь от бездонной тьмы. В свете фонаря кирпичные стены рукотворной пещеры отливали золотом.

Он планировал тронуться в путь утром, как только мать уйдет на завод. Но сборы заняли весь день, а Ректор давал указания с неохотой.

И вот теперь снаружи почти стемнело, а в туннеле царил кромешный мрак.

Сияющий круг света окружил его пузырем и понес вперед, навстречу неизвестному. Зик лавировал между обломками в местах, где обрушился потолок, увертывался от свисавших прядей мха,

толстых, как морские водоросли, подныривал под паутину.

Там и сям он подмечал следы своих предшественников, но не особенно радовался тому, что до него тем же путем прошел кто-то еще. На стенах виднелись черные отметины — тут зажигали спичку или тушили сигарету; попадались свечные огарки, маленькие и бесформенные комочки воска. На груде кирпичей кто-то вывел инициалы «У. Л.». В разъеденных сыростью трещинах поблескивали осколки стекла.

Зик ничего не слышал, кроме мерного звука своих шагов, приглушенного маской дыхания, и ржавого скрипа фонаря, покачивающегося на петле.

И когда раздался какой-то другой звук, он первым делом подумал о слежке.

Он посветил фонарем вокруг, но никого не увидел. Да прятаться и негде было: от места, где Зик сейчас стоял, и до самого берега туннель ни разу не сворачивал. В противоположную сторону путь просматривался хуже. Насколько хватало света от фонаря, впереди поджидала лишь пустота и ничего более.

У туннеля появился уклон — небольшой, но идти теперь приходилось в гору. Хотя кирпичи

местами и обвалились, вместо неба на пострадавших участках проглядывал земляной потолок. Эхо зазвучало глуше и ближе. Зик этого ожидал, но чувствовал себя неуютнее, чем хотелось бы. Насколько ему было известно, за береговой полосой рельеф резко поднимался, а туннель какое-то время вился под самим городом.

Если Ректор не наврал, то рано или поздно главный проход должен разделиться на четыре ответвления. Левое ведет в подвал пекарни. С ее крыши можно будет осмотреться, оставаясь в относительной безопасности.

В полутьме мерещилось, будто туннель изгибается — то влево, то вправо. Зик не думал, что ходит кругами, но чувство направления утратил совершенно. Он только надеялся, что, выбравшись на поверхность, легко сориентируется и найдет Денни-Хилл.

Через много-много миль — а на поверку куда раньше, ощущения тут обманывали — туннель стал шире и уперся в развилку, как и предупреждал Ректор. Зик нырнул в крайний коридор слева, но не прошел и сотни шагов, как уткнулся в тупик. Тем не менее, вернувшись чуть назад, он обнаружил боковой ход. Судя по всему, его не спроектировали, а прокопали кое-как и даже

не позаботились укрепить. От него так и веяло небрежностью, ненадежностью и неминуемым обрушением.

Зику выбирать не приходилось.

Здешние стены наводили на мысль о грязи, а не о кирпиче и камнях и на ощупь были неприятно влажными. То же касалось и пола, представлявшего собой месиво из подгнивших опилок, земли и корней. Ноги вязли, но Зик упрямо брел вперед и в конце концов, преодолев очередной изгиб и завернув за очередной угол, увидел перед собой приставную лестницу.

Подпрыгнув, он высвободился из липкой грязи и вцепился в перекладину. Осталось только подтянуться — и его взгляду предстал подвальный этаж. Пыль здесь лежала таким слоем, что даже мыши и тараканы оставляли следы на любой поверхности. И разумеется, тут были отпечатки подошв, и в немалом количестве.

Зик насчитал не меньше десятка пар. Он убеждал себя, что за счастливчиков, прошедших той же дорогой, можно только порадоваться, но под ложечкой все равно засосало. За стеной он надеялся и даже рассчитывал найти пустующие кварталы и сколько угодно опасностей, лишь бы те не были облечены разумом. Уж о трухляках

слышал всякий. Ректор рассказывал кое-что и о замкнутых общинах, которые посиживали под землей и никому не показывались на глаза, однако их Зик был намерен по мере сил избегать.

А эти следы… увы…

Следы означали, что в любой момент он может столкнуться с людьми.

Осмотрев помещение и не обнаружив ничего интересного, кроме лестницы в углу, Зик решил отныне вести себя с предельной осторожностью. Взбираясь по ступенькам, он пригнется, сольется с тенями, а оружие будет держать наготове.

А что, ему нравилась эта мысль. Приятно было представлять себя парнем, в одиночку выступившим против целого мира. И уготованы ему великие и опасные приключения — не важно, что на несколько часов. Он прокрадется, яко тать в ночи. Станет незримым, как призрак.

Все окна на первом этаже оказались или заколочены, или зарешечены, или еще как-нибудь укреплены. У стены гнил прилавок с разбитой стеклянной витриной, рядом были грудой свалены полосатые уличные навесы. Развороченная мойка ломилась от ржавых противней, тут и там на полу виднелись остатки несгораемой кассы.

В опустелой кладовке он нашел приставную

лестницу, а над ней — незапертый люк. Зик навалился на него плечом и головой, подтолкнул и открыл. Через мгновение он уже был на крыше.

И тут ему в шею уперлось что-то холодное и твердое.

Он так и застыл — даже ногу не успел убрать с лестницы.

— Привет.

Зик ответил, не оборачиваясь:

— И вам того же.

Он пытался говорить мужским голосом, низким и хриплым, но боялся, что дал петуха. Впереди ничего было не разобрать, кроме обреза плоской крыши, но, насколько позволяли судить боковое зрение и опостылевшая маска, он был один, если не считать неизвестного, который наставлял сейчас на него штуковину с холодным, очень холодным дулом.

Он как можно неторопливее примостил фонарь у ног.

— Что ты тут делаешь, мальчик?

— То же, что и вы, надо думать, — откликнулся он.

— Ну и чем же, по-твоему, занят сейчас я? — последовал вопрос.

— Тем, что не предназначено для посторонних

глаз. Слушайте, отпустите меня, а? Денег у меня нет, взять нечего.

Зик опасливо перенес вторую ногу на крышу, с трудом удерживая равновесие. От задранных кверху рук толку не было.

Холодный предмет по-прежнему упирался ему в затылок.

— Денег нет, говоришь?

— Ни гроша. Можно, я обернусь? А то чувствую себя дураком, когда так вот стою. Пристрелить меня вы сможете и так. Я не вооружен, и вообще. Ну же, отпустите. Я же вам ничего плохого не сделал.

— Дай-ка взглянуть, что в твоей сумке.

— Нет, — сказал Зик.

Давление на шею усилилось.

— Да.

— Там одни бумаги. Карты. Ничего заслуживающего внимания. Зато я могу показать вам кое-что интересненькое, если вы меня отпустите.

— Интересненькое?

— Слушайте, — начал Зик и попытался отступить хотя бы на дюйм, но не слишком преуспел. — Слушайте, — повторил он, надеясь выиграть время. Придется приукрасить. — Вообще-то, я человек миролюбивый. Порядки Мейнарда пре-

выше всего. Я их соблюдаю, и неприятности мне не нужны.

— А ты кое-что знаешь о Мейнарде, как я погляжу.

— Еще бы не знать, — буркнул он. — Все-таки он мой дед.

— Врешь… — Но прозвучало это скорее изумленно, чем недоверчиво. — Нет, врешь. Тогда я бы о тебе слышал.

— Нет, это правда. Могу доказать. Моя мама была…

Неизвестный перебил его:

— Вдова доктора Блю? А и вправду, у нее ведь был сын.

Молчание.

— Да, и этот сын — я.

Холодная штука отодвинулась от его шеи. Зик времени терять не стал и ступил в сторонку, по-прежнему держа руки над головой. Медленно обернулся… и с сердитым возгласом опустил их.

— Так вы хотели пристрелить меня из бутылки?

— Нет, — пожал плечами незнакомец. Это и в самом деле была бутылка — стеклянная, с остатками черно-белой этикетки на боку. — Не слышал еще, чтобы кого-нибудь пристрелили из

бутылки. Просто хотел убедиться.

— В чем?

— В том, что ты все понимаешь, — неопределенно ответил мужчина и уселся на крышу, не отлипая от стены.

Судя по плавности его движений, точно в такой позе он и сидел, когда появился Зик.

Помимо обязательной в здешних условиях маски, на нем красовался как минимум один толстый свитер и два пальто в придачу. По борту верхнего — то ли темно-синего, то ли чёрного — шел ряд пуговиц. Ниже виднелись объемистые штаны, тоже темные. Сапоги были из разных пар: один — высокий и коричневый, другой — черный и пониже. У ног мужчины лежала трость причудливой формы. Он подобрал ее, крутанул разок и оставил на коленях.

— Да что на вас нашло? — возмутился Зик. — Зачем надо было меня пугать?

— Потому что ты оказался здесь. — В ответе не чувствовалось ни издевки, ни самолюбования. — И почему, собственно?

— Что — почему?

— Почему ты оказался здесь? В смысле, с какой целью? Тут не лучшее место для мальчишки, даже если ты и внук Мейнарда. Черт, да если ты

будешь разбрасываться такими заявлениями, тебе тут точно не поздоровится, будь то правда или нет. А ты везунчик, похоже, — неожиданно заключил неизвестный.

— Везунчик? Почему вы так решили?

— Потому что ты первым делом наткнулся не на кого-нибудь, а на меня.

— И в чем тут везение? — поинтересовался Зик.

Мужчина покачал бутылкой, которую так и не выпустил из рук:

— Когда тебе угрожают таким оружием, можно не бояться увечий.

Настоящего оружия при незнакомце вроде бы не было, но Зик оставил это наблюдение при себе. Он снова взялся за фонарь, поправил сумку на плече и зыркнул исподлобья:

— Скажите спасибо, что у меня не было в руках револьвера.

— У тебя есть револьвер?

— Да, есть, — подтвердил он и выпрямился во весь рост.

— И где же он?

Зик похлопал по сумке.

— Какой же ты идиот! — произнес мужчина в мешковатой одежде.

Затем он поднес ко рту горлышко сосуда, но стекло лишь громко звякнуло о маску. С сожалением посмотрев на бутылку, он поболтал на дне немногие оставшиеся капли.

— Это я-то идиот? Есть у моей мамы одна поговорка насчет бревна и соринки. Это как раз про вас, старый дурень!

Мужчина глянул так, будто его так и подмывало сказать что-нибудь нелестное о матери Зика, но вместо этого он вымолвил:

— Я что-то не расслышал твоего имени, малец.

— А я его не называл.

— Так назови.

Его тон слегка отдавал угрозой, и Зику это пришлось не по нутру.

— Нет. Сначала вы назовите свое, и тогда я еще подумаю. Мы не знакомы, и для чего вы здесь околачиваетесь, мне тоже не известно. А еще… — Порывшись в сумке, он достал дедов револьвер. На все про все ушло секунд двадцать. Мужчина за это время даже не пошевелился. — У меня есть оружие.

— Ага, — согласился незнакомец. Похоже, на этот раз он не был впечатлен. — И теперь оно хотя бы у тебя в руках. А как насчет кобуры? Где перевязь?

— Они мне без надобности.

— Замечательно. Ну так как тебя зовут-то?

— Зик. Зик Уилкс. А вас? — спросил он.

Человек в маске, похоже, улыбнулся — судя по морщинкам, завидневшимся у глаз. Видать, доволен, что выведал имя мальчишки, не раскрыв свое.

— Зик. И к тому же Уилкс. Немудрено, что цветной-то фамилией не пользуешься, малец. — И пока Зик не начал возмущаться, он добавил: — Мое имя Алистер Мейем Остеруд, хотя ты можешь примкнуть к остальному человечеству и величать меня Руди.

— Мейем?[5] Вы серьезно?

— Раз я так говорю, так оно и есть. И позволь полюбопытствовать, Зик Уилкс, какого дьявола ты тут ошиваешься? Разве тебе не положено быть в школе, или на работе, или где там еще? И вообще, твоя мама знает, что ты здесь? Мне говорили, она ходячая петарда, а не женщина. Держу пари, ей не понравится, что ты задал деру.

— Мать сейчас на заводе. Ее не будет еще несколько часов, а я до той поры вернусь. Меньше знает — меньше будет волноваться, — сказал

---

[5] Примечания: 5

Mayhem *(англ.)* — нанесение увечья; хаос, неразбериха.

он. — А я тут теряю с вами время, так что, если не возражаете, пойду своим путем.

Зик засунул револьвер обратно в торбу и повернулся спиной к Руди. Мерно вдыхая и выдыхая воздух через защитные фильтры, он попытался вспомнить, где сейчас находится и куда ему надо идти.

Не покидая прежнего места, Руди поинтересовался:

— А куда ты направляешься?

— Не ваше дело.

— Так-то оно так. Но если объяснишь мне, чего тут ищешь, то я, возможно, подскажу тебе, как туда добраться.

Зик подошел к краю крыши и взглянул вниз, но сквозь густую, вязкую пелену не было видно ни зги. Куда ни падал свет его фонаря, глазам представала все та же нездоровая мгла. Он проговорил:

— Наверное, вы знаете, как дойти до Денни-Хилла.

— Точно, знаю, — отозвался Руди. И тут же прибавил: — Только куда конкретно тебе надо? Холм раскинулся на весь район… Ах вот оно что. Ты хочешь попасть домой.

Не успел Зик придумать уклончивый ответ

или сподобиться на отрицательный, как у него вырвалось:

— Никакой он мне не дом. И никогда им не был. Я его в жизни не видел.

— А я видел, — подал голос Руди. — Славный был особнячок.

— Был? А что, его больше нет?

Его собеседник покачал головой:

— Да не то чтобы… Стоит как стоял, насколько мне известно. Я это к тому, что славным его уже не назовешь. И так повсюду. Гниль разъедает краску и крепления, и все вокруг становится желто-коричневым.

— Но вы представляете, где его искать?

— Примерно. — Руди подобрал ноги и встал, шатко опершись на трость. — Могу тебя туда отвести, не особо напрягаясь. Если тебе и в самом деле туда надо.

— В самом деле, — кивнул Зик. — Но что вы хотите за свою помощь?

Руди то ли размышлял над ответом, то ли просто ждал, пока у него прояснится в голове. Наконец он сказал:

— Я хотел бы хорошенько прочесать этот особняк. Твой папаша был человеком состоятельным, а мне пока непонятно, обчистили дом под метел-

ку или что-то осталось.

— И как это понимать?

— Да так, как слышится! — чуть ли не огрызнулся Руди. — У всех этих домов и лавчонок… у них больше нет хозяев. По крайней мере, ради них никто еще сюда не вернулся. А половина тех, кто жил тут раньше, так и так покойники. Вот потому-то тем, кто остался, и приходится… — Он явно подыскивал слово, которое не резало бы слух в отличие от правды. — Во всяком хламе рыться. Если угодно, мы спасаем имущество. Тут уж не до церемоний.

В его логике чувствовался какой-то изъян, но Зик не мог его уловить. Руди вроде охотно шел на сделку, и мальчику все равно нечего было предложить взамен. Так что если действовать с умом, то все может сложиться удачнее некуда. Он заговорил:

— Ну что ж, это по-честному. Если проводите меня до дома, то можете забрать кое-что из оставшихся вещей.

Руди фыркнул:

— И что бы я делал без вашего разрешения, юный мистер Уилкс? Как же вы любезны, с ума сойти!

Зик прекрасно понял, что над ним потешаются,

но и бровью не повел:

— Ну тогда ладно. Раз вы так себя ведете, то обойдусь, наверное, без проводника. Сам как-нибудь справлюсь. Я же говорил, у меня есть карты.

— Да-да, и еще револьвер. Слышал, слышал. Такому удальцу да с таким арсеналом можно не бояться ни Гнили, ни трухляков, ни прочей шантрапы вроде меня. Слов нет, ты готов, как никогда.

И он уселся на краю крыши, словно передумал идти.

— Сам найду! — громче, чем следовало бы, выкрикнул Зик.

Руди жестом велел ему умолкнуть и проговорил:

— Тише, парень. Ради твоего же блага прошу, да и моего тоже. Говори тише. Тут встречаются напасти похуже меня, ой как похуже. И поверь мне, ничего хорошего встреча с ними тебе не принесет. Ну просто ничегошеньки.

6

Существовало два способа преодолеть глухую стену, взявшую в кольцо деловые кварталы Сиэтла. Желающие оказаться на той стороне вынуждены были пробираться либо поверх преграды, либо под ней. По словам Ректора, Зик выбрал второй путь.

Полного перечня вещей, которые мальчик додумался взять с собой, Ректор дать не мог, но насчет некоторых был вполне уверен: немного провизии, немного патронов и старенький служебный револьвер Мейнарда, который шестнадцать лет провалялся в ящике стола, стоявшего в его комнате у кровати, и теперь пригодился его внуку. Еще Зик захватил кое-какие вещички Мейнарда, годные для обмена: наручники, карманные часы и галстук-боло. Ректор помог ему раздобыть видавшую виды газовую маску.

Перед тем как Брайар выдворили из сиротского дома, Ректор успел сказать еще пару слов: «Слушайте, я готов поспорить на доллар, что через десять часов он вернется. Никуда не денется. На большее маска не рассчитана, а если он не

найдет к тому времени какого-нибудь укрытия, так попросту развернется и рванет домой. Ну а вам бы потерпеть немножко. Подождите до ночи и, если он не вернется, вот *тогда* начинайте беспокоиться. Он не собирается умирать там, не такой он парень».

Покинув приют, Брайар под моросящим дождем зашагала прочь, в темноту. Хотелось кричать, но ходьба отнимала все силы. Тревога и злость вымотали ее. Она пыталась убедить себя, что Зик не ушел неподготовленным.

Он ведь не просто перебрался через стену и брякнулся в центре района, кишащего неприкаянными мертвяками и бродячими шайками бандитов. Он принял меры предосторожности. Взял с собой все необходимое. Зачем же тогда думать, будто у него что-то не получится? Маски хватит на десять часов, и если он не отыщет укрытия, то повернет назад. Не дурак же он, чтоб оставаться там. Раз сумел пробраться туда, то и обратно сумеет.

Он воспользовался входом, притаившимся у самого океана, близ сточных колодцев. Туннель был почти незаметен за обветренными скалами, защищавшими отводной канал от натиска прибоя. Брайар никогда и в голову не приходило, что

через водосливные сети все еще можно проникнуть в центр города, расположенный куда как выше. Прежде они составляли часть городских катакомб; когда те обрушились, власти на всякий случай поставили на входе ворота. Однако Ректор утверждал, что выжившие расчистили завалы, оставшиеся после разрушительной прогулки Костотряса, а совладать с воротами оказалось легче, чем думается.

Десять часов истекали примерно в девять вечера.

Брайар решила переждать до той поры. Домой идти неразумно — там она лишь умает себя беспокойством. Отправляться за сыном тоже не стоит… пока еще не стоит. Есть немалая вероятность, что они с ним разминутся: она только-только вошла, а он уже вышел… И по-прежнему непонятно, что с ним сталось.

Да, Ректор прав. Нужно потерпеть. Так или иначе, ждать придется недолго — каких-то несколько часов.

То есть целая уйма времени на то, чтобы дотопать до противоположного берега бухты. Там, за нагромождениями камней, за намытыми приливом озерцами, где вода доходит до колена, за рваными зубцами утесов, скрывается заброшен-

ная канализационная система.

Ночь выдалась ненастная, но Брайар с утра была одета по погоде, а толщины ботинок как раз хватало, чтобы и ноги уберечь, и прощупывать дорогу между камнями. Прилив кончился — и слава богу, — но ветер задувал с океана водяные брызги. Она вымокла почти насквозь, но наконец последний участок взморья, щедро усыпанный камнями и песком, остался позади, и ее взгляду предстали облепленные водорослями механизмы, которые некогда опускали трубы в океан и поднимали обратно.

И вот там-то, занесенное наполовину гравием, ракушками и плавником, виднелось округлое кирпичное жерло туннеля, пронзившего землю под городскими улицами.

Выбеленная океаном и дождем, изъеденная бурями и истерзанная волнами, кладка обветшала до крайности. Казалось, все могло обрушиться от единственного прикосновения, но, когда Брайар надавила на стену рукой, кирпич не поддался.

Пригнув голову на входе, она нырнула в туннель и с фонарем наготове двинулась вглубь. Керосина у Брайар было на много часов вперед, и остаться в темноте ей не грозило, если с потолка не будет лить, а светильник не окажется в луже.

Однако в черном как уголь мраке, сковавшем чрево трубы, фитиль горел слабо и тускло. Круг света не расползался и до нескольких футов.

Брайар старательно напрягала слух, силясь уловить хоть что-то новое на фоне прибоя, нерешительно набегавшего и отступавшего, и нескончаемого треньканья дождевых капель, проскальзывающих сквозь дыры в потолке.

Так близко к городу она не подбиралась с рождения Зика.

Какова длина трубы? Самое большее полмили, хотя тому, кто согнулся в три погибели и карабкается невесть куда в потемках, дорога покажется гораздо длиннее и утомительнее. Брайар попыталась представить сына с фонарем и револьвером. Стал бы он доставать оружие? Или оставил бы в кобуре?

Да сумеет ли он вообще им воспользоваться, если до такого дойдет?

Она в этом сомневалась. Так что, по-видимому, револьвер предназначался для обмена. Умно, ничего не скажешь. Когда твой дед народный герой, его одежда, личные вещи и тому подобные мелочи обретают достаточную ценность, чтобы за них с тобой делились кое-какими сведениями.

Вскоре ей попался участок, заросший более или

менее сухим мхом. Там она и уселась. Расчистив небольшое пространство, Брайар пристроила в ямке фонарь и убедилась, что он стоит прочно. Тогда она привалилась к стене, стараясь не замечать промозглой сырости, пробиравшей даже через пальто. И несмотря на все ее страхи, на злость и на холод, на беспокойство, острое до боли, Брайар забылась дремотой, полной тревожных сновидений.

И вдруг наступило пробуждение. Резкое и грубое.

Ее голова дернулась, и затылок встретился с кладкой.

Она была ошарашена и растеряна, поскольку не помнила, как уснула, и толчок, вырвавший ее из сна, стал неожиданностью вдвойне. Ей потребовалось несколько мгновений, чтобы вспомнить, где она и почему, и еще несколько — чтобы понять, что мир вокруг нее сотрясает дрожь. От стены отделился кусок кладки и рухнул рядом с ней, чудом не задев фонарь.

Брайар поскорее подхватила его на руки, от греха подальше.

В туннеле поднялось оглушительное эхо, всюду крошились кирпичи и трескались стены с таким шумом, будто кто-то затеял драку в глиняном

кувшине.

— Нет, нет, нет, — простонала она и стала подниматься на ноги. — Только не сейчас. Не сейчас, господи, только *не сейчас.*

Землетрясения сиэтльцам были не в диковинку, но по-настоящему серьезные случались не так уж и часто. А здесь, в каменной кишке, оценить истинные размеры бедствия будет сложновато.

Спотыкаясь, Брайар выбежала из туннеля на берег. Ее поразило, как близко подобрался прилив к месту ее отдыха. Узнать время ей было негде, но проспала она никак не меньше двух-трех часов. Получается, сейчас уже перевалило за полночь.

— Зик? — позвала она на тот случай, если мальчик в трубе и не может найти дорогу. — Зик! — завопила она, стараясь перекричать грохот оживших дюн и сотрясавшихся прибрежных скал.

Единственным ответом был протяжный плеск волн, беспорядочно налетавших на берег и разбивавшихся о сушу. Туннель заходил ходуном. Брайар ни за что бы не поверила, что сооружение таких размеров может раскачиваться туда-сюда, как детская игрушка. И все же оно раскачивалось, пока не смяло само себя, а заодно и старинную машинерию, которая некогда его поддерживала.

А потом все в один миг сложилось и рухнуло как карточный домик.

Поднялся столб пыли, но вездесущая влага тут же его поглотила.

Брайар стояла как громом пораженная. Ноги сами собой приспосабливались к подземным толчкам, не давая ей упасть, а разум судорожно подыскивал тысячу и одну причину, чтобы не впадать в панику.

Слава богу, я под открытым небом, подумалось ей. В прошлом Брайар пережила одно или два мощных землетрясения, научивших ее бояться потолков, которые в любой момент могут обрушиться. А с губ ее меж тем срывался лихорадочный шепот: «Зика там не было. И он еще не вышел, а то бы увидел меня. Его не было в туннеле в ту минуту. Его не было в туннеле в ту минуту».

Это означало, что мальчик по-прежнему за стеной — мертвый или живой.

Если не верить, что он жив, то недолго и расплакаться, а от слез сейчас никакого толку. Нет, Зик все еще в городе. И теперь ему просто так не выбраться.

А значит, с ожиданием покончено.

Пора его спасать.

И раз под стеной больше не пройти, придется

перевалить через нее.

Толчки еще не сошли на нет, но понемногу утихали, а ей некогда было ждать, пока песок окончательно уляжется. Брайар натянула шляпу по самые поля, подняла повыше фонарь и тронулась вдоль приливной полосы. А вокруг постукивали друг о друга камни, да трещали на Окраине фундаменты приземистых, безобразных зданий.

Стало быть, есть два пути — под стеной и через стену. Так сказал Ректор.

Первый теперь закрыт. Остается второй.

Вероятно, по стене можно вскарабкаться, но ей подобные трюки не по силам. Или, допустим, существует потайная лестница — приставная, а то и обычная. Хотя в таком случае Зик ее бы и выбрал, а не стал бы разгуливать под землей.

Существует лишь одно средство перебраться через стену: дирижабль.

Торговцы, приходившие на побережье с востока, предпочитали одолевать горную часть маршрута по воздуху. Да, это рискованно: воздушные течения славятся непредсказуемостью, а дыхание на больших высотах превращается в тяжкий труд, однако наземные перевозки уносили в горах много жизней и отнимали много

времени, предполагая вдобавок наличие фургонов и вьючных животных, которых нужно было кормить и оберегать. Хоть воздушные корабли и не решали всех проблем, некоторых коммерсантов они привлекали заметно больше, чем прочие варианты. Правда, не в это время года.

Весь февраль на побережье лили холодные дожди. А в горах бушевали снежные бури и дули устрашающие ветры, для которых дирижабль был словно листик для кошачьих лап.

В феврале летали только контрабандисты. И как только Брайар подумала об одном, до нее дошло и другое: ни один порядочный торговец не рискнет повести дорогостоящий дирижабль за Сиэтлскую стену — туда, где властвует Гниль, разъедающая все и вся.

Однако теперь Брайар кое-что знала о ядовитом газе. Он тоже имел цену.

Химикам газ нужен для производства желтухи. Найти его можно только в огороженных районах. Воздушные корабли курсируют над стеной — и вдоль нее — постоянно, даже в самые ненастные месяцы. Так в голове Брайар встретились две очевидные мысли, за которыми последовало не менее очевидное заключение, а затем, в свою очередь, — четкий план действий.

За первым землетрясением последовало еще одно, послабее, но скоро все кончилось. Едва дрожь под ее ногами стихла, Брайар Уилкс бегом пустилась домой.

На улицах то и дело попадались завалы. Люди стояли на мостовых в ночных рубашках; кто-то плакал, кто-то орал на других. Кое-где уже резвилось пламя. В отдалении звонили колокола пожарных дружин. Кварталы один за другим пробуждались от сна и погружались в хаос.

Брайар никто не замечал и не узнавал. С фонарем в руке она преодолевала горку за горкой, огибала препятствия, тут и там преграждавшие дорогу. Толчки на берегу не показались ей такими уж страшными, хотя земля и теперь вела себя странно и беспорядочно подрагивала. Вот совсем другое дело…

> В ее воспоминаниях под ногами вновь бушевала неодолимая, всесокрушающая, сотрясающая все основы ярость чудовищного агрегата — сметая подвальные стены, потроша земные недра, прессуя неподатливый камень и прогрызая, сминая, уничтожая все на своем пути.

…Она была не единственной, кого посетили

подобные мысли, разумеется. Они посещали каждого, когда землю в очередной раз лихорадило.

За отцовский дом она не переживала: тот выдерживал и не такое. И когда Брайар добралась до места и видимого ущерба не обнаружила, легче у нее на душе не стало. Сейчас ее могло утешить лишь одно: вид Зика, сидящего на крыльце.

Впорхнув внутрь, она застала все то же унылое, холодное и пустое жилище, которое недавно покинула.

Ее рука замерла на ручке двери, ведущей в отцовскую комнату. Последовал краткий миг нерешительности: сказывалась давняя привычка. Затем она толкнула дверь.

В комнате царила темнота. Брайар поставила фонарь на столик у кровати и мимоходом отметила, что ящик, из которого Зик умыкнул старый револьвер, так и остался выдвинутым. Лучше бы он взял что-нибудь другое. На самом деле револьвер был вещью антикварной и принадлежал еще тестю Мейнарда. Сам Мейнард никогда им не пользовался, и неизвестно, годился ли он вообще для дела. Только откуда Зику это знать?

Ее снова кольнуло чувство раскаяния. Надо было рассказать ему больше. Ну хоть что-нибудь. Да мало ли что…

Теперь расскажет, куда деваться.

Когда она приведет мальчика домой, то выложит все, что его интересует, без утайки — любые подробности, любые факты. Пусть узнает все, лишь бы вернулся живым. Может, Брайар и вправду оказалась плохой матерью. А может, не в ее силах было сделать большее. Теперь это не важно, потому что Зик пропадает в ядовитом насквозь городе, где по улицам рыщут охочие до человечины жертвы Гнили, а в укрепленных наспех подвальчиках и расчищенных подземельях хоронятся шайки головорезов.

Но за все промашки и недогляды, за равнодушие, забывчивость и ложь, за то, что морочила сыну голову… за это она теперь отправится следом.

Взявшись за обе ручки разом, она распахнула створки здоровенного старого гардероба, принадлежавшего когда-то отцу. На лице ее застыла угрюмая решимость. Поддев пальцем край доски, Брайар откинула ложное дно.

Желудок сжался тугим комом.

Все выглядело в точности так, как она оставила много лет назад.

Брайар некогда уже похоронила эти вещи вместе с отцом. Тогда у нее и в мыслях не было, что

они еще могут ей понадобиться. Однако явились чиновники и выкопали тело. Вернули его уже без вещей.

Полгода спустя их в мешке подкинули ей на крыльцо. Брайар так и не узнала, кто это сделал и почему. А Мейнард к тому времени пролежал в земле слишком долго, чтобы вновь тревожить его прах. В итоге вещи, которые он каждый день носил с собой или на себе, материальные отголоски его жизни, перекочевали в потайное отделение гардероба.

Брайар доставала их одну за другой и раскладывала на кровати.

Магазинная винтовка. Значок. Шляпа из жесткой кожи. Ремень с большой овальной пряжкой и плечевая кобура.

В глубине шкафа привидением маячила его шинель. Брайар извлекла ее на свет. Для большей влагостойкости черный, как ночь за окном, войлок был пропитан маслом. Медные пуговицы потускнели, но пришиты крепко, а в одном из карманов Брайар обнаружила защитные очки, о существовании которых и не подозревала. Она скинула пальто и принялась натягивать шинель.

Вопреки ожиданиям, шляпа села как влитая: у

отца не было такой шевелюры, как у Брайар, так что размер тут роли не играл. Зато ремень оказался длинноват, а пряжка со стилизованными инициалами «М. У.» — не в меру крупной. Брайар продела ремень в шлевки, затянула потуже и сдвинула металлическую нашлепку на живот.

В углу гардероба стоял простой коричневый сундучок, набитый патронами, мелким тряпьем и оружейной смазкой. Брайар не доводилось еще чистить отцовский «спенсер», но она тысячу раз видела, как это делал он сам, так что порядок действий уяснила. Осталось устроиться на кровати и повторять за ним. Добившись явственного блеска, заметного даже в неровном, блеклом свете фонаря, она взяла трубку с патронами и пальцем протолкнула в приклад.

На дне сундука нашлась коробка с боеприпасами. Хотя на крышке лежал пятнадцатилетний слой пыли, сами патроны казались вполне годными, так что Брайар сунула всю коробку в наплечную сумку, которую приметила под кроватью.

Туда же отправились очки Мейнарда, ее собственная газовая маска, оставшаяся со времен эвакуации, кисет с табаком и скудное содержимое кофейной банки, которую Брайар прятала

за печкой, — около двадцати долларов. Если бы ей на днях не выдали жалованье, набралось бы и того меньше.

Пересчитывать деньги она не стала. И так было ясно, что далеко на этом не уедешь. Хватит, чтобы попасть в город, — неплохо. А если нет, она придумает что-нибудь еще.

Сквозь занавески в отцовской спальне уже пробивались рассветные лучи. Значит, на работу точно не успеть. С последнего ее прогула прошло лет десять, но на этот раз им придется или простить ее, или уволить, как уж больше понравится.

Сегодня Брайар выходить на смену не намерена.

Нужно было поспешить на паром до острова Бейнбридж. Там, посреди залива, разгружались и заправлялись дирижабли законопослушных перевозчиков. Даже если туда и не заносит контрабандистов, кто-нибудь обязательно подскажет, где их искать.

Она убрала винтовку в чехол за спиной, накинула ремень сумки и прикрыла дверцы гардероба. А потом заперла вход и ушла, оставив отцовский дом во власти пустоты и тьмы.

7

Пока Брайар добиралась до переправы, окончательно рассвело — насколько тут вообще могло рассвести. Небо затягивала серая, как плесень, пелена, но и тех немногих солнечных лучей, что пробивались сквозь тучи, Брайар вполне хватило, чтобы разглядеть за водами залива поросший лесом остров.

Над деревьями то и дело взмывали куполообразные махины. Даже с такого расстояния можно было рассмотреть, как воздушные корабли причаливают и ждут прибытия груза или команды.

Под ее весом подоспевший паром заскрипел и чуть-чуть просел в воду. В этот ранний час пассажиров было немного, а женщин, кроме нее, и вовсе ни одной. Налетавший с моря ветер силился унести ее шляпу, но Брайар вцепилась в нее и натянула по самые брови. Если кто-то на пароме и признал ее, то виду не подал. Может, дело было в винтовке или в том, как она стояла, широко расставив ноги и навалившись на фальшборт.

А может, всем было плевать.

В основном компанию ей составляли корабель-

щики — моряки и воздухоплаватели. Население Бейнбриджа обслуживало либо дирижабли, либо суда на пристани, поскольку доставленные по воздуху грузы еще нужно было так или иначе переправить через залив.

Раньше ее не удивляло, что воздушная гавань размещается в сравнительной дали от Окраины, но теперь Брайар призадумалась и пришла кое к каким выводам. Связностью и цельностью они не отличались, зато подпитывали надежду, что общественного внимания на острове избегают по самым сомнительным причинам. А чем сомнительнее, тем лучше для нее.

Через час неуклюжей болтанки по приливным водам старый белый паром подошел наконец к пристани на том берегу.

Морские и воздушные причалы чуть не налезали друг на друга: деревянные пирсы, закованные снизу в хрупкую броню из мелких рачков, и расчищенные участки суши, из которых под прямыми и острыми углами выпирали толстенные железные трубы; часть из них уходила обратно в землю. К трубам посредством клешнеобразных медных зажимов — каждый величиной с бочку — было пришвартовано с десяток дирижаблей, сильно разнившихся по классам и сохранности.

Вид они имели самый разномастный. Одни представляли собой неброские воздушные шары с корзинами прямо под брюхом. Другие впечатляли куда больше: гондолы у них размерами и формой напоминали корпуса плавучих судов, но крепились к баллонам с водородом и приводились в движение паровыми двигателями.

Брайар никогда прежде не бывала на Бейнбридже. Не зная, откуда начать поиски, она стояла посреди причала и наблюдала за портовым людом, который пока еще только расшевеливался. Прилетали новые дирижабли, грузы перекочевывали из гондол на тележки, с тележек — на суда.

Процесс не отличался ритмичностью, и все же прибывающие воздухом товары оказывались на воде с неизменной быстротой.

Вдруг один из небольших дирижаблей дал крен. Двое моряков соскользнули по тросам и отсоединили швартовочные зажимы. Те свободно повисли в воздухе. Моряки вскарабкались обратно в гондолу, с помощью лебедки подобрали швартовы, растянули их вдоль корпуса и закрепили.

В двух шагах от Брайар остановился старик в капитанской фуражке и стал раскуривать трубку.

Она обратилась к нему:

— Простите, а какой из этих дирижаблей проходит ближе всего к Сиэтлской стене?

Он смерил ее оценивающим взглядом из-под клочковатых бровей, не переставая посасывать мундштук:

— На этой стороне острова задавать такие вопросы без толку, миссис.

— Что вы имеете в виду?

— А то, что вам нужно вон туда. — И он указал трубкой на истоптанную грязную тропинку, исчезавшую за деревьями. — Пройдете до самого конца. Может, там на ваш вопрос и ответят.

Она замерла в нерешительности, придерживая ремень сумки, — захотелось за что-нибудь схватиться. От воздушной пристани готовился отчалить еще один дирижабль, а над площадкой тем временем завис другой, только что прибывший. На боку у него была краской выведена надпись. Неожиданно для себя Брайар поняла, что это название компании, а не корабля.

— Мэм, — окликнул ее старик.

Брайар обернулась к нему и случайно заметила, как взгляд незнакомца оторвался от пряжки ее ремня и лишь тогда встретился с ее взглядом.

— Остров не особенно велик, — продолжил он. — Вам потребуется не так уж много времени,

чтобы добраться до места, где… делаются *другие* дела, если вы как раз его и разыскиваете.

Оглядев еще разок неказистую дорожку, она поблагодарила его и добавила:

— Вы очень добры.

— Нет, — отозвался он, — но стараюсь быть честным по мере сил.

Рядом выкрикнули какое-то имя. Человек в фуражке помахал рукой и кивнул. Брайар снова уставилась на тропинку и подметила, что по ней никто не ходит.

Так и не решив для себя, что уместнее — уверенная беспечность или нарочитая скрытность, она совместила оба подхода в одном и потихоньку взобралась на соседний пригорок, а оттуда уже вышла на указанный путь.

Тропа заросла травой и изобиловала глубокими рытвинами. Ступая с кочки на кочку, где посуше, Брайар запетляла между деревьями, и причал остался позади. В лесу она никогда не чувствовала себя уютно, ибо родилась и выросла в городе. Среди встающих сплошной стеной стволов и зарослей кустарника ее охватывало беспокойство, словно она была маленькой девочкой, а в ее сказке водились волки.

Она шла и шла, спотыкаясь и увязая каблу-

ками в густой грязи. Пригорки чередовались с низинами. Чем дальше, тем просторнее и легче становился путь, однако никаких людей ей по-прежнему не встречалось.

— Так ведь еще рано, — сказала она самой себе.

В сердце острова деревья были выше и росли гуще… и потому-то Брайар не поняла, что второй воздушный порт прямо перед ней, пока не забрела чуть ли не в самую его середину.

Она остановилась как вкопанная и поспешила вернуться на тропинку, но тут же стало ясно, что здесь-то тропинка и кончается. И что у нее появилась компания.

На краю полянки устроили перекур трое дюжих аэронавтов. Теперь они дружно позабыли про трубки и уставились на Брайар. Она совершенно не представляла, как быть дальше, но решила не показывать виду и с самой равнодушной миной принялась разглядывать пестреющие дирижабли и притихшую, удивленную троицу.

В основном суда были пришвартованы к деревьям — совсем как лошадки на привязи. Толщины стволов вполне хватало, чтобы выдерживать нагрузку, и, хотя вокруг то и дело что-то потрескивало и поскрипывало, все дирижабли

благополучно оставались на месте. Они мало походили на лощеных однотипных собратьев из главного порта. Очевидно, их не столько построили, сколько склепали из останков других дирижаблей, более крупных и прочных.

Курильщик, стоявший ближе всех к судам, был невысок ростом и в целом походил на рабочих, с которыми Брайар трудилась на заводе: бледен, грязноват, одежда висит мешком, поверх одежды — кожаный фартук, а из карманов торчат рукавицы из того же материала.

В середке стоял мулат с длинными волосами, заплетенными в тугие косички и перехваченными на затылке шарфом. На нем был рыбацкий свитер с высоким воротом, складки которого исчезали под густой темной бородой. В сравнении с ним и коротышкой третий аэронавт, черный как уголь негр в ослепительно-синем кителе с блестящими медными пуговицами, казался почти что щеголем. От уголка его рта отходил розовый шрам, не доставая немного до уха, щедро увешанного золотыми колечками. И колечки эти забренчали, когда владелец их разразился смехом при виде Брайар.

Из нутряного, зычного рокотания возник раскатистый, во всю утробу, хохот, к которому не

замедлили присоединиться и остальные трубокуры.

— Эй, дамочка, — позвал чернокожий, перехватив наконец вдох-другой. Его акцент намекал на края, лежавшие далеко на юге, за горами. — Заблудились?

Подождав, пока всеобщее веселье пошло на убыль, она сказала:

— Нет.

— Ах вот как? — поднял бровь мужчина. — Стало быть, вы оказались в Кэнтерфакс-Мэре с некой целью? Что-то и не припомню, когда мы в последний раз видели в нашем кругу даму вроде вас.

— Что вы имеете в виду? — поинтересовалась Брайар.

Пухлые губы сморщились, и негр пожал плечами:

— Да то лишь, что у вас вид человека, готового к особого рода делам. Так чего же вам понадобилось в нашей скромной, всеми забытой гавани? Теперь-то мне ясно: у вас что-то есть на уме.

— Мне нужно на дирижабль. Я ищу своего сына. Можете чем-нибудь помочь?

— Ну, мэм, тут есть тонкости, — ответил он, после чего отделился от остальных и тронулся ей навстречу.

Непонятно было, хочет ли он ее припугнуть или просто рассмотреть поближе, однако впечатление незнакомец производил более грозное, чем ожидала Брайар от человека его габаритов. Ростом он не превосходил ее покойного отца, зато мог похвастаться широкими плечами и толстыми, как бревна, руками, мощь которых отнюдь не скрывали рукава куртки. Голос у него был басистый и звучный, сочно переливающийся в груди.

Брайар не сдвинулась с места. Ни на шажок.

— И какие же?

— Да мало ли какие! К примеру, мне надо бы знать, куда вы хотите попасть. И далеко ли дотуда лететь.

— Неужели?

— А как же. Видите вон ту посудинку? Моя. Мы ее называем «Вольной вороной».[6] Кое-что украли, кое-что купили, много чего достроили сами… но уж летать она может, да еще как.

— Отличная у вас посудинка, — подтвердила Брайар, поскольку того требовали приличия, а дирижабль и вправду внушал уважение.

На боку его виднелась какая-то маркировка, точнее, ее краешек. Если присмотреться…

---

[6] Примечания: 6

«Вороны» — оскорбительное прозвище негров, бытующее и по сей день.

Капитан пощадил ее зрение:

— Там написано «КША», потому что корпус этой птички собрали в Конфедеративных Штатах.[7] Ну а мне, предположим, удалось ее перехватить и приспособить для лучших целей. По-моему, в нашу эпоху, когда приключения и войны на каждом шагу, эти буквы означают другое: «Капитан, штурмуй Америку!» Именно этим я и намерен заниматься.

— У нас тут не Америка… пока что.

— Да тут кругом Америка, как ни крути. Вот вы знали, что весь наш континент назвали в честь одного итальянского картографа? И вообще, рано или поздно из нашего огрызка географии получится неплохой штат. Это обязательно произойдет, хоть и не сразу, — заверил он. — Когда закончится война.

— Когда закончится война, — повторила Брайар.

Капитан теперь стоял вплотную к ней. Взгляд его остановился на ее шляпе, потом на значке, приколотом к ремню. Наконец, тщательно все взвесив, он заговорил:

— Похоже, вы все-таки не от властей. Не слы-

---

[7] Примечания: 7
То есть в южных рабовладельческих штатах.

шал еще, чтобы женщины служили закону. Хотя вон та штука вроде бы неподдельная. — Он кивнул на значок. — И мне известно, кому она принадлежала. И что означает сия эмблема.

Он указал на внушительные литеры «М» и «У», украшавшие пряжку ремня.

— Уж не знаю, охраняет ли старик Мейнард что-нибудь помимо ваших трусиков, но раз вы этот знак вот так вот выставляете напоказ, то мне и моим людям остается лишь поверить, что вы сюда явились не за неприятностями.

— Да, — согласилась она. — Неприятностей мне не надо. Причинять их тоже не намерена. Я лишь хочу найти сына, а помощи просить не у кого. Вот почему я здесь.

Капитан расслабился и протянул ей руку:

— Ну если так, то мы наверняка сумеем поладить. Вот только я до сих пор не услышал, куда же это вам так понадобилось, что вы решили попытать счастья на нашем конце острова?

— В Сиэтл, — ответила она. — Мне нужно за стену, в город. Мой сын сейчас там.

Негр покачал головой:

— Тогда ваш сын либо погиб, либо заразился.

— А мне так не кажется. Он ведь сообразил, как туда проникнуть. Просто не может выбраться.

— Проникнуть? И каким же образом? Нам тут мальчишек не попадалось.

— Под землей, через старую канализационную систему.

— Так пусть той же дорогой и возвращается!

Интерес капитана таял на глазах, он готов уже был уйти. Брайар воскликнула, стараясь не срываться на истеричные нотки:

— Но это невозможно! Ночью случилось землетрясение… вы не могли его не заметить. Старый туннель обрушился, под стеной теперь ходу нет. Мне необходимо попасть в город и вытащить его оттуда. *Необходимо*, ну как вы не понимаете?

Ее собеседник лишь замахал руками и двинулся было к своим товарищам, которые о чем-то шептались между собой. Потом он обернулся:

— Нет, не понимаю. Там ведь дышать нечем, вам это известно? За стеной нет ничего, кроме смерти.

— И людей, — вставила она. — Там живут и работают люди.

— Скребуны, Дохлые? Само собой, но они там не первый год — в основном-то. И хорошо усвоили, как спасаться от отравы и трухляков. Сколько лет вашему сыну?

— Пятнадцать. Но он у меня умный и напо-

ристый.

— Так скажет любая мать, — возразил капитан. — Но даже если вы и попадете в город, то как собираетесь его вызволять? Взберетесь по стене? Сделаете подкоп?

— Так далеко я пока не загадывала, — призналась она. — Придумаю что-нибудь.

Стоявший поодаль мулат вынул изо рта трубку и сказал:

— У нас меньше чем через неделю газовый рейс. Если доживет до того времени, то можно было бы ее и подобрать.

Капитан крутанулся на месте:

— Вот только не надо ее обнадеживать!

— А почему бы нет? Если ей понадобилось в город и есть чем заплатить, то чего ты артачишься?

Ответ капитана предназначался Брайар, хотя вопрос исходил не от нее:

— А того, что мы сейчас не готовы к рейсу. В прошлый раз две наши лучшие сети зацепились за башенный шпиль, до сих пор латаем. И что-то я пока не услышал ни слова о деньгах, да и не кажется наша гостья богатой вдовушкой.

— Я не богата, — проговорила она. — Но у меня есть немного денег…

— Чтоб мы ради вас пошли в газовый рейс и вернулись порожняком, денег надобно побольше, чем «немного». С удовольствием помог бы даме, но так дела не делаются.

— Тогда… — начала она, — к кому еще мне можно обратиться?

— Где найти такого дурака, чтобы отвез вас за стену? Не знаю. — Он спрятал руки в карманы своей конфедератской куртки. — Без понятия.

И снова подал голос мулат:

— Да взять хотя бы Клая. Падок до красивых баб и чтит порядки Мейнарда.

Брайар не знала, оскорбиться ей или зардеться, и потому остальным чувствам предпочла надежду.

— Кто такой этот Клай? Можно с ним поговорить?

— Можно, — кивнул капитан. — И, мэм, я от всей души желаю вам отыскать вашего спятившего сынка. Но должен вас предостеречь: за стеной настоящий ад. Там нет места ни женщинам, ни детям.

— Отведите меня к этому Клаю, — сухо бросила она. — Меня не заботит, кому еще там не место — да хоть собакам и крысам! Еще до заката в городе станет на одну женщину больше, и да

поможет мне Бог. Или Мейнард, — добавила она, припомнив слова Ректора.

— Как вам угодно.

Капитан подставил ей руку. Брайар ее приняла, хоть и без особой уверенности. Пока ей идут навстречу, лучше отвечать тем же. Неизвестно еще, какая помощь может понадобиться от этих людей, так что стоит откинуть страхи и быть с ними поласковее.

На ощупь рука капитана оказалась такой же мускулистой, как и на вид, синяя ткань чуть не лопалась по швам. Пальцы Брайар нервно задрожали, и она ничего не могла с этим поделать. С рукопожатием было легче: достаточно усилить хватку, чтобы собеседник поверил в твою решимость.

Капитан похлопал ее по руке и произнес:

— Дамочка, пока на вас меты Мейнарда и вы нас не трогаете, мы вас тоже не тронем, это закон. Ни к чему так волноваться.

— Верю, — сказала она, то ли погрешив против истины, то ли нет. — Только, право слово, у меня хватает и других причин для волнения, кроме вашей близости.

— Сын, например.

— Да, сын. Простите, вы ведь не назвались,

капитан…

— Хейни. Кроггон Хейни, — отозвался он. — Для краткости — капитан. Хотите подлинней — капитан Хейни. Совсем кратко — Крог.

— Хорошо, капитан. Искренне благодарю вас за помощь.

Он ухмыльнулся, обнажив ряд изумительно белых зубов:

— Рано меня благодарить. Я всего лишь поступил с вами так, как обязывает долг. Может, мой друг-воздушник и не сумеет вам помочь.

Крог повел ее вдоль дирижаблей, парящих над просекой, между могучими стволами. Суда со скрипом покачивались на канатах, мягко наползая на хвойные кроны; ветки и птичьи гнезда скребли по днищам гондол.

Ближе всех маячила несуразная штуковина, от которой так и веяло кустарщиной, хотя на вид она была весьма прочной. Да что там — слишком тяжелой, чтобы летать. Судно могло похвастаться обшитой сталью гондолой в форме каноэ — размером с гостиную в доме богача — и парой газовых баллонов, каждый величиной с фургон бедняка. Все это было скреплено воедино массой заклепок, швов, болтов и тросов и удерживалось над просекой тремя толстыми длинными канатами.

На земле валялась веревочная лестница, уходящая к брюху диковинного дирижабля. Рядом с ней, в тени, восседал на раскладном деревянном стульчике мужчина. Из-под мышки у него выглядывала бутылка виски. Бутылка поднималась и опускалась в такт его дыханию, и если бы не защитные очки на лице, было бы еще очевиднее, что он спит.

Крог остановился в нескольких шагах от прихрапывающего аэронавта и звучным шепотом объявил:

— Мэм, позвольте представить вам капитана Эндана Клая. Над его твердолобой головушкой вы можете лицезреть его дирижабль, «Наама Дарлинг». Будить его советую как можно ласковее и желательно с почтительного расстояния.

— Минутку, не хотите же вы…

— Ну уж нет. Мне от него ничего не надо в отличие от вас, так что вы его и будите. Всего наилучшего, мэм. И да, если он вам откажет, то лучшее, что могу предложить, — подождать три дня до газового рейса. Если же доберетесь-таки до города, то ищите «Вольную ворону» во вторник, мы причалим к Башне Смита. Мне вас подхватить ничего не стоит, хотя можете потом отблагодарить, не обижусь.

Она убрала пальцы с его руки и не заметила, что вцепилась в рукав куртки, пока он ей не намекнул.

— Спасибо вам, — сказала Брайар. — От чистого сердца говорю — *спасибо.* Если подберете меня во вторник, то я найду способ с вами расплатиться. Я знаю несколько тайников в городе, там есть кое-какие вещички. Не пожалеете.

— Тогда уже *мне* придется вас благодарить, мэм.

И он растворился в лабиринте стволов, канатов и нависших над лесом дирижаблей. А Брайар глядела на мужчину перед собой и с трудом удерживалась от благоговейного страха.

Эндан Клай не то чтобы развалился на стуле, но и не сидел в полном смысле слова. Его светло-каштановые волосы были острижены так коротко, что походили на лысину, уши подбирались к макушке. В левом засели три серебряных сережки-гвоздика, правое осталось в первозданном виде. Образ довершали коричневые штаны, заправленные в ботинки, и замызганная нательная рубаха.

Брайар удивляло, как можно спать на таком холоде, но чем ближе она подбиралась к капитану, тем ощутимее прибавлялось тепла. Подкравшись

вплотную, она совсем взопрела и только тут поняла, что хитрец разместился в аккурат под котлами дирижабля, порядком уже разогретыми.

Она не наступила ни на одну ветку, не задела ни одного камешка. Брайар вообще не шевелилась, лишь смотрела на капитана, но и этого хватило, чтобы он проснулся. Поначалу о пробуждении не говорило ничего, кроме его позы, из которой исчезла вдруг всякая расслабленность. Потом он сонным движением сдвинул очки на лоб. И прорычал:

— Что?

То ли вопрос, то ли выражение недовольства — по тону понять было невозможно.

— Эндан Клай? — уточнила она и тут же добавила: — Капитан «Наамы Дарлинг»?

Он пробурчал:

— Разговариваю. С кем?

Теперь настал черед Брайар спросить:

— Что?

— С кем я разговариваю?

— Я… пассажирка. Точнее, хотела бы ею стать. Мне нужно нанять дирижабль, а капитан Хейни велел обратиться к вам.

О прочих словах Крога она предусмотрительно умолчала.

— В самом деле?

— Да.

Он повернул голову влево, затем вправо, от души похрустев суставами.

— И куда же вам надо?

— За стену.

— Когда?

— Прямо сейчас, — ответила Брайар.

— Сейчас?

Эндан вынул бутылку из-под мышки и поставил на землю рядом со стулом. Глаза у него были светло-карие, до того блестящие и ясные, что даже в тени отливали медью. Он глядел на Брайар, почти не моргая, и это действовало ей на нервы.

— Мой сын… убежал, — вкратце пояснила она. — В город. Я должна его оттуда вытащить.

— Вы ведь никогда там не бывали, да?

— После появления стены — ни разу. А почему вы спрашиваете?

— Бывали бы — вам и в голову не пришло бы, что ребенок способен выжить в таких условиях.

Их взгляды встретились. Не отводя глаз, она сказала:

— А *мой* сын — способен. Он неглуп и хорошо подготовлен.

— Он дурак, — поправил ее Эндан, — раз вооб-

ще полез туда.

— Он не дурак, просто… плохо осведомлен. — Брайар остановилась на единственном верном слове, хотя произносить его вслух было мучительно. — Прошу, не отказывайтесь. Помогите мне. У меня есть маска, и если я попаду в город, то сумею найти дорогу. Крог обещал, что заберет меня во вторник…

— Так вы рассчитываете прожить до вторника?

— Да.

— Тогда не обижайтесь, но вы тоже дура.

— Можете обижать меня сколько душе угодно, только перевезите через стену.

Его губы начали расплываться, словно бы в насмешку над ней, но так и застыли в полуулыбке.

— Вы настроены всерьез. И упрямы. Но вот этой штуки, — он указал на винтовку, — и ремня Мейнарда еще недостаточно, чтобы остаться в целости и сохранности.

— Но ведь я соблюдаю порядки…

Он оборвал ее на полуслове:

— Да, и кое-кто из тех, кого вы встретите за стеной, тоже соблюдает. Но не все. Есть там один ненормальный по имени Миннерихт, под его властью целый район города. Есть целые районы,

заселенные китайцами, и неизвестно еще, как они приветят незнакомую белую женщину. А ведь все это жулье — цветочки, ягодки впереди. Видели когда-нибудь трухляка? Настоящего, оголодавшего?

— Да. Насмотрелась на них во время эвакуации.

— Эхе. — Он покачал головой. Тем временем его взгляд остановился, как бы невзначай, на пряжке ее ремня. — Те-то, в начале? Нет, тогда они еще не успели оголодать. А вот те, что пятнадцать лет промыкались за стеной без еды, — посерьезнее будут. И они сбиваются в стаи.

— У меня полно патронов. — Она похлопала по сумке.

— И старая винтовка. Вижу, вижу. Они вам пригодятся. Но в конце концов патроны кончатся, и тогда вас сцапают — не трухляки, так люди Миннерихта. А то и вороны. Никогда не знаешь, чего ждать от воронья, чтоб его. Но позвольте задать вам вопрос.

— Еще один?

— Да, еще один, — сердито бросил он, потом навел палец на ее живот. — Откуда у вас *это?*

— Это? — Безотчетно вцепившись в пряжку, она опустила глаза. — Она… а что?

— А то, что я вижу ее не в первый раз. И хочу знать, как она попала к вам.

— Вас это не касается, — отрезала Брайар.

— Ну да. И найдете вы своего сына или нет — тоже не мое дело, миссис Блю.

На какой-то миг она разучилась дышать и говорить. Страх стиснул горло, оставив лишь способность глотать. Наконец она произнесла:

— Меня зовут совсем не так.

— Ну а по сути-то, — наседал капитан, — как вам еще зваться?

Она усердно, даже чересчур, замотала головой:

— Нет. С тех пор как выросла стена, я ношу фамилию Уилкс. И мой мальчик — тоже, если вам не безразлично его имя. — И тут слова полились скороговоркой, которую Брайар не в силах была остановить: — Он думает, что его отец ни в чем не виноват, потому что вы правы, есть в нем чуток дурости, но он отправился туда, чтобы все доказать.

— А можно что-то доказать?

— Нет, — сказала она. — Потому что это неправда. Но поймите, Зик всего лишь ребенок. Истины ему неоткуда знать, а моих объяснений не хватило. Так что он решил убедиться во всем лично.

— Ясно, — кивнул Эндан. — И он в курсе насчет

Мейнарда. И как-то сумел проникнуть в город. Подземным путем, я так полагаю?

— Подземным. Но во время вчерашнего землетрясения старый водосливный туннель обрушился. Теперь ему той дорогой не выбраться, а мне не войти. Так вы отвезете меня за стену или нет? Если нет, так и говорите, поищу кого-нибудь другого.

Капитан не стал торопиться с ответом. Его взгляд задумчиво скользил вверх и вниз по ее фигуре; ничего явно оскорбительного в этом не было, но и приятного тоже. Он размышлял над чем-то, крепко размышлял — и Брайар могла лишь догадываться о чем: и как он так быстро ее узнал, и поможет ли ей имя Мейнарда.

— С этого и стоило начинать, — проговорил Эндан.

— С чего?

— С того, что вы дочка Мейнарда. Чего молчали?

— Называя его отцом, я тут же становлюсь для всех вдовой доктора Блю. Я не знала, стоит ли игра свеч.

— Разумно, — согласился капитан. И встал.

На это у него ушло несколько секунд. Вставать было чему.

Когда он выпрямился наконец во весь рост под брюхом «Наамы Дарлинг», Брайар увидела перед собой мужчину, выше которого ей не встречалось в жизни. Семь с половиной фута[8] от ног до макушки и гора мускулов делали его не просто огромным. Они внушали ужас. Строго говоря, Эндана Клая и так нельзя было назвать красавцем, но, когда к грубоватой внешности работяги добавилась эта неимоверная туша, Брайар стоило больших усилий не пуститься в бегство.

— Ну что, боитесь меня? — спросил он, после чего достал из карманов перчатки и принялся натягивать на свои лапищи.

— А нужно бояться? — сказала она в ответ.

Нацепив вторую перчатку, он нагнулся за выпивкой.

— Нет. — Его взгляд вновь остановился на пряжке. — Ваш папаша носил этот ремень.

— Он много чего носил.

— Но хоронили его не во всех сразу. — Эндан протянул ей руку, и она не стала отнекиваться. Ее пальцы заболтались в великанской ладони, как шарики в погремушке. — Добро пожаловать на борт «Наамы Дарлинг», миссис Уилкс. Может,

---

[8] Примечания: 8
Два метра тринадцать сантиметров.

с моей стороны это неправильный поступок и не лучший способ вернуть старый должок, потому что я опасаюсь, что своей помощью доведу вас до гибели, но вы ведь так или иначе намерены там очутиться, правда?

— Правда.

— Ну тогда, видимо, мне остается лишь вам подыграть. — Он ткнул пальцем вверх, в направлении котлов. — Двигатели разогреем в один момент. Перевезти вас на ту сторону мне по силам.

— И все это за… за старый должок?

— Старый-то старый, но изрядный. Когда из земли повалила Гниль, я сидел в том участке. Мы с братом отнесли вашего папашу к вам домой. Он не обязан был этого делать. — Эндан вновь покачал головой. — Мы ему были никто. И все-таки он дал нам выйти. А теперь, миссис Уилкс, раз уж по-другому вы не желаете… я помогу вам войти.

8

Зик нехотя поступил так, как велел ему Руди: закрыл рот и прислушался. Снизу, с улицы, как будто доносились звуки — то ли шарканье, то ли царапанье. Но он так ничего и не увидел — и задумался, а не хочет ли новый знакомец его запугать.

— Ничего не вижу, — заявил он.

— Вот и славно. Как правило, когда их завидишь, когти рвать уже поздно.

— Кого — их?

— Трухляков, — пояснил Руди. — Встречал хоть одного?

— Да, — соврал Зик. — Целую уйму.

— Уйму? И где ж ты столько отыскал у себя на Окраине? По мне, ты и одного-то не видел, не говоря уж о двух. Если видел, то считай меня болтуном, твое право. Но здесь счет идет не на парочку-другую. Тут они рыскают стаями, как собаки. По прикидкам Миннерихта, их тут несколько тысяч, не меньше. И все толкутся в этих кварталах. Идти им некуда, есть нечего.

Не желая выдавать свою тревогу, Зик сказал:

— Серьезно, несколько тысяч? Солидно. Но кто такой этот Миннерихт? И долго ли он всех их пересчитывал?

— Не умничай со мной, паршивец, — предостерег Руди и вновь приложил ко рту горлышко бутылки, с той же тщетной надеждой и тем же плачевным результатом. — Я ведь с тобой по-человечески, помочь пытаюсь. Не нужна тебе помощь — пожалуйста, можешь спрыгнуть со здания и поиграть в пятнашки с мертвяками. Посмотришь тогда, брошусь ли я тебя спасать. Намекаю: не брошусь.

— Ну и плевать! — он опять сорвался на крик.

Руди вскочил на ноги, но Зик тут же отпрыгнул назад, едва не угодив в люк, из которого вылез на крышу.

Наконечник увесистой трости ткнулся ему в кадык.

— Закрой пасть, — произнес Руди. — Дважды просить не буду, не обязан. Поднимешь бучу, набегут сюда трухляки — сам тебя столкну на мостовую. Хочешь себе неприятностей — твое дело, но меня не впутывай. Когда ты здесь объявился, я наслаждался тишиной и покоем. И если напакостишь мне сейчас, поплатишься головой.

Не спуская с него глаз, Зик вслепую полез в сум-

ку за револьвером. Ловко выбросив трость, Руди сбил с его плеча лямку, и сумка упала на крышу.

— Это тебе не Окраина, сынок. Поведешь себя глупо — схлопочешь по челюсти, а то и нож под ребро. Осложнишь тут кому-нибудь жизнь, и к рассвету трухляки будут ходить тобой по-большому.

— До следующего рассвета еще далеко, — выдавил Зик.

Кончик трости не отлипал от его шеи.

— Не притворяйся, ты меня понял. Ну так что, возьмешься за ум или предпочитаешь по-плохому?

— Все и так плохо, — снова выдавил Зик.

Руди с хмурым видом опустил трость и оперся на нее, балансируя на одной руке. В другой он по-прежнему сжимал бутылку, хотя та была практически пустой.

— Ума не приложу, зачем вообще я стал себя утруждать, — проворчал он, отступая к стене. — Так хочешь ты найти этот дом или нет?

— Хочу.

— Тогда, если рассчитываешь прожить достаточно долго, чтобы на него хотя бы поглазеть, делать все будем по-моему, ясно? Говоришь тихо и не раскрываешь рта, пока я не разрешу. Дер-

жишься рядом со мной. Я не вру и не пытаюсь тебя запугать: на улицах действительно опасно. Без меня ты и часа не протянешь. Можешь попробовать, если хочется, — удерживать не стану. Но останешься со мной — целее будешь. Выбирать тебе.

Зик подобрал сумку и в задумчивости обхватил ее руками. В нынешнем положении ему многое не нравилось.

Во-первых, он терпеть не мог приказов и уж тем более не желал их выслушивать от какого-то незнакомца, который выглядел не вполне трезвым и явно был намерен растерять остатки трезвости при первом удобном случае. Во-вторых, его не на шутку смущало, с чего бы это человек, поначалу угрожавший ему расправой, предложил теперь свою помощь. Зик не доверял Руди и с подозрением относился ко всему, что от него услышал.

Наконец, Руди ему просто не нравился.

Но когда Зик заглянул за край крыши и не разобрал ничего, кроме вихрящейся, клубящейся мглы цвета сажи и подгнивших лимонов, а потом поднял взгляд: и не меньше сотни черных птиц, обсевших соседние здания, настороженно впились в него золотистыми глазами… его реши-

мость идти в одиночку пошатнулась.

— Эти птицы… — медленно выговорил он. — Они тут с самого начала?

— Ага, — ответил Руди. Перевернув бутылку, он выплеснул ее содержимое на улицу и отставил сосуд в сторону. — В каком-то смысле они боги здешних мест, других все равно не имеется.

Зик обвел взором бесчисленные выступы, карнизы и окна, на которых в водянистом свете нового дня поблескивали иссиня-черные перья и бусинки глаз.

— Что бы это значило?

Руди подошел к перекинутому поблизости мостику, взобрался на соседний уступ и призывно помахал Зику. Потом произнес:

— Они повсюду бывают и все видят. Иногда полезны людям, иногда опасны — и ни за что не угадаешь когда и почему. Мы их не понимаем и не особенно любим. Но, — он пожал плечами, — вот они, тут как тут. Так ты идешь или нет?

— Иду, — ответил Зик, но тронулся с места не сразу.

Что-то мешало ему идти; он не мог понять, в чем дело, пока по зданию под его ногами не побежала дрожь.

— Руди? — произнес Зик так, словно тот затеял

какую-то шутку и теперь обязан был прекратить.

Колебания становились все более частыми и мощными.

— Землетрясение, — сказал Руди. — Землетрясение, малец, — всего-то делов. Держись.

— За что?

— Да за что угодно.

Зик отбежал от люка и забился в угол рядом с Руди. Тот опустился на четвереньки, ухватился за край выступа и замер. Как и ему, Зику оставалось лишь вцепиться в кирпичи и молиться, чтобы не стало хуже и крыша, на которой он сейчас съежился, не обрушилась.

— Надо просто переждать, — утешил Руди. Уверенности в его голосе не чувствовалось, как и удивления, впрочем.

Улегшись на кирпичи, Руди как-то умудрился протянуть руку и мальчику.

Хоть Зик и сомневался, что это его спасет, присутствие взрослого все же радовало. Он взял Руди за руку и с его помощью подобрался к стене. И когда загромыхало в полную силу, закрыл глаза — ничего лучшего в голову не пришло.

— Что, не трясло раньше? — будничным тоном поинтересовался Руди. Правда, хватки при этом не ослабил.

— Так сильно не трясло, — ответил мальчик.

И тут же умолк, потому что зубы при первой же попытке заговорить пустились в дробный перестук.

А потом все закончилось — так же быстро, как и началось. Разумеется, сокрушительные толчки не прекратились в один миг, но резко растеряли мощь и сменились мерными биениями, а затем еле заметной дрожью.

Все вместе заняло едва ли больше двух минут.

Ноги у Зика стали ватными. Цепляясь за стену и руку соседа, он с горем пополам распрямился. Колени предательски подогнулись, пришлось их сжать. Он встал во весь рост и немного подождал. В любой момент шум и тряска могли возобновиться.

Обошлось.

Шум утих. Вместо оглушительного грохота слышалось недовольное потрескивание старой кладки, да обломки кирпичей сыпались на мостовую.

— Это было… — начал Зик. — Это было…

— Это было землетрясение, только и всего. Не делай гору из жалкой кочки.

— Никогда еще такого не видел.

— Ну а теперь увидел, — отрезал Руди. — Но это

еще было не самое сильное. Просто ты наверху, а здесь страшнее. А вообще, нам пора трогаться. У этих трясучек есть свойство обрушивать тунели. Может быть, придется искать обходной маршрут. Поглядим что да как. — Он стряхнул с себя пыль, осмотрел трость и расправил пальто. Потом сказал: — Фонарь можешь оставить здесь. Собственно, я настаиваю на этом. У нас тут повсюду освещение, так что ты все равно его потеряешь или забудешь где-нибудь. Кроме того, скоро мы окажемся на уровне улицы, а там свет лишь привлечет к нам особого рода внимание, без которого мы прекрасно обойдемся.

— Я свой фонарь не брошу.

— Тогда загаси. И это не просьба, мальчик. Уясни себе: с фонарем я тебя никуда не возьму. Слушай, да оставь его вон там, в углу. Подберешь на обратной дороге.

Зик неохотно подчинился — положил фонарь у стены и прикрыл валявшимся тут же рваньем.

— Как думаете, его не украдут?

— Буду изумлен до крайности, — откликнулся Руди. — А теперь пошли. Мы впустую просаживаем светлое время суток, а здесь его много не бывает. До гнездышка твоих родителей путь неблизкий.

Зик с опаской взобрался на уступ. Его беспокоило, по силам ли хромоногому перейти шаткий мостик, однако нелепое сооружение, сколоченное из досок и заделанное всяческим хламом, хоть и заскрипело, но выдержало их общий вес.

Теперь плохая видимость даже радовала его. И все-таки он спросил:

— А какая тут высота?

— Пара этажей, не больше. Чтобы спуститься, нам сначала нужно будет залезть повыше. Надеюсь, тебя такие вещи не пугают.

— Никак нет, — произнес Зик. — Завсегда не прочь куда-нибудь вскарабкаться.

— Отлично. Налазишься вдоволь.

Одолев мостик, они уперлись в окно соседнего дома. Казалось, здесь дорога и заканчивается, но тут Руди нащупал какую-то рукоять, потянул, и рама ушла внутрь. Они ступили в глубокую, промозглую тьму — точно такую же, как в подвале пекарни, через который Зик пробрался в город.

— Где мы? — прошептал он.

Руди чиркнул спичкой и зажег свечу, хотя солнце вроде бы и не думало заходить.

— В моем-то понимании? В аду, где же еще.

9

Капитанское «отправимся сейчас же» на деле означало «когда вернутся остальные члены экипажа», но Клай заверил Брайар, что задержка на час, не больше, — и собственно, если она отыщет что-нибудь получше, то никто не будет против. Он предложил ей подняться в гондолу и чувствовать себя как дома; желательно только ничего там не трогать.

Сам Клай остался снаружи, углубившись в изучение приборов и настройку регуляторов.

Брайар вскарабкалась по грубой веревочной лестнице, залезла в люк и увидела на удивление просторную кабину — или так лишь казалось из-за царившей в ней пустоты. С рельсов на потолке безжизненно спадали огромные мешки, которые можно было опускать и фиксировать при помощи защелок; на корме и носу громоздились до самого верха ряды бочек и ящиков. Однако середина гондолы оставалась свободной, разве что стеклянные лампы свисали на крюках с балок, словно фонари на обычном корабле; некоторые крепились прямо к стенам — повыше, чтобы

никто случайно не задел. Под колпаками вместо фитилей сияли желтым светом колбочки, заполненные жиром. И где только Клай их раздобыл?

Справа, на противоположном конце от входа, в стену было врезано несколько деревянных ступенек. Взойдя по ним, Брайар оказалась в помещении, битком набитом трубами, рукоятями и кнопками. Три четверти стены представляли собой толстое стекло, местами помутневшее, поцарапанное и выщербленное с наружной стороны. Но трещин не было и следа, и, стукнув по нему ногтем, Брайар услышала глухой звук, не слишком напоминающий звон.

Кое-где торчали рычаги в половину ее руки, а то и больше, на капитанском пульте ярко мерцали кнопки. Из пола высовывались педали, с потолочных панелей свисали всякого рода рукояти.

Внезапно, без всякой видимой причины, Брайар охватила пугающая уверенность, что за ней наблюдают. Она застыла на месте, не отрывая взгляда от окна. Сзади не слышалось ни звука — ни шагов, ни скрипа ступенек, ни даже дыхания… и все же она точно знала, что в рубке не одна.

— Фань! — донесся снаружи крик капитана.

Брайар подпрыгнула от неожиданности и обернулась.

Рядом с ней стоял мужчина — до того близко, что при желании мог бы дотронуться до нее.

— Фань, в гондоле женщина! Будь добр, не пугай ее до смерти!

Ростом Фань был не выше Брайар и отличался худобой, в которой, впрочем, не ощущалось ничего хрупкого или болезненного. Черные волосы, отливающие синевой, были начисто выбриты выше лба и сходились на макушке в косичку.

— Здравствуйте, — попытала она счастья.

Он не ответил, лишь сощурил раскосые карие глаза.

Во входном проеме возникла головища Клая.

— Извините, не углядел, — сказал он Брайар. — Нужно было вас предупредить. Фань у нас парень надежный, только больно уж тихий, сукин сын, таких еще поискать надо.

— А он… — начала она, но испугалась, как бы не показаться грубой. И спросила самого мужчину, обладателя штанов не по размеру и китайского жакета; — Вы говорите по-английски?

За него ответил капитан:

— Он ни по-каковски не говорит. Ему язык отрезали — не знаю кто и зачем. Зато по-всякому понимает. Английский, китайский, португальский и бог еще знает что.

Фань отошел в сторонку, достал из матерчатой сумки авиаторскую фуражку и натянул на голову. Сзади в уборе было проделано отверстие для косички.

— Не беспокойтесь на счет него, — заметил Клай. — Он славный малый.

— Тогда почему его так зовут?[9] — поинтересовалась Брайар.

Клай влез к ним по лесенке и сразу же сгорбился. Собственная рубка была для него слишком низкой.

— Под этим именем я его узнал. Одна старушка в китайском квартале — ну, в Калифорнии — уверяла меня, что это означает «честный», «прямой» и не имеет никакого отношения к змеям. Пришлось поверить ей на слово.

— С дороги! — потребовал незнакомый голос.

— А я никому и не мешаю, — ответствовал Клай, не оборачиваясь.

К ним присоединился еще один мужчина, улыбчивый и полноватый. На нем была черная меховая шапка с отворотами, закрывавшими уши, и бурая кожаная куртка, застегнутая на медные пуговицы из разных наборов.

---

[9] Примечания: 9

Fang *(англ.)* — клык, ядовитый зуб (змеи).

— Родимер, это миссис Уилкс. Миссис Уилкс, это Родимер. Игнорируйте его.

— Игнорировать меня? — Толстяк притворился оскорбленным, но скрыть интереса к Брайар все-таки не сумел. — О, не делайте этого, молю!

Он взял ее за руку и запечатлел на ней сдержанный и искусный поцелуй.

— Хорошо, не буду, — успокоила она его, отнимая руку, и спросила у Клая: — Ну что, теперь все?

— Все. Если бы я нанял кого-нибудь еще, не осталось бы места для груза. Фань, проверь канаты. Родимер, котлы разогреты и готовы к запуску.

— Что с водородом?

— В Брадентоне заправился под завязку. Должно хватить на несколько рейсов.

— Так утечку устранили?

— Устранили, — кивнул капитан и повернулся к Брайар. — Так, вы летали когда-нибудь?

Она призналась, что не летала, и добавила:

— Справлюсь.

— Вам же лучше. Напачкаете тут — сами будете вытирать. Договорились?

— Договорились. Мне куда-нибудь присесть?

Окинув узкую кабину взглядом, Клай не обнаружил ни единого уголка, сулящего удобство.

— Обычно мы пассажиров не берем, — извинился он. — Уж простите, но кают первого класса на этой птичке нет. Принесите сюда ящик и держитесь хорошенько, если хотите посмотреть в окно. Если же нет… — Он махнул лапищей в сторону округлой дверки в задней части кабины. — Вон там у нас спальные места — так, пара гамаков. На дам не рассчитаны, но можете там посидеть, если угодно. Вас укачивает во время движения?

— Нет.

— Попросил бы, чтобы вы подумали как следует, прежде чем устраиваться там поуютнее.

Она перебила его, пока он не развил тему:

— Говорю же, не укачивает. Я останусь здесь. Хочу все видеть.

— Ваша воля, — кивнул он, после чего отыскал ящик потяжелее и подтащил его к ближайшей стене. — До города час лету, потом еще полчаса, чтобы подготовиться к высадке. Постараюсь вас подкинуть до… ну, *безопасных* мест там не бывает, но…

Родимер распрямился, как пружина, и крутанул головой, уставившись на Брайар.

— Так вы что, собираетесь там *остаться?* — выдал он голосом, в котором прорезалась вдруг

мелодичность, едва ли свойственная мужчине таких размеров. — Боже милостивый, Клай. Да ты хочешь сбросить нашу леди за стеной?

— Доводы леди были весьма убедительны, — отозвался Клай, искоса поглядывая на Брайар.

— Миссис Уилкс… — медленно выговорил Родимер, словно пропустил сперва ее имя мимо ушей, но теперь повертел его на языке и пришел к выводу, что оно имеет великую важность. — Миссис Уилкс, в городе за стеной не место для…

— Для леди, да. Так все говорят. Вы не первый, от кого я это слышу, но предпочла бы, чтобы оказались последним. Мне нужно туда попасть, и я туда *попаду,* а капитан Клай согласился мне помочь.

Родимер закрыл рот, покачал головой и снова опустил глаза на пульт, над которым колдовали его руки.

— Как угодно, мэм, но мне чертовски вас жаль, если позволите так выразиться.

— Да, позволяю, — сказала она. — Но заказывать мне похороны еще рано. Во вторник меня там уже не будет.

Клай прибавил:

— Хейни вызвался забрать ее следующим рейсом. Если продержится до того времени, то с ним

уж не пропадет.

— Не нравится мне это, — проворчал Родимер. — Бросать женщину одну в городе никуда не годится.

— Может, и так, — фыркнул Клай, устраиваясь на сиденье. — Но как только вернется Фань, мы трогаемся, а обратно она полетит уже не с нами, если только не передумает. Включить подъемный механизм!

— Есть!

Старший помощник подался вперед и дернул один из рычагов. Над рубкой какая-то тяжелая штуковина от чего-то отсоединилась и к чему-то пристыковалась. Кабину заполнил гулкий металлический лязг.

Капитан взялся за рукоять и подтянул к груди переключатель скоростей.

— Миссис Уилкс, на стене у вас за спиной закреплена грузовая сеть. Можете держаться за нее, если понадобится. Просуньте в отверстия руки, ну или сами что-нибудь придумайте. Лучше подстраховаться.

— А нас… сильно будет трясти?

— Терпимо, я так думаю. Погода сейчас приличная, но вдоль стен гуляют воздушные течения. И на приличной высоте ветры с гор прямо-таки

разбиваются о них. В общем, неожиданности в нашем деле не редкость.

В рубке возник Фань — с той же пугающей бесшумностью, как и прежде. На этот раз Брайар не испугалась, а китаец уже не обращал на нее внимания.

Пол слегка накренился — началось. «Наама Дарлинг» неторопливо пришла в движение, по обшивке корпуса с пронзительным скрежетом заскребли ветки. Поначалу дирижабль поднимался сам по себе, без участия паровой или машинной тяги, за счет одного только водорода, заключенного в шишковатые баллоны над гондолой. Ни качки, ни толчков не ощущалось — только смутное ощущение полета. Наконец воздушный корабль воспарил над лесом, оставив древесные кроны под брюхом, и начал забирать все выше и выше, мерно и без намека на ускорение.

Все протекало тише, чем ожидала Брайар. Если не считать поскрипывающих канатов, постанывающих швов и пустых ящиков, заерзавших по полу в грузовом отсеке, обходилось почти без шума.

Но тут Клай выдвинул на колени некое подобие штурвала и щелкнул по очереди тремя переключателями у него на боку. Кабину заполнило

шипение пара, ринувшегося из котлов в трубы, прямо к двигателям, которым предстояло увлечь судно за облака. «Наама Дарлинг» дала легкий крен на восток, мягко задрала нос и устремилась в небеса под возобновившийся аккомпанемент скрежета, скрипов и стонов металла.

Набрав высоту, дирижабль плавно поплыл вперед. Временами просыпались паровые двигатели, не давая ему сбавлять ход. Брайар оставила свой ящик и встала за спиной капитана, чтобы поглазеть на мир.

Отсюда были прекрасно различимы паромы и катера, ползущие по глади залива, а когда внизу потянулась суша, Брайар без труда узнала знакомые кварталы и даже улицы. Вдоль побережья были неровным слоем размазаны постройки водоочистной станции. На пригорках и обрывистых кряжах торчали домики, иные лепились ко склонам; и повсюду пыхтели дюжие лошадки, доставляя в один район за другим недельный паек воды.

Она поискала глазами свой дом, но безуспешно.

Вскоре прямо по курсу выросла Сиэтлская стена — серая громада грубых очертаний, дугой нависшая над домами Окраины. «Наама Дарлинг»

приблизилась к ней вплотную и поплыла по периметру.

Клай заговорил первым, предупреждая вопросы Брайар:

— В это время года транспортные суда, выполняющие легальные перевозки, не подходят так близко к городу. Все огибают стену с севера, со стороны гор. Если болтаться возле нее с подозрительным видом, это не останется незамеченным.

— И что тогда?

— Что — «что»?

— Что, если вас заметят? Что произойдет?

Фань, Клай и Родимер обменялись взглядами, которые сказали все лучше всяких слов. И она ответила за них:

— Вы не уверены, но выяснять особо не хочется.

— Примерно так, — бросил капитан через плечо. — Небо не контролируют, как наземные дороги… пока что. Вне сомнений, когда-нибудь все изменится — ну а сейчас единственное ведомство, отвечающее за воздухоплавание, занято войной на востоке и ничем другим. Мне тут встречалось несколько птичек официального вида, но все они, сдается, отбились от военного флота. Вряд ли их хозяева бросятся наводить тут

порядки или кого-нибудь арестовывать. Положа руку на сердце, нас куда сильнее тревожат воздушные пираты.

— Отбились… вроде как дирижабль Кроггона Хейни? — предположила она.

— Да, вроде таких. Уж не знаю, чего он достиг, умыкнув игрушку у проигравшей стороны, но…

— Пока они еще не проиграли, — вставил Родимер.

— Да они уже десять лет как проигрывают. На нынешнем этапе всем бы стало только лучше, если бы они подыскали какое-нибудь тихое местечко и там спокойно сдались.

Родимер нажал на педаль и тыльной стороной руки шлепнул по переключателю.

— Удивительно, как вообще Конфедеративные Штаты умудрились так долго продержаться. Если бы не железная дорога…

— Ну-ну. Если бы не миллион всяческих «если», их бы разгромили давным-давно. Но этого до сих пор не произошло, и одному Богу известно, сколько еще они будут упрямиться, — недовольно буркнул Клай.

— А вам-то какая беда? — поинтересовалась Брайар.

— Да в общем, никакой, — откликнулся он. —

Ну разве что хотелось бы, чтобы Вашингтон стал частью страны. А еще был бы не против увидеть здесь американские денежки, — может, разгребли бы наконец наш бардак. Золото Клондайка нам больше не светит, если вообще когда-нибудь светило, так что доходов от нас всего ничего, и потому им на нашего брата плевать. — Он указал на стену, тянувшуюся по правому борту. — Кто-то должен что-то с этим сделать, и дай-то бог, чтоб хоть одна живая душа там, внизу, имела понятие, как все исправить.

Старпом едва заметно пожал плечами:

— Но ведь мы зарабатываем этим на жизнь, и неплохо. И не мы одни.

— Есть и другие пути для заработка. Честнее нашего.

В голосе Клая прорезались непонятные, угрожающие нотки, и оба его собеседника сочли за благо оставить тему. Но Брайар решила, что поняла его. И заговорила о другом:

— Что вы там сказали насчет воздушных пиратов?

— Только то, что они есть. Но в наших краях их не больно много. Мало у кого из воздушников хватает наглости соваться вглубь загазованных районов. А вообще, кое-кто из наших считает,

что мы своей работой оказываем Окраине услугу. Видите ли, газ ведь до сих пор сочится из земли. И заполняет пространства за стеной, как большую старую миску. И то, что мы снимаем пенку, только к лучшему.

— Если забыть, что потом из них делают, — заметила Брайар.

— Это не я придумал, так что и забота не моя, — возразил Клай, хоть и без особой убежденности.

Она ничего не ответила, ибо споры ее утомили. Спросила лишь:

— Ну как, скоро?

«Наама Дарлинг» замедлила ход и зависла над участком стены.

— Прибыли. Фань?

Фань вскочил с сиденья и исчез в грузовом отсеке. Несколько секунд спустя что-то большое с шумом покатилось или просто вывалилось. Дирижабль ушел вниз и дернулся, но вскоре пришел в равновесие. Когда качка прекратилась, китаец вернулся в кабину. Теперь на нем была газовая маска и перчатки из такой толстой кожи, что он едва мог шевелить пальцами.

Он кивнул Клаю и Родимеру, те кивнули в ответ. Капитан обратился к Брайар:

— У вас ведь есть с собой маска?

— Есть.

— Надевайте.

— Уже?

Она залезла в сумку и вытащила респиратор. Ремешки и застежки превратились в несуразную мешанину. Пришлось их распутать и распрямить.

— Да, уже. Фань только что открыл люк в нижнем отсеке и сбросил на стену якорь. Газ довольно тяжелый и сам по себе в гондолу проникнет не скоро, но во время движения его начнет к нам задувать.

— А зачем нужен якорь?

— Для устойчивости. Помните, я говорил о воздушных течениях? Даже в полный штиль существует опасность, что ветер забросит судно в гиблые кварталы. Поэтому мы оставляем якорь на достаточно длинном тросе, несколько сотен футов. Потом отчаливаем, как лодка от пирса, и входим в пространство над городом.

Отстегнувшись от сиденья и отодвинув штурвал, капитан встал, начал потягиваться — и чуть не расшиб лоб о стекло, но вовремя вспомнил о своем росте.

— Затем, — продолжил он, — мы спускаем пустые мешки и разгоняем двигатели на полную

мощность. Нас на всех парах несет к стене, а мешки в один миг заполняются доверху. Одновременно набираем высоту: не забывайте, газ тяжелее, чем кажется. Чтобы оставаться на плаву, необходим разгон.

Накинув ремешки, Брайар приложила маску к лицу, но у глаз придержала, чтобы та не мешала разговаривать.

— Иными словами, вы проплываете над газом, сбрасываете мешки и вылетаете из города, как камешек из рогатки.

— Что-то вроде того. Пока мы движемся вглубь, вы ждете. Потом я высажу вас в один из воздуховодов. Дальше вам придется либо слезть по нему, либо просто съехать. Лучше сочетать одно с другим. Раскиньте ноги и руки, чтобы замедлить падение. До низу путь неблизкий, и я понятия не имею, с чем вы встретитесь на дне.

— Ни малейшего?

Она по-прежнему сжимала маску в руках, не желая отрезать себя от людей.

Капитан почесал голову и напялил большую черную маску, закрывшую нос и рот. Когда он выровнял ее и затянул все ремешки, его голос выцвел до громкого шепота:

— Я бы поставил на то, что из трубы вы попаде-

те в воздухонасосный цех. Но как они выглядят, мне не известно. Своими глазами ни одного не видел. Знаю только, что с их помощью вниз закачивают нормальный воздух… относительно нормальный.

Тем временем Родимер втиснул свою круглую физиономию в маску, и без защиты осталась одна Брайар. Снизу уже тянуло Гнилью, едкий запах бил в ноздри. Пора было принимать меры. Так она и сделала.

Но маска оказалась ужасна. Размер был подходящий, но не совсем. Герметичные края респиратора буквально впились в лоб и щеки, навалившаяся на лицо тяжесть пугала. Брайар поправила ремни на макушке, чтобы те не дергали волосы, — болезненное ощущение. От маски пахло резиной и подгорелым хлебом. Каждый вдох давался тяжелее обычного и оставлял неприятный вкус.

— Это что у вас, старушка ЗМ-восемьдесят? — полюбопытствовал капитан, указав на маску.

Брайар дернула головой:

— Да, осталась с эвакуации.

— Хорошая модель, — похвалил Клай. — У вас есть запасные угольные фильтры?

— Нет. Но мои два почти не использовались.

Должно хватить.

— Ну, хватит на какое-то время. На весь день, если повезет. Минутку. — Он выудил из-под пульта коробку, заполненную круглыми пластинками всевозможных размеров. — У вас какого диаметра?

— Две целых три четвертых.

— Ага, есть такие. Вот, возьмите несколько штук. Они нетяжелые, а в трудную минуту могут пригодиться.

Клай отобрал четыре фильтра и проверил каждый на свет, насколько позволяло мутное окно. Удовлетворившись осмотром, он вручил всю коллекцию Брайар:

— А теперь послушайте. Несколько дней кряду вам с таким запасом не протянуть, а больше у меня нет. Вам нужно будет подыскать помещения с чистым воздухом. И внизу они есть, точно есть. Но где их найти, подсказать вам не сумею.

Брайар принялась надевать сумку.

— Спасибо вам, — проговорила она. — Вы были добры ко мне, и я за это признательна. Когда спущусь, попробую добраться до дома… точнее, до моего бывшего дома, потому что жила я там не очень долго. Там спрятаны деньги, хорошие деньги, и всякие… не знаю даже. Я лишь хочу сказать,

что обязательно найду способ вас отблагодарить.

— Не берите в голову, — отозвался капитан. Из-за маски невозможно было распознать его интонации. — Просто останьтесь в живых, ладно? Я ведь и сам пытаюсь отплатить за одну услугу, но, если вы там погибнете, буду и дальше считать себя должником.

— Сделаю все возможное, — пообещала она. — А теперь покажите мне, где тут выход, и я пойду искать сына.

— Слушаюсь, мэм, — ответил капитан и указал на лесенку. — После вас.

Маска то и дело ударялась о ступеньки, изрядно затрудняя спуск, а из-за тяжелых круглых линз Брайар лишилась бокового зрения и мало что видела. Запах уже начинал сводить ее с ума, но со всем этим ничего нельзя было поделать, так что оставалось лишь внушать себе, будто она с легкостью видит и дышит, а ее голова не зажата в тисках.

Фань в грузовом отсеке снимал упоры на рельсах. На другом конце гондолы работал Родимер — сгребал в охапку обвисшие прорезиненные мешки и отгонял вдоль рельсов к открытому люку.

Брайар опасливо приблизилась к нему и вгля-

делась в газовую завесу. Смотреть оказалось не на что, и это ее потрясло.

За квадратным отверстием в полу вихрилась и бурлила буроватая мгла, скрывавшая под собой все, кроме верхушек самых высоких зданий. Не было ни единого намека на улицы или кварталы и никаких признаков жизни, не считая маячившей вдали черной птицы, изредка оглашавшей окрестности недовольным карканьем.

Но вскоре Брайар стала там и сям различать сквозь круговерть облаков мелкие детали. Вот мелькнул краешек тотемного столба[10] и тут же растаял. Церковный шпиль пронзил убогую пелену и снова сгинул.

— Мне показалось, вы упоминали какие-то трубы…

И тут она увидела. Их судно зависло совсем рядом, так что заметить воздуховод можно было только под углом. Труба выделялась канареечно-желтой расцветкой, подпорченной белым вороньим пометом, и покачивалась взад-вперед, но не слишком ощутимо. Опорой ей служил каркас необычного и ненадежного вида, вроде

---

[10] Примечания: 10

Тотемные столбы до сих пор распространены на северо-западном побережье США и Канады и стали одним из самых узнаваемых символов региона.

накладки под женской юбкой. К чему труба крепилась, Брайар не разобрала — должно быть, к какой-нибудь кровле или к останкам деревьев.

Раструб воздуховода возвышался над ядовитым туманом. Он с легкостью вместил бы не только Брайар, но и второго человека.

Она вытянула шею, пытаясь разглядеть верхушку трубы.

— Нужно будет подняться еще немного выше, — подал голос Клай. — Потерпите минутку. Наберем еще несколько футов, подойдем поближе, и вот тогда можете спрыгивать. Плотность у газа приличная. Он сам будет выталкивать, пока не начнем погрузку.

— Спрыгивать, — повторила она, борясь с удушьем.

Под ней вращалась вселенная — безрадостная, бессмысленная и бездонная. Где-то в чреве этой вселенной томился ее сын, и некому было спуститься на дно и вызволить его, кроме родной матери. Но она намеревалась отыскать Зика во что бы то ни стало и через три дня вывезти отсюда на «Вольной вороне».

Сколько бы Брайар ни думала о своей цели и ни внушала себе, что достигнуть ее можно и нужно, плескавшегося в сердце ужаса не убывало.

— Засомневались? — спросил Родимер. Даже респиратор не скрыл прозвучавшую в его голосе надежду.

— Нет. Больше ему никто не поможет. У него больше никого нет.

И все-таки она не могла оторвать глаз от туманной пучины в люке.

Меж тем «Наама Дарлинг» фут за футом всплывала выше. Очертания воздуховода сделались четче. Постепенно стали видны и другие конструкции с такими же каркасами, вздымавшиеся над омерзительной хмарью. Трубы торчали, как усики исполинских насекомых, затаившихся в тумане, и мерно колыхались под напором воздушных струй, но упорно держали вертикаль.

И вот они очутились над зияющим жерлом — почти впритык, бери и цепляйся. Брайар протянула руку и потрогала край трубы.

На ощупь та была шероховатой, но при этом странно скользкой. Как будто бы мешковина, пропитанная воском, — точнее не позволяли определить толстые линзы противогаза. Форму трубе придавали деревянные обручи, накинутые через каждые четыре фута, отчего сооружение напоминало кольчатого червя.

Наконец дирижабль застыл: выше уже не под-

няться. Пасть воздуховода разверзлась прямо под ним.

Капитан произнес:

— Теперь или никогда, миссис Уилкс.

Она набрала в грудь побольше воздуха — не самая приятная затея, когда его приходится с силой всасывать через фильтры.

— Спасибо вам, — сказала она снова.

— Не забывайте: как перелезете, нужно раскинуть ноги-руки.

— Не забуду, — обещала она и, кивнув на прощание Родимеру и Фаню, взялась за край трубы.

Клай обошел люк с другой стороны и продел руку в страховочную сеть:

— Ну же. Я вас держу.

Хотя он даже не коснулся ее, она чувствовала его присутствие за спиной: промахнуться мимо цели ей не дадут. Потом лапища Клая поднырнула ей под локоть.

Опершись на нее, Брайар подняла ногу и перекинула через кромку трубы. Толчок, непродолжительное падение — и вот «Наама Дарлинг» и верный капитан остались наверху, а она оседлала стенку воздуховода, цепко обхватив ее руками и ногами.

Брайар зажмурила глаза, но мигом распахнула

снова: уж лучше все видеть, как бы ее ни тошнило от открывшегося зрелища. На деле конструкция оказалась не такой устойчивой, как на вид, — ее беспрестанно покачивало, пошатывало и поматывало. Хотя колебания были несильными, на такой невозможной высоте хватало и ничтожного сдвига, чтобы у Брайар перехватывало дыхание.

Из люка дирижабля на нее уставились три любопытных лица.

И маячили они в какой-то паре футов, а руки у капитана были длинные. Стоит только потянуться к ним и попросить о помощи, и ее втащат обратно на борт. Искушение было почти неодолимым.

Вместо этого она разжала по одному дрожащие пальцы, мертвой хваткой впившиеся в трубу, с грехом пополам выпрямилась и перекинула через край вторую ногу. Чуточку помедлила, словно перед горячей ванной. А потом бросила последний взгляд через плечо — быстро, чтобы не успеть передумать, — и нырнула в черную утробу воздушной системы.

Переход от водянистого, унылого дня к беспроглядной ночи был разительным и молниеносным.

Она как могла старалась замедлить падение, но тут же сообразила, что одной рукой надо придерживать маску, иначе та просто не выдержит сумасшедшего спуска. На торможение оставались ноги и вторая рука. С тремя конечностями приходилось труднее, чем с четырьмя: Брайар кубарем летела вниз, то коленями вперед, то головой, усердно пересчитывая ребра воздухопровода.

Она не видела ни зги, а все, чего касались ее пальцы, оказывалось твердым и влажным и со свистом проносилось мимо. Но вскоре послышался какой-то новый шум и стремительно начал нарастать. На фоне грохота, сопровождавшего безобразное падение Брайар, его не так-то легко было распознать, однако вот он, сиплый шелест: вдох и выдох, вдох и выдох — будто на дне трубы дышало, разинув пасть, громадное чудовище.

Непонятно откуда у нее возникло ощущение, что до дна этого осталось совсем немного. Тогда она сделала последнюю отчаянную попытку: выпрямила шею, правую руку выставила перед собой и прижала колени друг к дружке.

И наконец-то ей удалось затормозить: под ногами нежданно возникла толстая и широкая перекладина, не чета всем предыдущим. Ее одежду стало с силой засасывать вниз, но

вдруг воздушная струя поменяла направление и мощным потоком хлынула наружу, к верхушке трубы. Брайар вознесла хвалу небесам, что недодумалась надеть юбку.

Через десять секунд выброс закончился, и все началось заново.

Внизу густела все та же чернильная тьма, но в промежутках между надсадными вдохами и выдохами невидимого гиганта до Брайар доносился грохот работающих механизмов и бряцание металла.

Воздушный прилив с жалобным присвистом накатывал и отступал, то утягивая за собой волосы, пальто и сумку Брайар, то пытаясь выдуть их вон. Ее шляпа парила над головой надутым шариком, удерживаясь на одних завязочках под подбородком.

Нельзя вечно стоять на одном месте… но что там, внизу? В такт «дыханию» раздавались одни и те же лязгающие звуки, будто сцеплялись и проворачивались огромные шестеренки: близко, но не до опасного. И вообще, опасность здесь была понятием относительным.

Дождавшись очередного «вдоха», она привалилась спиной к стенке и свесила ногу с уступа. Пошарила во тьме носком ботинка. Ничего.

Пришлось развернуться и опуститься пониже. Руки с трудом выдерживали вес тела, не помог даже встречный поток воздуха, норовящий ее вытолкнуть.

Брайар отважилась еще на несколько дюймов. Теперь ее плечи и грудь находились вровень с перекладиной, а ботинки болтались над пустотой и ничего, кроме пустоты, не находили. Однако хвататься можно было и пальцами, так что она распрямила локти и свесилась ниже прежнего.

Есть!

Ее ноги наткнулись на что-то мягкое. Поворошив ботинком, Брайар откинула непонятную штуковину в сторону, но под ней обнаружила еще одну — такую же размякшую и невеликую размером. Чего бы сейчас ни касались ее подошвы, покоилось оно явно на твердой поверхности. Хватило одной этой мысли, чтобы измученные руки сами собой разжались.

После короткого падения она приземлилась на четвереньки.

Под коленями и ладонями у Брайар с глухим хрустом лопались сотни косточек. Когда труба вновь ожила, ей в волосы стал набиваться мелкий сор. Это птицы, тушки мертвых птиц… судя по ломким клювам и истлевшим крыльям,

захваченным восходящим потоком, некоторые издохли совсем давно. Впервые она от души порадовалась, что ничего не видит.

Сначала ее удивило, почему птиц не уносит наверх при каждом выбросе. Но потом Брайар поводила вокруг себя руками и заметила, что в некоторых местах тяга слабее. Похоже, попав сюда, трупики становились недосягаемыми для воздушного потока. Ее догадки подтвердились, когда при попытке встать на ноги она приложилась головой об уступ.

Проще говоря, ее занесло в укромную пазуху, где скапливался всякий хлам. Присев, чтобы не набить новых шишек, она расставила руки и попробовала нашарить границы закутка.

Вдруг ее пальцы уперлись в стену. Под нажимом поверхность слегка подалась — значит, не кирпичная и не каменная… Материал был толще обыкновенной парусины и больше напоминал кожу — возможно, спрессованную в несколько слоев, хотя наверняка Брайар не сказала бы. Она подалась вперед и стала вслепую ощупывать перегородку в надежде найти защелку или неплотный стык.

Ничего не добившись, она прижала ухо к барьеру… и прониклась уверенностью, что слышит

голоса. То ли стена была слишком толстой, то ли звук доносился издалека, но ни языка, ни слов ей разобрать не удалось. И все-таки то были голоса.

Это добрый знак, сказала она себе. Да, в городе действительно живут люди и чувствуют себя неплохо — так чем Зик хуже их?

И все же Брайар не решалась постучать или крикнуть — пока что. Оставлять закуток не хотелось, пускай компанию ей составляли тушки давно околевших крылатых созданий. Сначала надо выяснить, что ждет ее на той стороне… Но нельзя же вечно сидеть на этом птичьем кладбище! И ни к чему себя обманывать, будто здесь ей ничего не угрожает. Выбора нет, придется действовать.

По крайней мере, она выйдет на свет.

Брайар замолотила кулаками по стенке — плотной, но довольно податливой:

— Ау! Эй, там, кто-нибудь меня слышит? Есть тут люди? Эй! Эй, я застряла внутри этой… штуки. Где тут выход?

Немного спустя скрежещущий механизм, оживлявший трубу, замедлил ход и остановился. Теперь голоса звучали отчетливее. Брайар явно услышали. По ту сторону перегородки последовало оживленное щебетание, но невозможно было

понять, что за ним крылось: ярость, радость, замешательство или страх.

Она без передыху мутузила кулаками по стенке и не прекращала настойчивых криков, пока за ее спиной не прорезалась белая полоска. Брайар обернулась, смяв подошвами очередной скелетик, и поднесла ладонь к маске. Хотя щель была не особенно широкой, свет резанул по глазам больнее солнца.

Свет обрисовывал силуэт безволосой головы.

Мужчина что-то быстро и неразборчиво затараторил, потом помахал ей рукой: выходи, выходи. Выползай из дыры, где валяются дохлые птички.

Брайар неверным шагом двинулась к нему, вытянув руки.

— Помогите мне, — сказала она уже без всяких криков. — Спасибо вам, спасибо. Только вытащите меня отсюда.

Он схватил ее за руку и помог выбраться в освещенную комнату. Повсюду был огонь, но за ним тщательно присматривали. Брайар невольно заморгала и сощурилась, очутившись в мире ослепительно пылающих углей и сумрачного марева — то ли дыма, то ли пара. Ее обзор был ограничен противогазом, и, чтобы хорошенько все разглядеть, приходилось вертеть головой.

Сзади и слева располагалась батарея мехов, поражающих размерами: такие мог бы держать у камина какой-нибудь великан. Они были подсоединены к сложной машине с большими шестеренками, каждый зубец — с яблоко величиной. К шестеренкам прилагалась пусковая рукоятка, предназначенная, скорее всего, для накачивания мехов. Однако она лежала без дела на кожухе машины и потому едва ли могла служить основным источником двигательной силы.

На эту роль куда лучше годилась угольная топка, что разинула рядом огнедышащую пасть. У открытой заслонки стоял человек с лопатой. От могучих мехов отходили четыре трубы различного вида: желтый воздуховод был ей уже знаком, металлический цилиндр соединял агрегат с печью, синяя матерчатая труба ныряла в соседнюю комнату, а серая — вероятно, разжалованная из белых — вонзалась в потолок.

На Брайар со всех сторон сыпались вопросы на языке, которого она не понимала, отовсюду к ней тянулись руки, щупали спину и плечи. Казалось, ее окружила целая дюжина мужчин, а не трое-четверо.

Это были азиаты — китайцы, судя по частично обритой голове и косичкам, совсем как у Фаня.

Все до одного щеголяли в длинных кожаных фартуках, прикрывавших ноги и оголенную грудь, и в очках с подцвеченными линзами для защиты глаз от света и жара.

Она вырвалась из круга потных тел и отступила в ближайший же угол, где не рисковала угодить в котел или печь.

Мужчины приближались, не переставая лопотать на своем непонятном языке, и тут Брайар вспомнила про винтовку. Сдернув ту со спины, она нацелилась на одного, на другого, на третьего и снова на второго — и еще на двух у входа, которые явились разобраться, с чего такой шум.

Даже угольные фильтры не могли скрыть, сколько в здешнем воздухе гари. Гарь душила ее, хотя такого быть не могло, просто не могло. И глаза у нее слезились, хотя под маску не пробрался бы никакой дым.

Слишком много всего навалилось и слишком быстро — щебечущие азиаты с их очками, печами и лопатами, машинами и ведерками с углем. По углам тесной закупоренной комнатушки, в стороне от раскаленных добела углей и желтого пламени, густо и зловеще чернела тьма. Все тени скакали и дергались, выплясывая бешеный танец на механизмах и стенах, — резкие, ужасные.

— Не подходите ко мне! — завизжала Брайар, почти не задумываясь, что ее могут не понять или попросту не расслышать из-за маски.

Она сделала винтовкой взмах и угрожающе вскинула ствол.

Китайцы подняли руки и начали пятиться, все так же обмениваясь короткими отрывистыми возгласами. Как бы у них ни обстояли дела с английским, язык оружия им был знаком.

— Как мне отсюда выбраться? — спросила она. Существовала крохотная вероятность, что кто-нибудь здесь понимает ее слова, даже если сам говорить на чужом наречии не умеет. — Выйти! Как отсюда выйти?

Из угла послышался односложный ответ, но Брайар его не разобрала. Быстро повернув голову, она разглядела типа преклонных лет, с длинными белыми волосами и всклокоченной, выцветшей бородой. Оба его глаза были затянуты мучнистыми бельмами. Даже оранжево-черный лихорадочный морок, царивший в помещении, не мог скрыть, что он слеп.

Старик воздел тощую руку и указал на коридор между одной из топок и средних габаритов машиной. Прежде она его не замечала. Это был всего лишь темный проем в стене, с комод шириной.

Похоже, других способов покинуть комнату или войти в нее не имелось.

— Простите меня, — сказала она ему, потом обратилась к остальным: — Простите. — Но винтовки так и не опустила. — Извините, — повторила она в последний раз, уже разворачиваясь, и кинулась к проходу.

Там оказалось тесно. Что-то хлестнуло ее по лицу, но Брайар как ужаленная понеслась дальше и вскоре попала в более или менее освещенный коридор. Из щелей в стенах тут и там торчали свечи. Бросив взгляд через плечо, она увидела множество полосок прорезиненной ткани, свисающих с потолка наподобие штор. Они задерживали изрядную часть искр и дыма и не пропускали их в проход.

По левую руку ей то и дело попадались закрытые окна, завешенные и законопаченные все той же тканью, бумагой, смолой и любыми другими материалами, которых не мог преодолеть страшный газ.

Брайар тяжело дышала под маской, каждый глоток воздуха давался с боем. Но сейчас останавливаться нельзя: скорее всего, за ней погоня, а куда ее занесло, она пока не представляла.

Хотя место выглядело знакомым. Не до боли,

бывала она здесь не часто, но пару раз все же заходила — когда жизнь была проще, а небо голубее. В груди у нее саднило, локти чуточку ныли, припоминая хозяйке позорный спуск по трубе.

Сейчас все ее мысли были о выходе: где его искать, куда он ведет и что ее там поджидает.

Коридор сменился просторным помещением. Если не считать бочек, ящиков и полок, заставленных всяческими разностями, оно пустовало. На концах вытянутого деревянного прилавка горело по светильнику. Видимость тут была лучше, только маска по-прежнему затрудняла обзор.

Брайар напрягла слух до предела, но никаких звуков, говорящих о преследовании, не уловила. Тогда она сбавила ход и попробовала как следует отдышаться, мимоходом поглядывая на бесчисленные коробки с фабричными этикетками. Однако самообладание не спешило к ней возвращаться. Она втягивала воздух через фильтры и жадно, с неестественной медлительностью заглатывала, но, сколько ни старалась, все равно не хватало. А маску снимать не стоило, ведь ей предстояло как-то пробраться на улицы, в самую гущу газа. Она зачитывала этикетки на коробках, словно мантру: «Постельное белье. Канифоль. Гвозди, восемь пенни штука. Двухквартовые

бутылки, стеклянные».

Сзади вдруг послышались голоса, которые могли принадлежать тем же людям, а могли и совершенно другим.

Перед ней выросла внушительная деревянная дверь со вставками из стекла. Стык с косяком был замазан толстым слоем дегтя. Брайар толкнула дверь плечом, но та не поддалась и даже не скрипнула. Слева находилось окошко, заделанное схожим образом: тонкие листы фанеры пригнали друг к другу и тщательно законопатили все щели.

Справа стоял еще один прилавок. За ним виднелись ступеньки, уходящие вниз, в такие же потемки, прореженные такими же свечами.

Сквозь неясные шорохи и шуршание маски, елозящей по волосам, Брайар ясно расслышала звук шагов. Голоса становились все громче, а ей некуда было бежать и негде прятаться. Можно ринуться навстречу китайцам. Либо сбежать по лестнице, и будь что будет…

— Вниз, — пробормотала она в респиратор. — Что ж, вниз так вниз.

И понеслась по кривым скрипучим ступенькам — то спотыкаясь, то припрыгивая.

10

Вслед за Руди, освещавшим себе путь единственной тусклой свечой, Зик спустился в подвал старой гостиницы рядом с пекарней. Дальше они свернули в туннель с кирпичными стенами, вдоль которых тянулись трубы. Там дорога пошла под уклон — ноги Зика почувствовали это раньше его самого. Казалось, спуск длится не первый час. Наконец мальчик решился спросить:

— А разве нам не наверх? Не на холм?

— Туда мы еще доберемся, — отозвался Руди. — Как я уже упоминал, порой надо забраться пониже, чтобы очутиться повыше:

— Но я думал, в том квартале больше частных домов. Мама говорила, район у них был жилой. И рассказывала кое-что про соседей. А мы ходим по подвалам всяких там гостиниц.

— Мы сейчас не по гостинице расхаживали, — возразил Руди. — Это была церковь.

— Верите ли, снизу их и не различишь, — проворчал Зик. — И вообще, когда можно будет снять маску? Толкуют, где-то под землей есть чистый воздух. Так мне Ректор сказал, он мой друг.

Руди перебил его:

— Тихо! Слышал?

— Что?

Они замерли неподвижно, как статуи. Слева и справа нависали стены, влажные от плесени и грязи. У них над головами располагался световой люк, выходящий прямо на улицу и заделанный стеклянной плиткой; благодаря ему коридор неплохо просматривался, и Зик с изумлением понял, что наступило утро. Такие люки попадались в подземелье не столь уж редко, однако на участках между ними властвовал мрак — темнее всяких чернил. Руди и Зик перебегали от одного островка тьмы к другому, словно каждая тень была безопасной гаванью, где никто не мог их увидеть и ничто им не грозило.

С потолка то и дело срывались капли воды и звучно разбивались о пол. С улицы доносился неясный рокот: вдалеке что-то с шумом двигалось. Но поблизости Зик никаких тревожных звуков не уловил.

— Что я должен услышать? — поинтересовался он.

Глаза Руди сощурились за щитком маски.

— Мне на секунду показалось, что за нами кто-то идет. Маски можно будет снять уже скоро.

Сейчас мы…

— Огибаем подножие холма. Да-да, я понял.

— Так вот, я *хотел сказать*, — прорычал Руди, — что мы сейчас приближаемся к неспокойной части города. Нужно как-то через нее пробиться, а как пробьемся — сразу попадем в закупоренные кварталы. Там и сбросишь свою маску.

— А что, на холме до сих пор живут люди?

— Да. Еще как живут. Да, — произнес он во второй раз, но вдруг осекся и весь обратился в слух.

— Что такое? Трухляки? — спросил Зик, потянувшись к сумке.

Руди покачал головой:

— Вряд ли. Но что-то тут не так.

— За нами следят?

— Тише ты! — цыкнул хромой. — Говорю же, что-то не так.

Зик заметил ее первым. От ближайшего участка, погруженного в тень, — одного из тех, где никто не мог их увидеть и ничто им не грозило, — плавно отделилась фигура, явно одушевленная. Она, казалось, не двигалась вперед, но постепенно обретала очертания. У размытого силуэта, ростом с Зика, обозначились контуры, и в луче света ярко блеснула пуговица на одежде.

Проявляться фигура начала снизу: сперва Зик

увидел изгибы башмаков, потом морщинистые складки на обвисших штанах и колени, которые уже распрямлялись. Отвороты куртки, швы на рубашке и наконец — профиль, настолько же неприятный, насколько и запоминающийся.

У Зика сперло дыхание в горле. Этого хватило, чтобы Руди в один миг развернулся на здоровой ноге. И опять вскинул трость, точно ружье, чем немало удивил мальчика, однако следом он прицелился в человека у стены и нажал какой-то рычажок, спрятанный в рукояти. Раздавшийся выстрел по оглушительности и мощи ничем не уступал прочим, которые доводилось слышать Зику, — а таковых, надо признать, было не так чтобы много.

По коридору прокатилась свинцовая буря, сотрясшая его до основания, и тень куда-то юркнула.

— Чтоб ее! Поторопился! — в сердцах выкрикнул Руди.

Взведя большим пальцем рычажок на трости, он снова встал на изготовку. Противник затаился в темноте. Зик старался прятаться за спиной проводника, пока тот наставлял дуло то туда, то сюда, то по сторонам, то перед собой.

Мальчик, чуть не оглохший от выстрела, никак

не мог отдышаться.

— Я его видел! — завопил он. — Вон там! Это трухляк?

— Нет, и закрой скорее рот! Трухляки не…

Его слова неожиданно прервал свист металла, и что-то острое с силой вонзилось в отсыревшую кирпичную кладку. Присмотревшись, Зик разглядел небольшой нож с рукояткой, обмотанной кожей. Прошел он очень близко — до того близко, что через несколько мгновений по уху Руди потекла струйка крови.

— Анжелина, это ведь ты? — рявкнул он. Потом продолжил, уже тише: — Теперь я смотрю в твою сторону. Только шевельнись, и у тебя в потрохах появится дырка, Богом клянусь. Живо выходи! И встань так, чтобы я тебя видел.

— Поищи других дураков!

Странный голос, странный акцент. Зик недоумевал, кому бы он мог принадлежать.

— Можно и дурой побыть, коли хочешь прожить часок-другой. И не нужно тут со мной нахальничать, принцесса. Если уж собралась драться в темноте, не стоило нацеплять на себя братовы пуговицы. Они блестят на свету.

Не успели слова сорваться с его языка, как куртка вместе с пуговицами шлепнулась на пол

туннеля.

— Гадство! — выругался Руди, взмахнув тростью, потом схватил Зика за шиворот и оттащил назад, подальше от сочащегося с улицы света.

Они притихли и навострили уши: не слышно ли шагов? Но все было спокойно, пока невидимая женщина не заговорила:

— Куда ты ведешь этого мальчишку, Руди? Что ты с ним намерен делать?

Зику ее голос показался сиплым, — возможно, дело было в травме горла. Звучал он приглушенно и неприятно-липко, словно ей вымазали гланды дегтем.

— Не твоего ума дело, принцесса, — понеслось ей в ответ.

Зик не хотел без нужды задавать вопросов, но не смог сдержать удивления:

— «Принцесса»?

— Мальчик? Мальчик, если в тебе есть хоть капелька здравого смысла, то не води компанию со старыми дезертирами. Там, куда он тебя ведет, нет ничего хорошего. И там небезопасно.

— Он домой меня ведет! — крикнул Зик в темноту.

— Он ведет тебя на верную смерть, а то и хуже. Хочет выменять тебя на что-нибудь у своего

хозяина. И если только ты живешь не на старом вокзале, который и запустить-то не успели, то домой попадешь ой как нескоро.

— Анжелина, еще одно слово, и я стреляю! — предостерег Руди.

— Валяй, — ответила та. — И ты, и я знаем, что в твоей старушке помещается только два заряда зараз. Так что стреляй. У меня хватит ножей, чтобы кое из кого сделать сито, но их понадобится куда меньше, чтобы тебя обездвижить.

— Вы что, настоящая принцесса? — повторил вопрос Зик.

И получил по зубам чем-то твердым и костлявым — скорее всего, локтем, но уверенности у него не было. Во рту появился вкус крови. Он спрятал лицо в ладонях и бормотал все бранные слова, какие знал.

— Убирайся, Анжелина. Тебя это не касается.

— Мне известно, куда вы направляетесь, а этому мальчику — нет. Так что меня это касается. Ты сам душу продал — на здоровье, но других за собой не тяни. Я такого не потерплю. И тем более не дам заманить ребенка в ничейные кварталы.

— «Этому мальчику»? — процедил Зик сквозь пальцы. — У меня есть имя, леди.

— Знаю. Тебя зовут Иезекииль Блю, хотя ма-

тушка величает тебя Уилксом. Слышала, как ты рассказывал ему на крыше.

Руди едва не срывался на крик:

— Да ведь только я о нем и забочусь!

— Ты его уводишь…

— Я веду его в безопасное убежище! Он сам меня попросил!

Во мраке опять просвистел нож — из одной тени в другую. Никакого звяканья на этот раз не раздалось, зато Руди вскрикнул. Почти сразу за первым ножом последовал второй, но отскочил от кирпича. Не дожидаясь третьего, мужчина выстрелил, только угодил отчего-то в потолок — то ли случайно, то ли с испугу.

Одна из опорных балок переломилась и рухнула… увлекая за собой пласты земли и кирпичные стены.

Обвал грозил распространиться на несколько ярдов в обоих направлениях, но Руди уже был на ногах и резво ковылял в противоположную сторону, помогая себе тростью. Зик вцепился в его пальто и побежал за ним к следующему освещенному участку — туда, где сквозь бледно-лиловые стекла в туннель заглядывало небо.

Они рысили вперед, пока позади не обвалился потолок. Теперь от женщины, говорившей с

ними из могильной тьмы, их отделяли добрые пол-акра почвы и камня. Однако Руди потащил его дальше.

— Но ведь отсюда мы и пришли! — запротестовал мальчик.

— Да, но той дорогой теперь не пройти. Вернемся немного назад и спустимся в другом месте. Ничего страшного. Шевели ногами.

— Кто это был? — спросил Зик, вконец запыхавшись. — Она вправду принцесса? — И с откровенным смущением прибавил: — И женщина? Голос у нее какой-то мужской.

— Она старая, — отозвался Руди. Бросив взгляд через плечо и не увидев ничего, кроме завалов, он замедлил ход. — Старая как горы, приставучая как комар и страшная как смертный грех.

На очередной сиреневой полянке он остановился и начал себя осматривать, и тогда-то Зик заметил кровь:

— Она вас ранила?

Вопрос был глупый, он сам это понимал.

— Да, она меня ранила.

— А где нож? — поинтересовался Зик, не в силах оторвать глаз от мерзкого разреза, рассекшего пальто у Руди на плече.

— Я его еще там достал. — Хромой залез в кар-

ман и продемонстрировал свой трофей. Острое лезвие покрывала запекшаяся кровь. — Не выбрасывать же его. Раз уж она его в меня метнула, а я поймал, пусть будет мой.

— Ага, — согласился Зик. — А как вы себя чувствуете? И куда мы сейчас идем?

— Жить буду. Нам надо вон в тот туннель, — показал пальцем Руди. — А вышли мы из вон того. Принцесса сбила нам весь маршрут, но сойдет и этот, не беда. Не охота было связываться с китайцами лишний раз. Такие дела.

У мальчика в голове роилось так много вопросов, что он даже и не знал, с какого начать. И задал все тот же:

— Кто такая эта леди? Она на самом деле принцесса?

Руди неохотно ответил:

— Никакая она не леди, просто женщина. И да, ее можно назвать принцессой, коль тебе угодно считать, что у краснокожих бывают настоящие короли.

— Так она *индейская* принцесса?

— Если она индейская принцесса, то я лейтенант-орденоносец. То есть она могла бы на что-то претендовать… но по сути ничего собой не представляет.

Он пощупал рану на плече и скривился — скорее от злости, чем от боли, как показалось Зику.

— А вы лейтенант? Какой армии? — спросил он.

— Догадайся.

На первом же островке света Зик пристально оглядел одежду Руди. Темно-синяя форма допотопного вида.

— Союзной,[11] наверное. Их ведь цвета. И вообще, южан с таким выговором мне что-то не встречалось.

— Ну вот, видишь, — лениво отозвался хромой.

— Но вы больше с ними не воюете?

— Не воюю. По мне, они и так отхватили от моей шкуры добрый кусок, прежде чем выплюнуть. Откуда, по-твоему, у меня хромота? Почему, думаешь, я хожу с тростью?

Зик пожал плечами:

— Потому что вам хочется выглядеть безоружным, но чтобы можно было кого-нибудь подстрелить, когда надо.

— Очень смешно, — сказал Руди. Судя по голосу, шутка и впрямь его повеселила. После паузы, намекавшей, что другой реакции дожидаться не

---

[11] Примечания: 11
Имеется в виду Союз (Федерация) северных штатов.

стоит, он продолжил: — В Манассасе[12] я словил в мягкое место порцию шрапнели. Бедро в клочья, конечно, но в итоге обошлось. Меня отпустили с фронта, и с тех пор мне до войны дела нету.

Но тут Зику вспомнились слова Анжелины, и он решил поднажать:

— А с чего тогда та леди назвала вас дезертиром? Вы взаправду сбежали?

— Та *женщина* — лживая шлюха, да к тому же убийца. И двинутая напрочь. У нее какая-то непонятная вражда с человеком, на которого я иногда работаю. Задумала его убить, но никак не может, вот и бесится. И вымещает злобу на всех нас. — Он нашарил нишу в стене и выудил оттуда свечу, потом чиркнул спичкой и пояснил: — В этом туннеле люков не будет до поры до времени. Много света нам не понадобится, но совсем без него нельзя.

— А на что это было похоже? — поспешил сменить тему Зик. — Ну, когда вы сражались на фронте?

— Это же война, бестолочь ты мелкая. Все, кто мне нравился, погибли, а большинство тех, кого

---

[12] Примечания: 12

В 1861 и 1862 годах в окрестностях города Манассас (штат Виргиния) произошло по сражению. Оба закончились поражением северян, во втором случае — разгромным.

бы я и сам охотно пристрелил, ходят живехонькие и с медалями на груди. Там нет никакой справедливости и ничего веселого тоже нет, мать его. И видит бог, слишком уж все затянулось.

— Все говорят, что осталось недолго, — повторил Зик услышанные где-то слова. — Англичане подумывают вывести с Юга свои войска. Они давно бы могли прорвать блокаду, но…

— Мало-помалу ее все равно восстановят, — согласился Руди. — Север их потихоньку душит, да так для всех только хуже. У меня на этот счет много разных соображений, но знаешь ведь, как говорят — если бы да кабы, да во рту росли грибы.

Зик растерялся:

— Никогда такого не слышал. И не очень понимаю смысл.

— Это значит, что если в правую ладонь собирать плевки, а в левую хотелки, то одна из них наполнится быстрее.

Он поднял свечу повыше, почти до уровня деревянных балок, образующих потолок. Вокруг раскинулось царство сырости и унылых красок. У них над головами раздавался беспорядочный топот: кто-то бегал то туда, то сюда, то не пойми куда. Зик гадал, трухляки это или обычные люди,

но Руди, кажется, и сам не знал — или знал, но распространяться не хотел.

Зато рад был потолковать о войне:

— Я что хочу сказать: если бы этот их генерал, Джексон, так бы и помер при Чанселлорсвилле,[13] как боялись врачи, — бойня вскоре прекратилась бы и Юг куда раньше пал бы на колени. Но он выжил, и действия на том фронте продолжились. Каналья ослеп на один глаз, потерял руку и получил столько шрамов, что его на улице и не узнаешь, но он хитер и смыслит в тактике. Что есть, того не отнять.

У следующей развилки он свернул налево и вверх. За коротким лестничным пролетом начинался другой туннель, более оборудованного вида — со световыми люками, иначе говоря. Хромой задул свечу, припрятал ее в стенном тайнике и продолжил:

— И вот еще что: если бы мы дотянули первую национальную магистраль до Такомы,[14] а не пу-

---

[13] Примечания: 13

В 1863 году один из самых талантливых генералов Юга, Томас Джонатан Джексон, был тяжело ранен в сражении при Чанселлорсвилле (штат Виргиния) по нелепой случайности — своими же солдатами. Лишился руки и умер от пневмонии, хотя подавал признаки выздоровления.

[14] Примечания: 14

Такома — город в штате Вашингтон, расположен в 50 километрах от Сиэтла. В 1887 году стал конечной точкой Северо-Тихоокеанской железной дороги.

стили ее югом, то у них не было бы сейчас такой замечательной транспортной системы, а с ней и еще пары-тройки лет на сопротивление.

— Ага, улавливаю, — кивнул мальчик.

— И славно, потому что веду я вот к чему: война затянулась не без причин, и причины эти имеют мало отношения к доблести южан. Просто обстоятельства сложились так, а не иначе. У Севера гораздо больше сил, готовых вступить в бой, и говорить тут не о чем. Однажды этому наступит конец. Может быть, уже скоро.

Помолчав, Зик обронил:

— Да, неплохо бы.

— Почему же?

— Мама хочет переселиться на восток. Думает, когда война закончится, это будет проще. Уж в тех краях нам точно будет легче, чем здесь. — Он пнул подвернувшийся обломок кирпича и поправил лямку на уставших плечах. — Тут жить… не знаю. Ничего тут хорошего. Вряд ли в другом месте будет сильно хуже.

Руди помолчал немного, потом сказал:

— Да, понимаю, тебе, должно быть, нелегко, да и ей тоже. И меня поражает, почему она не увезла тебя, когда ты был помоложе. Теперь ты практически мужчина и можешь уйти по собственной

воле, если захочешь. Даже странно, что ты до сих пор не подался в солдаты.

В задумчивости Зик еле передвигал ноги, но тут начался подъем, Руди прибавил шагу, и пришлось под него подстраиваться.

— Я об этом думал, — признался мальчик наконец. — Только… только не знаю, как добраться до восточных штатов. Даже если подвезут на дирижабле или товарняке, чем мне потом заниматься? И вообще…

— Да? — Руди оглянулся.

— И вообще, я так с ней не поступлю. Бывает… бывает, она ужас как раздражается, а бывает, ходит букой, но ведь не со зла. Она всегда старалась быть со мной справедливой и работает как вол, чтобы заработать нам на жизнь. Так что мне нужно побыстрее закончить тут дела. Найду то, за чем пришел, и буду выметаться к чертовой бабушке.

Откуда-то сверху, если Зику не померещилось, донесся стрекот человеческих голосов, однако слов с такого расстояния было не разобрать.

— Что там? — спросил он. — Кто это разговаривает? Теперь нужно быть потише?

— Нам вообще стоит быть потише, — ответил ему проводник. — Но ты прав. Это китайцы. По-

пытаемся им не мозолить глаза, если получится.

— А если не получится?

Вместо ответа, Руди начал перезаряжать свое оружие, заметно прихрамывая. Когда рычажок встал на место, трость вновь превратилась в невинную опору для калеки.

— Слышишь звук наверху? Шелестящий такой, будто ветер дует?

— Слышу, а как же.

— Там расположены котельные и мехи. Их обслуживают китайцы. Благодаря им воздух в туннелях и остается чистым — насколько это вообще возможно. Они закачивают его через большие трубы, которые сами же и соорудили. У них всегда шумно, жарко и грязно, но они все работают и работают. Бог знает, зачем им это.

— Может, чтобы им было чем дышать? — предположил Зик.

— Если бы они хотели только этого, то давно бы ушли отсюда. А вот не уходят. Сидят здесь и гоняют воздух по закупоренным кварталам. Скоро ты сможешь снять свою маску. Знаю, эти штуки не слишком удобны… Ты уж меня извини, ладно? Я думал, к этому времени мы уже будем в безопасности, но этой гадине приспичило…

Не закончив мысль, он потер плечо. Кровь под-

сохла и стала липкой.

— Выходит, вам они не нравятся и доверять им нельзя?

— Если в двух словах, то да. До меня никак не доходит, почему бы им не вернуться домой, к женам и детям. Не понимаю, зачем они здесь торчат столько лет.

— К женам… там что, одни мужчины?

— В основном. Мне рассказывали, с ними теперь живет мальчишка, а то и двое. Еще, может, парочка старух — стирают им, стряпают… Как так вышло, понятия не имею, — вообще-то, здесь их быть не должно. Много лет назад вышел один закон. По нему китайцам запрещено привозить с родины свои семьи. Ей-богу, эти ребята плодятся как кролики. А тогда они как раз рвались на восток. Ну, в правительстве и решили, что так они у нас точно не осядут. Мы не против, чтобы они тут работали, но остаться им не дадим.

Зик не вполне понял, почему так должно быть, но что-то ему подсказывало, что лучше больше не расспрашивать. И заговорил о другом:

— Ну хорошо. Кажется, я тебя понимаю. Но если они уйдут, то кто будет перекачивать воздух?

— Да никто, пожалуй, — вынужден был признать Руди. — А может, найдутся охотники.

Думаю, Миннерихт кого-нибудь наймет. Черт, да откуда мне знать?

И снова это имя. Зику нравилось, как составлявшие его согласные перекатываются на языке.

— Миннерихт… Вы мне так и не сказали, кто он такой.

— Не сейчас, малец, — отмахнулся Руди. — А теперь давай-ка помолчи. Китайский квартал уже близко. Им с нами связываться без надобности. Нам с ними тоже. Сейчас мы в аккурат за стеной их котельной. Там не смолкает шум, но у этих чертей слух не хуже, чем гляделки у орла.

Зик насторожил уши. Действительно, где-то неподалеку, приглушенное слоем земли и уличного булыжника, раздавалось фырканье, слишком размеренное и громкое, чтобы принять его за дыхание. И стрекот, который он тогда уловил… внезапно его осенило, почему тот показался тарабарщиной. Сам этот язык был ему незнаком, и ни один слог не цеплял внимание.

— Сюда. Шевелись.

Мальчик держался поближе к проводнику. Того временами будто бы пошатывало.

— Вы как себя чувствуете? — шепнул Зик.

— Плечо болит, только и всего, — откликнулся Руди. — И ляжка, но с этим все равно ничего не

поделаешь. Сюда, — повторил он свое заклинание. — Шевелись.

— А с такой раной вы точно сможете меня проводить до Денни…

— *Шевелись,* я сказал.

Они пробирались в обход основных цехов, держась коридоров, которые шли параллельно котельным, с их грохотом и стуком, или подныривали под них.

— Еще чуть-чуть, — сказал хромой. — Как дотопаем до той стороны, дело в шляпе.

— И пойдем к холму?

— Я же тебе обещал, разве нет?

— Так точно, сэр, — пробормотал Зик, хотя у него пока что не возникло ощущения, что они хоть сколь-нибудь приблизились к вершине холма.

Напротив, туннели уводили их вниз — дальше и глубже, чем им нужно. Вместо того чтобы взять курс на центр города, они ушли под землю и держали путь вдоль прибрежного отрезка стены.

Однако он был вынужден положиться на проводника, ведь сам бы он теперь дороги не нашел. Ему ничего не оставалось, кроме как не отставать от хромоногого, пока явной угрозы нет.

Вдруг Руди приложил палец к маске и предо-

стерегающе выставил руку с тростью: замри и умолкни. Жест был настолько выразительный, что мальчик встал как вкопанный, не зная, каких напастей ожидать.

Вытянув шею и заглянув за угол, он почувствовал громадное облегчение. Над столом, заваленным линзами, рычагами и трубками, согнулся молодой китаец. Его спина была обращена к коридору, откуда за ним наблюдали двое чужаков. Все внимание азиат сосредоточил на каком-то предмете, остававшемся для них невидимым.

Руди сделал свирепый взмах рукой, давая Зику понять, чтобы тот стоял на своем месте и под страхом смерти не покидал его. Удивительно, как много он умел выразить при помощи нескольких пальцев.

Затем хромой вновь извлек из кармана нож, которым индейская принцесса его ранила. Лезвие уже подсохло, но под пленкой запекшейся крови поблескивал металл.

На парне у стола красовался длинный кожаный фартук. Спину его уродовал горб, на носу сидели очки. И он был лыс как коленка, если не считать длинной косицы. Интересно, есть у него дети? Он был достаточно взрослым, чтобы стать чьим-

нибудь отцом. Зику внезапно подумалось, что ему, наверное, не больно-то и хочется нападать на людей.

Только вот осенило его слишком поздно. Потом Зик часто мучился мыслью: а если бы он сообразил вовремя, если бы догадался предупредить китайца… предупредил бы?

Но он не догадался.

Руди скользнул за спину человечка, взял его в захват и полоснул ножом по горлу, здоровой рукой зажав несчастному рот. Китаец пытался сопротивляться, однако нападение произошло слишком быстро для него.

Двое мужчин вертелись и кружились в смертельной схватке, как пара вальсирующих. Зика поразило, сколько при этом было крови — казалось, целые галлоны. Она багровым водопадом хлестала из раны, рассекшей горло жертвы от уха до уха. При каждом движении «танцоров» во все стороны разлетались брызги, орошая рычаги, трубки и линзы.

Мальчик сполз по дверному косяку и зажал рот ладонями, чтобы не закричать. Ему тут же вспомнилось, как Руди саданул его локтем, и десны снова закровоточили.

На миг он явственно ощутил вкус медно-крас-

ной жидкости, заляпавшей кожаный фартук китайца, размазанной по половицам двумя парами подошв, но вскоре осознал, что и боль, и кровь — его собственные.

От этого зрелище не стало менее омерзительным. Никуда не делись и рвотные позывы.

Однако сейчас на нем была маска, и снять ее означало обречь себя на смерть от удушья. Так что позывы пришлось проглотить вместе с желчью и потребностью извергнуть из себя невыносимую неведомую скверну.

Наконец труп обмяк в объятиях Руди, и бывший солдат пинками затолкал его под стол, за которым парень работал каких-то несколько минут назад. И лишь тогда Зик заметил, что китаец не имел при себе маски.

— Он… — выдавил мальчик и чуть не поперхнулся рвотой.

— Только не надо со мной сюсюкать, малой. Он бы сдал нас, не успев сказать: «Привет». А ну-ка, соберись! Нужно делать ноги, пока никто не обнаружил, что мы тут натворили.

— Он… — повторил попытку Зик. — Он был… на нем… на нем не было…

— Маски? — договорил за него Руди. — Да, ты прав. Мы свои тоже скоро снимем. Но не сейчас.

Нас еще могут выгнать на поверхность, если будет погоня. — Шустро заковыляв к следующей двери, он добавил шепотом: — Лучше лишнее в маске побегать, чем остаться без нее в самый нужный момент.

— Верно, — сказал Зик. И поскорее произнес еще раз, не давая ходу рвоте: — Верно. Я… я с вами.

— Вот и молодец, — откликнулся Руди. — А теперь не отставай.

11

Одолев лестницу, Брайар очутилась в более или менее пустом помещении с укатанным, заметно просевшим полом. В центре комнаты земля умялась на фут с лишним, по краям — на дюйм или два. В кирпичной стене зияло жерло туннеля, по которому доставляли неведомо куда большие колесные вагонетки с углем.

Как ни удивительно, освещение в туннеле было вполне сносным. Не обнаружив иных путей отхода, Брайар припустила вдоль вереницы тележек, груженных черным топливом.

Рельсов в туннеле не оказалось, зато пол был хорошо укатан и местами вымощен камнем, чтобы вагонетки могли беспрепятственно перемещаться, — судя по цепям и рукоятям, вделанным в стены и тот же пол, их приводили в движение некие механизмы.

Между потолочными балками, на приличной высоте, была туго натянута перехваченная узлами веревками. С нее свисали стеклянные фонари под сетчатыми колпаками.

Брайар следовала за веревкой, словно по дорож-

ке из хлебных крошек,[15] подгоняя себя изо всех сил. Оружие она по-прежнему держала перед собой и готова была применить его в любой момент, но пока винтовка только мешала бежать. Сам туннель явно пустовал, а китайцы если и преследовали ее, то без лишнего шума. Никаких ног, топочущих сзади, никакого тревожного эха; впереди — ни голосов, ни смеха, ни кашля.

Ярдов через пятьдесят коридор разделялся на четыре ветви, — очевидно, наверху им соответствовали какие-то учреждения или лавки. Все как один, ходы были завешены длинными полосками то ли кожи, то ли прорезиненной материи — такими же, как рядом с приснопамятной котельной.

Она по очереди заглянула в каждый туннель, чуток раздвинув занавески.

Два коридора были озарены светом; в двух царил мрак. В одном из освещенных метались отзвуки чьей-то перебранки. В другом — тишина. Брайар поспешно юркнула во второй, уповая на удачу. Однако через двадцать шагов коридор уперся в железную решетку, которая устояла бы и перед стадом слонов.

---

[15] Примечания: 15
Намек на сказку братьев Гримм «Гензель и Гретель».

Основанием она уходила глубоко в землю — вкапывали на совесть, явно не красоты ради — и под углом подавалась вперед. Сверху решетка топорщилась прутьями с заостренными наконечниками, способными устрашить и самую грозную силу. К ней примыкала глухая деревянная стена, отделанная колючей проволокой. Вместо досок, похоже, использовались железнодорожные шпалы. Бросался в глаза огромный брус, который при желании можно было поднять и отвести назад. Приглядевшись, Брайар увидела тонкие щели, обозначавшие плотно пригнанную — или прорезанную прямо в стене — дверь.

Как следует прощупав прутья, она вскоре нашарила запор. Тот ни к чему не крепился, так что достаточно было его выдвинуть.

Затем Брайар ухватилась за засов и потянула на себя, но дверь сидела как вкопанная.

Значит, попробуем от себя… На этот раз дверь со скрипом покорилась, и в подземную каморку хлынул воздух. Чтобы распознать губительный газ, Брайар не понадобилось учуять его через угольные фильтры или разглядеть через цветное стекло.

За дверью обнаружился лестничный пролет, ведущий куда-то вверх. Дальнейшего спуска не

предвиделось.

Она не дала себе время задуматься, чтобы не пойти ненароком на попятную. Уж на улице как-нибудь можно сориентироваться. Протиснувшись бочком сквозь проем в стене, она задом притворила дверь и вновь вскинула винтовку. Сосредоточься, уйми дрожь в руках… Теперь ты в Сиэтле — настоящем Сиэтле. В компании ужасных тварей, навеки застрявших за стеной… и не менее страшных людей, надо полагать.

Винтовка давала какое-никакое, но чувство безопасности. Сжав ее в руках, Брайар мысленно поблагодарила покойного отца за пристрастие к хорошему оружию.

За последней ступенькой ничего было не разобрать, кроме резко очерченного прямоугольника, за которым царила пепельная серость. Ничего общего с привычной серостью небес: в тени могучей стены стояли вечные сумерки. Сюда не проникал даже тот жиденький свет, что в зимнюю пору наведывался в эти края на пару-тройку часов в день.

— Да что это за улица? — вслух спросила Брайар. Звук собственного голоса успокаивал не больше, чем винтовка. — Что за улица?

Что-то в двери ее насторожило, но что именно,

она поняла лишь тогда, когда было поздно возвращаться. Снаружи на двери не оказалось ни задвижки, ни ручки, ни даже замка. Ее устроили таким образом, чтобы войти могли лишь те, кого захотят впустить люди, засевшие внутри.

Брайар ощутила прилив паники. Отступать теперь будет некуда, даже если прижмет. Но ведь она и не собиралась отступать.

Сейчас ее задача — попасть *наверх.* Добраться до улицы, разыскать дорожные указатели, определиться с местоположением, а потом уж можно трогаться… куда? Что ж. Домой, куда же еще.

Особняк на склоне холма был ее домом совсем недолго, каких-то несколько месяцев. Как удалось ей сегодня выяснить, за стеной и вправду обитали люди, а значит, не подлежало сомнению, что его обчистили до нитки. Однако кое-что полезное там могло остаться. Левитикус понаделал великое множество машин; самые удачные и любимые из них он попрятал в хорошо замаскированных тайниках, проглядеть которые было проще простого.

К тому же о намерениях Иезекииля она знала лишь одно: мальчик хотел наведаться в отцовскую лабораторию и разыскать там улики, снимающие вину с изобретателя Костотряса.

Зик хотя бы представляет, где расположен этот дом?

Брайар склонна была считать, что не представляет; с другой стороны, в его способности пробраться за стену она тоже сомневалась — и совершенно напрасно. Чего-чего, а находчивости у мальчугана не отнять. Сейчас разумнее всего предположить, что ему улыбнулась удача.

Затаившись у подножия выщербленной каменной лестницы, будто на дне колодца, Брайар не торопясь перевела дух, восстанавливая душевные силы. Никто не рвался распахнуть дверь и сцапать ее. До ее ушей не доносилось ни звука — даже лязга и грохота механизмов, оставшихся позади.

Может, не все так плохо.

Выставив ногу вперед, она неслышно опустила подошву на ступеньку. Следующая ступенька была преодолена с той же бесшумностью и плавностью. Пока позволяла ненавистная маска, Брайар краешком глаза посматривала на дверь, медленно уплывающую из виду.

Она слышала немало россказней о трухляках, а в первые дни Гнили видела нескольких собственнолично. Но сколько их еще оставалось в городе? Право слово, рано или поздно даже трухляку

полагается издохнуть, выбиться из сил, сгнить или попросту пасть жертвой времени и стихий. Надо думать, сейчас они в ужасном состоянии и слабы, как котята, если вообще способны ползать или как-то передвигать ноги.

Такие примерно мысли внушала себе Брайар, взбираясь по лестнице.

Ближе к вершине она перешла на четвереньки и до последнего мгновения не поднимала головы. Потом вытянула шею и осторожно выглянула за кромку мостовой, чтобы узнать, что ее ждет.

Никаких ярких тонов, все цвета приглушены. В городе было не настолько темно, чтобы доставать фонарь, но угольно-черные тени стен и крыш грозили в самом скором будущем обратить пейзаж в кромешную полночь.

На уровне ее глаз тянулась развороченная улица, слякотная и скользкая от частых дождей и оседающей Гнили. Кирпичи потрескались и местами расползлись. Мостовая изобиловала ухабами и кочками и была завалена мусором. Разбитые повозки лежали кверху дном, грудами валялись давно истлевшие и основательно расчлененные трупы лошадей и собак — горки липких костей, непрочно связанных серо-зелеными волокнами плоти.

Брайар неспешно повернула голову влево, потом вправо. Видимость в обоих направлениях была так себе. Улица просматривалась самое большее на половину квартала, дальше все скрадывала густая пелена тумана. Куда ее могли завести эти проулки, неизвестно. Север и юг, восток и запад теряют смысл там, куда не заглядывает солнце.

Ни единого дуновения не касалось ее волос. Не было слышно ни шума волн, ни птичьего гама. Некогда тут обитали тысячи птиц — по большей части вороны да чайки, все как одна горластые. Сводный хор пернатых издавал ошеломительный гвалт. Нынешняя тишина неприятно поражала. Ни птиц, ни людей. Ни лошадей, ни машин.

Никакого движения.

Упершись левой рукой, Брайар выбралась из укрытия. Ее кожаные подошвы ступали мягко, не нарушая тревожного безмолвия.

Наконец она встала во весь рост у спуска в подвал.

Единственным звуком был шелест ее же волос, трущихся о ремни и бока маски. Стоило замереть, исчез и этот последний намек на шум.

Она стояла на каком-то склоне. Чуть поодаль тот обрывался и резко уходил вниз. На краю косо-

гора располагались опустевшие торговые ряды. А на обочине, немного повыше, Брайар приметила завалившийся указатель и огромные часы без стрелок.

Значит, это…

— Рынок. Я где-то рядом с Пайк-стрит.

Она чуть не произнесла это вслух, но сдержалась и разве что шевельнула губами. Улица упиралась в рынок. А по ту сторону рынка находился залив… пока стена не отрезала его от набережной.

Очевидно, здание за ее спиной выходило фасадом на Коммершл-авеню. Та когда-то шла вдоль океана, теперь же — вдоль стены. В ближайших нескольких кварталах можно выбирать любую улицу, параллельную Пайк-стрит, и та приведет ее в более или менее нужном направлении.

Она начала потихоньку смещаться вбок, держась поближе к зданию и переводя взгляд — а заодно и винтовку — то влево, то вправо. Дышать легче не стало, но понемногу Брайар привыкала к маске… собственно, выбора и не было. Чтобы легкие работали нормально, приходилось напрягать мышцы сильнее обычного, и в груди из-за этого саднило. А в уголке одной из линз скапливалась влага, застилая ей обзор.

Мало-помалу женщина отдалялась от стены, которой даже и не видела. Та по-прежнему высилась темной громадой позади, но давно уже пропала из виду. Чтобы забыть про нее, достаточно было отвернуться.

В голове Брайар крутились бесконечные подсчеты. Как далеко отсюда до лилового дома на холме? За какое время можно туда добраться бегом? Прогулочным шагом? А вот так, крадучись, пробираясь между щупальцами зловонного тумана, стелющимися по мостовой?

Она дернула щекой, пытаясь стряхнуть со стекла капли влаги.

Не помогло. Линза упорно запотевала.

Брайар вздохнула, и тут же причудливым эхом донесся еще один вздох.

Она в растерянности помотала головой. Наверное, что-то неладно с ремешками или маска неплотно прилегает ко лбу. Может, неприбранные волосы наползли на респиратор, отсюда и шорох. Или подошва неудачно чиркнула по булыжнику. Да мало ли откуда взялся этот звук! И вообще, он был почти не слышен. Не звук даже, а так, одно название.

Ее ноги застыли как вкопанные. Оцепенели и руки, крепко обхватившие винтовку. Она не

решалась даже повернуть голову, опасаясь вновь наделать шуму… или не наделать. Если звук раздастся вновь, это еще полбеды. Страшнее услышать его и понять, что ее собственные движения тут ни при чем.

Брайар черепашьим шагом двинулась назад — до того медленно, что полы длинного пальто совсем не задевали ног. Нащупывая себе подошвами путь, она молилась, чтобы позади ее не поджидало никаких сюрпризов. Почувствовав под каблуком бордюр, она остановилась.

Потом ступила на тротуар.

Снова послышался тот же звук, то ли стон, то ли свист. Словно придушенный вздох. При всем при том он был очень тихим и доносился словно бы ниоткуда.

Как вкрадчивый шепот.

Брайар попыталась определить его источник, раз уж ей точно не почудилось. Кажется, тот располагался левее и ниже, невдалеке от стены — посреди торговых рядов, где вот уже шестнадцать лет никто ничего не продавал и не покупал.

Шептание перетекло в глухой ропот… и оборвалось.

Она тоже замерла, точнее, замерла бы, если бы уже этого не сделала. Ей хотелось обратиться

в статую, стать невидимой и неслышимой, но укрытий поблизости не было, по крайней мере в поле видимости. У нее за спиной выстроились фасады старых лавочек. Все двери наглухо заколочены досками, с окнами — то же самое. Отходя мало-помалу от рынка, Брайар уперлась вдруг плечом в угол какого-то каменного здания.

Шум прекратился.

Эта новая разновидность тишины пугала сильнее, чем старая, за которой стояло обычное отсутствие звуков. Теперь все стало куда сквернее, потому что затянутые туманом, замусоренные улицы не просто молчали. Они затаили дыхание — и слушали.

Брайар сняла с винтовки левую руку и принялась шарить позади себя, пока не нащупала кладку. Прильнув к стене, она на ощупь прокралась к дальнему концу здания. На полноценное укрытие это не тянуло, но так ее хотя бы нельзя было заметить со стороны рынка.

Маска начинала неприятно жать. Запотевшая линза то и дело заставляла отвлекаться, а запах резины и горелого хлеба набивался в глотку.

Ей нестерпимо захотелось чихнуть. Чтобы прогнать желание, пришлось до боли прикусить язык.

За углом по городскому безмолвию мазнул шелестящий хрип.

Смолк, потом зазвучал снова, теперь громче. А затем к нему присоединился второй осипший голос, и третий, и вскоре их было не сосчитать.

Брайар захотелось крепко-крепко зажмуриться и спрятаться куда-нибудь от этих звуков, но времени не было даже на то, чтобы заглянуть за угол и посмотреть, кто там поднимает какофонию, ибо та стремительно нарастала. Оставалось лишь спасаться бегством.

В середине улицы завалов почти не было, так что этой дорогой она и припустила, лавируя между перевернутыми повозками и перескакивая через обломки стен, порушенных землетрясениями.

О тишине можно было больше не беспокоиться.

Ботинки топали по мостовой, винтовка болталась взад-вперед и била по бедру — Брайар неслась под гору, хотя надо ей было совсем в другую сторону. В гору она взбежать не смогла бы: для таких подвигов ей элементарно не хватило бы воздуха. Значит, вниз. Хоть и под горку, но — блеснула утешительная мысль — курс не самый ошибочный. Сейчас она двигалась вдоль

стены и, соответственно, залива. Коммершл-авеню и уходит вниз, но все-таки прижимается к подножию холма, так что с нее можно свернуть в любом месте.

Она рискнула оглянуться, потом еще разок — и других попыток уже не делала, ибо стало ясно, как же жестоко, жестоко она заблуждалась… а бегали они *быстро.*

Два взгляда, брошенные мельком, сказали ей все, что нужно было знать: уноси-ка отсюда ноги и, ради всего святого, не останавливайся.

Не то чтобы ей наступали на пятки — в эту минуту они как раз вынырнули из-за угла, подурацки ковыляя и подпрыгивая, но при том развивали ужасающую скорость. Скорее голые, чем одетые, кожа скорее серая, чем нормального цвета. Трухляки катились шумной волной, наваливаясь друг на друга, перехлестывая через обломки, обтекая все преграды на своем пути.

Не ведающие страха и боли, их измочаленные тела налетали на препятствия и отскакивали от них, но тут же возвращались в строй, чтобы рысить себе дальше вперед. Они проносились по отсыревшим доскам, оставляя за собой одни щепки, и растаптывали трупы животных. Если кто-то из трухляков спотыкался и падал, остальные без

всякой жалости шлепали прямо по нему.

Брайар прекрасно помнила тех печальных доходяг, что первыми вдохнули смертельного газа. Большинство жертв почили в считаные часы, но у некоторых болезнь затягивалась и оборачивалась стонами, удушьем и голодом. Отныне им хотелось одного — пожирать. И не что-нибудь, а свежую, напитанную кровью плоть. Животные им годились, но предпочтение отдавалось людям, если у трухляков вообще имеются предпочтения.

И в данную минуту их предпочтения распространялись только на Брайар.

Оглянувшись в первый раз, она увидела четверых. Во второй раз, мгновением позже, — восьмерых. Бог знает, сколько их было у нее на хвосте, когда она достигла следующего перекрестка.

Брайар споткнулась о бордюр и дальше помчалась по тротуару.

Мимоходом ей бросились в глаза размашистые буквы, выложенные прямо на мостовой, но на бегу не разобрала, что там написано. А вообще, без разницы. Поперечная улица повела бы ее к вершине холма, а подъемы ей сейчас не по силам.

Она и без того задыхалась, хотя бежала совсем недолго, да к тому же под гору. От непомерной нагрузки горло горело, и Брайар не представляла,

сколько еще выдержит. Ее скромная фора перед мертвяками стремительно таяла, а она все неслась и неслась сквозь коварный туман.

Сбоку мелькнула узкая железная жердина, почти сразу же — еще одна.

Навесная пожарная лестница. Во всяком случае, к такому выводу пришла Брайар, когда хвататься за нее и лезть наверх было уже поздно.

Возможно, оно и к лучшему, подумалось ей. Карабкаясь непонятно куда, она запросто могла исчерпать остаток сил. Но если все-таки это был шанс спастись? Умеют ли трухляки лазить по лестницам?..

Жуткие хрипы, в которых звучал звериный голод, раздавались все ближе. Ее постепенно нагоняли. И дело было не только в проворстве трухляков. Теряла скорость она сама, и прибавить ходу не получится при всем желании. Как ни старайся, воздуха ей не хватит, так что на большее нечего и рассчитывать.

Мгла заполонила все вокруг, но местами лежала менее плотно. На одну счастливую секунду в поле зрения Брайар возникло еще одно здание с лестницей.

Она легко могла его прозевать, но каким-то чудом разглядела сквозь запотевшую левую линзу.

У Брайар не было времени, чтобы взвешивать все за и против; она попросту вцепилась в лестницу и рывком затормозила. Потом ухватилась покрепче и что есть силы подтянулась.

Ноги беспомощно шарили по стене и по нижним перекладинам, но в конце концов нашли опору, и ей удалось забраться чуть повыше.

Тут подоспел первый трухляк. Попытался схватить ее за ботинок, промахнулся и сцапал край старого пальто, рванул на себя.

Из-за перчаток пальцы Брайар едва не соскользнули со ржавой перекладины. Чтобы удержаться, пришлось до боли их сжать. Просунув руки за лестницу, зацепившись и высвободив ноги, она принялась лягаться. Так эту тварь не обезвредить, но можно было хотя бы переломать ей пальцы или отогнать — что угодно, лишь бы отпустила.

С трухляком в качестве балласта дальнейший подъем стал невозможен. А пока они бестолково болтались на лестнице, к дому подтягивалась оставшаяся часть своры, жаждущая расправы.

Брайар стала раскачиваться взад-вперед, пытаясь сбросить с себя прилипалу, отчего он то с глухим стуком ударялся о стену башкой и локтями, то с гулким звоном налетал на лестницу.

Наконец, словно бы чудом, очередная порция

пинков и толчков возымела действие и урод отправился вниз, к своим товарищам. Те без промедления использовали его в качестве ступеньки и потянули к добыче костлявые, будто бы объеденные, руки, но Брайар было уже не достать, иначе как последовав за ней.

Но как у них обстоит с лазаньем?

Она не знала и проверять не стала. Просто карабкалась дальше. Переставляем руку, переставляем ногу. Теперь вторую руку, вторую ногу. Вскоре она оказалась вне досягаемости самого рослого и длиннорукого из страшилищ. Но останавливаться было еще рано. Судя по тому, как тряслась и дребезжала лестница, они и впрямь намеревались последовать ее примеру или же сдернуть конструкцию со стены и сбросить Брайар на землю. Похоже, непреодолимых препятствий для трухляков не существовало.

Слева и справа от ее головы противно заскрипели болты, вылезающие из гнезд.

— О господи! — выдавила она, но выразилась бы и позабористее, оставайся у нее хоть толика дыхания.

Вершину лестницы скрывала желтушная пелена тумана. До верха могло быть и десять футов, и десять этажей.

Ну уж нет, об этажах не может быть и речи. Столько ей не сдюжить.

Лестницу сотряс страшный удар, что-то звучно треснуло, и одна из опор отделилась от стены. Не дожидаясь, пока ее стряхнет наземь, Брайар перекинула руку на ближайший подоконник, да так и застыла, поделив нагрузку между каменным выступом и уцелевшей опорой. Лестница выгибалась и ходила ходуном; оставалось ей недолго.

Напоминая о себе, брякнула о подоконник винтовка.

Брайар перенесла часть веса на одну из дрожавших перекладин, отпустила подоконник и как следует замахнулась «спенсером». Стекло разлетелось вдребезги; с огромным трудом удержав равновесие, она оттолкнулась и рванулась в окно.

Прыжок оказался неудачным: левая нога повисла в воздухе. В правую впились осколки стекла, однако их Брайар оставила на потом и, напружив бедро, подтянулась поближе к оконной раме. Угораздило же так застрять — и не снаружи, и не внутри. Она развернулась и наставила ствол на лестницу. Тут же показалась лысая, обезображенная шрамами голова, и женщина возблагодарила небеса, что успела зарядить винтовку, когда была

возможность.

Она выстрелила. Голову разнесло на куски, и маску Брайар забрызгали сочные коричневые ошметки. Пока по линзам не поползли кровавые разводы и осколки костей, ей и невдомек было, как же близко подобралась к ней эта тварь.

Сразу за первым трухляком полз второй.

Взобраться выше ему не удалось. Его левый глаз взорвался фонтаном мозгов и желчи, и труп рухнул вниз, оставив на память одну из наполовину истлевших рук, которая так и не отпустила перекладины. Еще ниже маячил третий трухляк, и сбросить его получилось лишь со второго выстрела: одна пуля оцарапала созданию лоб, другая угодила в шею и перебила какие-то хитрые косточки, которые держали череп на месте. Первой отпала челюсть, а за ней и вся голова отделилась от тела.

При падении трухляк номер три увлек за собой номер четвертый; что же до номера пятого, он словил пулю в нос и распрощался с остатками лица.

Им на смену спешили другие, однако на какое-то время лестница была очищена. Пользуясь недолгой передышкой, Брайар влезла в разбитое окно. Мелкие осколки, засевшие в ноге, жалили

болью, но пока что ей было не до ран: новые и новые трухляки открывали для себя прелесть лазанья по лестницам.

Упершись в стену, она снова подняла винтовку, но стрелять на этот раз не стала, а как рычагом поддела ею болты, которые удерживали железную конструкцию. С одной стороны их уже не было вовсе, другая со скрежетом отставала от стены, уступая напору ее рук. Наконец лестница плавно завалилась назад и, зависнув на миг под опасным углом, обрушилась.

Трухляки под номерами шесть, семь и восемь улетели вместе с лестницей, однако ничуть не пострадали, а компания их росла на глазах.

Если Брайар не ошибалась в подсчетах, от свирепствующей оравы ее отделяло три этажа.

Она отошла от окна, чтобы перевести дыхание, — теперь это приходилось делать часто. Потом кое-как изогнулась и попробовала вытащить осколки из ноги.

Первое же прикосновение к штанине заставило ее болезненно сморщиться. У нее не было никакого желания обнажать даже крошечные участки тела, когда кругом Гниль, но прощупать ранки в перчатках не получилось бы. И она стянула правую, стараясь не замечать вязкой

сырости воздуха.

Могло быть и хуже.

Самый крупный осколок был не больше семечка подсолнуха. Крови вытекло не ахти сколько, но Гниль проникала сквозь прорезы в ткани и раздражала кожу, отчего ранки жгли сильнее, чем положено. Найдись у нее бинты, марля или хотя бы кусок чистой ткани, она бы перевязала ногу. Но бинтов не было, так что оставалось лишь убедиться, что частицы стекла удалены.

Покончив с этим, она позволила себе осмотреться по сторонам.

Ее случайное убежище было не последним этажом здания — в дальнем конце помещения вверх уходила лестница. Судя по остаткам обстановки, когда-то здесь была гостиница. На полу перед окном валялось битое стекло, часть попала и на ветхую старую кровать с потускневшим медным изголовьем. У стены притулилась раскуроченная тумбочка, выдвижные ящики кто-то разбросал по комнате. В углу покоился таз с черепками кувшина.

Половицы скрипели под ногами, но доносившийся снаружи злобный гомон пугал ее куда больше. На вопли трухляков подтягивались новые и новые силы. Рано или поздно они отыщут

путь внутрь; рано или поздно фильтры в маске Брайар забьются и она умрет от удушья.

Но об этом можно поволноваться и потом. Пока что она в безопасности. По крайней мере, не в такой опасности, как пару минут назад. Ее представления о безопасности становились все более гибкими.

Посмотрев в окно, Брайар разглядела перекресток, на котором Коммершл-авеню встречалась с какой-то другой улицей, спускавшейся с холма. На углу, где было обозначено ее название, толклись трухляки. Впрочем, не важно. И не важно, что она не успела прочесть надпись. По улицам отныне перемещаться невозможно. Наверное, так обстояло дело уже шестнадцать лет. Но она сделала попытку и старалась как могла: не поднимала шума, вела себя осторожно. Этого оказалось недостаточно. Ну что ж, ничего не попишешь. С улицами вышло так же, как и со стеной.

Либо над ними, либо под ними. Цена за прогулку *по ним* слишком высока.

Брайар прошла к выходу и отодвинула дверь, слетевшую с петель. Скорее всего, до крыши этаж или два, не больше. Для начала не худо бы подняться туда и оценить обстановку.

На лестнице царила непроглядная, угольная

тьма. Стенания трухляков звучали теперь приглушенно, а вскоре и вовсе практически утихли. И Брайар почти забыла, что они несут на улице беспокойную стражу, жаждая ее костей.

Почти, да не совсем. Их вскрики достигали ушей и настойчиво требовали ее внимания, как бы она ни сопротивлялась. Перед глазами у нее до сих пор ясно стояли ободранные серые пальцы на оторванной руке, до последнего цеплявшиеся за лестницу.

Однако к ней возвращалось присутствие духа, а с ним и ровное дыхание. Она с неспешным упорством перешагивала со ступеньки на ступеньку, каждый раз давая телу небольшой отдых.

Наконец лестница вывела ее к двери, отворявшейся на крышу. А на крыше обнаружились признаки чьей-то недавней побывки. Защитные очки, явно сломанные, зашвырнутые в угол. Изорванная сумка, мокнущая в луже раскисшего дегтя и воды. Смазанные отпечатки ног в угольной пыли.

Пройдя по цепочке следов, она встала на краю крыши. На карнизе те обрывались. Интересно, что сталось с любителями высотных прогулок — спрыгнули или все-таки свалились? Тут ее взгляд упал на соседнее здание. Оно было на один

этаж выше гостиницы, и как раз напротив места, откуда она наблюдала, располагалось окно. Его полностью перегораживали две двери, сколоченные в одну длинную доску. А доска крепилась к стене здания и очень походила на подъемный мост, который можно навести или убрать по необходимости.

Меж тем внизу показался один из трухляков, как-то проследивший ее передвижения. С омерзительным стоном он вскинул голову, и вскоре к нему примкнуло еще несколько мертвяков. В считаные минуты гостиница будет окружена со всех сторон.

Насколько могла судить Брайар, дом напротив пустовал. Окна были либо заколочены, либо задернуты хлипкими, кое-как надвинутыми шторами, и за ними никто и ничто не двигалось.

Лучше, наверное, попытать счастья внизу. В город она попала из подземелья, так что под землю ей и дорога, там есть на что надеяться.

Где-то неподалеку, прямо под ней, раздался треск дерева. Стоны сразу зазвучали громче — мертвецов не просто стало больше, у них появился какой-то источник для волнения.

Брайар залезла в сумку и торопливо стала перезаряжать винтовку. Если трухляки проникли

в здание, то ей придется расчищать себе путь до самого подвала.

Ее руки замерли на коробке с патронами, но лишь на мгновение.

Если они последуют за ней вниз, то могут загнать в ловушку.

Не теряя времени, она продолжила перезарядку. Что вверху застрять, что внизу — невелика разница, а ей так и так несдобровать. Лучше держать оружие наготове, а ухо востро.

Вдруг уличная какофония грянула с новой силой. Неужели через подвал уже не сбежать? Дослав последние патроны, она еще разок выглянула за карниз.

Мертвячья свора то сбивалась в кучу, то распадалась на группки. Число трухляков возросло по меньшей мере втрое. Скромные потери, понесенные ими на лестнице по вине Брайар, были с лихвой возмещены.

Кажется, входа они так и не нашли. В здании пока никто не исчезал — ни поодиночке, ни группами. Вместо этого уродцы бросались на доски и кирпичную кладку, но без особого успеха.

Снова послышались грохот и характерный треск сырой древесины.

Да откуда эти звуки? И кто их производит?

Трухляки ответили воем и засуетились. Они тоже слышали подозрительный шум и не прочь были найти его источник, но не хотели оставлять Брайар, которая все больше ощущала себя медведем, загнанным на дерево.

— *Эй, ты, на крыше «Приморской»! Ты в маске?*

Раздавшийся внезапно громоподобный голос напугал ее сильнее всяких трухляков. Звучал он резко и отдавал металлом, из-за чего казался особенно громким и чужеродным. Слова доносились откуда-то снизу, но не с самой улицы.

— *Кому говорят — ты, на крыше «Приморской»! Гостиницы то бишь. Есть у тебя маска или ты там загибаешься уже?*

Брайар не заметила названия гостиницы, но к кому еще мог обращаться голос, как не к ней? Так что она проорала во всю глотку:

— Да! Есть у меня маска!

— *Что?*

— Есть маска, говорю!

— *Слышу тебя, только не понимаю ни черта — надеюсь, это означает, что ты все-таки в маске! Кто бы ты ни был, пригнись и заткни уши, так их перетак!*

Ее взгляд лихорадочно метался над бурлящей внизу толпой, разыскивая невидимого добро-

желателя.

— Где вы? — закричала она и почувствовала себя дурой, потому что бушевавшая на улице мертвецкая симфония заглушала любые слова, кто бы и где бы там ни сидел.

— *Я же сказал,* — произнес низкий голос с примесью металла, — *пригнись и заткни уши, чтоб тебя!*

Тут Брайар заметила через дорогу, в окне еще одного заброшенного дома, какое-то движение. Сверкнула ослепительная голубая вспышка, потухла ненадолго и сверкнула опять, да ярче прежнего. Одновременно ее ушей достиг пронзительный жужжащий гул. Звуковая волна рассекла ядовитый туман и со свистом пронеслась мимо, мазнув по волосам Брайар и вколотив смысл предостережения ей прямо в мозг.

В третий раз ее просить не пришлось.

Она пригнулась, забилась в ближайший угол и прикрыла голову руками. И хотя ее локти крепко сдавили уши, заглушая все звуки, этого оказалось недостаточно, чтобы спасти ее от всепроникающего электрического писка, острого, как игла. Схватив сумку, Брайар нахлобучила ее на гудящий череп. Так она и сидела, таращась на кирпичи и толь, пока по кварталу не

прокатился мощный взрыв, сопровождавшийся продолжительным треском, от которого хотелось вывернуться наизнанку и который длился слишком долго для обычного выстрела.

Когда звуковой шторм растерял свою разрушительную силу и сошел на нет, до Брайар вновь донесся механический голос, чеканящий какие-то новые команды. Только вот она его не слышала и не могла даже шевельнуться.

Ее глаза были намертво зажмурены, руки тисками сжали голову, колени совершенно оцепенели, и ей никак не удавалось с ними совладать.

— Не могу, — прошептала она без всякой пользы. — Я вас не слышу.

Но и челюсть ее тоже парализовало.

— Живо поднимайся! ПОДНИМАЙСЯ БЫСТРО!

— Я не могу…

— У тебя есть три минуты, чтобы оторвать свою задницу от крыши и спуститься ко мне, пока трухляки не начнут приходить в себя. А если не успеешь, меня уже здесь не будет! Если хочешь здесь выжить, без меня тебе не обойтись, придурок ты несчастный!

— Сам ты придурок, — пробормотала Брайар.

Такая тирада могла принадлежать лишь мужчине. Она сосредоточилась на своей злости,

надеясь таким манером вырвать тело из ступора. Сработало не лучше и не хуже, чем настойчивые выкрики незнакомца с его нечеловеческими интонациями.

Сустав за суставом она расшевелила сначала руки, затем ноги и рухнула на колени.

А потом присела еще раз, чтобы подобрать соскользнувшую винтовку. Закинув ремень на плечо, подтянула под себя ноги. В ушах все еще звенел тот кошмарный звук, а с ним ужасные вопли неизвестного мужчины: хоть она и перестала его понимать, орать он не прекращал. В таком состоянии Брайар не способна была стоять, передвигаться и воспринимать речь одновременно.

Позади зиял выход на гостиничную лестницу, дверь тоскливо осела на петлях.

Она налетела на дверь и чуть не укатилась кубарем по ступенькам. Только накопленная инерция и чувство равновесия помогли ей устоять и продолжить движение. Ее изрядно пошатывало, но чем дольше Брайар оставалась на ногах, тем легче ей было балансировать. Добравшись до первого этажа, она без особых трудностей перешла на подобие бега.

Все окна в холле были заколочены и мрак стоял

кромешный, не считая полосок унылого дневного света, сочащегося из щелей. Привыкнув немного к темноте, Брайар разглядела запыленную стойку портье и опять-таки мозаику чьих-то следов на полу.

Парадная дверь оказались заложена толстенным брусом.

Брайар рванула его вверх и задергала ручкой.

Ее охватила такая паника, что впору было изумиться. Она могла бы поклясться, что израсходовала запасы страха подчистую, но дверь никак не поддавалась, и Брайар снова затрясло. Терзая ручку, она попыталась докричаться до своего спасителя:

— Ау! Ау! Вы тут?

Даже ей самой эти вскрики показались хилыми. По ту сторону двери их никто не услышит, и вообще она поступила глупо — нужно было спуститься на пару этажей и поискать другую пожарную лестницу. И что ей понадобилось на первом? Чем она думала?

Голова у нее гудела от не утихшей до конца боли, перед глазами прыгали искры.

— Пожалуйста, помогите мне выйти!

Она заколотила по двери прикладом. Шум поднялся хоть куда.

Несколько секунд спустя раздался ответный стук с той стороны.

— Да что на тебя нашло, а? По стене надо было спускаться! — возмутился металлический голос.

— И не говори, — проворчала она, радуясь человеческому присутствию.

И плевать, что там у него на уме, — помочь ей или пристрелить на месте. Кто бы он ни был, он не поленился войти с ней в контакт, а это уже что-то, не правда ли?

Она повторила еще громче:

— Помогите мне выйти!

— Отойди от двери!

Уяснив на горьком опыте, что выполнять его команды нужно быстро и четко, она юркнула за стойку портье. Последовал устрашающий грохот; дверь прогнулась, но выстояла. От второго удара треснули петли, а третий вынес всю дверную коробку.

В проем влетел чудовищных габаритов мужчина и застыл как вкопанный.

— Да ты… — Он ткнул в нее пальцем и вовремя осекся. *— Ты женщина.*

— Чему и рада без ума, — заметила Брайар, нетвердой походкой вываливаясь из-за стойки.

— Ну ладно. Идите за мной и не мешкайте.

Через минуту они очухаются.

Металлический голос доносился из шлема, выглядевшего как помесь кальмара с лошадиной головой. Снизу маска заканчивалась звуковым усилителем, а от двух круглых фильтров шли трубки к соответствующим сторонам носа. Штуковина казалась громоздкой, но и нацепивший ее мужчина не особо смахивал на пушинку.

Он вовсе не был толстым, но занимал при этом весь дверной проем, — впрочем, тут играли роль и его доспехи. Плечи незнакомца укрывали стальные пластины, от загривка отходил круглый воротник, примыкающий к шлему. На запястьях и локтевых сгибах были вставлены куски самодельной кольчуги. Туловище громилы было перехвачено толстыми кожаными ремнями, скреплявшими броню в единое прочное целое.

Казалось, кто-то взял рыцарские латы и смастерил из них жакет.

— *Леди, мы не можем стоять тут всю ночь,* — проговорил он.

Она хотела было возразить, что до ночи еще далеко, однако усталость и тревога взяли верх, а компания мужчины, закованного в броню, радовала ее до нелепости.

— Иду, — сказала Брайар.

Оступившись, она налетела на его руку и поспешно выпрямилась. Незнакомец не бросился ее подхватывать, но и отталкивать не стал — просто развернулся и вышел за дверь.

Брайар двинулась за ним.

— Что это была за штука такая? — спросила она.

— *Вопросы потом. Глядите под ноги.*

И улица, и тротуары были завалены трепыхающимися и рыкающими телами трухляков. Поначалу Брайар старалась их обходить, но ее спутник все больше вырывался вперед, так что она плюнула на все и зашагала дальше, не заботясь, на что наступает. Под ее подошвами ломались руки и трещали ребра. Неудачно поставив ногу, она проехалась каблуком по лицу какой-то покойницы и содрала с ее черепа лоскут гнилой кожи, который тут же размазался по мостовой.

— Подождите, — взмолилась она.

— *Некогда ждать. Посмотрите на них,* — отозвался он, с той же бесцеремонностью сминая ботинками подрагивающие трупы.

Брайар нашла совет смехотворным. Не смотреть на них было невозможно — они лежали повсюду: прямо под ногами и чуть поодаль, пластом вытягивались вдоль бордюров и прива-

ливались к стенам, безвольно высовывали языки и ворочали глазами.

Однако вскоре ей стало понятно, о чем говорил здоровяк в доспехах. К ним возвращалось подобие жизни. Руки подергивались бодрее, чем прежде, и уже не так беспорядочно. Ноги изгибались так и сяк, стремясь принять вертикальное положение. С каждой секундой они все ощутимее приходили в чувство, если таковое у них еще имелось, или, по меньшей мере, припоминали простейшие двигательные навыки.

— *Сюда. Быстрее.*

— Я стараюсь!

— *Плохо стараетесь.*

Он сгреб ее за руку и легко, как годовалого младенца, потащил через очередную груду копошащихся трухляков.

Одна из тварей потянула руку к ее щиколотке.

Брайар замахнулась на костлявую клешню ботинком, но промазала, потому что мужчина в маске покрепче обхватил ее запястье, потянул с новой силой, и они преодолели последний завал из мертвых тел. Какой-то трухляк успел привстать и постанывал теперь, призывая собратьев воспрянуть.

— *Отлично, теперь погнали прямиком,* — про-

изнес незнакомец.

— Прямиком куда?

— *К туннелям. Живей. Сюда.*

Он указал на облицованное камнем строение, украшенное скорбными изваяниями сов. Надпись над входом гласила, что некогда в нем располагался банк. Парадная дверь была наглухо заколочена обломками каких-то ящиков, окна перегорожены решетками.

— И как мы…

— *Не отставайте. Нам сперва наверх, потом вниз.*

На стене банка не обнаружилось ни единой пожарной лестницы, но, подняв глаза, Брайар разглядела основание ветхого балкончика.

Мужчина в стальном жакете выудил из-за пояса причудливо изогнутый молоток, к которому крепилась длинная пеньковая веревка, и забросил на балкон. Там крюк за что-то зацепился, здоровяк дернул его на себя и выдвинул раскладную лестницу. Та, лязгая, развернулась с размеренной грацией разводного моста, опущенного слишком поспешно.

Ухватившись за крайнюю перекладину, он подтянул ее пониже. Та зависла на высоте женской талии.

— *Наверх.*

Брайар кивнула и перекинула винтовку на спину, чтобы освободить руки.

Мужчину ее темп явно не устраивал, поскольку он подставил широченную ладонь ей под зад и слегка подтолкнул. С его помощью она мигом встала на лестницу руками и ногами, да так быстро, что не сообразила пожаловаться на неджентльменское обращение.

Под ее весом лестница заходила ходуном. Когда к ней присоединился незнакомец, конструкция затрещала и дрогнула, но удержалась на месте. Держать на себе двух человек зараз ей было явно не по душе, о чем она и сообщала при каждом их движении, испуская зловещие скрипы.

Не обращая на них внимания, Брайар карабкалась дальше. Они лезли все выше, и, когда спутник поравнялся с ее ногами, ступеньки уже раскачивались, как качели.

Он похлопал ее по заднику ботинка, привлекая внимание:

— *Вот. Второй этаж. Разбивать окно не надо. Открывается как обычно.*

Кивнув, она перелезла с лестницы на балкон. Окно было затворено, но не заколочено. У самого подоконника виднелась деревянная задвижка.

Брайар подняла ее, и створка открылась.

Когда мужчина перебрался вслед за ней на балкон, лестница сама собой начала складываться. Незаметные пружины, опускавшие и поднимавшие ее, вернулись в исходное положение и подняли конструкцию, так что мертвякам не достать, даже самым долговязым и длинноруким.

Брайар пригнула голову, повернулась боком и влезла в окно.

Обладатель доспехов протиснулся следом. Спешки его как не бывало: ускользнув от трухляков под надежное прикрытие старого банка, неизвестный позволил себе расслабиться и улучил минутку, чтобы проверить свое снаряжение.

Он расстегнул броню и потянулся, с хрустом поводил головой туда-сюда. Потом обернул веревку вокруг локтя и ладони, смотал в кольцо и вместе с искалеченным молотком навесил обратно на пояс. Наконец запустил руку в заплечную кобуру и поставил на пол какое-то устройство в форме длинной, в половину его ноги, трубки. Оно могло бы сойти и за здоровенное ружье, только спусковой крючок заменяла медная лопаточка, а дуло перекрывала решетка — почти такая же, как на его маске.

— Эта она так пищала? И оглушила трухля-

ков? — поинтересовалась Брайар.

— *Да, мэм,* — откликнулся мужчина. — *Перед вами Оглушающая Пушка доктора Миннерихта, по-простому — Глушилка. Штуковина мощная, и я рад, что могу называть ее своей, но у нее есть свои ограничения.*

— Три минуты?

— *Точно, что-то около трех минут. Источник питания в задней части.* — Он показал на рукоять, опоясанную тоненькими медными и стеклянными трубками. — *Чтобы потом ее перезарядить, уходит целая вечность.*

— Вечность?

— *Ну, минут пятнадцать. Тут от всякого зависит.*

— От чего же?

— *От статического электричества,* — пояснил он. — *Дальше можете не спрашивать, я и сам не разбираюсь.*

Из вежливости она посмотрела на устройство с восхищением:

— Никогда таких не видела. А кто такой доктор Миннерихт?

— *Козел, но польза и от козлов бывает. А теперь позвольте полюбопытствовать, кто вы такая и что делаете здесь, в нашем чудном замызганном*

городишке?

— Я ищу сына, — ответила она, увильнув от первой части его вопроса. — Скорее всего, он проник сюда вчера через старые водоотводные туннели.

— *Туннели закрыты,* — возразил он.

— Сейчас — да. Из-за землетрясения, — согласилась Брайар, присаживаясь на подоконник. На долгие разглагольствования у нее сейчас не было сил. — Вы уж простите меня, — продолжила она, подразумевая массу вещей одновременно. — Я совсем… Мне рассказывали про город… я знала, что тут все скверно. Знала, но…

— *Угу, и это вот «но» вас погубит, если не будете осторожны. Значит, ищете своего мальчонку.* — Он смерил ее взглядом и спросил без экивоков, так как лица ее за маской было не рассмотреть: — *Сколько вам лет?*

— Вполне достаточно, чтобы у меня имелся сын, которому хватило дури сунуться сюда, — парировала она. — Ему пятнадцать. Вам не попадался?

— *Пятнадцать… а получше описания у вас не найдется?*

— А что, у вас тут каждую неделю объявляется по десятку пятнадцатилетних обормотов?

Гигант пожал плечами:

— Должен вас удивить. К нам часто заглядывают гости с Окраины — то стащить что-нибудь, то выменять, то поучиться, как варить из газа желтуху. Ясное дело, большинство из них долго не протягивает. — Увидев, что глаза за маской гневно сузились, он поспешил добавить: *— Я вовсе не хочу сказать, что это случилось и с вашим сыном, поймите меня верно. Так он вчера сюда пролез?*

— Вчера.

— Ну, если как-то выживал с тех пор, с ним наверняка все в порядке. Я его не видел, но это еще не означает, что его здесь нет. Как вы попали сюда?

— Уговорила одного капитана подвезти меня на дирижабле.

— Какого именно?

— Послушайте. — Она усталым жестом остановила его. — Можем мы поговорить где-нибудь еще? Мне срочно надо снять маску. Где тут можно нормально подышать? Я задыхаюсь.

Незнакомец взял ее маску в ладони и оглядел с разных сторон:

— Так это старая модель. Добротная, да. Но если забьются фильтры, это вас не спасет. Хорошо. Пошли вниз. У нас тут в банке есть изолирован-

ный отсек и переход в подземные коридоры.

Он повел ее вниз по лестнице и на этот раз не пытался тащить за собой, а терпеливо поджидал, когда Брайар начинала отставать.

У входа в главный вестибюль, напрочь лишенный окон, стояла керосиновая лампа. Мужчина зажег ее и двинулся в сторону подвала.

Вволю насмотревшись на его широкую спину, маячившую впереди, Брайар уже на лестнице сказала:

— Спасибо вам. Надо было сразу вас поблагодарить, но все-таки — спасибо, что вытащили меня оттуда.

— *Просто делаю свою работу,* — отозвался он.

— Так вы здесь на правах встречающего?

Он покачал головой:

— *Нет, но приглядываю за шумливыми чужаками вроде вас. Детишки-то обычно пробираются сюда тихой сапой да помалкивают. А вот если заслышу выстрелы и грохот, то мне уже положено выходить на проверку.* — Язычок пламени затрепетал. Мужчине пришлось встряхнуть керосин в светильнике. — *Иногда это людишки, которых сюда не звали и которым тут делать нечего. Иногда маленькие женщины с большими винтовками. Каждый раз что-то новое.*

На первом этаже их поджидала дверь, промазанная дегтем по всем стыкам. Поверх каждой щелочки были прибиты полоски прорезиненной кожи.

— *Ну вот, пришли. Как только я открою дверь, мигом ныряйте внутрь.* — Он передал ей лампу. — *Я тотчас за вами. Видите ли, мы стараемся держать дверь закрытой.*

— Понятно.

Выудив из кармана штанов почерневшую связку железных ключей, он подобрал нужный и ткнул прямиком в резиновую пломбу, где Брайар никак не думала увидеть замок; однако ключ провернулся, механизм щелкнул, и все было готово к открытию.

— *На счет «три». Раз, два… три.*

Здоровяк потянул задвижку, и дверь с чмоканьем ушла внутрь.

Брайар скользнула в темноту. Ее спутник, как и обещал, влетел следом, плотно притворил дверь и запер ее.

— *Чуть-чуть осталось,* — заверил он, после чего забрал у нее светильник и зашагал вперед, раздвигая свисавшие с потолка резиновые ленты.

Куцый коридорчик упирался в странного вида

дверь, которая больше походила на матерчатую ширму, чем на полноценный заслон. Как и все остальные двери в подземелье, по краям она была уплотнена специальными полосками, но, в отличие от остальных, пропускала воздух.

Прижав к ней ухо, Брайар явственно почувствовала сквозняк.

— *Внимание. Правило то же, что и раньше: не мешкать. Раз, два… три.*

На этот раз копаться с замком не понадобилось. Дверь по рельсу уехала в стену, заскрипев всеми своими уплотнителями.

И Брайар заскочила в следующую комнату. На столе истекали воском свечные огарки. К нему же были приставлены шесть пустых стульев, за ними виднелись какие-то ящики, и снова свечи, и еще один коридор с шелестящими резиновыми завесями, к которым она уже привыкла.

После непродолжительной возни незнакомец управился наконец с дверью, прошел в дальний конец комнаты и начал стягивать с себя броню.

— *Не снимайте пока маску, подождите минуту,* — предостерег он. — *Но чувствуйте себя как дома.*

Стальные наплечники и наручи один за другим с лязгом перекочевывали с его лапищ на стол.

Последней туда плюхнулась звуковая пушка — Глушилка.

— *Пить хотите?* — спросил он.

Она хриплым шепотом ответила:

— Да.

— *У нас тут есть водичка. Не ахти какая, но вполне себе мокрая. А пива так вообще полно. Любите пиво?*

— Еще как.

— *Ну тогда не стесняйтесь, снимайте маску, если угодно. Можете считать меня суеверным, но я со своей не расстаюсь, пока не просижу за шлюзовой дверью по меньшей мере минуту.*

Запустив руку в ящик с надписью «КЕРАМИКА», он достал оттуда кружку. В углу стоял пузатый коричневый бочонок. Великан снял с него крышку и щедро зачерпнул воды.

А потом поставил кружку перед Брайар.

Та жадными глазами уставилась на воду, однако мужчина не торопился снимать противогаз, и быть первой ей не хотелось.

Смекнув, что к чему, он поколдовал над ремешками, что удерживали искусное приспособление у него на голове. Шурша расправлявшейся кожей, маска сползла ему на грудь, и взгляду Брайар открылось простое широкое лицо, не доброе и не

злое, зато умное. Дополняли картину взлохмаченные русые брови, плоский нос и полные губы, плотно прилегающие к зубам.

— *Ну вот,* — прокомментировал он. — *Так не сильно краше, зато на порядок легче.*

Без механического усилителя его голос звучал все так же низко, но очень даже по-человечески.

— *Иеремия Свакхаммер к вашим услугам, мэм. Добро пожаловать в подполье.*

12

Хотя походка у Руди была какая-то перекошенная, с подскоком, поспеть за ним оказалось не так-то просто. Изнемогая в удушливом, невыносимо жмущем респираторе, Зик сопел и пыхтел на бегу. Дышать становилось все тяжелее: с той минуты, как он очутился в городе, фильтры успели основательно забиться и с трудом пропускали воздух. А кожу под маской, намертво впившейся ему в лицо, страшно натирало.

— Подождите, — кое-как выдавил он.

— Нет, — отозвался Руди. — Некогда ждать.

Пришлось ковылять следом. Откуда-то сзади уже доносилась нарастающая разноголосица, пронизанная горем и гневом. Уши Зика различали незнакомые гласные и непонятные согласные. Солирующему голосу вторили другие, тоже мужские, — воем, криками, визгом.

Мальчик догадался, что их обнаружили, точнее, сказал он себе, обнаружилось злодеяние Руди. Но ведь Зик-то ничего плохого не сделал, правда? Тут ведь действуют свои законы… На войне и при самообороне все средства хороши,

разве не так говорят?

Однако перед внутренним его взором истекал кровью растерянный коротышка в очках. А затем умирал по той единственной причине, что не вовремя оказался жив.

Чем дальше они забирались, тем хитрее петляли коридоры, тем сильнее давила со всех сторон темнота. Мальчик поглядывал на своего проводника с растущим подозрением. Неожиданно ему захотелось даже, чтобы вернулась та принцесса, кем бы она ни была. Может, получится задать ей пару вопросов. Может, в него она не станет кидаться ножами. Может, она не мертва.

Зик искренне на это надеялся.

Но в ушах его до сих пор стоял оглушительный грохот, потолки и стены складывались пополам, заваливая пространство туннеля. Удалось ли ей ускользнуть? Мальчика утешала мысль, что принцесса немолода — а слабаки и тупицы до преклонных лет доживают редко. Его охватило какое-то странное чувство, которого он не понимал.

А калека все ковылял и ковылял вперед. Потом вдруг обернулся:

— Ты как, идешь?

— Иду.

— Тогда не отставай. Не тащить же мне тебя на руках! К тому же у меня опять пошла кровь. Я не могу все делать за двоих.

— А куда мы идем? — спросил Зик, и голос его прозвучал до того жалостно, что ему стало противно.

— Да туда же, куда и раньше. Сначала вниз, потом на подъем.

— А мы так точно попадем на холм? Вы не раздумали провожать меня до Денни-Хилла?

— Раз обещал проводить — значит, провожу, — сказал Руди. — В этом городе нет прямых путей. И мне дико жаль, что прогулка выдалась не такой приятной, как тебе хотелось бы. Ты уж прости меня, Христа ради. Я не собирался лезть под нож, честно. У планов есть свойство меняться, малец. И тогда надо топать в обход. Вот мы и топаем.

— Серьезно?

— Да куда уж серьезнее. Глянь-ка сюда.

Руди остановился под световым окном и указал на штабель ящиков, увенчанный шаткой лестницей. Ближе к потолку та упиралась в круглую дверцу.

— Нам сейчас наверх. Там может быть опасно, предупреждаю сразу.

— Хорошо, — буркнул Зик, хотя ничего хороше-

го в этом не видел, ну ни капельки.

С каждым шагом трудности с дыханием делались все заметнее. Он никак не мог отдышаться, а передохнуть тут было негде.

— Помнишь, что я тебе говорил насчет трухляков?

— Помню, — кивнул Зик, хотя Руди стоял к нему спиной и не видел этого.

— Каких бы ужасов тебе про них ни набрехали, — начал хромой, — в жизни они в два раза страшнее. А теперь слушай. — Он обернулся и погрозил мальчишке пальцем. — Бегают эти твари что надо — куда резвее, чем кажется. А еще они кусаются. И если тебя укусят, то укушенное место придется оттяпать, иначе ты труп. Усвоил?

— Не очень… — признался Зик.

— Ну, на усвоение у тебя осталось минуты полторы, потому что, если мы сейчас же отсюда не выберемся, косоглазые черти нас прирежут — ни за грош, от нечего делать. Так что вот тебе правила: не шуми, не отставай, а если нас заметят — рви наверх, как мартышка.

— Наверх?

— Ты меня слышал. Наверх. Трухляки, если раздухарятся, могут и по лестнице влезть, но с трудом и не так чтобы быстро. Если видишь

рядом подоконник, пожарную лесенку, да хоть выступ какой-нибудь… не пасуй. Лезь наверх.

В желудке Зика что-то попискивало и плескалась раскаленная лава.

— Что, если мы потеряем друг друга?

— Потеряем так потеряем, и тогда уж каждый за себя, дружок. Сам от этого не в восторге, но такие вот дела. Если меня сцапают, возвращаться за мной не надо. Если сцапают тебя, я тоже не вернусь. Жизнь — штука тяжелая. Только умирать легко.

— А если мы просто разделимся?

— Правило то же самое: лезь наверх. Как вскарабкаешься на крышу, дай о себе знать, и я приду, коли смогу. Поэтому заруби на носу: далеко от меня не отходить. Я не смогу тебя защитить, если ты от всего будешь шарахаться как ошпаренный.

— А я и не думал ни от чего шарахаться, — проворчал Зик.

— Рад слышать, — сказал Руди.

Из коридора вновь донеслись крики; кажется, они приближались. Прислушавшись, мальчик разобрал два или три отдельных голоса, звеневшие от ярости и грозящие немедленным возмездием. На душе у него было тошно, как никогда: только что у него на глазах и при его молчаливом

участии умер человек. А он стоял в трех шагах и даже пальцем не пошевелил. Чем больше Зик об этом думал, тем гаже ему становилось. Мысли о городе у него над головой, кишащем мертвяками, тоже не приносили радости.

Но, как ни крути, он уже влип — и по самые уши. Теперь пути назад нет. Пока, по крайней мере. Собственно, у него не было ни малейшего представления, куда его занесло, — и выбраться из города самостоятельно Зик ни за что не сумел бы.

Так что ему ничего не оставалось, как двинуться вслед за Руди, когда дверца с громким чмоканьем отлипла от стены. За ней его взору предстала улица — такая же недружелюбная и безрадостная, как и туннели под ней.

Иезекииль постарался исполнить указания Руди в точности: держался поближе к нему и не поднимал шуму. Ничего сложного в этом не было: на поверхности царила такая всеобъемлющая и тревожная тишина, что нарушать ее совсем не тянуло. Изредка в незримых небесах у них над головами хлопали чьи-то крылья, но тут же уносились прочь, оставляя город наедине с Гнилью, затопившей его по самые крыши. Мальчик в очередной раз задумался, как же все-таки местным

птицам удается выжить — как они умудряются дышать этой отравой, словно чистейшим весенним воздухом в майский денек.

Изводить Руди вопросами было сейчас не время.

Так что он хвостиком плелся за своим провожатым, старательно повторяя все его движения. Когда калека прильнул спиной к стене и мелкими шажками двинулся вдоль нее, Зик последовал его примеру. Когда Руди затаил вдруг дыхание и обратился в слух, Зик поступил точно так же. Однако в маске такие трюки грозили удушьем: приходилось экономить на каждом глотке кислорода, но даже и это не помогло. Он терпел, пока перед глазами не заплясали цветные искры, и тогда уже вынужден был вдохнуть.

Видно вокруг было не более чем на несколько ярдов. Газ, плотный, цветом напоминающий смесь дерьма с подсолнухами, не был туманом в полном смысле слова, но одним из ядовитых его сородичей. С тем же успехом можно было любоваться окрестностями посреди большого облака.

Там, где одежда слабо прилегала к телу — на запястьях, между рукавами и перчатками, и над воротником пальто, — кожа начала чесаться. Хотелось тереть ее и тереть. Вовремя заметив,

что Зик с ожесточением возит по шее шерстяной перчаткой, Руди покачал головой и шепнул:

— Перестань. Только хуже сделаешь.

Здания казались бесформенными грудами многогранников, наваленных друг на друга. Окна и двери были либо выломаны, либо заколочены и заделаны. Напрашивался вывод, что в заколоченных домах более или менее безопасно; в случае необходимости можно будет поискать там убежище — надо лишь сообразить, как проникнуть внутрь. Но сказать было проще, чем сделать. То и дело ему попадались на глаза пожарные лестницы — громоздкие сплетения перил и перекладин, на вид не прочнее, чем мебель из кукольного домика; если прижмет, можно взобраться и по ним, но что потом? Разбить окно, спуститься в подвал?

Руди как-то упомянул, что тут повсюду припрятаны свечи.

И вот Зик уже вынашивает планы, как бы от него улизнуть.

Когда он понял, что именно этим сейчас и занимается, то был немало удивлен. Он ведь больше никого не знал в городе. Не считая калеки, ему тут встретилось всего двое, но одного из них Руди прикончил, а другая пыталась прикончить

самого Руди. И если даже проводник честен с ним, шансы выжить у него все равно пятьдесят на пятьдесят — так почему бы не взять дела в свои руки?

Тут ему опять вспомнился китаец, и содержимое желудка попросилось на выход.

Нет. В маске нельзя. А если ее снять — умрешь. Забудь.

Усилием воли он заставил живот успокоиться, и тот подчинился.

Руди сутулой иноходью семенил вперед, плечо его поникло. Дорогу он показывал тростью, в которой — как теперь было известно Зику — умещалась всего лишь пара зарядов. А что такое две пули против своры слюнявых трухляков?

Не успел он подумать о них, как откуда-то поблизости донесся негромкий стон.

Оба застыли на месте.

Руди судорожно завертел головой, высматривая путь к отступлению.

«Трухляки?» — одними губами произнес Зик, но лицо его было скрыто маской, и ответа, естественно, не последовало.

А вот и второй стон — словно в ответ на первый. Тембр у него был другой, и звучал он как-то рвано, словно в производившем его голосовом

аппарате не хватало кое-каких мелочей. Вслед за стонами послышались шаги — медленные, нерешительные. И звучали они так близко, что страх впечатался Зику в грудь кованым ботинком.

Обернувшись, Руди притянул его за маску к себе и тихо-тихо прошептал:

— Несколько кварталов отсюда. Высокая башня — белая такая. Залезаешь на второй этаж. Будет что-нибудь мешать — сломай. — На одну долгую секунду калека закрыл глаза. Затем открыл и произнес: — А теперь давай деру.

Увы, Зик сейчас никому и ничего не мог дать. Грудь, точно канатами, стянуло, на горле кто-то затягивал колючую петлю из шарфа. Посмотрев в направлении, указанном Руди, он только и увидел что пологий склон, который, подсказывало чутье, уведет его еще дальше от пресловутого холма.

Перед внутренним его взором прошли строем заученные наизусть карты, подтверждая неприятные догадки. Туда ему не надо… но хватит ли сил взбежать на холм? И куда прятаться, если не в ту башню, о которой говорил Руди?

Паника набивалась Зику в маску, ослепляла его, но это уже не играло никакой роли. Стоны, хрипы и шаркающие шаги слышались все ближе

и ближе. Скоро, очень скоро они на него набросятся.

Первым сорвался Руди. Увечья увечьями, а бегать он умел. Только не тихо.

При первых же звуках топота стоны взмыли на высокую, визгливую ноту, и где-то в глубинах тумана начали сбиваться в стаю хладные тела. Силы стягивались. Охота начиналась.

Зик часто-часто задышал, пытаясь себя то ли успокоить, то ли раззадорить. Затем повернулся к спуску и бросил последний взгляд через плечо. Не увидев ничего, кроме ненасытной клубящейся мглы, собрался с духом. И побежал.

Трещины в мостовой чередовались с кочками — то ли следы землетрясений, то ли отметины времени. Он оступался, кое-как удерживал равновесие, спотыкался и падал на руки — и те раз за разом срабатывали парой пружинок, тотчас же возвращая его на ноги. И он бежал дальше, игнорируя синяки и царапины.

А за его спиной катилась шумливой волной орава трухляков.

Чтобы не оглядываться, он сосредоточил все внимание на кособокой фигуре Руди, маячившей впереди и неуклонно набиравшей скорость; как это ему удавалось, Зик не представлял. Возможно,

Руди привык разгуливать в маске и не так уж от нее мучился. Или приврал, когда рассказывал о своих увечьях. Как бы то ни было, до белого строения, вынырнувшего неожиданно из желтой пелены, бежать ему оставалось всего ничего.

Туман разбивался о башню, словно злобствующий прилив о скалу, затерянную посреди океана.

Вот Зик очутился уже у ее подножия… и тут начались затруднения. Он понятия не имел, как попасть на второй этаж. Никаких лестниц — ни обычных, ни пожарных. Один только парадный вход — высоченные бронзовые двери, потускневшие от времени и завешенные теперь цепями да заложенные бревнами.

Выставив перед собой ладони, мальчик с разбегу налетел на стену башни и лишь так сумел затормозить. От удара руки, которым и так хорошо досталось, засаднили пуще прежнего, но он тут же кинулся ощупывать кладку между заколоченными окнами с затейливыми рамами — там, где ее не закрывали доски и листы железа.

Его проводника нигде не было видно.

— Руди! — пискнул он, потому что от страха не мог ни кричать как следует, ни хранить молчание.

— Я здесь! — отозвался тот откуда-то из тумана.

— Где?

— Здесь, — прозвучало снова, и на сей раз куда громче: теперь калека стоял совсем рядом с ним. — Нам сейчас за угол, идем. Живей, они на подходе.

— Я их слышу. Они прут…

— …со всех сторон, — закончил за него Руди. — Так и есть. Чувствуешь?

Он подтолкнул руку Зика к какому-то карнизу на высоте груди.

— Ага.

— Дуй наверх, малец.

Зацепившись тростью, Руди взобрался на карниз и полез по импровизированной лестнице. Теперь Зик знал, где искать, и без труда ее разглядел: доски и прутья были вделаны прямо в стену.

Только вот подтянуться на выступ оказалось не таким-то простым делом. Ростом он был пониже мужчины и уступал ему в силе, а еще задыхался от нехватки воздуха и резиново-кожной вони, бьющей в нос.

Вернувшись, Руди сграбастал его за руку, втащил на карниз и развернул лицом к лестнице:

— Ты как у нас, быстро лазишь?

Вместо ответа, Зик ящеркой пополз по стене. Проверять каждую перекладину на прочность было некогда, авось выдержат. Он уперся ногами в доски, обхватил ближайший прут — и полез. За ним пыхтел Руди, уже далеко не так резво. Хотя на земле он справлялся более чем пристойно, на подъеме искалеченное бедро давало о себе знать, так что каждый его шажок сопровождался ругательствами и ворчанием.

— Стой, — прохрипел Руди, но тут на глаза Зику попался небольшой балкончик с окном. Зрелище вселяло надежду.

— Нам сюда?

— Что? — Руди вскинул голову, и его шляпа чуть не слетела.

— Смотрите, там окно. Это…

— Да, оно самое. Давай, я сразу за тобой.

Поперек окна шла скоба, прямо как на печной заслонке. Видимо, ее и надо было дергать. Так Зик и поступил; рама с протяжным скрипом шевельнулась, но и только. Он потянул сильнее, и неожиданно створка вышла из переплета, а сам он едва не кувырнулся с балкона.

— Поосторожней там, парнишка, — напомнил о себе Руди, допыхтевший наконец до места назначения.

Пока мальчик копался с окном, Руди позволил себе отдохнуть.

Меж тем на улице под ними стало темным-темно — и не из-за теней, а из-за напирающих друг на друга, стонущих тел, сгустившихся киселем. Опустив глаза, Зик не сумел разобрать отдельных мертвяков: тут виднелась чья-то рука, там — голова. Ядовитая пелена скрадывала все очертания.

— Не обращай на них внимания, — сказал Руди. — Забирайся в комнату, а то мы никогда уже не снимем этих чертовых масок. Больше я в ней не вытерплю и минуты.

Зик при всем желании не смог бы возразить. Он перекинул через подоконник одну ногу, потом вторую и через мгновение стоял внутри башни с белеными стенами.

За ним последовал Руди, но не удержался на ногах и кубарем покатился по полу. Какое-то время он пластом лежал на спине и надсадно дышал.

— Затвори-ка окошко, малой. Отравы напустишь.

— А, точно.

Зик принялся задвигать створку на место. С боковым стыком пришлось попотеть: вдоль всего контура окна были набиты уплотняющие полоски из вощеной ткани. Но в конце концов ставень

сел как влитой.

— Ну что, теперь-то можно снять маску?

— Нет, нельзя пока. На этом этаже — нельзя, если только не хочешь подцепить заразу. А это дело недолгое. Вот спустимся пониже — тогда и снимешь. А там и дорогу в туннели разыщем.

— В туннели? А оттуда на холм? — спросил Зик, зная, что сам напрашивается на ложь, но ему было плевать.

Просто он хотел напомнить спутнику о данном обещании, даже если тот и не намеревался его сдерживать.

— А как же, на холм. Дотянем как-нибудь. Только на верхних этажах нам делать нечего. Башня эта проклятая стоит наособицу, в другие здания с нее не переберешься — никаких тебе мостиков. А даже если и были бы, пришлось бы и дальше в масках щеголять.

Оттянув немного маску, Зик почесал зудевшую кожу:

— Вы не поверите, как мне хочется ее снять.

— Тогда пошли вниз. Еще бы лестницу разыскать, — проворчал Руди, привстав с пола.

Он тоже потирал лицо по краям маски.

— Разыскать?

— Давненько тут не бывал, вот и все.

Нашарив трость, калека поднялся на ноги. Сперва его пошатывало, но он быстро поборол слабость.

Мальчик обвел помещение взглядом. Окна не заколочены, воздух явно почище, чем снаружи. Повсюду какие-то призрачные силуэты; при ближайшем рассмотрении они оказались мебелью в чехлах. Пощупав один из них, Зик наткнулся на подлокотник — видимо, стул. Вон там — кушетка, а это — стол… Подняв глаза, он увидел скелет люстры — некогда, несомненно, очень красивой, но растерявшей с годами половину хрусталя.

— Где мы? — спросил он.

— Мы… — Руди осмотрелся по сторонам. — В чьей-то комнате, наверное. Бывшей, надо думать. Откуда мне знать? Так или иначе, мы в Башне Смита.

— А почему она так называется?

— Потому что ее построил один парень по фамилии Смит, — сухо ответил калека. — Знаешь, что такое пишущая машинка?

— Угу, — откликнулся Зик. — Вроде бы.

— Отлично. А про компанию «Смит-корона»[16] слыхал?

— Ну да, как же не слыхать. Там револьверы делают.

— Нет, ты путаешь со Смитом и Вессоном. Башню возвели на доходы от пишущих машинок. Смотри себе под ноги, дружок. Полы тут не везде успели закончить, перил на лестнице тоже нет. Стройка была в самом разгаре, когда ударила Гниль. В целом-то она стоит прочно, но кое-где лучше быть начеку.

— А она высокая?

— Башня-то? Да, очень даже. Выше здания не найдешь на много миль вокруг. И заметь, последние два-три этажа остались незаконченными.

И тогда Зик сказал:

— А я бы поднялся наверх. Хочется посмотреть на город с высоты.

Он не стал добавлять: «Чтобы выяснить, где я сейчас нахожусь и много ли вы мне тут навешали лапши».

Мужчина прищурил глаза:

---

[16] Примечания: 16

«Смит-корона» — один из крупнейших производителей печатных машинок в XIX–XX веках. В 1914 году завершилось строительство небоскреба Смит-Тауэр (Башня Смита), который считается теперь старейшей высоткой в Сиэтле.

— Так ты ведь, по-моему, на холм собирался посмотреть?

— А я и сейчас хочу. Вот с башни и увижу. Другие этажи тоже закупорены?

— Почти все, — признал Руди. — Оставили только этот, иначе сюда было бы не попасть. Выше и ниже нашего уровня можно дышать без маски. Но если заберешься на самый верх, придется снова нацепить. Туда часто причаливают дирижабли, а причалы никто не станет закупоривать. А уж сколько надо будет протопать ступенек, вообще не говорю… Уверен, что залезешь на такую верхотуру?

— А вы-то за мной угонитесь? — с намеренным вызовом бросил Зик.

Ему хотелось устроить Руди проверку и, может быть даже, немножко его вымотать. Он уже не исключал для себя возможность бегства. И если до этого дойдет, то оторваться от хромоногого будет мало. Желательно еще, чтобы тот не достал его выстрелом из трости.

— Угонюсь как миленький, — заверил Руди. — Ступай-ка сейчас в коридор. За углом должен быть фонарь. — Он кинул мальчику коробок спичек. — Зажги его.

Зик сделал, как ему было сказано. Руди встал

рядышком:

— Видишь вон ту занавеску?

— Черную?

— Ее самую. Это переборка — шелк, пропитанный дегтем. Нижний край придавлен прутком, чтобы не колыхалась. Вытащи его, и занавеску можно будет отодвинуть. — Опираясь на трость, он следил, как мальчик выполняет его указания. Потом сказал: — А теперь живо ныряй внутрь. Я за тобой.

Так и вышло. Зик вернул пруток на место, и коридор затопила непроглядная тьма, если не считать фонаря, упорно создававшего видимость света и уюта.

— Давай-ка до конца пройдем, там и намордники эти можно будет скинуть.

— Там нормальный воздух?

— Вероятно, но ручаться я не стал бы. Стараюсь, чтобы между мной и Гнилью была хотя бы пара переборок.

Вооружившись фонарем, Руди прошел по ковровой дорожке в конец коридора и полез в очередной занавешенный проем. Через секунду-другую снаружи осталась лишь его левая рука — та, что с тростью. Вскоре она поманила Зика пальцем: иди, путь свободен.

По ту сторону перегородки света оказалось предостаточно — даром что серого и блеклого.

Пока он протискивался в щель, Руди успел снять маску. Стоило Зику увидеть свободно дышавшего человека, бороться с искушением стало выше его сил. Он сорвал респиратор и втянул ноздрями воздух, зловоннее которого в жизни не знал и прекраснее тоже, ибо доставался он без усилий.

С каждым глотком к нему возвращалась жизнь.

— Я могу дышать! Тут воняет, как на помойке, но я могу дышать!

— На поверхности даже самый свежий воздух отдает дымом и серой, — признал Руди. — Внизу не так плохо, но на верхних этажах он застаивается, потому что движения здесь никакого. Под землей мы, по крайней мере, гоняем его туда-сюда.

Оглядев маску, мальчик заметил, что цвет фильтров изменился:

— Мне нужны новые фильтры. Только ведь их должно было хватить на десять часов…

— Сынок, а ты сколько уже здесь торчишь, по-твоему? Никак уж не меньше, поверь мне на слово. Но тут ничего страшного нет. С тех пор

как прошлой весной тот верзила-негр ограбил поезд конфедератов, фильтры в подполье идут по пенни за фунт. А если и прижмет, в этой части города полно защищенных туннелей. Главное, запомни правило: между тобой и Гнилью должно быть не меньше двух перегородок.

— Запомню, — пообещал Зик, ибо совет казался вполне дельным.

Из какого-то отдаленного уголка грандиозной башни донесся отрывистый треск. По всему строению прокатилось громкое эхо и постепенно растаяло.

— Что это было? — спросил Зик.

— Будь я проклят, если знаю, — отозвался Руди.

— По-моему, это где-то внутри.

— Верно мыслишь, — произнес калека.

Покрепче обхватив трость, Руди оторвал ее от пола и приготовился открыть огонь.

За первым всплеском шума последовал второй, теперь его ни с чем было не спутать: несколькими этажами ниже что-то обрушилось.

— Не нравится мне это, — проворчал Руди. — Надо бы спуститься.

— Нельзя! — сердито зашептал Зик. — Звук шел снизу. Нам надо наверх!

— Дурак! Вот сунемся туда, кончится лестница

— и бери нас кто хочет.

На этом их спор и скис, потому что в другой стороне послышался еще один звук — громче и непонятнее предыдущего. Над головами у них зашумели какие-то мощные машины; со свистом и грохотом на башню надвигалась некая громада… быстровато надвигалась.

— Что за…

Зик так и не закончил вопроса. В один из верхних этажей врезался чудовищных размеров дирижабль, всей массой гондолы и раздувающихся, распухших от газа баллонов налетел на стену, отскочил к соседнему зданию, срикошетил опять и совершил окончательную несчастливую посадку на верхушке башни. Стекла в окнах задребезжали, и мир заходил ходуном, точно как во время недавнего землетрясения.

Руди торопливо нацепил маску, так же поступил и Зик, хотя обидно было до слез. Калека бросился к лестнице, словно здание и не сотрясала сверху донизу дрожь.

— Вниз! — скомандовал он и неуклюжей побежкой исчез во мраке.

Мальчик остался без фонаря и не знал даже, что с тем стало. Сбивчивый топот Руди бил по ушам не хуже, чем завывания ветра и глухой

стук, с которым колотился о стены дирижабль. Когда Зик добрался наконец до лестницы, вздыбившаяся тьма поманила его в свою утробу, но он пересилил себя и тронулся к вершине башни.

А потом тьма стала гуще и хлынула со всех сторон — обрушилась на него, как вода, как земля, как сам небосвод.

13

Брайар осушила кружку воды и еще одну. И спросила, что там насчет пива.

— Вам налить?

— Нет. Интересно просто, с чего бы вам тут варить пиво.

Выбрав кружку посолиднее, Свакхаммер до краев наполнил ее кисло пахнущим элем, подыскал себе стул и уселся напротив Брайар.

— Потому что легче сварить из зараженной воды пиво, чем очистить ее. При перегонке не ахти какое пойло получается, но с него не помрешь и трухляком не станешь.

— Понятно, — сказала она.

Подход разумный, ничего не скажешь. И все-таки Брайар не рискнула бы испытывать свой желудок этой желтой гадостью, напоминавшей мочу… иначе как под угрозой смерти. Даже на ее конце стола стоял такой запах, что хоть краску им снимай.

— Это да, к нему нужно притерпеться, — признал мужчина. — Но как привыкнешь, ничего так идет. Кстати… что-то я не расслышал вашего

имени.

— Брайар.

— А фамилия как?

На миг она задумалась, не сочинить ли какую-нибудь историю, но тут же отказалась от этой мысли. Опыт общения с экипажем «Наамы Дарлинг» внушал определенный оптимизм.

— Раньше я носила фамилию Уилкс. Теперь вот снова ношу.

— Брайар Уилкс. Стало быть, вы… ну да. Неудивительно, что вы решили помалкивать. Кто вас подбросил до города — Клай?

— Он самый. Капитан Клай. Закинул по пути. А как вы догадались?

Здоровяк отхлебнул пива.

— Да всем известно, как он спасся от Гнили. Никакой тайны тут нет. И парень он не самый плохой. Шибко хорошим тоже не назовешь, но что не самый плохой — это точно. Полагаю, он вам не доставил никакого беспокойства?

— Капитан показал себя настоящим джентльменом, — ответила Брайар.

Свакхаммер улыбнулся, обнажив неровный нижний ряд зубов:

— Даже и не верится. А он тот еще верзила, правда?

— Не то слово, но вы и сами-то, в общем, не карлик. Ох и напугали же вы меня, когда вломились в вестибюль. Мало того что у вас из-за этой маски ужасный голос, вы в ней еще и на монстра похожи.

— Знаю! Похож, похож. Но дышится в ней посвободнее, чем в старье, которое было на вас. А броня защищает от укусов мертвяков, зацепиться им не дает. Уж если они ухватятся за тебя и повалят, то сожрут целиком. — Он встал подлить себе пива, да так и застыл в задумчивости: одна рука на груди, в другой — кружка. — Стало быть, вы дочка Мейнарда. То-то мне ваше лицо показалось знакомым. Но если бы вы сами не признались, я бы и не сообразил. Тогда получается, что ваш пропавший сын…

— Иезекииль. Так-то он Иезекииль, но его устраивает и Зик.

— Ну да, ну да. Выходит, Зик — внук Мейнарда. Как думаете, он другим об этом рассказывает?

Брайар кивнула:

— Наверняка. Он знает, что родство может сослужить ему здесь хорошую службу. Только не понимает до конца, чем еще это грозит. Я уже не про Мейнарда, конечно, а про его отца. — Она вздохнула и попросила еще воды. Пока Свакхам-

мер возился с бочонком, слова полились дальше:
— Его вины тут нет. Никакой. Вся вина на мне. Надо было ему сказать… Господи! Да я ведь никогда ничего ему не рассказывала. А теперь он задумал перетряхнуть прошлое — и надеется найти что-то хорошее.

Перед ней вновь возникла кружка со стоялой водой. Брайар наполовину ее осушила в пару глотков.

— Так Иезекииль заявился сюда в поисках отца?

— В каком-то смысле. Он решил доказать невиновность отца. Дескать, русский посол заплатил ему, чтобы испытания Костотряса начались раньше графика, когда машина была еще не готова. Теперь он хочет попасть в старую лабораторию и поискать улики там. Чтобы обелить имя Леви.

Брайар допила воду. Свакхаммер предложил ей еще, но она помахала рукой в знак отказа.

— А это в принципе возможно?

— Простите?

— Это в принципе возможно? Сможет он доказать, что Блю непричастен к этим делам с Гнилью?

Она покачала головой, сдерживая смех:

— Нет-нет-нет. Боже милостивый, да какое

там! Если уж Леви невиновен, то о Каине вообще молчу. — И в тот же миг Брайар пожалела об этих словах. Ей не хотелось, чтобы новый спутник донимал ее вопросами, так что пришлось быстро добавить: — Наверное, в глубине души Зик все понимает. Может, он всего лишь хочет поглядеть на родительский дом. Или увидеть все разрушения собственными глазами. Он ведь еще мальчишка, — заключила она, стараясь не показывать своего огорчения. — Одному небу известно, что им движет.

— Надо полагать, папашу своего он не застал?

— Нет. И слава богу.

Свакхаммер откинулся на спинку стула.

— Почему вы так говорите?

— Потому что у Леви не было возможности повлиять на него и испортить. — Она еще много чего могла бы сказать, но с незнакомца хватит и этого. — Я все думаю про войну на востоке… Когда-нибудь она должна закончиться. И тогда я увезу его куда-нибудь, где о нас двоих никто не слышал. Так ведь будет лучше, правда? Уж хуже, чем здесь, точно не будет.

— Да тут совсем даже неплохо, — с ехидной улыбкой заметил здоровяк. — Вы только посмотрите на этот дворец!

— Ничего хорошего тут нет, и вы это знаете не хуже меня. Так зачем же вы остались? Что вас заставляет тут жить — вас и всех остальных?

Свакхаммер пожал плечами и молча допил свое пиво, потом закинул кружку обратно в ящик.

— У каждого из нас свои причины. Вы тоже приспособитесь, если захотите. Или если не останется выбора. Это непросто, но простой жизни теперь нигде нет.

— Наверное, вы правы.

— Главное, тут можно делать деньги. И никакого надзора. Зато куча возможностей для тех, кто знает, где искать.

— Ну и откуда же берутся эти деньги? — спросила Брайар. — Грабите дома сбежавших богачей? Однажды деньги закончатся. На большее в пределах этих стен нечего и рассчитывать, как мне кажется. Что вы здесь стянули, здесь и остается.

Он поерзал, потом сказал:

— Зато есть Гниль. Уж она-то никуда не денется. И что с ней делать, никто толком не знает. Если не приторговывать помаленьку желтухой, от нее вообще никакой пользы.

— Желтуха убивает людей.

— Так же, как и другие люди. Или собаки. Как бешеные лошади, гангрена и неудачные роды. А

как насчет войны? Думаете, на востоке люди не гибнут? Еще как гибнут — мрут как мухи, куда уж там Гнили. По-моему, там счет идет на тысячи.

Брайар пожала плечами, хоть и без всякого пренебрежения:

— Что-то в этом есть, не спорю. Но моему сыну не грозит смерть при родах, да и на войне тоже — пока, по крайней мере. Куда больше вероятность, что он уморит себя этой дурацкой отравой, потому что он ребенок, а дети склонны к глупостям. Только поймите меня, пожалуйста: вас я ни в чем не обвиняю. Я представляю, как все устроено в нашем мире. И не понаслышке знаю, как трудно дается заработок.

— Я не обязан вам ничего объяснять.

— А я и не прошу объяснений. Но вы, по-моему, и без моих просьб порывались что-то сказать в свою защиту.

Отодвинув стул, он смерил ее взглядом — почти сердитым. Но только почти.

— Вот и славно. Лишь бы мы друг друга поняли.

— Кажется, поняли, да.

Она потерла глаза, затем переключилась на ногу: порезы, полученные в гостинице, ужасно зудели. Зато кровь идти перестала — и на том

спасибо.

— Поранились? — спросил Свакхаммер, которому явно не терпелось сменить тему.

— Так, пара царапин. Если бы не газ этот едкий, ничего бы и не почувствовала. Как тут у вас с бинтами? Мне бы хоть приличия соблюсти, о прочем не прошу. Штаны у меня скоро расползутся на части, так что нитка с иголкой тоже не помешали бы.

На лицо его вернулась прежняя, беззлобная улыбка — во всей своей кривозубости.

— Вам бы еще горничную. Или хорошую гостиницу. Боюсь, здесь от меня помощи не бог весть сколько будет. Но сейчас я свожу вас в одно место, и вот там-то, думаю, мы вас подлатаем на совесть.

Брайар его слова не понравились.

— О чем вы? Куда вы собрались меня отводить?

— Вы должны кое-что понять, — начал он, взвалив броню на плечи, а маску сунув под мышку. — У нас тут… скажем так, замкнутая община. Кого попало в нее не берут, и нас это вполне устраивает. Но время от времени кто-нибудь заявляется сюда на дирижабле… ну или по воде как-то просачивается и начинает наводить свои

порядки. У некоторых в голове сидит мысль, что в городе еще есть чем разжиться, вот и пытаются отхватить себе кусок пирога. — Он кивнул на ее оружие, противогаз и сумку, примостившиеся на столе. — Собирайте вещички.

— Куда вы меня поведете? — с нажимом повторила она, подтягивая к себе винтовку.

— Милочка, да если бы я хотел вам навредить, я бы эту штуку сразу отобрал. — Он показал на «спенсер». — А отвести я вас хочу в гнездышко вашего папаши, можно и так сказать. Ну а теперь — в путь. Дело идет к вечеру, на улице потихоньку темнеет, а в темноте там совсем худо становится. Самые опасные участки мы и снизу обойдем, но в это время суток в туннели кто только не прет.

— А это плохо?

— Иногда. Как я пытался вам объяснить, когда вы меня отвлекли, здесь у нас и без того хлопот полон рот. Потому-то и приходится приглядывать за новичками. Больше трудностей, чем уже есть, нам и даром не надо.

Силы Брайар немного восстановились, хотя ее и не радовало, что их беседа приняла несколько тревожный оборот. Она перекинула через плечо винтовку, повесила сумку на бок и убрала маску с глаз долой. Без нее отцовская шляпа сидела

на голове куда лучше, так что Брайар не стала привязывать ее к сумке.

— Я всего лишь хочу найти своего сына, — проговорила она. — И все на этом. Как разыщу его, ноги моей в вашем городе не будет.

— Сдается мне, вы недооцениваете, сколько может доставить неприятностей женщина вроде вас, не прилагая к тому никаких усилий. Вы дочка Мейнарда, а Мейнард чуть ли не единственный в городе человек, чей авторитет никто не оспаривает.

Она недоуменно моргнула:

— Но он ведь *умер.* Шестнадцать лет, как он в могиле!

Свакхаммер откинул кожаную шторку и придержал для Брайар. Страшно не хотелось поворачиваться к нему спиной, но по-хорошему было не отвертеться, так что она двинулась первой. Здоровяк отпустил шторку, и коридор погрузился во мрак, разгоняемый лишь светом фонаря.

— Само собой, умер, и для нас это даже к лучшему. С покойником особо не поспоришь. Покойник не пойдет на попятную и не станет выдумывать новых правил. И не превратится в мерзавца, которого никто уже не хочет слушать. Покойник навсегда остается святым. — Похлопав Брайар по

плечу, он передал ей фонарь. — Посветите мне.

Тут он, словно бы вспомнив что-то, вскинул палец: подождите-ка здесь. Затем нырнул обратно за занавеску и через пару секунд вернулся. Слегка потянуло дымом.

— Свечи забыл потушить. Так, поднесите-ка фонарь поближе.

К стене притулился длинный железный прут. Свакхаммер начал продевать его в специальные петельки, приделанные к нижнему краю занавески.

— Вы ее… — Брайар даже и не знала, как закончить вопрос, — запираете, что ли?

Он издал нечто похожее на смешок:

— К полу хочу придавить. Чем больше барьеров между верхними уровнями и нижними, тем чище воздух. А когда мехи работают на полную мощность, занавески срывает и раскидывает куда попало.

Она с неподдельным интересом наблюдала за его действиями. Вся эта мудреная механика завораживала ее — фильтры, уплотнители, мехи… Прежде Сиэтл был скромным торговым городком, жиревшим потихоньку на северном золоте, а потом обратился вдруг в кошмар, переполненный ядовитыми газами и живыми мертвецами. И

все-таки люди остались здесь. Люди вернулись. И приспособились.

— Моя помощь требуется?

— Просто держите фонарь. Ну вот, все. — Утяжелив занавеску, Свакхаммер вставил один из концов прута в отверстие у дверного косяка. — Этого должно хватить. Теперь пойдемте. Фонарь можете не отдавать. Сейчас ступайте прямо, а на развилке, пожалуйста, поверните направо.

Она побрела по отсыревшему, поросшему мхом коридору. Со всех сторон ее нескончаемым эхом обволакивал звук падающих капель. Временами откуда-то сверху доносился глухой стук, а то и лязг, однако здоровяк не обращал на них никакого внимания, так что и Брайар сочла за благо их не замечать.

— Итак, мистер Свакхаммер. Что вы имели в виду, когда говорили о… гнездышке моего отца?

Она бросила взгляд через плечо. В пляшущем свете фонаря лицо мужчины казалось измученным и осунувшимся.

— Нам нужно попасть в кабачок «Мейнард». Когда-то на площади располагался трактир. Нынче там то же, что и везде, упадок да разруха. Зато в подвале засела кучка ребят, они-то и ведут все дела. Так вот, для начала заглянем туда. Потому

что, во-первых, вам нужно заменить фильтры или даже подобрать маску получше. А во-вторых, если ваш сынишка не скрывал, что он внук Мейнарда, то есть большая вероятность, что кто-нибудь догадался его туда отвести.

— Вы и вправду так думаете? Но искал-то он не кабачок, а дом Леви…

Тут коридор разделился на три прохода.

— Нам в средний, — объявил Свакхаммер. — Тут важнее другое: знает ли мальчишка, где находится дом?

— Надеюсь, но я могу и ошибаться. Если не знает, то я даже не представляю, откуда он начнет поиски.

— Да с «Мейнарда», — с уверенностью сказал гигант. — Безопаснее здесь места не найти. И забрести туда — дело нехитрое.

Задавая следующий вопрос — то ли спутнику, то ли себе самой, — Брайар надеялась, что предательски подрагивающий фонарь не выдаст ее волнения.

— А что, если его там нет?

Вместо ответа, мужчина скользнул к ней, деликатно забрал у нее светильник и поднял повыше, явно что-то высматривая.

— Ага, — крякнул он наконец, и Брайар разгля-

дела на стене название улицы и стрелку. — Извините. Мне почему-то показалось, что мы пошли по кругу. Я тут редко бываю. В основном держусь поближе к площади.

— Ясно.

— Слушайте, насчет вашего мальчугана… Если он не в кабачке… что ж, тогда не в кабачке. Можете поспрашивать людей — вдруг кто-то его видел или слышал о нем. Если даже и никто, то сразу пойдут слухи, а нам это только на руку. Когда в «Мейнарде» узнают, что по городу разгуливает плоть от плоти старого законника, они пройдут через огонь, воду и Гниль, лишь бы можно было потом сказать, что видели его живьем.

— Вы говорите так, чтобы меня успокоить?

— А какая мне с того радость?

Над ними рухнуло что-то тяжелое, и трубы, тянувшиеся вдоль стен коридора, подпрыгнули на опорах.

— Что это было? — спросила Брайар, поравнявшись со Свакхаммером и едва удерживаясь, чтобы не вскинуть винтовку.

— Трухляки, кто-нибудь из наших, Миннерихт испытывает новую игрушку… Так и не скажешь.

— Миннерихт, — повторила она. Это имя она слышала уже не в первый раз. — Тот человек,

который смастерил вашу… Глушилку?

— Он самый.

— Так он ученый? Изобретатель?

— Вроде того.

Брайар нахмурилась:

— И как вас прикажете понимать?

— У него полным-полно всяких игрушек, и он все время достает откуда-то новые. Почти все они опасны, и это еще слабо сказано. Хотя есть вполне себе забавные. Еще он делает всякую мелочевку по механической части. Странный тип и не всегда дружелюбный. Можете вслух сказать, если хотите.

— Что сказать? — Она уставилась куда-то в промозглую, даже здесь ядовитую даль.

— То, о чем вы сейчас подумали. Не вы первая заметили, как сильно Миннерихт напоминает вашего мужа.

— Моего *бывшего* мужа. И ничего такого я не думала, — солгала она.

— Тогда вы полная дура. Потому что во всем подполье не найти человека, которого не посещали бы такие мысли.

— Не понимаю, к чему вы клоните, — фыркнула Брайар. На самом-то деле она все понимала, и это пугало ее до смерти. — Сиэтл был не такой уж

большой город, но мало ли тут жило ученых? И вообще, Миннерихт мог прийти сюда из других мест.

— Или же это старик Леви — переодетый и под новым именем.

— Ничего подобного, — тут же вставила она. Вставила так поспешно, что это не могло не показаться подозрительным. — Мой муж давно мертв. Знать не знаю, кто такой этот Миннерихт, но он не Леви, поверьте моему слову.

— Теперь вниз. — Свакхаммер подвел ее к темному проходу, в конце которого их поджидала лестница. Внизу простирался очередной туннель, выложенный кирпичом. — Пойдете первой или меня пропустите?

— Лезьте лучше вы.

— Хорошо. — Взяв проволочную ручку фонаря в зубы, он склонил голову и начал спуск, умудрившись как-то не опалить куртку. — И откуда же? — донесся снизу его голос.

— О чем вы?

— Откуда вы знаете, что Миннерихт — не Левитикус? Вы говорите с такой уверенностью, вдова Блю…

— Еще раз меня так назовете, и я вас пристрелю! — пригрозила она, потом встала на первую

ступеньку и полезла за ним.

— Буду иметь в виду. И все-таки вы ответьте на мой вопрос: ну откуда вам знать, что это не он? Насколько мне известно, тела Блю так и не нашли. А если кто-то и нашел, то не распространялся об этом.

Соскочив с последней ступеньки, Брайар выпрямилась во весь рост. Даже так она еле-еле доставала ему до плеча.

— Его не нашли, потому что в городе в тот день погибло немерено людей, и он был одним из них. Возвращаться и проверять желающих не нашлось. Скорее всего, его труп достался трухлякам. Или просто истлел и рассыпался в прах. Вы уж поверьте мне, он сейчас мертвее мертвого и не прячется в этих лабиринтах, которые тут появились по его вине. Я вообще не представляю, откуда у вас такие мысли.

— Да ну? Так уж и не представляете? — Он ухмыльнулся и покачал головой. — Ну-ну, как же такое представишь… безумный ученый придумывает безумную машину и стирает в порошок целый город. А как только оседает пыль, у нас тут объявляется другой такой же безумец.

— Но ведь кто-то да видел этого Миннерихта? Все знают, как выглядел Леви.

— Ваша правда, все. Но с Миннерихтом никакой ясности. Он не открывает лица и всегда настороже. Ошивалась тут одна такая девица, Эвелин… фамилии не помню. Иногда он неплохо проводил с ней время. Но потом она окончательно подсела на Гниль и начала меняться. — Бросив на нее взгляд, здоровяк продолжил в довольно резком тоне: — Это случилось несколько лет назад. Мы еще тогда толком не разобрались, как обеспечить себя приличным воздухом. Много было сделано и проб, и ошибок. А выжить тут могут лишь сильнейшие. Эви оказалась не из таких. Подцепила заразу и стала сдавать, вот добрый доктор и прострелил ей голову.

— Это… — Брайар не нашлась с ответом.

— Это насущная необходимость, и ничего более. У нас здесь и так полным-полно трухляков, еще один нам совсем не на пользу. Это я к чему… — спохватился он. — Незадолго до смерти она рассказывала ребятам, что видела мельком его лицо и оно было все в шрамах — то ли обгорел, то ли иначе как не повезло. Еще говорила, будто он почти никогда не снимает противогаза, даже в относительно безопасных местах.

— Ну вот вам и разгадка. Какой-то бедолага стыдится своих шрамов. Зачем же сразу предпо-

лагать худшее?

— А зачем лучшее? Он такой же псих, как и ваш муж. И умеет мастерить всякие штуковины. И они работают. — Кажется, Свакхаммер хотел добавить еще что-то, но сдержался. — Я не утверждаю, что это обязательно он. Просто многие люди думают, что это *может быть* он.

Брайар усмехнулась:

— Да ладно вам. Если бы вы тут и вправду считали, что это Блю, давно бы выволокли его на улицу и оставили на съедение трухлякам.

— Смотрите под ноги, — предостерег он, осветив участок, где пол туннеля изобиловал неровностями. — Мы ведь не сразу к такому выводу пришли — что он тут не чужак. Обмозговывали себе потихоньку, пару-тройку лет. И вот как-то раз двое парней поделились своими мыслями с остальными. А после этого слухи поползли сами собой, не остановишь.

— Я бы смогла.

— Может, и смогли бы. А может, и нет. Если это для вас так важно, с удовольствием поглядел бы, как вы это сделаете. В последние годы от старого доктора больше вреда, чем проку, — полезные инструменты не в счет. — Он похлопал по Глушилке и покачал головой. — Работает он

на совесть, только вот пускает дела рук своих на дурные цели. Уж больно ему нравится выставлять себя главным.

— Так вы же сами сказали: тут у вас главных нет. Кроме одного типа, который умер шестнадцать лет назад.

— Ну не буквально же, — проворчал он. — Идемте. Недалеко уже, честное слово. Слышите?

— Что?

Не успела она спросить, как явственно послышались звуки музыки — негромкой и не особо мелодичной, но бодрой.

— Кажись, Варни играет. Ну или пытается. Песенки у него дрянь, но он учится по мере сил. В кабачке стояло механическое пианино, но механизм прогнил насквозь. Парни что-то там намастачили, чтобы можно было играть, как обычно. Его, бедняжку, не настраивали со дней строительства стены, но это вы, наверное, и сами слышите.

— Удивительно, как вас не смущает весь этот шум. Я думала, вы тут сидите тихо как мышки. Мне показалось, у трухляков чуткий слух.

— О, когда мы внизу, они нас слышат гораздо хуже. Сверху звук проникает куда легче, чем в обратном направлении. — Он многозначитель-

но посмотрел на потолок. — И даже если они и смекнут, чем мы тут занимаемся, то ни за что нас не достанут. Кабачок да, собственно, почти вся площадь укреплены на славу — комар носа не подточит. По части безопасности с ним ничто не сравнится, поверьте мне на слово.

Вспомнив в очередной раз о Зике, она вознесла мысленную молитву — не важно кому, лишь бы ее услышали. Лишь бы мальчик нашел дорогу к этой крепости внутри крепости.

— И если повезет, там мы найдем моего сына.

— Да уж, если повезет. Он как у вас, из находчивых?

— Да. Боже милостивый, да. До того находчивый, что ему это во вред.

Теперь музыка наводняла все вокруг, просачиваясь из-за круглой двери, закупоренной с обеих сторон. Свакхаммер раздвинул занавески и нашарил задвижку.

Внимание Брайар привлек знак на двери — четкой изломанной формы. Чем-то ей этот зигзаг был знаком.

— Мистер Свакхаммер, а что это такое? Что за знак?

— Как, вы его не узнаете?

— С чего бы? Какая-то ломаная линия. Она что-

нибудь означает?

Здоровяк протянул к ней руку. Она чуть не отскочила назад, но пересилила себя, потому что Свакхаммеру нужен был лишь ее ремень. Он отогнул пальцем пряжку, чтобы лучше было видно.

— Это инициалы вашего папеньки, только и всего. Означают, что в этом месте безопасно и приходят сюда с миром.

— Вот как, — пробормотала она. — Бывают же на свете такие дурехи.

— Не вините себя. Об отвратительном почерке Уилларда ходят легенды. Отойдите назад, если не трудно. Такие двери изолируют с обеих сторон, на всякий случай.

Убрав задвижку, он потянул дверь на себя и навалился, чтобы не закрылась.

— На какой такой случай?

— На случай утечки. Или если мехи откажут. Или переборки наверху кто-нибудь сломает. В общем, на всякий. У нас тут всего можно ожидать.

И, доверившись ему, она ступила в проем.

14

Если бы не отсутствие окон, заведение выглядело бы в точности как тысячи его наземных собратьев. У дальней стены громоздилась большая стойка из дерева и меди, за ней маячило треснутое зеркало. В отражении зал делался вдвойне светлее, наполняясь изломанным мерцанием бесчисленных свечей, пучками выставленных на квадратных приземистых столиках. Было довольно тепло.

За пианино восседал на табурете седовласый мужчина в длинном зеленом пальто и самозабвенно тарабанил по клавишам, желтевшим, точно стариковские зубы. Рядом стояла женщина не первой уже молодости, широкая в кости и без одной руки, и притопывала в такт мелодии, которую старик тщился извлечь из инструмента; худосочный тип за стойкой цедил нездоровой желтизны жидкость — очевидно, то самое омерзительное пиво.

Напротив него сидели трое посетителей, шестеро или семеро торчало по углам таверны, не считая еще одного, без признаков сознания

устроившегося на полу возле пианино. Кружка у него в руке и слюна на подбородке намекали, что он попросту отключился, а не стал жертвой какого-то более изощренного злосчастия.

Заметив Свакхаммера, несколько мужчин приветственно подняли кружки. А потом увидели Брайар, и в помещении стало тихо, лишь простенькая мелодия все не унималась.

Но стихла и она, когда вошедших заметила однорукая женщина.

— Иеремия, — произнесла та прокуренным голосом, — кто это там с тобой?

По выжидательному выражению лиц местных завсегдатаев можно было догадаться обо всем. Брайар прикидывала в уме, как бы повежливее развеять их надежды, однако Свакхаммер ее опередил.

— Люси, — сказал он барменше, а значит, и всему кабачку, — она не из таких.

— Это точно? — поинтересовался один из мужчин за стойкой. — А то она хорошенькая, не то что обычно.

— Увы и ах. — Повернувшись к Брайар, он извиняющимся тоном пояснил: — Время от времени сюда пробираются девицы определенного толка. За неделю они тут могут заработать целое со-

стояние, но вы же знаете, как это бывает. Чтобы сунуть нос за стену, надо вконец отчаяться.

— Угу, — отозвалась Брайар.

Здоровяк продолжил:

— Ну что ж, не помешало бы кое-кого вам представить. Вон там, за стойкой, Люси О'Ганнинг. Она здесь всем заправляет. Теперь идем по кругу: на табурете — Варни, на полу возле пианино — Хэнк. За стойкой — Фрэнк, Эд и Уиллард, за дальним столиком — Аллен и Дэвид. Вон те, что играют в карты, — Кальмар и Джо, а прямо напротив — Мэкки и Тим. Кажется, всех назвал. — И тогда он объявил: — Все — это миссис Брайар Уилкс.

По залу побежал взволнованный шепоток, но Свакхаммер и не думал умолкать:

— Ее подвез наш общий друг, капитан Клай. Очутившись за стеной, она сочла нужным навестить сие почтенное заведение со всеми его утонченными удовольствиями — и в самом деле, где же ей начинать, как не в кабачке, названном в честь ее отца. У нее есть к вам несколько вопросов; надеюсь, вам хватит разумения обращаться с ней хорошо.

Никто не вскочил с места, ни возражений, ни обвинений не последовало, так что Брайар сразу перешла к цели своего визита.

— Я ищу сына, — затараторила она. — Видел его кто-нибудь? Его имя Иезекииль, но он предпочитает зваться Зиком. Зик Уилкс. Ему лишь пятнадцать, и мальчик он, вообще-то, неглупый, только сунулся сюда не от большого ума, конечно. Может быть, кому-то из вас он попадался. Он…

Никто не спешил ее прерывать. Она говорила и говорила, с каждым словом все больше уверяясь в конечном результате, но остановиться уже не могла.

— Он примерно моего роста и худой как щепка. С собой носит кое-какие дедовы вещички — на обмен, скорее всего. Или вместо документов. Сюда он должен был попасть еще вчера. Когда точно, не знаю, но он прошел через водосливную систему еще до землетрясения. Кто-нибудь… — Она переводила взгляд с лица на лицо, но в этих глазах не чувствовалось и намека на «да». Однако не спросить было нельзя. — Кто-нибудь из вас его видел?

Никто даже не моргнул.

— Я думала… то есть мистер Свакхаммер сказал… что кто-нибудь мог привести сюда Зика, он ведь внук… Я думала…

В ответе нужды не было. Она и сама знала ответ, но все же хотела, чтобы на ее слова откликну-

лись. Ее бесило, что говорит она одна. Но Брайар не собиралась прекращать, пока ее не прервут.

Наконец это сделала Люси:

— Миссис Уилкс, мне так жаль… Я о вашем мальчике ни сном ни духом. Только это не значит еще, что с ним стряслась беда. В городе не так уж мало убежищ, где он мог бы спрятаться и передохнуть.

Брайар уже чуть не плакала, и хозяйка заведения подошла поближе, на ходу поправляя шаль.

— Милая, день у вас выдался тяжелый, по вас видно. Давайте я налью вам выпить, а потом вы присядете и все нам расскажете.

Она кивнула, едва не поперхнувшись комком, растущим в горле, и попыталась возразить:

— Нельзя. Нужно искать его дальше.

— Знаю. Но вы уж дайте нам минуту-другую, мы вас приведем в порядок, чистые фильтры подыщем. А с вас подробный рассказ. Может, и сумеем вам подсобить. Так-так… Пивом-то вас Иеремия угостил?

— Да… только не надо, спасибо. И фильтры у меня есть, просто некогда было менять.

Женщина подвела ее к стойке и усадила на незанятый табурет.

Фрэнк, Эд и Уиллард мигом подсели к ней по-

ближе, чуть ли не вплотную. У Брайар за спиной посетители задвигали стульями и повставали на ноги. Вскоре вокруг гостьи собрались все завсегдатаи «Мейнарда».

Взмахом единственной руки Люси велела им отойти или хотя бы расступиться, затем прошла за стойку и налила Брайар немного пива, несмотря на все ее отказы.

— Пахнет, как лошадиная моча, настоянная на мяте, но на безрыбье и рак рыба, верно ведь? Ну да раков мы тут не держим, так что пейте-ка вы лучше пиво. Как раз и согреетесь, и взбодритесь.

Варни, горе-пианист, подался вперед и сказал:

— А нам она обычно говорит, что от него волосы на груди растут.

— Садись-ка ты за инструмент, дурень старый. Мешаешь.

Люси достала полотенце и принялась вытирать нахально разлившуюся лужицу пива.

Брайар заинтересовала перчатка у женщины на руке. Сделана она была из коричневой кожи и прихвачена на локте при помощи миниатюрных ремешков и застежек. Пальцы Люси казались словно бы одеревенелыми; когда она выжимала и расправляла полотенце, слышались легкие щелчки.

— Ну же, — не унималась Люси. — Попробуйте. Ничего смертельного тут нет, честное слово, — ну разве что расчихаетесь чуток. Так со многими бывает, поэтому не удивляйтесь.

Особого воодушевления Брайар не испытывала, но обижать круглолицую женщину с седеющими одуванчиковыми кудряшками тоже не хотелось, так что она понюхала пиво и приготовилась сделать крошечный глоточек. Тут же стало ясно, что с глоточка только и можно, что поперхнуться, так что она схватилась за ручку, поднесла кружку ко рту и заставила себя проглотить как можно больше одним махом. Чем это грозило ее желудку, лучше было не задумываться.

Женщина за стойкой одобрительно улыбнулась и потрепала Брайар по плечу.

— Ну вот, видите. Хоть и гадость, а на ноги поставит. Ну а теперь, девочка моя, — напомнила она, — расскажите старушке Люси, чем вам помочь.

И снова Брайар против воли обратила глаза, заслезившиеся от ядреного напитка, на руки Люси. На месте, где полагалось быть второй руке, рукав был наглухо зашит и пришпилен к платью.

Перехватив ее взгляд, женщина сказала:

— Смотрите на здоровье, я не возражаю — все

смотрят. Потом сама все расскажу, если интересно. Но сейчас хотелось бы узнать о том, что привело сюда *вас*.

Брайар чувствовала себя такой несчастной, что едва могла говорить, а под действием пива ее горло и вовсе сжалось — ни звука не выдавишь.

— Это все моя вина. И если с ним случится что-то ужасное, виновата буду тоже я. Я столько всего сделала не так, что и не знаю, как теперь это исправить, и… и… у вас что, кровь идет?

Она вскинула голову и нахмурилась. На стойку упало еще несколько капель тягучей буро-красной жидкости.

— Кровь? Ну что вы, милая, нет. Так, смазка. — Люси пошевелила пальцами, и костяшки отозвались металлическим клацаньем. — Тут у меня чистая механика. Протекает только малость, временами. Впрочем, не хотела вас отвлекать. Продолжайте. Вся вина на вас, это я поняла и готова поспорить, только вы сперва закончите.

— Механика?

— Вот досюда, — подтвердила Люси и показала чуть пониже локтя. — Крепится прямо к костям. Но вы что-то там рассказывали.

— Потрясающе!

— Вы не о том рассказывали.

— Да, — согласилась Брайар, — не о том. Но рука у вас потрясающая. И… — Она вздохнула и сделала еще один недюжинный глоток отвратительного пойла. Пиво пошло себе бродить у нее в желудке, заставив ее содрогнуться всем телом. — И… это все, что я хотела сказать. Остальное вы слышали. Мне надо разыскать Зика, а я не представляю даже, жив ли он. И если нет…

— То виноваты вы одна, ага. Слыхали уже. Вы чересчур суровы к себе. Мальчишки не слушаются родителей сплошь и рядом, об этом и вспоминать-то не стоит, а уж ваш взбрыкнул так взбрыкнул, да по-крупному, — по-моему, гордиться надо, что у вас такой смышленый сынок. — Люси оперлась на локоть, уложив механическую руку на стойку. — А теперь скажите-ка: вы ведь не думаете на самом деле, что сумели бы его остановить, правда?

— Не знаю. Нет, наверное.

Кто-то дружески похлопал Брайар по спине. Сперва это напугало ее, но ничего фривольного в жесте не чувствовалось, так что она даже не отодвинулась. Кроме того, уже много лет в ее жизни не было подобных проявлений дружелюбия, и ощутить их вновь оказалось так приятно, что тоска и боль вины притупились сами собой.

— Тогда спрошу еще вот что, — рассуждала Люси. — Допустим, вы отвечали бы на все его вопросы, все до единого. Понравились бы ему ваши ответы?

— Нет, не понравились бы, — признала она.

— Смирился бы он с ними?

— Сомневаюсь.

Барменша сочувственно вздохнула:

— Ну и вот, пожалуйста. Рано или поздно ему взбрело бы поглазеть на родное гнездо, и он все равно бы сюда заявился. Мальчишки есть мальчишки, ничего не поделаешь. Непутевый народец, упрямый. А как подрастают, становятся еще хуже.

Брайар возразила:

— Но этот мальчишка — *мой.* Я его люблю и обязана защитить. А сейчас даже найти не могу.

— Найти? Деточка, да вы почти и не начинали искать! Свакхаммер! — Она обернулась. — И долго ты таскаешь эту несчастную женщину по подземельям?

— Да я уж ее первым долгом сюда, мисс Люси, — заверил он. — Быстренько смекнул, кто она такая, и…

— Тебе же лучше, если «быстренько». Если бы ты отвел дочку Мейнарда куда-нибудь еще или

к кому-нибудь еще, — произнесла она тоном, от которого Брайар стало изрядно не по себе, — я бы потом твою шкуру драла, пока в темноте не засветилась бы. Я ее узнала сразу, как увидела. И ты тоже. Это лицо я не забыла. И девочку эту помню. Прошло… ну поди ж ты… в общем, порядочно прошло лет. И не самые простые были годы, что уж говорить.

Ее поддержал нестройный хор голосов. Даже Свакхаммер промямлил что-то вроде: «Да, мэм».

— А теперь допивайте свое пиво, и приступим к делу.

На этот раз устрашающее варево доставило ей даже больше мучений, потому что она все еще сдерживала слезы, и каждый новый глоток давался ничуть не легче предыдущих.

— Вы так добры ко мне, — вымолвила Брайар. От пива и комка размером с кулак, не желающего выходить из горла, голос ее исказился. Она добавила: — Простите меня, пожалуйста. Обычно я не такая… Обычно я лучше… Со мной такое редко. Как вы сами догадались, день у меня был тяжелый.

— Еще пива?

К удивлению Брайар, кружка была пуста. Это поставило ее в тупик, и все равно не стоило ей

отвечать:

— Хорошо, еще так еще. Только самую капельку. Мне надо бы потверже стоять на ногах.

— Так вы и будете стоять… во всяком случае, с него не сразу запьянеешь. Вам сейчас нужнее всего посидеть, поговорить да мозгами пораскинуть. Давайте-ка все вместе, мальчики. — Она помахала им рукой, чтобы пододвинули стулья поближе. — Знаю, вам хочется все бросить и бежать на поиски, и я вас понимаю. Но поверьте мне, милочка, время еще *есть.* Нет, не смотрите на меня так. Что бы вы там ни говорили, а время есть. Вы мне вот какую вещь скажите, маску он с собой взял?

Брайар сделала очередной глоток и нашла на втором заходе, что пиво не такое уж и скверное. Как и прежде, вкус его наводил на мысли о трактирной мойке, но при определенной сноровке пить его было несложно.

— Да, взял. Он готовился заранее.

— Отлично, это означает полдня в запасе. А времени прошло больше. Значит, он забился куда-нибудь и сидит себе.

— Или уже мертв.

— Или уже мертв, ага. — Люси нахмурилась. — Есть и такая вероятность. Как бы то ни было, в

данную минуту вы ничего для него не можете сделать, кроме как взять себя в руки и придумать план.

— Но что, если он где-нибудь застрял и ждет спасения? Что, если его загнали в угол трухляки, а воздуха не хватает и…

— Ну-ну, зачем же так себя заводить? Ни ему, ни вам это не поможет. Хотите так думать — хорошо, подумаем. Допустим, он и вправду оказался в ловушке и нуждается в помощи. И как вы это место будете искать? Вот кинетесь вы куда-нибудь — а вдруг не туда? И оставите его в беде.

Брайар с кривой миной уткнулась в кружку: эта женщина говорила разумные вещи, но слушать было больно.

— Ну ладно. Тогда с чего мне начинать?

Будь у хозяйки заведения вторая рука, она бы захлопала в ладоши. За неимением лучшего Люси шваркнула механическим кулаком по стойке и воскликнула:

— Превосходный вопрос! Начнем мы, конечно же, с вас. Вы говорили, он вошел через водосливные туннели. Куда он направлялся?

Брайар рассказала им про особняк, про то, что Зик хотел найти доказательства причастности русского посла и оправдать таким образом отца,

наконец призналась, что мальчик может и не знать местоположения дома.

Хотя Свакхаммер все это и слышал, сейчас он стоял тихонько в стороне и внимательно следил за ее рассказом, словно рассчитывал на какие-то новые подробности. Его фигура неясно вырисовывалась в разбитом зеркале за стойкой. Теперь он казался еще более грозным, чем раньше, потому что Брайар успела как следует его оглядеть.

Когда она иссякла, в «Мейнарде» повисло тревожное молчание.

Нарушил его Варни:

— Тот дом, в котором вы жили с Блю… он ведь на холме стоял, да? На самой верхушке, на Денни-стрит.

— Так и есть. Да вот стоит ли он сейчас…

— А какой он на вид? — поинтересовался кто-то. Вероятно, Фрэнк.

— Лиловый такой, с кремовой отделкой, — ответила она.

Мужчина, которого Свакхаммер представил как Кальмар, спросил:

— Там у него еще была лаборатория? Ну, внизу.

— Да, в подвале. И преогромная, — добавила Брайар. — Вот честное слово, ненамного она была меньше наземной части. Только…

— Что? — подала голос Люси.

— Только она сильно пострадала. — Сквозь уютное отупение, навеянное алкоголем, вновь стало пробиваться беспокойство. — Там внизу небезопасно. Стены местами обрушились, полным-полно стекла. Как после взрыва на стеклодувной фабрике, — негромко завершила она.

Неожиданно нахлынули воспоминания. Машина. Разгром, представший ее глазам, когда она прибежала в подвал в поисках мужа, не помня себя от ужаса. Запах сырой земли и плесени; яростное шипение пара, бьющего из трещин в корпусе Костотряса; смрадная масляная гарь и едкий металлический привкус на языке — от дымящихся шестеренок, перемалывающих друг друга.

— Туннель, — произнесла она.

— Простите? — удивился Свакхаммер.

Она повторила:

— Туннель. Э-э-э… Варни, если не ошибаюсь? Варни, откуда вы узнали, что этот дом — наш?

Сплюнув в плевательницу на конце стойки пережеванный кусок табака, пианист сказал:

— Сам там жил. Вместе с сыном, за несколько улиц от вас. Шутил еще, что надо было его в синий покрасить, а не в лиловый.

— А еще кто-нибудь знал про дом? В нашем районе это ни для кого тайной не было, но и не афишировалось особо… — Не дождавшись ответа, она заключила: — Ясно. По большому счету, никто не знает. Но как насчет денежных кварталов?

Люси подняла бровь:

— Каких-каких кварталов?

— Денежных, то есть банковских. Их-то всяк знает, верно?

— Еще как, — подтвердил Свакхаммер. — Их ни с чем не спутаешь. Это на Третьей авеню, только никакого квартала больше нет — одна дырища в земле осталась. Но к чему вы клоните, миссис Уилкс?

— Я к тому клоню, что эта дыра там появилась… ох, да все мы знаем *как*. Из-за Костотряса — это даже Леви признавал. Но после того, как машина пронеслась под банковскими кварталами и разгромила все подвалы, он повел ее обратно. Насколько мне известно, Костотряс до сих пор под домом — посреди лаборатории… того, что от нее осталось. — Брайар отодвинула изрядно опустевшую кружку в сторону и забарабанила пальцами по дереву. — Допустим, Зику никак не найти дом, потому что никто не знает адреса. Зато

он *точно* знает, что случилось с Костотрясом. Как вы сами сказали, банковские кварталы разыскать несложно — и если он сумеет спуститься в дыру с фонарем… то вполне может решить, что это самый простой способ добраться до дома.

У Люси подалась вверх вторая бровь, затем обе сползли обратно, придавая лицу обеспокоенный вид.

— Милая моя, но ведь туннелей этих почитай что и нет — спустя столько-то времени! Там ведь обычный грунт, перекопанный машиной. Сейчас в них одни завалы, толком и не пройти. Черт, да на холме повсюду воронки, сами можете убедиться: туннели, когда обрушивались, утягивали с собой деревья и стены, иногда даже части зданий. А прошлой ночью еще и землетрясение было. Нет, далеко бы он такой дорожкой не ушел.

— Не спорю, — подхватила Брайар. — Но я не уверена, приходило ли что-нибудь из этого Зику в голову. Вот увидите, он обязательно попробует. Попробует, да еще будет чувствовать себя гением. Хм.

— Хм? — эхом откликнулся Варни.

— Думаю, у него есть карта, — пояснила она. Потом обратилась к Люси, а значит, ко всем сразу: — Я нашла у него в спальне кое-какие бумаги. По-

дозреваю, у него при себе карта или две. Не знаю только, много ли от них проку. И обозначены ли на них банки, да и сам деловой район. Скажите, а мог ли Зик обратиться к кому-нибудь за помощью в той части города? По-вашему ведь выходит, что за стеной есть и другие безопасные места, кроме «Мейнарда». Вы так все обустроили под землей… — Оглядев помещение, она добавила: — Ну вот взять хотя бы ваш кабачок. То, что вы тут сделали, невероятно. Вышло ничуть не хуже, чем на Окраине. Узнав, что здесь живут люди, я никак не могла понять — зачем. Теперь понимаю. Вы превратили место, полное опасностей, в уголок, где могут мирно жить…

В тот же миг откуда-то донесся тревожный низкий звон, и, все как один, окружающие преобразились.

Свакхаммер извлек на свет пару большущих револьверов и прокрутил барабаны, проверяя, заряжены ли они. Люси залезла под стойку и вытащила странной формы арбалет. Откинув собачку, она разложила его, перевернула, поместила перед собой и припечатала механической рукой; самострел со звонким щелчком пристал к запястью. Даже седовласый Варни, тонконогий и тонкорукий, отбросил крышку пианино, достал

пару дробовиков и взял наперевес — по одному в каждую подмышку.

— Заряжена? — поинтересовалась Люси, смерив взглядом «спенсер».

Брайар сняла винтовку со спины и привела в готовность.

— Да, — заверила она, хотя и не представляла, как у нее сейчас с патронами.

Сколько выстрелов она сделала с гостиничного подоконника? Догадалась ли перезарядить? Уж пара-тройка патронов должна оставаться наверняка.

Ближе всех к ней стоял Свакхаммер, его Брайар и спросила:

— Что происходит? Что означает этот звук?

— Он означает неприятности. А какие именно, не знаю. Может, что-то серьезное. Или так, пустяки.

Кальмар водрузил на плечо медную трубу, похожую на пушку в миниатюре, и заметил:

— Только лучше сразу готовиться к худшему.

Люси добавила:

— К звонку подведена проволока от западного входа — от главного, стало быть. Через эту дверь вы и вошли. Иеремия помог вам разминуться с проволокой, — наверное, вы ее и не заметили.

И тут посреди жужжания раздался стон с характерным присвистом, который слишком хорошо был знаком всем присутствующим. Источник его находился за укупоренной дверью в бар.

— Где ваша маска, милочка? — спросила Люси, не спуская глаз со входа.

— В сумке. А что?

— Пригодится, если нас выбьют отсюда на поверхность.

Возможно, она хотела сказать что-то еще, но дверь вдруг сотряс тяжелый удар, перед которым та едва устояла. Снаружи грянули новые стоны — взбудораженные, нетерпеливые и резво набирающие громкость. Брайар надела маску.

— Что с восточным туннелем? — бросила Люси Свакхаммеру.

Тот был уже на месте, у прямоугольной двери за пианино, и разглядывал коридор в щель между ставенками.

— Неясно, — подытожил он наконец.

— А как насчет верхних этажей? Уж там-то не опасно?

Сверху послышался оглушительный грохот, затем по доскам пола протопала кавалькада подгнивших ног. Больше про верхние этажи никто не заикался.

Ткнув стволами в сторону злосчастной двери, Варни объявил:

— Нам надо *вниз.*

— Подожди, — сказала Люси.

Свакхаммер направился ко входу в западный туннель, волоча за собой железнодорожную шпалу. Другой рукой он натягивал на голову шлем. Подбежал Кальмар и взялся за бесхозный конец бруса; общими усилиями мужчины навесили его поперек двери, продев в специальные пазы. Почти сразу же по бару прокатился дробный треск: дерево начинало сдавать. Шпала едва выдерживала; стальные и медные скобы, что удерживали ее на месте, гнулись.

— Чем я могу помочь? — спросила Брайар.

— У вас есть оружие, — сказала Люси.

— *И стрелять она умеет,* — заверил на бегу Свакхаммер.

В дальнем конце комнаты он разыскал железный ломик и приподнял с его помощью квадратный участок пола. Подоспевший Варни придержал люк ногой. Тогда здоровяк вернулся к Люси, встал с ней спина к спине и нацелил револьверы на западную дверь.

— Ну что ж, прошу, — произнесла хозяйка бара. — Занимайте оборону и палите по любой

голове, которая появится в этом проеме. Ничто другое их не остановит.

— С восточным туннелем теперь ясно! — крикнул Фрэнк, захлопнув дверь и опустив засов.

Одновременно с лязгом металла последовала очередная неистовая атака на главный вход.

— *Нижний подвал чист!* — объявил Свакхаммер. — *Ну как, будем оборону держать или линяем? Слово за тобой, госпожа Люси.*

— Что ж оно всегда за мной-то, так его дери! — чертыхнулась она.

— *Так ведь и бар, как его ни дери, твой.*

Люси застыла в нерешительности. Тем временем дверь переломилась аккурат по шпале: все, что было выше последней, потихоньку превращалось в обломки.

— Фрэнк, ты сказал…

— Восточный путь отрезан, мэм.

— Не говоря уж об этом. — Тут Люси сморщилась: треснула дверная панель и в отверстии замаячило гноящееся глазное яблоко. — Стало быть, надежды никакой?

Брайар вскинула винтовку на плечо, прищурилась и выстрелила. Глаз исчез, но его место тут же занял другой.

— Хороший выстрел, — похвалила Люси. —

Но одному богу известно, сколько их там еще. Нужно уходить. Чтоб им пусто было, чертякам! Ненавижу потом за ними убирать. Ну да ладно. Так. Все на выход. Варни, ты держишь крышку. Свакхаммер, прикрываешь дверь. Остальные — живо в люк, он у нас за стойкой. Вы в том числе, миссис Уилкс.

— Нет. Я остаюсь с вами.

— Да никто тут не остается. Всем надо драпать. — Не поворачивая головы, Люси продолжила: — А вам, паршивцам, пора бы уже одной ногой стоять в туннеле, да и другую туда же подтягивать. Чтоб никого не было, как я обернусь. Кроме Варни.

Последовала неуклюжая возня. Брайар рискнула оглянуться и застала суматоху, какую и ожидала увидеть. Фрэнк, Эд и Аллен с Уиллардом скрылись с глаз. Варни пытался спихнуть в люк подгулявшего Хэнка, помогая ему пинками.

— Сделано! — возвестил пианист, когда пьянчуга ойкнул и рухнул-таки в туннель.

— Замечательно, — сказала Люси. Но в то же мгновение от дверной рамы отлетел целый кусок и в проломе разом заворочались три хваткие смердящие конечности, усердно расшатывая те немногие доски, что еще отделяли их обладате-

лей от опустевшей комнаты. — После вас, миссис Уилкс.

Свакхаммер громко выругался и кинулся к двери у пианино.

— *За вами!* — крикнул он.

— Мистер Свакхаммер, — откликнулась Брайар, — передо мной их тоже предостаточно!

И выпустила еще одну пулю.

Подбежав к восточной двери, здоровяк навалился на нее всей спиной и намертво уперся ногами в пол. Этот вход продержится не дольше, чем противоположный.

— *Надолго нас не хватит!* — рявкнул Свакхаммер и стряхнул беспокойные пальцы, которые полезли было ему под броню.

Развернувшись, он взвел курок у каждого револьвера и пальнул по двери — почти не целясь, в отличие от Брайар. От пуль измученной древесине досталось никак не меньше, чем от мертвячьих рук; теперь конструкция держалась на честном слове. Снизу дверь пробила нога и опасно задергалась, словно нащупывая что-то.

— Уходим! — закричала Брайар, затем вскинула винтовку в третий раз и выстрелила в одну из дыр, не выбирая себе цели.

— Вы первая! — отрезала Люси.

— А вы стоите ближе!

— Хорошо!

Барменша оббежала стойку и юркнула в люк. Как только глухой стук знаменовал ее приземление, Брайар обернулась и в каких-то дюймах от себя узрела маску Свакхаммера. Верзила схватил ее за руку и увлек за собой, да так быстро и ретиво, что она его чуть не пристрелила второпях; пришлось волочь винтовку за собой, как воздушного змея, пока саму ее волокли к люку.

Не выдержала одна дверь, потом вторая; с запада и востока в помещение хлынул поток обезображенных, мерзко пахнущих тел.

Брайар видела их урывками, краешком глаза. Скорости она не сбавляла и ни секунды не медлила, но ведь мельком на них взглянуть ей ничего не мешало, правда? А двигались они с проворством, какого едва ли можно было ожидать от трупов, готовых развалиться на части. На одном красовались остатки рубахи. На другом вообще ничего не было, кроме ботинок, — и части тела, которые обычно прикрыты одеждой, успели отвалиться, выставив на обозрение серо-черные кости.

— *Вниз!* — велел Свакхаммер и положил руку ей на голову.

Она пригнулась, подчиняясь нажиму его ладони. И чуть не повторила печальную судьбу Хэнка, но в последний миг нащупала верхнюю перекладину, схватилась за нее и съехала кое-как по лестнице, стукаясь о стену коленками. Затормозила у самого дна, соскользнула и почувствовала под собой пол, упершись голой рукой. Хорошо бы перчатки были сейчас в карманах пальто. Иначе совсем непонятно, где их искать.

Кто-то потянул ее за локоть. В темноте проступило обеспокоенное лицо Фрэнка.

— Мэм, — проговорил он, — вы как там?

— Нормально, — ответила она, после чего поднялась на ноги и шагнула в сторонку — и правильно сделала, иначе Свакхаммер, с грохотом сверзившийся сверху, приземлился бы прямо на нее.

Он встал во весь рост и взялся за скобы люка:

— *Люси.*

Пояснений не требовалось — та была уже рядом, сжимая в механической кисти три невесть откуда взявшихся стальных прута. Им предстояло сыграть роль засова. Люси по очереди передавала пруты Свакхаммеру, тот просовывал их через скобы, не забывая второй рукой удерживать люк.

Наверху истлевшие пальцы выискивали щели,

но, к своей ярости, не находили: крышка плотно прилегала к полу, а ломик верзила забрал с собой. Для пущей надежности он вдел железяку туда же, куда и пруты, — пускай себе побесятся.

Под топот и скрежет мертвых ног и рук Брайар стала осматриваться по сторонам. Куда же ее занесло? Так глубоко под землей она еще не бывала — в таких сырых, потаенных недрах. Ничего общего с надежными кирпичными туннелями, которыми вел ее Свакхаммер; всего лишь подкоп, проделанный под более устойчивым сооружением. Эта нора угнетала Брайар, потому что напоминала о другой, похожей. О каверне под ее прежним домом, что пробуравила смертоносная машина, когда устремилась во внешний мир и вернулась обратно.

Пахло теперь точно так же — жидкой грязью, мхом и подгнившими опилками. Запах чего-то незавершенного, словно не рожденного еще.

Поежившись, она обхватила себя руками и прижала «спенсер» к телу. Но тепла от винтовки, побывавшей недавно в деле, почти не ощущалось — под пальто оно не проникало. Остальные сбились в тесную кучку возле нее. Их тревога передавалась Брайар; вскоре у нее застучали зубы.

Наконец с люком было сделано все, что только

возможно, и рослая тень Свакхаммера застыла, словно никакого шума сверху и не доносилось.

— *Люси, а где фонари? У нас тут что-нибудь припрятано?*

— Есть вроде, — откликнулась женщина.

Брайар не понравилось, как прозвучало второе слово: оно намекало на какой-то изъян.

— Что с ним не так? — спросила она.

— Да керосина на самом донышке. Не знаю, надолго ли нам его хватит. Но вот он, Иеремия, держи. У тебя ведь искровик при себе?

— *Да, мэм.*

В руке у него возник предмет размером примерно с яблоко. Толстым пальцам, упрятанным в перчатки, он подчинялся неохотно.

— Ну-ка, — подала голос Брайар. Сняв противогаз, она упрятала его в сумку, потом протянула руку. — Скажите, что с ним сделать.

Свакхаммер передал ей искровик, но заметил:

— *Миссис, вы бы маски своей пока не снимали. Нам еще на улицу выходить.* — Затем указал на рычажок размером с палец. — *Опустите его. Нет, быстрей. Резче. Пальцами помогите.*

Она старательно выполняла его команды, и с четвертой или пятой попытки толстый черный фитиль заискрил; язычок пламени осветил их

маленькую компанию.

— Что теперь?

— *Теперь давайте его мне и надевайте маску, как было велено. Люси, тебе не подсобить?*

— Не глупи, паренек. У меня все схвачено, — отозвалась барменша. Выудив из-под юбки сложенную в несколько раз маску, она встряхнула ее и расправила — и все это единственной рукой. Видимо, на лице Брайар застыл немой вопрос, потому что Люси пояснила: — Изобретение Миннерихта. Полегче вашей и защищает прекрасно — только недолго. С такими тощими фильтрами у меня и часа нет. Обычно я ее затыкаю под резинки чулок и берегу для всяких непредвиденных случаев.

— А часа хватит? — поинтересовалась Брайар.

Люси пожала плечами и легким движением натянула маску — от глаз до самого подбородка. Будь у нее вторая рука, и то не вышло бы изящнее.

— Да хватит. У нас неподалеку свечки припрятаны, фонарь потухнуть не успеет.

Завсегдатаи бара один за другим облачались в маски. Брайар решила не отставать и нацепила свою.

— Ненавижу эту штуку, — пожаловалась она.

— А их никто не любит, — заверил Варни.

— Кроме Свакхаммера, — вставил Хэнк. Судя по голосу, хмель из него еще не вполне выветрился, но мужчина пришел, по крайней мере, в себя и стоял на своих двоих — иначе говоря, состояние его заметно улучшилось. — Он свою просто *обожает.*

Обладатель доспехов повернул к ним голову:

— *Еще как. Но давайте признаем: выглядит она шикарно.*

Сквозь прессованный хлопок и угольные фильтры пробился голос Люси:

— И кто там говорил, что мужчины не тщеславны?

— *Никогда не говорил такого.*

— Вот и славно. Не придется величать тебя вруном. Ох уж эти мужчины с их *игрушками.*

— Послушайте, — перебила Брайар. Замкнутое пространство действовало ей на нервы, и под одежду просачивался промозглый холод. — Что будем делать теперь? Куда пойдем? Мистер Свакхаммер, вы сказали, нам сейчас наверх, на улицу…

— *Верно. Позже надо будет вернуться и зачистить кабачок.*

Она нахмурилась… под маской.

— Значит, поведете нас в другое убежище? Ну,

в более безопасное. Может, я пойду уже, поищу сына?

— *Ни в коем разе. Тут все кишит этими тварями, а вы даже фильтров не поменяли. Меткость меткостью, а шансов у вас никаких. Дойдем до старого хранилища, перегруппируемся. Вот тогда и обсудим, что нам делать наверху и как добраться до банковских кварталов.*

— Самодур нашелся, да? — фыркнула Брайар.

— *Зато головастый,* — отозвался он, нисколько не обидевшись.

Уиллард приподнял фонарь, и Свакхаммер завозился с линзой. Вскоре туннель озарил тусклый оранжевый свет — жидкий, словно сок.

На грубо обработанных стенах поблескивала влага. К потолку уходили опорные столбы, на которых и покоился кабачок, но их присутствие утешало слабо. Вдоль стен стояли без дела лопаты; некоторые порядком уже ушли в грунт, одни черенки торчали между вагонеток. С вагонеток взгляд Брайар переполз на рельсы под их колесами, и до нее наконец дошло, что они не в каком-нибудь там погребе. Туннель вырыли с определенной целью.

— А чем вы тут занимаетесь? — спросила она. — Расчищаете пространство, да?

На сей раз ответила Люси:

— Нам дорога одна, милая, — вглубь. Всегда только вглубь. Сами ведь видите, как бывает… Наверх нам путь закрыт. Для этого у нас ни материалов, ни средств, ни возможностей — слишком опасно. Стены ведь не только для чужаков — они и нас удерживают не хуже. Так что если мы хотим расширяться — устраивать себе новые убежища, прокладывать туннели, — дорога нам только вниз.

Брайар вдохнула во всю грудь, преодолевая сопротивление маски, и сморщилась: вкус у здешнего воздуха был нездоровый, плесневелый.

— А не боитесь? Вы вот копаете, копаете — вдруг все обрушится?

— Миннерихт, — произнес отиравшийся рядом Фрэнк, будто это все объясняло.

Свакхаммер подхватил:

— *Он хоть и чудовище, но умен как черт. Это его задумка. Все для нас расчертил, рассказал, как убрать грунт и не повредить зданию. Но месяцев шесть назад мы это дело бросили.*

— Почему?

— *Долгая история,* — отмахнулся он. Кажется, развивать тему в его намерения не входило. — *Трогаемся.*

— Куда? — уточнила Брайар, послушно шагая за ним.

— *К старому хранилищу, я же сказал. Оно вам понравится. Оттуда и до банковских кварталов недалеко. На улицу выйдем, осмотримся. Заодно поглядим, не побывал ли там ваш сынок.*

— Недалеко?

— *Да впритык, у самого края. Нам нужно попасть в старый Шведский трест — только он и не ушел под землю. Тут дело такое: Костотряс пробуравил фундамент, а в банке была металлическая камера — большая, тяжелая. Пол не выдержал, вот она и просела. И теперь у нас вместо парадного входа.* — Повыше подняв фонарь, он взглянул через плечо. — *Все в сборе?*

— Все, — подтвердила Люси. — Шевелись давай, здоровяга. Мы за тобой.

Местами туннель до того раздавался, что свет от танцующего пламени не в силах был разогнать тьму по его краям, а кое-где становился таким узким, что Свакхаммер мог протиснуться только боком.

Зажатая в середине вереницы, Брайар семенила за ним следом, поглядывая из-под своей убогой маски на блеклый желтый огонек и пляску теней.

15

— Очнись. Мальчик, очнись. Ты как, жив вообще?

Зик не вполне был уверен, кто с ним говорит. Да и с ним ли.

От подбородка до ушей у него все чесалось — это он отметил в первую очередь. Кожу жгло, словно его угораздило заснуть лицом на кухонной плите. Затем он ощутил, что на живот ему что-то давит — тяжелое, твердое. Последней пришла жалящая боль в спине. Он лежал на каких-то обломках. Возможно, острых.

И некто тряс его за голову, добиваясь от него внимания. В воздухе стоял непонятный запах.

— А ну-ка, давай. Нечего притворяться мертвым, мальчик. Я же вижу, что ты дышишь.

Он никак не мог понять, чей же это голос. Не мамин. И не… Руди. От этого имени его бросило в дрожь; ужаснувшись, Зик заставил себя прийти в чувства. Вспомнить все было не так-то просто и отнюдь не приятно. Наконец он осознал, где находится… приблизительно.

А потом открыл глаза и увидел нависшее над

ним лицо. Не то чтобы знакомое.

Хотя возраст сделал его бесполым, принадлежало оно все-таки женщине, решил Иезекииль. Несомненно, она годилась ему в бабушки, но точнее было не сказать — при свете ее фонаря, по крайней мере. Кожа у нее была заметно темнее, чем у Зика, — точно как кисет из хорошей замши или оленья шкура. Судя по тому, как сидела на ней куртка, раньше та принадлежала крупному мужчине; штаны она закатала и подтянула повыше, чтобы не упали. Из-под косматых седых бровей, словно из-под уличных навесов, смотрели глаза безупречного кофейного цвета.

Руки ее двигались как пара крабов — энергичнее и быстрее, чем можно было подумать. Она сжала его лицо в ладонях:

— Ты ведь дышишь, да?

— Да… мэм, — выдавил он.

Он недоумевал, с чего это разлегся тут на спине. И куда пропал Руди. И как он здесь очутился, и сколько пролежал, и как теперь вернуться домой.

Пушистые брови нахмурились.

— А газа ты, случаем, не надышался?

— Не могу знать, мэм.

Он все так же лежал и терялся в догадках. И в

полном недоумении смотрел на нее. Самое большее, что было сейчас в его силах, — это отвечать на прямые вопросы.

Незнакомка встала, и Зик запоздало понял, что она стояла возле него на корточках.

— Если бы ты вдохнул хотя бы чуть-чуть, то уже не очухался бы. Так что, сдается мне, все с тобой хорошо, если только не сломал чего-нибудь, чего так просто не разглядишь. Ну как, сломал?

— Не уверен, мэм.

— «Мэм». Ну не потешная ли ты зверюшка.

Это был не вопрос.

— Я не нарочно, — пробормотал он и попытался сесть, но что-то большое и плоское ему мешало. Попытавшись устранить помеху, Зик сообразил, что это дверь. — Откуда на мне дверь?

— Паренек, да эта дверь тебе жизнь спасла. Без шуток. Вместо щита тебе была, пока ты по ступенькам катился. Если бы не она, сразу раздавило бы. Понимаешь ли, в башню врезался дирижабль. Пришвартовался с налету, так сказать. В стену. Будь удар посильнее, он протаранил бы и нижние этажи, с приличным воздухом. И превратился бы ты из живого мальчишки в мертвого, представляешь?

— Наверное, мэм. Мэм?.. — начал он.

— Прекрати называть меня «мэм».

— Хорошо, мэм, — отозвался он — не из упрямства, по привычке. — Простите. Я только хотел узнать, не та ли вы принцесса, которую мы встретили в туннелях. Вы принцесса?

— Называй меня миссис Анжелина. Этого имени вполне достаточно, мальчик.

— Миссис Анжелина, — протянул он. — А я Зик.

Согнув ноги, он сбросил с себя дверь и присел, а потом и встал — с помощью женщины. И не будь этой помощи, рухнул бы обратно. Перед глазами вспыхнули звезды; мальчик ничего не видел, кроме ослепительного черного сияния в своей голове. Искры пульсировали в такт жилке на виске.

Овладев собой, Зик подумал, что так, наверное, и падают в обморок и что таким сильным рукам, как у принцессы, позавидовали бы почти все мужчины, каких он только встречал.

Поставив его на ноги и прислонив к стене, она сказала:

— Не знаю, что сталось с твоим дезертиром. Видно, он и от тебя дезертировал.

— Руди… Он мне говорил, что не убегал с фронта.

— Ну да, он ведь еще и врун. Вот, возьми маску. Воздух тут не очень; наверху разбилось несколько окон, и в башню просачивается газ. Ты сейчас в подвале; тут получше, чем в других местах, но на изоляцию надежды уже нет.

— Маска… У меня все фильтры забитые.

— А вот и нет. Я тебе вставила парочку своих. На какое-то время хватит, а тебе только и нужно сейчас, что из города выбраться.

Он запротестовал:

— Рано мне уходить. Я ведь зачем сюда пришел — чтобы на Денни-Хилл попасть.

— Мальчик, Денни-Хилл совсем в другой стороне. Я ведь что тебе в туннеле на Раф-Энде втолковать пыталась: старый Остеруд не домой тебя вел. Он тащил тебя к дьяволу, которого они называют Миннерихтом. И Бог знает, что стало бы с тобой потом… а я не Бог. Зик, — проговорила она немного мягче, — за стеной тебя ждет мама, и, если ты к ней не вернешься, она добеспокоится до чего-нибудь ужасного. Не надо с ней так. Ни к чему ей думать, что потеряла ребенка.

Ее лицо исказила вспышка страдания; на миг оно превратилось в камень.

— Мэм?

Камень расплавился и сгинул.

— Никуда это не годится, поступать так с матерью. Тебе нужно домой. Тебя не было целый день, да что там, целые сутки, а ночь уже опять на исходе, почти утро. Пойдем со мной, хорошо? — Она протянула ему руку, и Зик ее принял, не особо представляя, что еще теперь делать. — Кажется, мне удалось договориться — тебя быстренько подкинут до Окраины.

— Может, оно и к лучшему, — произнес он. — Я ведь всегда могу вернуться, правда?

— Ну да, если хочешь умереть не своей смертью. Между прочим, я пытаюсь оказать тебе услугу.

— Знаю, и спасибо вам за это, — сказал Зик. — Только я не хочу уходить, пока не повидаю старый дом.

— Сейчас тебе такие подвиги не по зубам, юноша. Забудь. Да ты посмотри на себя: голова в шишках, одежда разодрана. Повезло еще, что жив остался. И что я пришла отбить тебя у этого старого черта с его огнедышащей тростью.

— А мне его трость понравилась, — заметил он, без особой охоты принимая маску из ее рук. — Штучка что надо. При ходьбе ему помогает, ну и защищаться. Его ведь на войне ранило…

Принцесса перебила его:

— Ни на какой войне его не ранило. Остеруд

так быстро оттуда сбежал, что никакой снаряд не догнал бы. А бедро он себе повредил пару лет назад — свалился по пьяной лавочке с дома. И сосет с тех пор то опиум, то виски, то желтуху, чтобы болело не так сильно. Уясни себе, мальчик: он тебе не друг. Ну или *не был* твоим другом; может, при столкновении его убило. Не знаю, я его найти не смогла.

— Так мы в подвале? — сменил тему Зик.

— Да, как я тебе и говорила. Когда дирижабль налетел на башню, ты скатился на самое дно. Это я тоже говорила.

— На башню налетел? А зачем? — спросил он.

— Ну не нарочно же, дурачок. Да я и не особо представляю, с чего бы… Бринк хороший капитан, чертовски хороший, но корабля этого я не припомню. Новый, наверное, — может, капитан еще не освоился. Видно, что-то там у них не задалось, всего и делов. Сейчас они наверху, чинят поломку. Иначе в воздух не подняться.

Постепенно глаза Зика приноровились к свету фонаря — и с некоторым трудом до него дошло, что в руках у нее не обычная керосиновая лампа, а нечто более странное.

— Что это такое?

— Фонарь?

— Что за фонарь?

— Хороший и яркий, такому и дождь нипочем, — ответила она. — А теперь давай-ка соберись, мальчуган. Нам с тобой еще топать на самую верхушку башни, к дирижаблю. Хотя какой там дирижабль — хлам пиратский, из чего только не скроенный. Называют его «Клементиной». И да, к твоему сведению, — она понизила голос, — если у капитана новый корабль, это еще не означает, что его недавно построили. Очень даже может быть, что капитан его *украл*.

— Ага, и вы так вот просто оставите меня с этим человеком? — проворчал Зик. — Не по нутру мне, чтобы меня пираты через стену возили.

Принцесса стояла на своем:

— Они тебя не тронут. Я их с потрохами купила, к тому же они неплохо меня знают и, коли дали слово, навредить тебе не рискнут. Нянчиться не станут, но и страшного ничего не сделают — уж не страшнее, чем тебе уже досталось. — Чередуя материнские замашки с генеральскими, она вывела его на захламленную лестницу и объявила: — Ну все, пойдем. На самом деле, путь наверх вполне сносный. Все обломки скатились в подвал, совсем как ты.

И шустро полезла вверх, огибая завалы. Зик,

так и не разобравшийся в своих чувствах, тронулся за ней. Вокруг не было и намека на свет, кроме фонаря Анжелины с его странноватым белым свечением. Через несколько пролетов они вышли на один из пустых этажей, оставшихся недостроенными. По ту сторону окон чернела непроглядная ночь — то ли уже очень поздно, то ли еще очень рано.

— Я оставил матери записку, но… она меня убьет.

— Уж как момент подгадаешь, — заметила принцесса. — Тут хитрость в чем: нужно, чтобы тебя не было достаточно долго; тогда она перестанет злиться и начнет беспокоиться… но с беспокойством тоже лучше не перебарщивать, иначе ее качнет обратно и она снова разозлится.

Он улыбнулся, позабыв про маску:

— У вас, наверное, у самой дети.

Ответной улыбки не было. Зик был в этом уверен, потому что женщина застыла на миг перед очередной заваленной ступенькой, а шелеста расплывшихся губ не последовало. Она просто зашагала дальше.

— У меня была когда-то дочь. Давно.

Что-то в ее тоне подсказало, что приставать с дальнейшими расспросами не стоит.

Он с кряхтеньем карабкался наверх, поражаясь ее энергии и силе; на ум лезли и другие неуместные мысли, которые лучше было придержать при себе. Жутко хотелось спросить, сколько ей лет; чтобы не проговориться, Зик спросил:

— А почему вы одеваетесь как мужчина?

— Потому что охота.

— Чудн***о*** как-то, — сказал он.

— Ну и что ж с того, — откликнулась она. Затем продолжила: — Можешь задать и другой вопрос, если желаешь. Я же вижу, тебе интересно. Так интересно, что мне и без слов все слыхать. Вот так же вороны на улице молчат.

Зик понятия не имел, об одном ли и том же они говорят. Спросить как на духу, сколько лет она топчет землю, он не отваживался, так что решил зайти издалека:

— А почему тут нет молодых?

— Молодых?

— Ну, Руди мне в отцы годится, если не больше. Еще я видел китайцев, но почти все они были того же возраста… или даже старше. А теперь вот… вы. Что, в подполье все такие…

— Старые? — закончила она. — Хоть у меня и тебя представления о старости разные, подметил ты все-таки верно. И да, тому есть причина. И

довольно простая. Можешь и сам догадаться, коли поразмыслишь хорошенько.

Он отпихнул в сторону балку, перегородившую дорогу.

— Вообще-то, мне сейчас думать некогда.

— Ну ты и чудак. Думать ему некогда. Да в таких случаях надо думать шустрее всего! Иначе протянешь здесь не дольше, чем блоха на песьей шкуре. — На очередной площадке она остановилась и подождала его, потом подняла фонарь и посмотрела вверх и вниз. — Так, я уже слышу матросов. Конечно, они там все не подарок, какого ни возьми… но думаю, с тобой все обойдется. Ну как, хотел бы ты соображать пошустрее?

— Да, мэм.

— Ну тогда скажи мне, пока мы еще не пришли: почему здесь нет детишек вроде тебя?

— Потому что… — Ему вспомнилось, что Руди рассказывал о китайцах и как они остались без женщин. — Потому что здесь нет женщин. А о детях обычно заботятся женщины.

Принцесса притворилась обиженной:

— Нет женщин? А я, по-твоему, кто? Есть у нас женщины.

— Да я же имел в виду *молодых* женщин, — пролепетал он, но сразу же понял, какую глупость

сморозил. — В смысле, не таких старых, как… ну, у которых еще могут быть дети. У китайцев-то женщин нет, это я точно знаю. Так Руди сказал.

— Да что ты можешь знать? Но хоть в чем-то Руди тебе не солгал. Китаянок в городе нет, а если и есть, то я их не видела. Но послушай-ка: в подполье живет еще по меньшей мере одна женщина — однорукая барменша, звать ее Люси О'Ганнинг. И пусть рука у нее одна, устоять перед ней не могут ни двери, ни мужчины, ни трухляки. Крепкая баба, — добавила Анжелина не без восхищения. — Но сказала одно, скажу и другое: по возрасту она могла бы быть мне дочкой. А тебе матерью, если не бабушкой. Так что думай дальше, мальчик. Отчего здесь одни старики?

— Дайте подсказку, — взмолился он, одолевая очередной марш, заваленный пылью и всяким хламом.

Сколько их осталось позади, Зик не знал, но успел порядком выдохнуться и продолжения не хотел. Только это ничего не меняло. Принцесса не сбавляла ходу — и фонарь был у нее, так что он хвостом тащился за ней.

— Подсказку так подсказку. Давно ли у нас построили стену?

— Пятнадцать лет назад, — выпалил он. — Ме-

сяцем больше, месяцем меньше… Мама говорила, строительство закончилось в день моего рождения.

— Серьезно?

— Так я слышал.

А ведь пятнадцать лет — это немало, подумал Зик. Если ты не кроха, конечно. Сколько тогда было его матери? Да только-только двадцать стукнуло… И он потихоньку заговорил, отвоевывая у маски и усталости право на дыхание:

— А вот местные, большинство… они ведь здесь с самого начала?

— Угу, большинство.

— То есть если все они были уже взрослыми мужчинами… и женщинами, — поспешно добавил он, — лет по двадцать-тридцать… теперь им, самое меньшее, за тридцать-сорок.

Она развернулась на месте, чудом не заехав ему фонарем по лбу.

— Ну вот, видишь! Умница. Отлично же соображаешь, хоть и пыхтишь, как щенок. — После недолгих раздумий она продолжила: — До меня доходили слухи, что в китайском квартале есть пара-тройка ребятишек — то ли с отцами приехали, то ли с дядьями. Или вообще сироты, не знаю. А Миннерихт — он ведь так себя называ-

ет… изредка он зазывает сюда ребят помоложе, водится за ним такое. Только нужно понимать: те люди, которые начинали не здесь… они просто не могут привыкнуть. И надолго не остаются. Я их не виню.

— Я тоже, — поддакнул мальчик. Чего ему сейчас не хватало, так это исполнителя желаний — и, будь вселенная так любезна, он первым делом пожелал бы перенестись домой. Он был измотан до предела, от фильтрованного воздуха и вони уже мутило, кожа по краям лица воспалилась. Стоило ему закрыть глаза, перед внутренним взором вставал убитый китаец. Зику не хотелось находиться за одной стеной с этим трупом.

— Скоро, — пообещала Анжелина.

— Что-что?

— Скоро ты будешь на пути домой.

Он прищурился:

— Вы что, читаете мысли?

— Нет. Просто неплохо понимаю людей.

Тут до его ушей донесся отдаленный шум — откуда-то слева и сверху: стук инструментов по стальной обшивке, хмурая ругань мужчин в респираторах. Время от времени здание сотрясали удары, словно история с дирижаблем повторялась; Зик вынужден был цепляться за стену,

чтобы не упасть. В двух вещах Руди не ошибся: ни женщин в китайском квартале, ни перил в недостроенной башне не имелось.

— Миссис Анжелина? — позвал он.

То ли зрение его обманывало, то ли за очередным поворотом стало немного светлее.

— Что такое? — откликнулась она. — Почти пришли. Видишь? Окон тут побилось без счету, вот лунный свет и сочится. Мы совсем рядом с местом крушения.

— Это радует. Я тут просто подумал… Руди мне говорить не хотел, а вы как-то не упоминали — кто такой этот Миннерихт, о котором вы оба толкуете?

Принцесса не то чтобы встала как вкопанная — дернулась и вздрогнула всем телом, словно наткнулась на убийцу или призрака. В осанке ее проглянуло что-то пружинистое, настороженное. Она была похожа на будильник, который слишком туго завели… и который вот-вот сломается.

Она проговорила:

— Его зовут совсем не так.

И обернулась, чуть снова не угодив ему фонарем по голове, — не сообразила, как близко к ней он шел. Даже маска не могла скрыть суровый рельеф ее лица с его хребтами и ущельями;

крючковатый, как у ястреба, нос и глубоко посаженные глаза с косым разрезом складывались в карту ярости.

Ухватив свободной рукой Зика за плечо, она притянула его к себе — до того близко, что белый свет фонаря начал обжигать. Встряхнула, прижала еще крепче и промолвила:

— Если что-то не заладится, то тебе, наверное, лучше знать: мы сейчас на его территории. Если все пойдет насмарку, наперекосяк и псу под хвост, и ты не попадешь на дирижабль или же упадешь на землю, и он тебя найдет — лучше встретить его во всеоружии.

Матросы наверху забранились зычнее прежнего — на английском, расцвеченном акцентами со всех концов света. Зик не хотел их слышать, не хотел видеть морщин, глубоко прорезавших суровое лицо принцессы. Но гнев Анжелины пригвоздил его к месту, и он не мог шевельнуться, даже взгляда отвести.

— Никакой он не доктор и не немец, хотя и взял себе такое имя. Не гессенец[17] и не иностра-

---

[17] Примечания: 17

«Гессенскими солдатами» прозвали в XVIII веке наемников из немецкой земли Гессен, участвовавших на стороне Британской империи в различных конфликтах, в том числе в Войне за независимость США. Иногда гессенцами называли любых выходцев из Германии (ср. с русским «фриц»).

нец, но и не из местных. Так он утверждает. — И принцесса снова вздрогнула, словно ее посетила какая-то ужасная мысль. Глаза ее запылали огнем, и она прошипела: — Как бы он тебя ни уверял, что бы ни говорил, он здесь чужак и вовсе не тот, за кого выдает себя. Правды он тебе никогда не скажет, потому что ему выгодно лгать. И если ты ему попадешься, то он захочет тебя оставить — и чем больше я об этом думаю, тем больше мне сдается, что так и будет. Но ты не услышишь от него ни слова правды. Запомни это и тогда, быть может, переживешь встречу с ним. Только…

Она отстранилась, и захлестнувший ее лицо ужас стих, вернулся бурлить в свой котелок.

— Только мы постараемся, чтобы этого не произошло, — произнесла она и потрепала Зика по голове, взъерошив ему волосы и сдвинув ремешки, которые не замедлили впиться в воспаленную кожу. — Так что давай-ка пошли наверх, посадим тебя на корабль.

Улыбаясь как ни в чем не бывало, принцесса отпустила его и начала восхождение по бесконечному лестничному маршу — какому уже по счету?.. И вдруг они очутились на вершине, и в башенный колодец хлынул свежий воздух.

Иезекииль поневоле напомнил себе, что не

такой уж он и свежий. Просто холодный. И веет с улицы. Но это еще ничего не означает — в особенности того, что можно сорвать маску… хотя за это он отдал бы что угодно. Тирада Анжелины потрясла его, а матросы с их грубыми криками внушали опасения.

Принцесса поприветствовала команду дирижабля крепким словцом, которое вызвало у Зика смех. Воздушники обернулись, разглядывая старуху с ее диковинным фонарем и стоявшего за ней вихрастого мальчишку.

Он насчитал пятерых. Разойдясь по помещению, мужчины занимались починкой: кто-то заделывал пробоины, кто-то колотил молотком по искореженным болтам, выступавшим из корпуса дирижабля — такого огромного, что края его было не видать. В стене увязла лишь малая часть гондолы, но все окна при столкновении с ней обратились в пыль.

«Клементина» то ли застряла, то ли слишком жестко пристыковалась. В чем тут разница, Зик объяснить затруднился бы, да и какое ему было дело.

Летучее судно пришвартовали к опорным балкам стены и почти полностью затянули в башню, чтобы выполнить кое-какой неот-

ложный ремонт. Один из матросов зачинивал большую брешь, орудуя ломиком размером с молодое деревце; другой, белокожий великан в темно-оранжевой маске, приводил в порядок перепутавшиеся сети.

Двое мужчин ответили на приветственную брань Анжелины тем же манером. Один из них, похоже, был тут за главного.

Его волосы горели рыжиной между ремешками респиратора, широкий плотный торс испещряли шрамы и затейливые татуировки. На одной руке у силача красовалась рыба с серебряной чешуей, на другой Зик рассмотрел темно-синего быка.

Анжелина обратилась к нему:

— Почти готовы к отлету, капитан Бринк?

— Да, миссис Анжелина, — подтвердил он. — Как только залатаем эту дыру, можно будет трогаться и захватить одного-двух пассажиров. Так это ваш друг?

— Это тот самый мальчик, — ответила Анжелина, оставив намек без внимания, если то был намек. — За стеной можете высадить его где угодно, главное, увезите из города. И в следующий рейс я отдам вам оставшуюся часть обещанного.

Капитан стал поправлять маску, оценивающе поглядывая на Зика — как на лошадь, которую

подумывал купить.

— Меня все устраивает, мэм. Но чтобы вы знали, следующий рейс может быть нескоро. Нам бы сейчас поскорее сорваться в путь, а путь ох какой неблизкий.

— С чего такие труды? — поинтересовалась она.

— Да так, клиентов подыскали, — туманно ответил Бринк, затем продолжил: — Но вам двоим волноваться не о чем, никаких вопросов. Малец, ступай в гондолу. Анжелина, тебе точно не нужно за город?

— Нет, капитан, не нужно. У меня тут дельце осталось. Дезертира одного надо бы подстрелить, — добавила она вполголоса, но Зик прекрасно все расслышал.

— Вы же не всерьез его пристрелить собрались, а?

— Ты прав, вряд ли. Скорее уж заколю, — небрежно бросила она и обратила взор на матросов. Потом сказала Бринку: — По-моему, с прошлого раза вы успели сменить корабль.

Тот уже вновь взялся за молоток и приколачивал очередной лист металла, но сразу же прекратил работу.

— Честно говоря, он новый. А у вас острый глаз

для женщины.

— И зовется «Клементиной», значит?

— Так точно. В честь моей мамули. Жаль, не дожила, а то бы посмотрела на него в деле.

— Как мило с вашей стороны, — сказала она, но, как ни старалась, Зик уловил толику сомнения в ее словах.

— Что-то не так? — шепнул он.

— Нет, — ответила принцесса обычным голосом. — Все нормально. Я этих ребят знаю. Вон тот, если ты еще не понял, капитан Бринк. Рядом с ним первый помощник Паркс; тот, что возится с сетями, мистер Гайз. Правильно я говорю?

— Правильно, — отозвался капитан, не оглядываясь. — Ну а те двое, которых вы не признали, зовутся Небесная Рука и Медвежий Кулак. Братья. Подобрал их в Оклахоме, когда пролетали там в последний раз.

— В Оклахоме… — повторила Анжелина. Затем обратилась к ним: — Вы мне братья?

Зик нахмурился:

— Вы что, собственных братьев не знаете?

— Да нет же, дуралей, — проворчала она без особой злости. — Мне интересно, коренные они, как я, или нет. И если да, из какого племени.

Однако мужчины не удостоили ее ответом —

работали себе дальше, по локоть запустив руки в котлообразный двигатель, почерневший с одного конца, а из другого зловеще били струи пара.

Вмешался Бринк:

— У них и в мыслях нет оскорбить вас, миссис Анжелина. Просто ни тот ни другой не говорят толком по-английски. Наверное, дуамиш[18] им тоже будет невдомек. Зато работают как волы и понимают кое-что в машинах.

Из-под масок у братьев выбивались длинные прямые волосы. Смуглота рук могла объясняться налетом сажи или копоти. И все же мальчик был уверен, что перед ним самые настоящие индейцы. Глаз они не поднимали, и если догадывались, что речь идет о них, то не показывали виду.

Зик еле слышно спросил у Анжелины:

— А вы хорошо знаете этих молодчиков?

— Да мы все тут знакомы.

Тут заговорил капитан:

— Короче, через пару минут можно будет сниматься.

Зику показалось, что капитан старательно

---

[18] Примечания: 18

Дуамиш — индейское племя, обитавшее на территории современного Сиэтла. В настоящее время к нему причисляют себя около 500 человек. Наречие дуамишей представляет собой диалект так называемого лушуцида, «салишского языка залива Пьюджет-Саунд».

скрывает беспокойство.

Старший помощник Паркс выглянул из окна, точнее, попытался выглянуть, поскольку обзор ему загораживал корабль. Они с капитаном обменялись взглядами, и Бринк замахал рукой, поторапливая экипаж:

— Как у нас с готовностью?

Мистер Гайз, дородный мужчина в закатанных до колен штанах и нательной рубахе, доложил:

— Да уж взлетим как-нибудь. Давайте-ка сворачиваться, и сразу в воздух.

Принцесса Анжелина наблюдала за этой сценой с тревогой; заметив, что на нее смотрит Зик, она изобразила оптимизм:

— Пора. Приятно было познакомиться с тобой, Зик. Ты вроде бы славный мальчуган; надеюсь, мать не слишком сильно тебе всыплет. А теперь лети домой. Может, еще увидимся как-нибудь.

На миг у него возникло чувство, что сейчас она полезет обниматься. Но принцесса не стала его тискать — просто развернулась, прошла по коридору и скрылась на лестнице.

Зик неловко застыл посреди комнаты — наедине с экипажем, разбитыми окнами и воздушным линкором.

Линкором.

Слово непрошено мелькнуло в его мозгу — а с чего вдруг, он не знал. «Клементина» была самым обычным кораблем — сбитой из разных кусков и кое-как залатанной воздушной посудинкой, позволявшей владельцам перевозить через горы любые виды грузов. Наверное, сказал он себе, за этой матово-черной обшивкой спрятана какая-то более серьезная начинка.

Капитан складывал инструменты в продолговатый кожаный мешок, куда при желании мог поместиться бы он сам. Зик подступился к нему с вопросом:

— Сэр, где бы мне…

— Да где угодно, — отрезал Бринк. — Принцесса за тебя заплатила, и мы поперек ейной воли не пойдем. Она хоть и стара уже, но хитрить с ней я не стал бы. Мне мои кишки нужней в животе, благодарю покорно.

— Э-э-э… спасибо, сэр. Тогда мне просто… зайти?

— Ага, валяй. От двери далеко не отходи. Если и дальше так пойдет, то придется, видимо, вышвырнуть тебя с самой верхотуры, а не как обычно.

У Зика глаза поползли на лоб.

— Вы что, хотите так вот взять и… сбросить

меня с дирижабля?

— А, мы ж тебя еще веревкой обвяжем. Шибко сильно шмякнуться не дадим, лады?

— Лады, — выдавил Зик.

Ему показалось, что капитан вовсе не шутит, и внутри зашевелился сосущий страх.

Лихорадочная спешка, с которой работала команда, действовала мальчику на нервы. С уходом принцессы матросы засуетились еще судорожнее, и Зик начал подозревать, что они лишь бравировали перед ней. Это его не обрадовало.

К стене здания был пригнан и плотно зафиксирован крытый трап, через который матросы попадали в гондолу. Зик показал на него пальцем, и капитан одобрительно кивнул — заходи, мол.

— Только не трогай ничего! Это тебе прямой приказ, сынок, и если ты его нарушишь, то лучше отрасти крылья, пока еще время есть. Потому что троса для тебя уже не найдется, — намекнул он.

Зик с поднятыми руками затараторил:

— Понял-понял. Ничего не буду трогать. Просто буду стоять вон там и…

Сообразив, что его никто не слушает, он закрыл рот и опасливо поднялся по трапу.

В утробе «Клементины» было холодно, уныло и довольно сыро, зато светлее, чем он ожидал: тут и

там со стен свисали на подвижных кронштейнах небольшие газовые лампы. Одна из них разбилась, и осколки валялись по всему полу.

Зик огляделся вокруг себя, не рискуя дотрагиваться до сложных приборов и болтавшихся рукоятей даже кончиками пальцев. Его мать говаривала, что даже тени зла лучше избегать,[19] и ради собственного блага он следовал этой рекомендации со всей возможной точностью.

Дверь в грузовой отсек была приветливо распахнута. Засунув голову в проем, Зик увидел штабеля ящиков, составленные в углу, и подвешенные к потолку мешки. Его старый приятель Ректор кое-что рассказывал о том, как собирают Гниль для последующей переработки, так что о предназначении мешков он догадывался; а вот на ящиках никакой маркировки не было, и храниться в них могло что угодно. Выходит, «Клементина» перевозила не газовое сырье, а какой-то другой груз.

Снаружи у кого-то с громким лязгом вылетел из рук гаечный ключ.

Зик отпрыгнул как ужаленный, хотя рядом

---

[19] Примечания: 19

Имеется в виду изречение из Библии (1 Фес. 5: 22). В синодальном переводе этот стих звучит несколько иначе: «Удерживайтесь от всякого рода зла».

никого не было и никто, кажется, не заметил его отсутствия у двери.

Он поспешно вернулся на место и встал у трапа. В проеме показались мистер Гайз и Паркс с инструментами в обнимку. В этот раз на него никто и не взглянул — только капитан пробурчал, когда он двинулся было за ними:

— Ты ведь будешь стоять там, где велено?

— Да, сэр.

— Хороший мальчик. У тебя над головой строп. Держись за него. Мы отчаливаем.

— Прямо сейчас? — пискнул Зик.

Мистер Гайз сдернул со спинки кресла куртку и кое-как втиснулся в нее.

— Лучше бы минут двадцать назад, но и так сойдет.

— Да, лучше бы, — посетовал Паркс. — Они в любую минуту могут сесть на хвост.

Тут он заметил пассажира и умолк.

— Знаю, — согласился капитан с неоконченной мыслью Паркса, им обоим понятной. — А ведь Гайз нам выиграл сорок минут. Черт, ну надо же нам было так продуть часовую фору.

Паркс с такой силой стиснул зубы, что его нижняя челюсть, выступавшая из-под маски, показалась Зику высеченной из гранита.

— Не моя вина, что на двигателях была неправильная маркировка. Стал бы я нарочно втыкаться в эту башню!

— Никто и не говорит, что это твоя вина, — заметил Бринк.

— Еще бы кто-нибудь говорил! — прорычал старший помощник.

Зик с нервным смехом проговорил:

— Уж я-то точно не говорил.

Его слова пропустили мимо ушей. На борт взошли братья-индейцы и тут же принялись втягивать трап на борт. Тот сперва не хотел поддаваться, потом уступил силе четырех рук, и округлая дверь с чмоканьем встала на место. Осталось лишь провернуть и застопорить вделанное в нее колесо, и каждый член экипажа занял свою позицию в тесной рубке.

Мистер Гайз вдруг вскинул руку и собрал пальцы в кулак:

— Как открыть паровые клапаны, черт бы их побрал?

— Посмотри на левом пульте, — отозвался Бринк.

Мистер Гайз уселся в капитанское сиденье, заходившее под его весом ходуном. Просунув ноги под пульт, он попытался подтянуть кресло

поближе к приборной доске, но то словно к полу приросло.

Зик отступил к стене и привалился к ней, намотав заветный строп на руку. Заметив, что один из индейцев — кто именно, непонятно — смотрит на него, он произнес:

— Вы, это… недавно на этом дирижабле, да?

— Заткните щенку рот, — сказал Паркс, не оборачиваясь. — Мне плевать кто и как, но заткните, или это сделаю я.

Капитан неласково взглянул на одного, потом на другого, но в конце концов остановился на Зике, который уже вовсю лепетал:

— Все, я молчу, молчу, простите! Я заткнусь, просто я, это, пытался поддержать разговор.

— Никому твои разговоры не нужны, — вставил мистер Гайз.

Капитан разделял его мнение:

— Просто держи рот на замке, и все с тобой будет хорошо, а мне не придется отвечать перед этой чокнутой старухой. Не заставляй нас вышвырнуть тебя без сети или веревки, малец. Если понадобится, мы так и поступим, а ей я скажу, что это был нечастный случай. Доказать она ничего не сможет.

Зика тоже посещали подобные мысли. Он по-

старался стать как можно незаметнее, вжавшись костлявой спиной в дощатую обшивку и захлебываясь собственным страхом.

— Уяснил? — спросил капитан, глядя ему прямо в глаза.

— Да, сэр, — прохрипел мальчик.

Зик хотел еще спросить, можно ли снять маску, но боялся опять навлечь на себя чей-нибудь гнев. У него уже не вызывало сомнений, что любой член экипажа мог бы прострелить ему голову, даже не поздоровавшись.

Края маски нещадно скребли его кожу, а ремешки так сжали череп, что у него разве что мозги через нос не лезли. Зик был готов расплакаться, но от ужаса не решался даже сопеть.

Мистер Гайз возился с обоймой кнопок, молотя по ним чуть не наугад, словно и знать не знал, какая за что отвечает.

— У этих убогих зажимов даже размыкателей нормальных нет. Ну и как, скажите на милость, мы должны отстыковываться от…

— Мы ведь не просто причалили, — напомнил ему Паркс. — Мы врезались в башню. Если понадобится, выйдем и сами подтолкнем судно.

— Времени нету. Как снять захваты? Есть тут вообще такой узел? Может, рычаг какой-нибудь?

Для устойчивости у нас используются крюки; как их отцепить?

— Может, вот этот? — произнес Бринк, перегнувшись над спиной помощника, протянул бледную руку к какому-то рычагу и дернул его.

Ко всеобщему облегчению, снаружи донеслось клацанье механизмов.

— Сработало? Отчаливаем? — бурчал мистер Гайз, словно кто-то в рубке был осведомлен лучше его.

Ему ответил сам дирижабль, заворочавшись в дыре, которую сам и проделал в боку недостроенного здания. Застыл — и начал крениться. У Зика было чувство, что «Клементина» не отчалила, а просто валится откуда-то. Желудок его ухнул вниз, потом устремился ввысь: летучее судно отделилось от башни и как будто бы перешло в свободное падение. Но замерло, выровнялось; нижняя палуба перестала наконец колыхаться, точно кресло-качалка.

Зик почувствовал, что его вот-вот вырвет.

В нем закопошилась та самая масса, которую он проглотил после убийства китайца. Рвота поползла по пищеводу, выжигая всю плоть на своем пути и громогласно требуя, чтобы ее выпустили.

— Меня сейчас… — выдавил он.

— Блеванешь в маску — и будешь этим дышать до самой высадки, парнишка, — предостерег капитан. — Снимешь маску — и ты труп.

В глотке у Зика что-то заворчало, и он рыгнул, ощутив вкус желчи и пищи, которую ел в последний раз, хотя и не помнил уже, что это было.

— Сдержусь, — сказал он, чтобы у рта появилось какое-то иное занятие, нежели извергать рвоту. — Меня не вырвет, — сказал он себе, надеясь, что остальные ему верят или же, по крайней мере, перестали обращать на него внимание.

Включился двигатель по левому борту, и дирижабль закружился на месте, но наконец обрел равновесие и пошел на подъем.

— *Плавней!* — рявкнул капитан.

Паркс откликнулся:

— Иди к черту!

— Мы в воздухе, — объявил мистер Гайз. — Держимся ровно.

— И уносим отсюда ноги, — добавил капитан.

— Дерьмо! — сказал вдруг один из индейцев.

Это было первое английское слово, которое Зик от них услышал, и ничего хорошего оно не предвещало.

Он пытался себя остановить, но не сумел — задал-таки вопрос:

— Что такое?

— Господи! — ахнул капитан Бринк, бросив взгляд в крайнее справа окно. — Крог и его дружок нашли нас. Святые черти, а я-то думал, ему потребуется больше времени. Так, все за дело. И держитесь, иначе все мы покойники.

16

Свет фонаря Свакхаммера упал на шаткую груду сломанных ящиков, которые кто-то накидал друг на друга, да так и оставил вязнуть в грязи. Похоже, обходного пути не имелось.

— *Сначала я,* — сказал здоровяк. — *Мы сейчас уже довольно далеко отошли от «Мейнарда». Думаю, основная их масса сейчас там. Эти твари никогда не устают. Они будут царапать пол, пока руки не сотрут до костей. И чем больше будет шума, тем больше их туда набежит.*

— И тем меньше останется рядом с нами, — пробормотала Брайар.

— *На это вся надежда. Дайте-ка я сперва осмотрюсь наверху на всякий случай.*

Он придавил ножищей самый нижний ящик, и тот с хлюпаньем ушел в грязь на пару дюймов. Убедившись в его устойчивости, Свакхаммер перенес вторую ногу и не спеша полез наверх. Металлические обручи, придававшие конструкции жесткость, ответили пронзительным скрежетом, который в глухой утробе подземелья казался громче всяких выстрелов.

Все невольно поежились и притихли. Только Люси спросила:

— Слышишь что-нибудь?

— *Нет,* — ответил Свакхаммер, — *но нужно еще оглядеться.*

Брайар заерзала и высвободила подошву из грязи, однако быстро вернула ее на прежнее место. Ничего более-менее твердого поблизости не нашлось: куда ни поставь ногу, сразу же начинало засасывать в вязкую, раскисшую землю.

— А что вы там высматриваете? Трухляков?

— *Ага.* — Свакхаммер привалился плечом к крышке люка и прижал колени друг к другу. — *В восточном туннеле их было пруд пруди. Мы прошли на восток прямо под ними, но я не уверен, все ли они остались позади. А теперь всем молчок.*

Дешевые сосновые ящики застонали под его ногами, грязь отвратительно зачавкала, угрожая обрушить всю груду. Однако конструкция выдержала, а Свакхаммер спохватился и стал двигаться еще тише, стараясь поднять люк без лишнего шума.

— Ну? — буркнул Хэнк чуть громче, чем надо бы.

Люси шикнула на него, но и в ее взгляде, устремленном на бронированного великана, читался

тот же вопрос.

— *Кажется, чисто,* — произнес Свакхаммер.

Уверенности в его голосе не чувствовалось, но до сгрудившейся внизу кучки не доносилось ни шарканья, ни царапанья, ни стонов — так что все сочли тишину за добрый знак.

Свакхаммер опустил крышку и заговорил с ними, до предела понизив голос — насколько позволял усилитель в маске:

— *Мы в аптеке старого Пита на Второй авеню, прямо над нами подземный склад. Насколько мне известно, напрямую этот подвал с баром не сообщается. Люси, ты ведь знаешь, как добраться отсюда до Хранилищ?*

— Один квартал прямо, один направо.

— *Замечательно. Теперь послушайте меня… вы, миссис Уилкс. По пути никаких перенырок не будет, так что не отставайте от других и бегите со всех ног, если вдруг какая беда.*

— Перенырок?

— *Входов в подполье. В убежища. Ну, вы поняли. Как только выйдем на улицу, то никуда уже не будем заходить до самых Хранилищ. Это самое безопасное место и ближайшее к нам. Не считая «Мейнарда». А туда мы теперь сможем наведаться не раньше чем через день-другой.*

— Черт-те знает что! — проворчала Люси. — А я ведь только-только навела порядок после прошлого раза.

— Не волнуйтесь на этот счет, миссис Люси. Мы вам поможем все восстановить. Но пока что нужно уйти в подполье и переждать. Надо еще разобраться, как они так быстро к нам пробились.

— Нет, — замотала головой Брайар. — Нет, не могу я больше нигде штаны просиживать. Мне нужно найти сына.

Неестественно твердая рука Люси с щелканьем легла ей на плечо.

— Милая, если вы так уверены, что ваш парнишка вынюхивает дорогу к Костотрясу, то в Хранилищах вы будете к нему ближе всего. Может быть, там его кто-нибудь видел. Вот как придем туда — порасспросим людей, о нем начнут говорить. Но вам лучше держаться с нами, если хотите дотянуть до встречи с ним целой и невредимой.

Брайар хотела возразить, но сдержала себя и в знак согласия кивнула Свакхаммеру. Большего здоровяку и не требовалось: он сразу же поднял крышку люка и полез в отверстие.

Один за другим осиротевшие завсегдатаи «Мей-

нарда» взбирались по хлипкой горе из ящиков и стульев и попадали из плесневелых земных недр в подвал старой аптеки.

Огонек в фонаре Свакхаммера уже подрагивал и готов был потухнуть, но Фрэнк с Уиллардом очень кстати раздобыли где-то парочку свечей, так что остаться в темноте им не грозило. Каждую разломили пополам, чтобы света было побольше, однако Люси предостерегла соратников:

— Держите свечи повыше, ребята. В старых ящиках полным-полно боеприпасов, переложенных опилками. Если какие-то из них не отсырели, то хватит и одной-единственной искры, так что глядите в оба. Все в сборе? — спросила она в завершение.

— Все, мэм, — отозвался Хэнк, шедший последним, и захлопнул за собой люк.

— С масками у всех порядок?

По кругу прошла волна кивков. Кто-то проверил застежки, кто-то потуже затянул ремешки, кто-то поправил линзы. Брайар достала из сумки шляпу и нахлобучила ее поверх маски, а «спенсер» перекинула через плечо. Перчатки — хвала небесам! — и в самом деле были в карманах. Не защитив кожу, на улицу лучше не соваться.

Пока Брайар натягивала перчатки на замыз-

ганные руки, Свакхаммер прокрался по лестнице к выходу из подвала и потрогал засов на двери. Отодвинул его и тут же взял револьвер на уровень груди. Дверь немного приотворилась; здоровяк просунул голову в проем, поглядел налево, затем направо, заключил, что путь свободен, и поделился выводом с поджидавшими внизу спутниками:

— *Не мешкаем, не шумим, не высовываемся. Окна тут заколочены тяп-ляп, какой-нибудь трухляк может взять и заглянуть в щелку. Не давайте им на себя полюбоваться.* — Он первым вошел в аптечную подсобку и отступил в сторону, давая пройти остальным. — *Живей, живей. Так, внимание: сейчас все идут дальше, я прикрываю сзади. Нам нужно добраться до черного входа. Видите дверь? Вон, за прилавком. Старайтесь не поднимать головы выше его уровня. А свечи попрошу загасить. Ну да, мы их только что зажгли, но я не знал тогда, что окна толком не прикрыты, а рисковать теперь нельзя. Если нас засекут, убежать уже не успеем. Так что свечки тушим и прячем по карманам. Потом они нам еще пригодятся. Ну как, готовы?*

— Готовы, — прошелестел хор голосов, приглушенных тревогой и фильтрами.

— *Ну тогда пошли.*

Первой двинулась Люси, замыкал цепочку Свакхаммер. Револьверы он держал наготове, на спине подпрыгивала Глушилка.

Скрючившись, почти ничего не различая вокруг себя, Брайар чуть ли не на корточках пробиралась через заброшенную лавку.

Света в аптеке, по сути, не было: запыленные окна покрывал слой грязи. Свакхаммер расстался со своим фонарем, все свечи, кроме одной, были потушены и скрылись с глаз. Единственный тусклый огонек теплился у Люси на груди, но тьмы он разогнать не мог. Однако Брайар то и дело ловила блики на раскуроченных прилавках: поблескивала влага, которой в заброшенном здании было предостаточно. Доски пола и оконные рамы давно перекорежило от сырости и вездесущей Гнили, год за годом вонзавшей в древесину ядовитые зубы, разъедавшей все и вся.

— *Люси, ты у двери?* — шепнул здоровяк, хотя так его голос и звучал ненамного тише обычного.

Кивнув, женщина взялась за большой деревянный засов, навешенный на дверь, и склонила голову:

— Ничего не слышу.

— *Хорошо. Расступитесь. Я иду.*

Согнувшись в три погибели, он обошел цепочку с фланга и встал у двери, во главе отряда. Люси шагнула в сторону.

Свакхаммер еще разок взглянул на друзей и произнес:

— *Если сильно прижмет…* — И кивком показал на Глушилку, торчавшую у него за плечом. — *Но сначала попробуем по-тихому — может, и выгорит. Тут всего два квартала.*

— Два квартала, — механически повторила Брайар.

Сглотнув, сказала себе, что делает успехи. Цель уже близка. Сейчас ее поведут в район, в котором мог оказаться и ее сын. А значит, это шаг в верном направлении.

Забрав у Люси свечу, Свакхаммер потянул на себя дверь. Всем стоявшим за ним пришлось отступить на полшажка, иначе ему не хватило бы места.

Мир за порогом был черен как смоль.

Брайар могла бы догадаться и раньше, но искренне полагала, что в заполонившей аптеку темени повинны окна, заваленные всяким хламом, и немытые стекла. У нее и в мыслях не было, какой теперь час.

— Ночь, — изумленно выговорила она.

Люси сжала ее плечо и зашептала:

— К этому не сразу привыкаешь. Под землей за временем не так-то легко уследить, а зимой, Бог свидетель, дни у нас короткие. Веселей, солнышко — сейчас еще суббота… формально по крайней мере. А нам сейчас вперед, на горку. Может, в Хранилищах кто-нибудь видел вашего сынишку. Только для начала нам еще надо туда попасть. Все по порядку, верно я говорю?

— Верно, — согласилась Брайар.

Свакхаммер нехотя взялся за фитиль последней свечи и затушил его. Когда он отворил дверь пошире, Брайар затаила дыхание и принялась ждать. Сейчас ночь хлынет сюда и проглотит всех до единого.

Однако ничего не происходило.

Здоровяк вытолкнул своих подопечных за дверь и с еле слышным щелчком притворил ее. Затем обернулся и пророкотал таким низким тоном, что его едва можно было понять:

— Держитесь рядом друг с дружкой. Возьмитесь за руки, если не противно. Миссис Уилкс, вы с вашей винтовкой замыкаете колонну. Только не надо сразу палить. Лучше обойтись без шума.

Она кивнула, и шуршания ее шляпы Свакхаммеру было достаточно, хотя он и не видел ее как

следует. Брайар перешла в конец цепочки и сняла с плеча «спенсер», чтобы, в случае чего, тот был наготове.

Перед ней плелся Хэнк и, похоже, засыпал на ходу. Она старалась поглядывать и в ту, и в другую сторону, но пьянчуга постоянно терял темп и выпадал из цепочки; приходилось водворять его обратно.

Он ужасно отставал, а Брайар не могла себе позволить такой роскоши. Сама она дороги не нашла бы, а ночью, в темноте, и подавно, потому что не различала даже силуэтов тех, кто шел впереди. Никакого неба над головой — не видно было даже желтых труб, которые наверняка торчали тут на каждом шагу; и только если она изо всех сил прищуривалась, в заляпанных линзах неуклюжей старой маски начинали проступать неровные очертания крыш и шпилей, чернеющих на фоне туч.

Но глазеть по сторонам ей было некогда: ее тощего попутчика пошатывало все сильнее — он уже натыкался на стены.

Брайар перехватила Хэнка и при помощи винтовки попыталась вернуть в стоячее положение. «Чертов пропойца!» — пронеслось у нее в голове. Удерживать его на ногах стоило немалых сил.

— Да что с тобой такое, Хэнк? — спросила она, подталкивая его вперед и приспособив собственные конечности вместо костылей.

В ответ послышался стон, но это ничего ей не сказало, кроме того что мужчина перебрал убогого желтого пойла и теперь ему плохо. Будь здесь посветлее, она посмотрела бы, чем ему помочь, пока же было ничего не разобрать. И сама ее помощь не находила отклика, потому что Хэнк отпихнул вдруг ее руки и привалился к стене.

— *Что за возня сзади?* — прошипел Свакхаммер; окрашенный металлом, его голос преображался в свист.

— Я его пытаюсь… — начала было Брайар, но осеклась. И шепнула Хэнку: — Эй, Хэнк! А ну-ка не раскисай. Надо идти. Нести я тебя не могу.

Снова застонав, он схватил ее за руку.

Должно быть, хотел оттолкнуться — что ж, ничего страшного; она помогла ему встать в строй позади товарищей, еле волочивших ноги от страха. Вот только стон этот засел у нее в мозгу и отозвался зудом, словно в нем был еще какой-то смысл, ускользнувший от нее.

Хэнк опять оступился, она опять его поймала и дала опереться себе на плечо. Какое-то время пьянчуга еще семенил вперед, потом одна нога

у него зашла за другую, и он рухнул на тротуар, утянув за собой и провожатую.

Она стиснула его руку; он стиснул ее. А шаркающий звук шагов уже удалялся.

— Стойте! — позвала Брайар громким шепотом — насколько хватило смелости.

Судя по возникшей суете, ее услышали. Вереница остановилась.

— Что такое? — заволновалась Люси. — Где вы, милая?

— Позади, с Хэнком. С ним что-то неладно, — проговорила она, обращаясь к его шевелюре.

Бедолага уткнулся лицом ей в ключицу.

Люси зачертыхалась:

— Хэнк, пьянь ты старая, дубина этакая! Если из-за тебя нас убьют, то, ей-богу, тебе не жить.

По мере того как нарастал нетерпеливый стук ее каблуков, прибавлял в силе и притушенный поток ругательств. Наконец какой-то заплутавший пучок света — то ли особо настырный лунный луч, то ли блик от окна — ударил в неприкрытый участок механической руки, и та блеснула, выдавая Люси.

Брайар едва это заметила. Ее внимание было приковано совсем к другой точке — ремешкам на голове некоего подвыпившего мужчины с

притупленным чувством самосохранения.

— Стойте, — сказала она Люси.

— Слышу тебя, девочка! — откликнулась та. — Я здесь.

— Нет. Я не о том. Стойте… не подходите.

Брайар провела по его затылку ладонью, и все стало ясно: вот сломанная пряжка, а вот болтается ремешок, который должен бы плотно прижимать маску к лицу.

Хэнк похрипывал, легонько ударяя головой о ее туловище. Он все крепче и крепче сжимал ее кисть, потом уже всю руку, а потом взялся за талию и стал подтягивать к себе.

Опомнившись, Брайар подсунула под него винтовку и отпихнула прочь.

Люси присела рядом на корточки и потянулась к нему:

— Хэнк, да неужто ты так натрескался, что пристаешь к нашей гостье?

Однако Брайар перехватила ее руку на полпути:

— Не надо. — Поднявшись, она отвела Люси подальше. — Не надо, Люси. У него слетела маска. Он этим дышал.

— О господи! Господи, господи!

— *Да что у вас там творится?*

— Идите дальше, — ответила барменша. — Мы вас догоним.

— *Ну уж нет,* — буркнул Свакхаммер, и шорох брони засвидетельствовал, что он развернулся и спешит к ним.

Люси не сдавалась:

— Мы прямо позади вас. А ну-ка, уводи остальных.

Последнюю фразу она произнесла скороговоркой, потому что Хэнк встал с мостовой и потихоньку разгибался.

Брайар тоже глядела на него. Тень в двух шагах от нее неохотно распрямила спину и вздрогнула.

— Слишком быстро, — сказала она самой себе. Или, может быть, Люси. — Он не должен меняться так быстро. На это уходит несколько дней.

— Уходило *раньше.* Сейчас уже нет.

Хэнк просто стоял, не делая попыток приблизиться, и их обеих точно парализовало.

— Люси, что нам делать? — просочился сквозь фильтры голос Брайар.

— Придется его пристрелить. Прости, — бросила ему барменша.

А может, Брайар лишь обманывала себя, что это слово предназначалось новоявленному трухляку, шарившему перед собой костлявыми руками.

Подцепив винтовку локтем, она крепко сжала ее в руках. Существо, еще недавно звавшееся Хэнком, было едва различимо во тьме, поэтому она дождалась очередного бульканья и лишь тогда прицелилась.

Выстрел сшиб его с ног. А вот убил ли, Брайар не знала и знать не хотела. Люси, кажется, ее поддерживала.

Барменша схватилась за ствол «спенсера» и потащила Брайар прочь. Через пару шагов они налетели на стену, которой держались от самой аптеки, и снова к ней прилипли, так тяжело дыша, что найти их теперь ничего бы не стоило.

Свакхаммер на дальнем конце квартала из кожи вон лез, чтобы не допустить неразберихи и паники. Собрав людей в одно место и приперев всей своей мощью к зданию, он объявил с таким расчетом, чтобы услышали и Люси с Брайар:

— *Мы на углу. За ним свернете направо.*

— Знаю, — отозвалась Люси, не утруждая себя шепотом. В голосе ее читались усталость и страх.

— *Тише!* — шикнул Свакхаммер, но и его раздосадованный голос поднабрал силы.

— Бесполезно. Нас услышали, — проворчала Люси. Не снимая руки с теплой еще винтовки, она вела Брайар по улице. — Не стой на месте,

увалень старый. Мы с миссис Уилкс идем последними.

— Люси…

— *Беги,* жестянка. Как только прекратишь со мной спорить, мы тоже побежим, — пропыхтела Люси.

В ночи зазвучали хриплые стоны. Черпая друг в друге силу, они стекались на шум, ведомые неутолимой жаждой мяса, и нехватка света нисколько им не мешала.

Люси с дочкой Мейнарда на буксире рванула к перекрестку, откуда еще доносился, перекрывая мертвячий гомон, топот Свакхаммера и других клиентов «Мейнарда». С каждой минутой они все больше отдалялись, но барменша, похоже, знала дорогу, так что Брайар не сопротивлялась.

Как там они говорили — всего два квартала; только, очевидно, это были два самых длинных квартала во вселенной, а трухляки уже учуяли их запах или вышли на их след, или как там еще они выслеживают свою добычу…

Высвободив винтовку, она сказала Люси:

— Не за ствол. Может пригодиться.

— Тогда беритесь за завязки фартука. От меня не отставать.

Брайар нашарила пальцами две полоски по-

лотняной ткани и ухватилась покрепче:

— Готово. Идем. Далеко еще?

Люси без лишних слов ринулась дальше.

А вот и угол. Брайар сразу его признала, потому что налетела на него плечом, вслепую рыся за барменшей. Люси увлекла ее вправо и потащила вдоль стены. На этой улице бодрый перестук ботинок был слышен лучше.

— Наши оторвались, — прохрипела Брайар. — А мы-то как?

Люси ответила:

— Да вроде бы.

И врезалась прямо в стайку трухляков, летевшую им навстречу.

Брайар взвизгнула, но ее спутница уже пустила в ход свою чудо-руку, не щадя ни одной незадачливой башки, которая оказывалась в ее досягаемости. Одной твари она размозжила голову о стену, другой вышибла мозги кулаком, а Брайар за это время успела лишь поднять винтовку, и когда все-таки выпустила пару пуль, то не поняла даже, куда попала и с каким результатом.

— Осторожней! — крикнула Люси. Не то чтобы она беспокоилась без меры, просто один из залпов прогремел рядом с ее ухом.

— Извините!

Брайар в сердцах дернула рычаг затвора и еще разок пальнула в скопление тел. Завязки фартука были позабыты, и теперь она была сама по себе, но Люси не бросила бы ее в беде.

Она вновь потянула рычаг, молясь, чтобы в магазине оставался хотя бы один патрон, но времени на выстрел ей не дали.

Люси обхватила ее и перенесла через поверженных мертвяков… но на руке Брайар кто-то повис. Ею завладел ужас, сравнимый с тем, что посетил ее, когда она впервые услышала надтреснутый мертвенный клекот, исходящий из глотки трупа.

— Меня сцапали! — заверещала она.

— А вот и нет! — возгласила Люси, замахнулась — и рука с неотвратимостью пушечного ядра обрушилась на чью-то пустую голову, облезлую и хрупкую.

Голова разлетелась на куски, и сердце Брайар сжалось в окоченелый комок, когда до нее дошло, что держался трухляк зубами.

— Люси! — простонала Брайар. — Люси, он… по-моему, он укусил меня!

— Потом посмотрим, — негромко сказала барменша. — А теперь отыщи-ка завязки, куколка. Рука мне еще понадобится. Других нету.

Брайар сделала, как было велено, и вот уже снова волочилась за Люси, будто воздушный змей на бечевке. И не столько видела, сколько чувствовала, как та орудует рукой на манер тарана и собственным весом пробивает себе дорогу, точно паровоз.

На улице было темнее, чем на море в глухую полночь, и у Брайар появилось ощущение, что ее с минуты на минуту вырвет, но она терпела и терпела, пока не послышался голос:

— *Эй, вы, сюда!*

— Скорей шарахни из Глушилки! — скомандовала Люси. — Давай стреляй, а то нам всем конец!

— *Разогревается!*

Люси заворчала:

— Дерьмо собачье! Ненавижу эту идиотскую пушку. Никогда не работает… — Очередной трухляк потянул клешни к ее груди. Она саданула его по виску и отбросила на тротуар. И закончила: —…когда действительно нужна.

Видимо, до убежища было всего ничего, потому что Свакхаммер прекрасно ее расслышал.

— *Еще как работает!* — хмыкнул он. — *Секунда, и готово! А теперь прикройте-ка ушки, леди!*

Брайар сомневалась, что у нее имелось еще про-

странство для таких маневров, но чудовищная пушка уже гудела в полную мощь. Едва рванула звуковая мина, она отпустила спасительные завязки и одной рукой обхватила свою голову, а другой — голову Люси, поскольку та не могла прикрыть оба уха сразу. Вторым ухом Брайар прижалась к ее груди.

Ударная волна повалила женщин на мостовую. Там они и лежали, прижавшись друг к дружке, пока мир вокруг них шатало и трясло. Все руки, что с жадностью тянулись к ним, точно сдуло, и когда от разряда осталось трепещущее воспоминание, зависшее в зыбком воздухе, раскатистый стальной голос Свакхаммера начал отсчет.

Брайар и Люси кое-как обосновались на дрожащих ногах. Чувство направления потеряли обе, но барменша все-таки сказала:

— По-моему, нам сюда.

Тут раздался треск, и грязную, запруженную телами улицу осветила вспышка красно-белого света, едва не ослепив их.

— *Теперь нам потемки ни к чему, правда?* — хохотнул Свакхаммер, подлетев к ним. В руке его шипел сигнальный факел. — *Целы?*

— Да пожалуй что, — подтвердила Люси, умолчав про тревоги Брайар.

Здоровяк сгреб обеих за руки и потащил вперед, предоставив им запутываться в собственных ногах и запинаться о конечности мертвецов, которые попадали где стояли и дружно корчились.

— Это были… — Ботинок Брайар увяз в чем-то мягком. Взбрыкнув ногой, она высвободила его, побежала дальше. — …два самых длинных квартала… — Один из каблуков заскользил по чему-то влажному и липкому. — …в моей жизни.

— *Что?*

— Не важно.

— *Осторожно, лестница.*

— Где? — спросила Брайар.

— *Да вот же, глядите. Нам вниз.*

И она увидела сход в подвал — прямо у себя под ногами. А у подножия лестницы, уставленной по бокам мешками с чем-то тяжелым и плотным вроде песка, ярко горел прямоугольник желтого света. Опираясь для равновесия на мешки, Брайар начала спускаться, однако первой шла Люси, и с рукой у нее что-то не ладилось. Даже в полумраке, даже в лихорадочной спешке нетрудно было заметить, что механика истекает жидкостью, не говоря уж о странном тиканье.

А ее собственная рука пульсировала, и при мысли о том, что перчатку придется снять, Брайар

пробирала дрожь. Ей ничего не хотелось знать, но узнать было необходимо — и побыстрее. Если перчатка прокушена насквозь, то времени мало.

Она неуклюже проскакала по растрескавшимся ступенькам и в самом низу, где пол выравнивался, чуть не упала. После непроглядного мрака, царившего на улицах, свет показался ей невыносимо ярким; несколько мгновений Брайар ничего не различала вокруг себя, кроме пышущей жаром топки в дальнем углу.

— Мы потеряли Хэнка, — вымолвила Люси.

Дальнейших разъяснений Свакхаммеру не потребовалось.

На выходе из подвала были установлены двойные двери — совсем как в убежищах, где прячутся от ураганов. Здоровяк потянулся к ним и повернул какую-то рукоятку. Створки начали медленно опускаться, затем с резким стуком встали на место. Поверх разделявшей их щели легла полоска вощеной ткани. Напоследок Иеремия взял здоровенную балку, стоявшую у стены, и навесил на двери.

— *Остальные целы?*

— Кажется.

Брайар жмурилась, но глаза ее уже привыкали. И точно, все остальные были здесь — в помеще-

нии находилось не меньше пятнадцати человек. Кроме посетителей «Мейнарда», присутствовала горстка китайцев: сложив руки на груди, они шептались возле печи.

На одно ужасное мгновение Брайар охватила уверенность, что ее занесло туда же, откуда и начались ее странствия по городу, и что перед ней те же самые люди, которых она держала на мушке «спенсера»; однако здравый смысл восторжествовал: нет, до рынка отсюда топать и топать… как и до котельной, в которую она спустилась по грязной желтой трубе.

Заклубилась темными облачками угольная пыль, с шумом загуляли по комнате воздушные потоки — это заработали мехи рядом с печкой, наполняя свежим воздухом совсем другую трубу, откуда тот устремлялся в туннели.

Сначала Брайар не заметила ни мехов, ни трубы, но они тут и в самом деле были. Совсем как в той, первой котельной — разве что печь была поменьше, а механизмы, приводившие могучие устройства в движение, выглядели несколько иначе. Ощущалось в них нечто до странности знакомое, и это тревожило.

Увидев, как она поглядывает на печь, Свакхаммер ответил на ее немой вопрос:

— Та половина паровозного котла ни на что не годилась. Взяли и бросили прямо на насыпи, у воды. Мы притащили ее сюда, и уж теперь-то у нас печка так печка! Когда нужно побыстрее поддать пару, то другой такой в подполье не найти.

— Гениально! — с кивком подтвердила она.

— И не говорите.

Люси тяжело опустилась на массивный деревянный стол, разместившийся неподалеку от топки, и в свете пламени принялась за осмотр своей руки, которая окончательно вышла из повиновения, дергаясь и постукивая хозяйку по бедру. В довершение всего на юбку барменши неприличной струйкой брызнула смазка и растеклась пятном.

— Ах ты, сукина дочь!

Варни, не открывавший рта с той минуты, как они покинули кабачок, присел рядышком, взял механическую конечность в руки и стал на разные лады ее переворачивать, разглядывая под разными углами.

— Сломала, что ли? Ох и тяжелая, наверное… Смотри-ка, ты еще арбалет потеряла.

— Знаю, — сказала Люси.

— Ну да будь спокойна, починим. Гляди, тут вмятина. И вот тут, — добавил он. — И маслопро-

вод треснул, скорее всего. Но мы ее починим, и станет как новенькая.

— Только не сегодня. — Рука сама собой растопырила пальцы, затем резко сжалась в кулак. — Придется потерпеть.

Люси обратилась к одному из китайцев на его родном языке. Тот кивнул и скрылся в ближайшем коридоре, но через несколько секунд вернулся с ремнем. Люси сразу передала его пианисту:

— Подвяжи-ка ее, голубчик, не сочти за труд. Не хочу кого-нибудь пристукнуть ненароком.

Варни начал возиться с перевязью. Люси между тем нашла глазами Брайар и кивнула ей:

— Пора, деточка. Чем раньше, тем лучше.

Стянув с себя противогаз и засунув его под мышку, Свакхаммер поинтересовался:

— О чем это ты?

— Ее укусили — Хэнк или еще кто-то. Прямо в руку. Сейчас пусть снимет перчатку, и мы посмотрим.

Брайар сглотнула комок:

— Не знаю, Хэнк это был или кто другой… По-моему, насквозь не прокусил. Синяк останется приличный, но все-таки…

— Снимайте, — приказал Свакхаммер. — Ну же.

Если повреждена кожа, то чем больше вы тянете, тем неприятнее будет лечение.

Он подступил к ней, намереваясь взять за руку, но Брайар отдернула кисть и прижала к груди.

— Не надо, — проговорила она. — Не надо. Я сама. Сама проверю.

— Ладно, но я настаиваю, чтобы вы показали и мне.

Злости в его голосе не чувствовалось, но и упрашивать ее никто не собирался. Нависнув над ней, он призывно расставил руки, словно открыл дверь и предлагал даме войти первой. Пальцы его указывали на топку старого паровозного котла — туда, где свет был самым ярким, а тепло самым жарким.

— Хорошо, — вымолвила Брайар и побрела к печи.

Остановившись на безопасном расстоянии, она преклонила колени на перепачканной копотью ступеньке, сняла маску и шляпу. А потом, зубами распутав завязки на запястье, стащила перчатку. На тыльной стороне кисти, чуть ниже мизинца, проступил багрово-синим полумесяцем синяк. Брайар поднесла ее к глазам, повернула к свету и пристально вгляделась.

— Ну и как? — подал голос Свакхаммер, потом

сам взял ее руку и принялся изучать.

— По мне, все нормально, — откликнулась она.

Отдергивать руки Брайар не стала: пусть посмотрит. Ей необходимо было услышать его мнение, как бы это ее ни пугало.

Вся комната затаила дыхание, кроме мехов. Те раздувались и сопели, и с каждым вдохом и выдохом желтая труба между печью и столом вздрагивала.

После паузы Свакхаммер сказал:

— Думаю, вы правы. И вам повезло. А перчатки просто отличные.

И, разом выпустив все запасы воздуха, которые копил в груди, он оставил ее руку в покое.

— Отличные, — согласилась Брайар; ее охватило такое облегчение, что больше ничего в голову и не пришло.

Баюкая пострадавшую руку, она привстала с колен и как следует уселась на ступеньку.

К Люси подковылял Уиллард и, ни к кому в особенности не обращаясь, заметил:

— А с Хэнком-то скверно вышло. И как же мы его потеряли?

Вопрос прозвучал без особой горечи, но и веселья в нем не было. И к банальному любопытству тут все не сводилось.

— Да все его маска, — пояснила Люси. — Уж больно неплотно сидела. Отошла от лица, вот он и надышался газа.

— Ну и что, бывает такое, — протянул Уиллард.

— Да сплошь и рядом. Только вот он выпил лишнего и забыл про осторожность, а чем это чревато, сам теперь видишь. Уилл, помоги мне с маской, а? — Вертя шеей, она попыталась вразумить свою руку и заставить ее работать, но та лишь трепыхалась у нее на груди. — Помоги-ка снять.

— Да, мэм.

Расстегнув все пряжки у Люси на затылке, он стащил с ее головы маску, затем проделал то же самое с собственной. Вскоре с респираторами расстались и остальные их спутники.

Темноглазые китайцы отирались у печи, поджидая, когда можно будет вернуться на рабочие места. Свакхаммер ощутил их молчаливое нетерпение первым и обратился к товарищам:

— Хватит им мешать. Чтобы свежего воздуха под землей хватило на всю ночь, мехи должны поработать еще пару часов.

Здоровяк пригнул голову — то ли поклон, то ли кивок — и произнес несколько слов на незнако-

мом языке. Ни плавностью, ни беглостью его речь не отличалась, слова словно бы покалывали ему нёбо, и все же Брайар догадалась, что он сейчас поблагодарил хозяев и извинился перед ними.

Похоже, чисто выбритые азиаты в кожаных фартуках оценили его жест. Когда небольшой отряд направился к одному из боковых туннелей, они натянуто заулыбались и закачали головами, неумело скрывая облегчение.

Варни и Уиллард шагали сразу за Люси, во главе цепочки шел Свакхаммер, рядом с ним — Брайар. Остальные — Фрэнк, Эд, Аллен, Дэвид, Кальмар, Джо, Мэкки и Тим плелись сзади. Шли молча, только Фрэнк и Эд судачили о Хэнке.

— Да ну, мутотень какая-то, — проворчал первый. — И вообще, око за око. Надо бы подобраться поближе к вокзалу и подпустить парочку-другую трухляков Миннерихту на порог.

Второй поддержал его:

— Можно пройти через китайские кварталы. Они нас пропустят, вот увидишь. Как только скажем им, что задумали.

— А еще те воздушники, что околачиваются в форте, возле башни. Может, кто из них и не прочь закрутить небольшую бучу.

Но тут на них зашипела Люси:

— Эй, вы двое, а ну-ка замолчали! Не втягивайте в свои безмозглые планы других. Никто не пойдет ни на какой вокзал. И ни судьбу, ни мертвяков, ни доктора мы тут искушать не станем. И так нахлебались.

Кто-то — возможно, Мэкки — негромко возразил:

— Ну а сколько еще нам нужно стерпеть, чтоб покончить с этим?

— Да уж побольше, чем сейчас, — сказала она. Без особой, впрочем, убежденности.

Мэкки все-таки промычал напоследок:

— Посмотрел бы я, как ему понравится, когда трухляки будут резвиться в его собственной берлоге и жрать его друзей.

Он хотел добавить что-то еще, но Люси обернулась и пронзила его таким взглядом, что бедолага закрыл рот.

С чмоканьем, словно забитые воздушные шлюзы, открывались и закрывались двери. Плавно изгибаясь, коридор все уводил и уводил их куда-то вниз и влево.

— Так это и есть Хранилища? — поинтересовалась Брайар.

— Не совсем, — отозвался Свакхаммер. — На самом деле тут всего одно хранилище — просто

имя прижилось. Все остальное, по сути, спальные места. Представьте себе большое многоэтажное здание, перевернутое вверх тормашками… Хотя здесь живет не так уж много народу. Большинство из тех, кто селится за стеной, подыскали себе жилье на окраинах — в районе Денни-Хилла. Там много симпатичных старых домов с просторными, глубокими подвалами.

— Резонно, — вставила она.

— Ага, но жить вдали от проторенных путей не всем хорошо. Скажем, если вам что-нибудь понадобится, то пробиться сюда, к центру, не так уж легко. Черт, да что я вам говорю! Вот мы сейчас прошли два коротких квартала, а уже потеряли человека. А теперь представьте, что их восемь или девять… И все-таки люди идут на это.

— Почему?

Он пожал плечами:

— Там условия получше будут, и намного. Да вот, сами посмотрите. — Он навалился на задвижку и отворил обитую металлом дверь с законопаченным окошком. — Не слишком-то чисто и не очень-то удобно, зато вполне себе безопасно.

— От «Мейнарда» я того же ожидала.

Свакхаммер лишь махнул рукой:

— Ничего, у нас тут эти ребята сидят. — Очевидно, имелись в виду китайцы. — У них хорошо все поставлено. Если какая беда, они знают, что делать. В общем, вот ваша комната, миссис Уилкс.

Она заглянула внутрь и увидела ровно то, что было обещано: худо-бедно прибранную, более или менее удобную на вид каморку с двумя кроватями, столом и рукомойником. У дальней стены протянулись три трубы, исходивших паром.

— Обратите внимание на трубы, — сказал здоровяк. — Они здесь для тепла, но прикасаться к ним не советую. Сразу получите ожог.

— Спасибо, что предупредили.

— Брайар, милая, — обратилась к ней Люси, протолкавшись поближе, — не хотелось бы нарушать ваше уединение, только вот с этой рукой я немножко в лужу села. Обычно мне помощи не требуется, но сейчас была бы вам благодарна, если бы вы мне чуток подсобили.

— Да пожалуйста. Нам, девочкам, лучше держаться вместе.

Из собственного горького опыта она понимала, почему женщины неохотно принимают помощь от мужчин, даже если намерения у тех самые невинные и благие.

Сначала Брайар дала войти барменше. Пока

та пристраивала седалище на краешке кровати, Свакхаммер продолжал свои наставления:

— Уборная у нас в конце каждого коридора — слева, как правило. Толком не запирается, да и пахнет там не ахти как, но какая уж есть. Воду можно найти рядом с котельной. Китайцы хранят ее в бочках сразу за дверью. Если вам еще что-то понадобится, то Люси, наверное, просветит вас.

— Отлично, — сказала она, и здоровяк удалился прочь.

Остальные мужчины потянулись за ним, как утята за уткой. Брайар закрыла дверь и присела на свободной кровати.

Люси примостила голову на плоскую, не первой свежести подушку.

— На самом-то деле помогать мне почти и не надо будет, — заявила она. — Просто не хочу коротать ночь в компании этих старых дурней. Они-то ко мне со всей душой, да только я такую опеку вряд ли вынесу.

Брайар кивнула. Распутав шнуровку и выпростав ноги из ботинок, она переместилась на соседнюю койку, чтобы помочь и Люси.

— Спасибо, милая, но вы себя не утруждайте. Побуду пока лучше в них. Проще оставить их как есть, чем завтра натягивать заново. А завтра мне

еще надо подлатать мою старушку.

Барменша повела плечом, тщетно пытаясь поднять руку.

— Воля ваша, — сказала Брайар. — Так, может, еще что-то для вас сделать?

Ее соседка села прямо и задом сдвинула одеяло.

— Да нет, устроилась вроде. Кстати, я рада за вашу руку. Хорошо, что при вас и останется. Терять руки досадно и совсем невесело.

— Я тоже рада. До чего же быстро Хэнк заразился! И почему все так ускорилось?

Люси завертела взад-вперед головой, поудобнее укладывая ее на подушку.

— Утверждать не берусь, но вот вам пара догадок. С годами Гниль все сгущается и сгущается. Раньше по ночам было видно звезды, а теперь только луну, да и то если светит ярко. Сам газ как бы и не разглядеть, но ты-то точно знаешь, что он здесь и все копится и копится за этими стенами. А рано или поздно, — начала она, отодвигаясь вместе с подушкой к изголовью и усаживаясь так, чтобы удобнее было говорить, — случится знаете что?

— Нет. О чем вы?

— А вот о чем. Если по-простому, то стены

образуют чашу — ну а чаша может вместить столько-то и столько-то. Газ у нас сочится из-под земли, правильно? И все наполняет и наполняет эту емкость. Он тяжелый и пока что не выплескивается, почти как суп в миске. Но однажды его станет слишком много. Однажды он перельется через край и захлестнет Окраину. Может, и весь мир, было бы время…

Брайар отсела на свою кровать и расстегнула корсетный пояс. И ребра тут же обожгло огнем: расставшись внезапно с его удушающими объятиями, тело чуть ли не затосковало по нему. Потирая живот, она заметила:

— Мрачная получается картина. И сколько, по-вашему, на это уйдет времени?

— Не знаю. Сотня лет. Тысяча. Не угадаешь. Но мы здесь учимся как-то с этим жить. До совершенства еще далеко, но ведь справляемся вроде бы, а? И может быть, придет день, когда наши знания пригодятся остальному миру. И даже если я беру слишком высоко и до такого никогда не дойдет, то одно скажу наверняка: не сегодня завтра Окраина тоже будет плавать в этой дряни. И всем, кто за стеной, нужно будет задуматься о выживании.

17

«Клементина» отвалилась от башни со всей грацией цыпленка, постигающего искусство полетов, и ухнувший заодно с ней вниз желудок Зика исторг из себя порцию рвоты. Удержав ее во рту, мальчик сделал героический глоток, от которого заслезилось в глазах, и еще крепче вцепился в строп, хотя и без всякой пользы — разве что было на чем болтаться.

Он изо всех сил уставился на строп, дабы отвлечь внимание от кислоты, приливающей к зубам, и круговерти в желудке. Это же ремень, подумалось ему. Кто-то перекинул его через балку и застегнул, чтобы сделать петлю. Пряжка была свинцовая, но с медной бляхой. На бляхе стояли буквы «КША».[20]

Дирижабль зарылся носом, подскочил и на предельной скорости понесся над затопленными Гнилью улицами. Зик в это время вспоминал о Руди, гадая, дезертир он все-таки или нет. С армии Союза его мысли перешли к войне на востоке, а потом и к вопросу, откуда бы взяться конфедерат-

---

[20] Примечания: 20
См. примечание на с. 76.

скому ремню на… и вновь в его мозгу всплыло это слово: на *линкоре.*

И сразу появилось о чем призадуматься, кроме жгучего, как лава, вкуса во рту.

Над пультом располагались съемные панели на крючках, за которыми вполне могло находиться оружие, и квадратный выдвижной ящичек с надписью «БОЕПРИПАСЫ». А в задней части кабины имелась большая дверь, запиравшаяся на колесо, совсем как сейф. Зик допускал, что там еще один грузовой отсек, а их ведь положено запирать на крепкие замки… но чтобы такое колесо?!. И само собой бросалось в глаза, до чего же прочны стены, полы и перекрытия, примыкающие к этой могучей двери.

— О боже! — прошептал он. — Боже!

И съежился в клубок, мечтая из мальчика по имени Зик превратиться в крошечный комочек, прилепившийся к изгибу стены.

— С правого борта атакуют! — проорал мистер Гайз.

— Маневр уклонения! — то ли скомандовал, то ли констатировал Паркс, хотя капитан уже приступил к действиям.

С силой за что-то потянув, он опустил с потолка установку с рядом трапециевидных рычагов.

Затем Бринк рванул один из них, и водородные баллоны отозвались пронзительным гулом, переходящим в визг.

— У нас перегрев! — крикнул старший помощник.

— Ну и пусть, — отмахнулся капитан Бринк.

Сквозь лобовое стекло, полуовалом обегавшее кабину, Зик разглядел кошмарный призрак другого дирижабля — поменьше, чем их собственный, но ненамного, — на всех парах несущийся к «Клементине».

— Вверх уйдут, — буркнул мистер Гайз. — Уйдут, никуда не денутся.

— Не уходят! — рявкнул Паркс.

— Время на исходе! — закричал капитан.

— А как же наши *маневры?* — с издевкой спросил помощник.

— Да эти чертовы двигатели никак не…

Оборвав объяснения на полуслове, капитан саданул локтем по рубильнику толщиной с его кулак.

«Клементина» скакнула ввысь, будто перепуганный олень, а все ее содержимое, не исключая экипаж, качнуло назад, потом вбок и вверх; и все же полностью избежать столкновения не удалось — второй корабль налетел на них. С ужа-

сающим скрежетом металла и стоном рвущейся материи огромные машины сцепились корпусами. Зику начало казаться, что из-за тряски у него зубы выпадут из десен, но каким-то чудом все они остались на месте. А через несколько секунд дирижабль выровнялся и готов уже был ускользнуть.

— Ушли! — объявил капитан. — Мы ушли… видит кто-нибудь их? Куда они подевались?

Все глаза были прикованы к переднему стеклу, выискивая малейшие признаки врага.

— Не вижу, — сказал Паркс.

— Ну не могли же мы взять и потерять их! — проворчал мистер Гайз.

Старший помощник, мерными порциями заглатывая воздух, предположил:

— У них же не такой крупный корабль. Может, не стоило нас таранить. Не справились с повреждениями, и всего делов.

Побелевшие как мел костяшки не давали пальцам Зика отпустить ремень, и ему пришлось вытянуть шею, чтобы посмотреть в окно. А дыхание — задержать, потому что болтовня успокоиться не помогала. Мальчик никогда не был прилежен в молитвах, а мать его не слишком часто наведывалась в церковь, но сейчас он

истово молился, чтобы тот дирижабль больше не возвращался, куда бы там его ни унесло.

Только вот голос Паркса ничуть не обнадеживал:

— Нет, нет, нет, *нет!*

— Где?

— Внизу?

— Да где же? Никого не вижу! — воскликнул капитан.

И тут корабль сотряс еще один увесистый удар, послав «Клементину» в полет. Строп разорвало, Зик рухнул на пол, мешком прокатился до стены и тут же обратно на середину кабины. Встал на четвереньки и пополз вперед. Инерция понесла его к двери грузового отсека. Мальчик вцепился в первый попавшийся предмет — им оказалось то самое колесо — и обхватил его как мог.

Где-то внизу выгибалась и трещала листовая сталь, с силой и скоростью пуль вылетали заклепки. Где-то сбоку шипел и фыркал двигатель, издавая звуки, которых нормально работающим двигателям издавать не полагается.

А прямо перед ними раскинулся пейзаж, сглаженный Гнилью, — и до Зика не сразу дошло, что наслаждаться этим зрелищем он может по единственной причине: дирижабль смотрел носом

вниз и мчался навстречу горохово-желтой пелене, под которой могло скрываться что угодно.

— Мы сейчас разобьемся! — заверещал он, но никто его не услышал.

Команду всецело занимал обмен репликами, учащавшийся с каждой секундой, и даже крики пассажира не могли их отвлечь.

— Левый двигатель!

— Вышел из строя, или заело, или… не знаю! Не могу найти подушку стабилизатора!

— Да, может, на этой кретинской машине ее и нету. Тяга правая, врубаем пневмотормоза. Господи, да если мы сейчас не уйдем на подъем, то уже вообще не уйдем.

— Они снова идут на нас!

— Да они там сдурели? Мы ж тут все подохнем, если нас собьют!

— Не уверен, что их это так волнует…

— Попробуй вон ту педаль… нет, другую! Вдави и не отпускай.

— Не работает!

— Мы сейчас напоремся на…

— Слишком медленно!

Зик прикрыл веки и почувствовал, как от стремительного спуска уходят в череп глазные яблоки, не справляясь с давлением.

— Я умру здесь, умру… или там, на земле… Я ведь совсем не… — сказал он себе самому, потому что никто больше не слушал. — Я ведь совсем не так хотел. Господи.

Днище гондолы заскребло по какой-то новой поверхности — на сей раз кирпичной, не металлической. По обшивке глухо застучали камни, отскакивая и осыпаясь на землю.

— Во что врезались? — спросил Паркс.

— В стену.

— Городскую?

— Непонятно!

Дирижабль вело по беспорядочной траектории, швыряло то и дело на какие-то препятствия и острые углы, но в конце концов он начал замедлять движение… и внезапно ушел вверх — до того резко, что рот Зика вновь заполнился желчью и он забрызгал щиток маски.

А потом корабль рывком остановился, словно кто-то натянул собачий поводок.

Зик свалился с колеса и ничком упал на пол.

— Подцепили, — угрюмо произнес капитан. — Хана, ребята, нас берут на абордаж.

Кто-то наступил Зику на руку, заставив его вскрикнуть, но времени на жалобы уже не оставалось. По входной двери кто-то принялся от-

бивать барабанную дробь — кто-то немаленький и очень, очень злой. Мальчик поднялся с пола и юркнул в свою нишу рядом с грузовым отсеком. Там он и затаился, пока капитан и его команда выхватывали клинки с пистолетами.

Отстегнув ремни, матросы повскакали с мест и кинулись отстаивать дверь, но та пострадала еще при столкновении с Башней Смита и теперь едва держалась на петлях. Как бы они ни налегали на нее, как ни упирались ногами, силы — а может, упорства — у их противника было больше. Дюйм за дюймом дверь отходила от рамы.

Зику некуда было податься и нечем помочь экипажу; съежившись на полу, он наблюдал, как справа в образовавшуюся брешь пролезла угольно-черная рука, а с другой стороны — мясистая белая. Черная ухватила Паркса за волосы и заколотила его головой о косяк, но тот в ответ закромсал ее ножом. Истекая кровью, рука скрылась, но тут же объявилась вновь и тоже с ножом.

Лапища слева могла принадлежать великану или горилле — Зик видел их в цирке и очень был впечатлен. Хотя шерсть на ней и не росла, мальчику не доводилось еще видеть в своей жизни более длинной руки; и он содрогнулся при мысли,

какой же мужчина мог ею орудовать.

А рука тем временем юркнула вниз, сграбастала ближайший сапог и дернула на себя. Повалившись на пол, мистер Гайз отчаянно залягался, колошматя ногой по вражьей конечности, по двери и по чему ни попадя. На долю секунды лапа исчезла, а вернулась с револьвером и тут же пальнула мистеру Гайзу в подошву.

Пуля пробила сапог насквозь, по прямой прошила бедро и впилась в нежную плоть предплечья. Мистер Гайз взвыл и принялся поливать свинцом руку, дверь и все, что только шевелилось в проеме.

Однако пулям не по силам было пробить металлическую обшивку, и белую руку даже не задело.

Уступая напору атакующих, дверь прогнулась еще на полфута. Капитан сорвался с места и побежал к грузовому отсеку. Пинком отшвырнув с дороги Зика и угодив ему в аккурат под ребра, он начал вертеть колесо.

— Держите дверь! — приказал Бринк.

Его подчиненные старались изо всех сил, но у Гайза хлестала кровь, а у Паркса на лбу красовался зловещий подтек, похожий на кожицу подгнившей сливы.

Оба крепыша-индейца навалились спинами на

искореженную дверь и упорно держали оборону перед наступающими захватчиками.

На противоположном конце рубки послышался скрип петель, которые давно не были в деле: открылся аварийный люк. На глазах Зика капитан выскользнул наружу, зацепился за корпус и по-паучьи пополз вверх. Вскоре он скрылся из виду, и в квадратном проеме осталось лишь небо, изуродованное Гнилью. Но мальчик слышал, как стучат по обшивке его колени и ботинки. Бринк выискивал абордажные крюки, надеясь вытащить их голыми руками.

Зик и представить боялся, каково это — ползать бог знает на какой высоте по корпусу дирижабля, без страховки и без гарантий, что приземлишься на что-нибудь мягкое… Однако капитан упрямо перебирал руками и ногами, и каждое его движение отдавалось бряцанием маленького гонга.

— Что он делает? — взревел Паркс.

Зик едва расслышал его: в ушах до сих пор звенело от выстрелов, которые в замкнутом пространстве звучали вдвойне оглушительнее.

— Крюки! — выдавил мистер Гайз, задыхаясь от боли и пытаясь хоть как совладать с ранами, не отнимая спины от двери. — Крюки он отцепляет.

Зик хотел бы помочь, да не знал как; еще боль-

ше он хотел сбежать отсюда, но пути было два — в небо и вниз, а превратиться в мокрое место ему не улыбалось.

У ног мистера Гайза валялся брошенный кем-то охотничий длинный нож с острым концом. Мальчик вытянул ногу и подтолкнул его поближе к себе. Возражать никто не стал. Тогда Зик взял оружие в руки и крепко прижал к груди.

Тут что-то от чего-то оторвалось — звучало это так, словно вскрыли консервную банку, — и с прытью, переворачивающей внутренности, корабль ушел вверх.

Дверь, отделявшая команду «Клементины» от врага, мгновенно захлопнулась и чуть не улетела в небеса, потому что с наружной стороны ничего уже не было; второй дирижабль отбросило назад, и суда быстро разошлись.

— Есть! — воскликнул Бринк, хотя в кабине его голос был едва различим.

Снизу донеслись вскрики. Возможно, кто-то из неизвестных выпал за борт, когда «Клементина» сорвалась с крючка. Наверняка Зик не сказал бы, а посмотреть не мог.

— Всем отойти от двери! — завопил мистер Гайз, после чего ринулся к своему креслу и с горем пополам залез на него.

Дверь искорежило напрочь, и оставалось ей недолго. Наконец не выдержала под ее весом последняя петля, и стальная плита с тоненьким свистом понеслась навстречу мостовой.

Все напрягли слух, считая секунды.

Когда по улицам покатилось грохочущее эхо, Зик почти добрался до четырех. Они все еще были высоко. Ой как высоко…

В люк на дальнем конце гондолы ввалился капитан. Закрыв за собой створку, он кинулся в рубку и занял свое кресло — ни качка, ни солидный крен, ни потеря двери, с которой кабина осталась беззащитной перед зловонными небесами, его не смущали.

— Валим отсюда, — прохрипел Бринк. Он вконец выдохся и дрожал от перенапряжения сил. — Прямо сейчас. Если не прорвемся за стену, нам всем крышка.

Перегнувшись через осевшего на кресле Гайза, Паркс дернул рычаг, затем просунул ногу под пульт и нажал на какую-то педаль. С педалью он ошибся… а может, и нет. Дирижабль подпрыгнул в воздухе и сделал бодрый полуоборот, выбив Зика с безопасного местечка у дверного колеса.

И он кувырком полетел в открытую дверь.

Не выпуская ножа, мальчик выбросил вторую

руку в надежде зацепиться за раму, петлю, за что угодно еще, но корабль кренился все сильнее, а на помощь ему никто не спешил. Тут искореженный обломок петли пропорол ему ладонь, и болтаться дальше, наполовину вывалившись за борт, стало невозможно. От боли и ужаса он разжал пальцы.

И упал.

…Но ударился о какую-то твердую поверхность куда быстрей, чем ожидал — даже в нынешнем, искаженном страхом состоянии.

А потом здоровенная лапища, которую Зик уже видел, схватила его за руку и сдавила со всей мощью столярных тисков.

В разом помутневшей голове пронеслось что-то насчет огня и неразлучного с ним полымя.

Он никак не мог решить, сопротивляться ему или нет, но тело решило само, хотя под ногами мальчика не было ничего, кроме зараженного воздуха. Зик принялся извиваться и брыкаться, пытаясь выскользнуть из чудовищных пальцев.

— Ты что, дурачина? — прорычал голос, достойный руки таких размером. — Неужели ты и вправду хочешь, чтобы я тебя выпустил?

Зик проворчал что-то в ответ, но его не услышали.

Рука подтянула добычу повыше, к самому краю

палубы второго дирижабля.

Чтобы не разинуть рот и не наглотаться гадости, прилипшей к лицевому щитку, пришлось хорошенько постараться. Его держал за запястье мужчина, крупнее которого Зик не видел — да что там, не слышал. Он сидел на корточках, иначе не уместился бы во входном проеме собственного корабля. Дверь здесь не отворялась наружу, а уезжала вбок по специальному пазу. Маска на мужчине была облегающего типа, без громоздких дыхательных приспособлений. Из-за этого он казался лысым и чем-то походил на тупоносую собаку.

Позади него пререкались чьи-то раздосадованные голоса:

— Отцепились! Сукин сын отцепил нас! Голыми руками!

— Ну да, хитрый попался вор; это мы и так знали.

— Поднимай эту колымагу в воздух! Сейчас же поднимай! Мой корабль ускользает от меня с каждой секундой, а его я терять не намерен, слышишь меня? Я свой корабль не отдам!

Гигант отвлекся от беспокойного подростка и бросил через плечо:

— Хейни, ты свой чертов корабль уже продул.

Мы же попытались, так? И попытаемся еще разок, только позже.

— Нет, мы попытаемся *прямо сейчас,* — не унимался хриплый голос.

Однако другой, не такой низкий и чуть ли не жеманный, возразил:

— Да нельзя сейчас! Мы и так еле ползем, балда.

— Ну вот, как раз и взлетим!

— Какое там взлетать — мы высоту теряем!

И снова верзила обратился к ним через плечо, напоминавшее формой горный хребет:

— Родимер прав. Мы еле плетемся и теряем высоту. Машину надо сажать, иначе разобьемся.

— Черт возьми, Клай, мне нужен мой корабль!

— Тогда, черт возьми, мог бы получше беречь его от воров, Крог. Но по-моему, мне тут хотят намекнуть, куда же он направился. — И он перевел взгляд на Зика, который все так же болтался над вихрящейся пеной тумана, оседавшей на город. — Верно я говорю?

— Нет, — отозвался Зик. Его голос звучал сердито, хотя на деле ему всего лишь не хватало дыхания, так как фильтры были забиты рвотой, а сдавленная рука ныла. — Я не знаю, куда они повели корабль.

— Твои песни принесут тебе несчастье, — заметил мужчина и расслабил запястье, словно готов уже был вышвырнуть Зика в туманный эфир.

— Не надо! — взмолился тот. — Не надо! Честно не знаю!

— Но ты ведь был в их команде, правда?

— Нет! Просто попросил, чтобы меня вывезли за город! И все! Пожалуйста, отпустите меня… ну, *внутри* отпустите. Пожалуйста! Вы делаете мне больно. У меня рука… рука болит.

— Ну так я тебе не массаж делаю, — сказал капитан, но тон его изменился. Он без всяких усилий втащил Зика в гондолу, словно перекладывал котенка из корзины в корзину. И посматривал на него как-то странно. — Наставив палец — длинный, как нож для резки хлеба, — мальчику между глаз, он произнес: — Не шевелись, коли сам себе не враг.

— Да пристрели ты этого гаденыша, раз не хочет разговаривать! — потребовал первый голос, разъяренный больше прочих.

— Остынь, Крог. Через пару минут он нам что-нибудь да скажет. А пока нам нужно посадить эту птичку, не то сама упадет.

Он задвинул боковую дверь на место и уселся на очень большое кресло перед очень большим ло-

бовым стеклом, затем оглянулся и сказал Зику:

— С тобой тут не в игры играют, мальчик. Нож ты выронил, я сам видел. И для тебя же лучше, если ты ничего больше не припрятал. Через несколько минут потолкуем.

Зик стоял на четвереньках, потирая руку и разминая измученные шейные мышцы. Он проворчал:

— Да откуда мне знать, куда они там удрали с этим кораблем. Я только-только на борт поднялся, часа не прошло. Вообще без понятия.

— Без понятия? Серьезно? — хмыкнул верзила. Судя по величине его кресла и тому, что остальные позволяли ему говорить за всех, он-то и был капитаном судна. — Фань, будь так добр, присмотри за ним.

Из тени плавно выступил стройный мужчина, которого Зик заметил лишь сейчас. Косица, выступавшая из-под летного респиратора, и характерный жакет выдавали в нем китайца. Мальчик болезненно сглотнул, мучась разом от угрызений совести и непередаваемого страха.

— Фань?! — пискнул он.

Китаец не кивнул, не моргнул и не дрогнул. Даже когда корабль дернулся и тоскливо завалился носом, начиная путь к земле, человечек остался

неподвижен. Его ноги как будто приросли к полу. Такой невозмутимой могла бы быть вода в наклонившейся слегка вазе.

Зик заговорил сам с собой, потому что другие вроде бы не слушали:

— Я всего лишь пытался выбраться из города. Хотел…

— Держитесь крепче, — посоветовал капитан.

Это был не столько приказ, сколько совет — и хороший, поскольку дирижабль начал двигаться по нисходящей спирали.

— Отказали пневмотормоза, — сказал кто-то с деланым бесстрастием.

— Совсем? — уточнил капитан.

— Нет, но…

С мерзким звуком корпус корабля заскрежетал по кирпичной стене какого-то здания. С дребезгом взрывались окна, лишаясь рам: машина утаскивала их за собой.

— Раз так, включай двигатели.

— Правый капризничает.

— Значит, при посадке ввинтимся в землю; ничего страшного. *Давай выполняй.*

Кабину заполнил рев. Зик поискал, за что бы схватиться, и не нашел. Тогда он распластался по полу, цепляясь руками и ногами за все, что

придется. И нечаянно лягнул Фаня, но тот и ухом не повел.

— Падаем, ребята, — спокойно произнес капитан.

Темнокожий мужчина в синей куртке — Крог, надо думать, — воскликнул:

— Два в один день! Проклятие!

— Если бы знал, что ты такой везучий, — откликнулся капитан, — ни за что бы не стал помогать.

Улица приближалась быстро. Стоило дирижаблю выйти на очередной виток спирали, в окне возникала земля — и посадку она сулила на редкость суровую.

— Где форт? — спросил капитан. В его голосе впервые проглянуло волнение, возможно даже граничащее со страхом.

— На шесть часов!

— С какой… Откуда…

— Вон *там.*

— Вижу, — сообщил капитан внезапно и потянул рычаг у себя над головой. — Надеюсь, там никого нет.

Подал голос мужчина, сидевший в кресле первого помощника:

— Если там кто-то и есть, то нас уже должны

были услышать. И если не убрались куда подальше, то сами и виноваты.

Кажется, он хотел добавить еще пару слов, но тут дирижабль начал тормозить по-настоящему, чуть ли не вставая на попа; вскоре в окне перед капитаном и его командой не осталось ничего, кроме неба.

Зик проникся уверенностью, что сейчас его опять вырвет и конца этому не будет, но прогадал со временем: днище корабля соприкоснулось с землей. От удара он едва не отскочил обратно, но завяз в грунте и пропорол борозду, которая протянулась на добрых пятьдесят ярдов от стены форта. И наконец вся объемистая конструкция застыла посреди двора.

Как только мир прекратил ходить ходуном и корабль улегся набок, словно так и было надо, Зик нетвердо поднялся на ноги и сразу же схватился за голову.

В перчатку потекло что-то теплое; он мог не глядя сказать, что это кровь. И текла она из рваной, пульсирующей раны на голове. Наверное, выглядела она ужасно… а может, и не просто *выглядела.* Может, во время трясучки он расшиб себе череп — о стену, дверь или еще что-нибудь — и теперь умрет. Каково-то будет услышать та-

кие новости его матери? Узнать, что ее сын погиб при катастрофе дирижабля за стенами запретного города, без каких-либо весомых причин там находиться, кроме собственной беспечности.

Он попытался безропотно принять эту мысль, но ощутил лишь прилив жалости к себе и жгучую боль. Ноги отказывались держать его на полу. Он пошатывался, не отнимая руки от кровоточившей раны, а другой искал опору — или выход.

При посадке корабль изрядно завалился на левый борт, и боковую дверь, через которую мальчик попал в кабину, попросту смяло. Все они очутились в западне.

По крайней мере, так он думал, пока не приоткрылся нижний люк и не подарил ему надежду.

18

Улыбка Люси сжалась в тонкую ниточку, за которой явно скрывался вопрос.

— Позвольте спросить вас кое о чем, если не возражаете.

— На здоровье, — сказала Брайар, укутывая распухшую руку в одеяло. От него пахло чистотой, но какой-то старой и пыльной, словно его хранили в шкафу и редко доставали. — Если и мне можно будет потом задать вопрос.

— Да легко. — Люси подождала, пока не утихло шипение пара в трубах, и лишь тогда заговорила, тщательно подбирая слова: — Уж не знаю, рассказывал вам Иеремия или нет, но есть тут у нас один человек. Мы зовем его доктором Миннерихтом, хотя и не могу ручаться, что это настоящее его имя. Именно он сделал для меня мою руку.

— Кажется, мистер Свакхаммер упоминал о нем.

Барменша поуютнее закуталась в одеяло.

— Что ж, хорошо. Он ведь ученый, этот доктор. Изобретатель. Объявился здесь незадолго до возведения стены. Откуда он взялся, до сих пор

неясно. И непонятно, что за беда с ним случилась. Он никогда не снимает маски — даже там, где воздух позволяет. Так что мы и не представляем, каков доктор на вид. Зато умен как черт. Особенно ему удаются всякие механические штуковины вроде этой.

Она многозначительно повела плечом.

— И Глушилки.

— Ага, они тоже. Тот еще тип! Из ничего может сделать стоящую вещь. Раньше я о таких и не слышала. — И она добавила еще одно слово, а из слова недвусмысленно вытекал некий вопрос, отвечать на который ее собеседница не имела желания: — Почти.

Перевернувшись на бок, Брайар оперлась на локоть.

— К чему вы клоните, Люси?

— Да ладно притворяться. Вы же не дурочка. Неужели вас не посещали такие мысли?

— Нет.

— Совсем-совсем? Но согласитесь, совпадение потрясающее. Тут у нас гуляют толки, что это может быть…

— Не может, — отрезала Брайар. — Уверяю вас.

Тут Люси опустила глаза, однако жест выдавал не усталость, а лукавство, вызвавшее у Брайар

укол страха. Барменша меж тем промолвила:

— Смелое утверждение. Особенно в устах женщины, которая нашего ужасного доктора еще даже не видела.

Она едва не огрызнулась: «А мне его и не надо видеть». Но проговорила вместо этого, отмеряя каждое слово под жадным взглядом Люси:

— Я не знаю, кто такой доктор Миннерихт, но Левитикус здесь ни при чем. Да, Леви был злобным старым дураком, но этот дурак явился бы за мной, будь он жив все это время. А не за мной, так за Зиком.

— Он так вас любил?

— Любил? Нет. О любви здесь речи не шло. Скорее уж чувство собственности. Я всего лишь одна из вещей, принадлежащих ему, — по бумагам. Зик принадлежит ему по праву крови. Нет. — Она покачала головой, затем убрала руку и разлеглась на матрасе, уткнувшись щекой в пуховую подушку. — Он бы такого не допустил. И пришел бы за нами, хотим мы того или нет.

Люси задумалась над словами Брайар, но к чему пришла, по ее лицу было не понять.

— Видимо, вы знали его лучше других.

— Видимо. Но порой я вообще сомневаюсь, что хоть сколько-то его знала. Так бывает. Иногда нас

водят за нос. А я тогда была дурой, так что ему это было раз плюнуть.

— Вы были девчонкой, вот и все.

— Никакой разницы. Результат такой же. Но теперь моя очередь спрашивать.

— Ну давайте, — подбодрила ее Люси.

— Значит, так. Если не захотите, можно не отвечать.

— Не переживайте. Смутить меня не выйдет, что ни спрашивай.

— Отлично. Не буду притворяться, будто мне неинтересно, что случилось с вашими руками. Как вы их потеряли?

На лицо Люси вернулась улыбка.

— Да я не против. Собственно, это не секрет. Правую я потеряла, когда все мы бежали из города, потому что остаться означало смерть, а то и хуже. Я жила на том конце площади — ближе к городской свалке, чем к вашему уютненькому холму. Мы с моим мужем Чарли держали там одно заведеньице, туда много кто заглядывал — по большей части мужчины. Старые портовые крысы, рыбаки в промасленных дождевиках, старатели со своими пожитками, бренчащими на спине… Заходили к нам перекусить. Ой, что ж я сразу-то не сказала — у нас ведь не бордель

какой-нибудь был, а небольшой бар. Поменьше «Мейнарда», да и поплоше. Назвали мы его «Ржавым люком», и дела шли неплохо. Подавали в основном пиво и прочее спиртное, ну и сэндвичи с рыбой, вареной и жареной. Сами всем заправляли — Чарли и я. Не то чтобы все удавалось, но и так было славно. — Откашлявшись, она продолжила: — Ну и вот, шестнадцать лет назад с холма спустилась большая машина, сминая все на своем пути. Эта часть вам известна. Сами знаете, что и как натворил Костотряс, — и лучше всех нас, наверное, знаете, ему мы обязаны Гнилью или нет. Если кому и знать, то вам.

Брайар мягко возразила:

— Но я не знаю, Люси. Так что, видимо, не знает никто.

— А Миннерихт утверждает иначе, — заметила барменша, ненадолго сменив тему. — У него выходит, что Гниль как-то связана с горой. Мол, Рейнир[21] на самом деле вулкан, а в вулканах образуется ядовитый газ. Пока нет извержений, он остается под землей. Если только кто-нибудь не пробьет кору и не выпустит его.

На вкус Брайар, это объяснение было ничуть не

[21] Примечания: 21

Спящий вулкан, расположенный в 88 километрах от Сиэтла. Высота над уровнем моря — 4392 метра.

хуже прочих. Так она и сказала:

— В вулканах я не разбираюсь, но, по-моему, это похоже на правду.

— Поди угадай… Я просто передаю слова доктора Миннерихта. Может, он чокнутый, почем знать? Только он сконструировал для меня эту руку, так что я перед ним в долгу, хотя и проблем от него было предостаточно.

— Но вы мне рассказывали про Чарли, — напомнила Брайар.

Ей не хотелось больше разговоров о Миннерихте — пока что. Даже звуки, из которых складывалось его имя, вызывали у нее непонятную тошноту. Она была совершенно уверена, что он не Левитикус, хотя и не могла поделиться с Люси причинами своей уверенности. Правда, это мало что меняло: если люди до сих пор верили в существование Леви, то этот человек мог сойти за его призрака.

— Ах да! — спохватилась Люси. — Итак, Гниль расползалась по улицам, и пора было спасаться бегством. Но приказ об эвакуации застал меня на рынке — я как раз закупала продукты, когда началась паника. А Чарли остался в баре. Мы с ним были женаты десять лет, и я не хотела его бросать, но полицейские со мной церемониться

не стали — взяли и вышвырнули из города, как пьянчужку с тротуара.

Везде уже сооружали временные стены из брезента. Помогали они не очень, но все-таки помогали, так что рабочие трудились вовсю. При первой же возможности, как только прошла основная волна паники, я раздобыла маску, пробралась через заграждения и побежала к Чарли.

Но в «Ржавом люке» его было не видать. Бар казался пустым, окна — выломаны. Люди разбивали стекла и промышляли грабежом. Мне даже не верилось: воровать в такое время!

Зайдя внутрь, я начала его звать, пока он не откликнулся откуда-то из задней части дома. Тогда я перемахнула через прилавок, вломилась в кухню и увидела его на полу, всего истерзанного и залитого кровью. Кровь в основном была не его. Он застрелил троих трухляков, которые загнали его в угол — как волки оленя, вы же знакомы с их повадками, — и сидел теперь в компании трупов, но его сильно покусали. У Чарли отсутствовало ухо и часть ступни, а глотку ему наполовину вырвали.

Она вздохнула и еще разок прочистила горло.

— Он умирал… и обращался. Я не знала, что произойдет раньше. В ту пору мы совсем еще не

изучили болезнь, так что я не побоялась к нему подойти. Чарли вяло покачивал головой, глаза у него высохли и стали желто-серого оттенка.

Я попыталась поднять его с пола — хотела дотащить до больницы. До чего же глупая мысль. К тому времени все улицы перегородили, и помощи было бы негде искать. И все-таки я поставила его на ноги. Он был не особенно крупный мужчина, ну а я не то чтобы карлица.

И тут он полез драться — почему, не знаю. Мне приятно думать, что он чуял близость конца и пытался меня оттолкнуть ради моего же блага. Только я не сдавалась, потому что решила его оттуда вытащить, и хоть умри. А он так же твердо был намерен остаться.

Сцепившись, мы рухнули у прилавка. Когда я опять подняла Чарли, с ним уже было кончено. Он начал постанывать и пускать слюни — яд, проникший в его тело через укусы, сделал свое дело.

Вот тогда-то все и случилось. Тогда он меня и цапнул.

Всего лишь прокусил большой палец — совсем неглубоко, но этого хватило. И я наконец поняла, что его больше нет, будто мало было пожелтевших глаз и запашка изо рта, как от дохлой лошади на улице. Чарли никогда бы не причинил мне

боли.

Она опять закашлялась, однако глаза ее, мерцавшие в свете свечей, оставались сухими.

Тут снова засвистели трубы, и Люси притворилась, что замолчала из-за них. Затем она продолжила рассказ:

— Надо было его убить. Он заслуживал, чтобы с ним поступили по-человечески. Но я тогда слишком перепугалась — и ненавижу себя за это. Ну да что уж говорить, дело-то сделано, точнее, *не* сделано, и ничего уже не поправишь. В общем, я бегом добежала до самой Окраины, а там забилась в какую-то церковь, где мне дали отлежаться и выплакаться.

— А как же укус?

— Укус, — повторила Люси. — Ах да, укус. От укуса началось гниение и стало расползаться по руке. Три монашки меня держали, а священник провел первую ампутацию.

Брайар поежилась:

— *Первую?*

— Ага. Потому что одной оказалось недостаточно. Они отрезали только кисть, по запястье. Во второй раз пришли с пилой и взяли выше локтя, а в третий отхватили по самое плечо. Ну и что ж, зато помогло. Все три раза после ампутации я бы-

ла на грани смерти. Каждая рана не затягивалась неделями, и мне уже хотелось, чтобы болезнь взяла свое. Или чтобы меня кто-нибудь пристрелил — у меня самой тогда сил не хватило бы.

Она замялась. А может, то была всего лишь усталость.

Брайар все же спросила:

— А что случилось потом?

— А потом я пошла на поправку. Чтобы снова почувствовать себя человеком, понадобилось года полтора. А как выздоровела, все мысли были об одном: что надо теперь вернуться и позаботиться о Чарли. Даже если это означало бы пустить ему пулю в глаз. Он такого не заслужил.

— Но к тому времени появилась стена.

— В точку. И все-таки, как вы сами убедились, попасть в город можно и другими путями. Я пробралась через канализацию, точно как ваш сын. И так уж вышло, что осталась тут.

— Но… — Брайар покачала головой. — Как насчет второй руки? И протеза?

— Второй-то? Ну… — Люси опять заворочалась, и пуховый матрас с одеялом хором зашуршали. Зевнув во весь рот, она на выдохе затушила свечу возле кровати. — Вторую руку я потеряла два года спустя, в подполье. Взорвалась одна из новых

печей; трех китайцев, которые ее обслуживали, убило, четвертый остался слеп. А мне зацепило руку раскаленным обломком металла, и дело с концом.

— Господи! — вымолвила Брайар и, подавшись вперед, загасила оставшуюся свечку. — Это ужасно, Люси. Мне очень жаль…

Из темноты донесся голос:

— Вашей вины тут нет. И ничьей, кроме моей, — что торчу здесь столько лет… В общем, тогда у нас уже был наш проказник-доктор, и он привел меня в порядок.

Брайар услышала шелест фланели — ее соседка укладывала ноги поудобнее.

Люси издала еще один зевок, увенчав его довольно высокой нотой — ни дать ни взять свисток на чайнике.

— Прежде чем приступить, он хорошенько пораскинул мозгами. Схемы чертил, рисунки и все такое. Для него собрать меня заново было вроде игры. Когда работы завершились, он показал мне готовую штуковину, и я пожалела, что не умерла. Она выглядела такой странной, такой тяжеленной… Казалось, я и поднять-то ее не смогу, не то что управляться с ней.

И доктор не сказал мне, как собрался ее ожив-

лять. Он предложил мне выпить, я согласилась. И сразу в обморок, а проснулась от собственных криков. Доктор и один из его подручных пристегнули меня ремнями к столу, вроде как у хирургов, и сверлили деревянным буром дырку в кости.

— Боже, Люси…

— Это было куда хуже, чем все ампутации, — да что уж, хуже даже, чем обе руки потерять. Но теперь… — Она то ли повернулась на бок, то ли снова пошевелила рукой — та бренькнула под одеялом. — Теперь я рада, что она у меня есть. Хоть и недешево мне обошлась.

В последних словах барменши, с которыми та и заснула, Брайар уловила намек на что-то очень нехорошее, но час был поздний, и сил на дальнейшие расспросы у нее не осталось. Очутившись за стеной, она только и делала, что бегала, карабкалась куда-то, пряталась, и при этом не нашла никаких следов Зика, которого могло уже и не быть на свете.

Пока Брайар боролась со своим беспокойным разумом, у нее забурчал желудок — и она поняла, что не может вспомнить, когда в последний раз ела. От одной только мысли о примитивнейшей из потребностей ее живот порывался самостоятельно отправиться на поиски пищи. Но хозяйка

понятия не имела, куда идти, так что крепко обхватила его и свернулась в клубочек, решив для себя, что утром обязательно справится насчет завтрака.

Брайар Уилкс была не из тех женщин, кто много молится, и не могла сказать, так уж ли верит в того Бога, имя которого поминает временами всуе. И все же, закрыв глаза и стараясь не обращать внимания на прерывистый писк отопительных труб, она попросила небеса помочь ей и сыну.

…которого, как знать, могло уже и не быть на свете.

А потом она проснулась.

Это произошло так неожиданно, что Брайар растерялась: может, у нее помутился рассудок и она даже не засыпала? Но нет — что-то изменилось. Насторожив уши, она не уловила никаких признаков, что Люси в комнате. А в щель под дверью просачивался мутный оранжевый свет.

— Люси? — шепнула она.

Ответа не было. Тогда Брайар принялась шарить вокруг себя, пока не нащупала свечу и рассыпанные кем-то спички.

При свете свечи ее догадки подтвердились: никого не было. На матрасе, где прежде лежала Люси, зияла вмятина в форме полумесяца. Тру-

бы утихли, но на ощупь — Брайар коснулась их тыльной стороной руки — оказались теплыми. В комнате было уютно, но пустовато, и ее одинокая свеча не помогала разогнать мрак.

Обнаружив возле умывальника керосиновую лампу, она зажгла ее, а свечу оставила на прикроватном столике. В рукомойнике была вода. Один ее вид вызвал у Брайар такую жажду, что она почти уже начала пить, но остановилась, вспомнив о бочках с более свежей водой, дожидавшихся ее в коридоре.

Наскоро умывшись, Брайар натянула ботинки и вновь нацепила кожаный пояс. Сейчас ей даже нравилось чувствовать его на теле: он создавал иллюзию защиты, а когда наваливалась усталость или страх, помогал держаться прямо.

Дверь закрывалась изнутри. Это объясняло, как Люси сумела покинуть комнату без посторонней помощи. Брайар толкнула дверь, и та с щелчком отворилась. На стенах коридора через каждые несколько шагов были установлены небольшие факелы.

С какой же стороны они пришли? Непонятно.

Слева, подумалось ей.

— Ну слева, так слева, — сказала она себе под нос.

Котельной видно не было, зато вскоре стало слышно.

Рев печи стих, мехи прекратили работу и потихоньку, пощелкивая да посвистывая, остывали. А жаркое, как лава, пламя зрело себе внутри, пока машинерия отдыхала.

Бочки, как и обещал Свакхаммер, стояли у самого входа. На подвешенной рядом полке в беспорядке валялись деревянные кружки.

Бог знает, когда их в последний раз мыли, но она запретила себе привередничать — схватила ту, что была почище других, и сняла крышку бочки. Вода казалась черной, но только из-за теней. Качеством она не отличалась от той, что получали у них на водоочистной станции, так что Брайар осушила кружку до дна.

Пока желудок с хищной радостью впитывал жидкость, чуть ниже в ее животе что-то забулькало, побуждая на поиски уборной. В конце прохода обнаружилась дверь; Брайар проверила, что за ней, — и вышла несколько минут спустя, чувствуя себя лучше, чем перед сном.

Было и другое чувство — слежки. Она не могла понять его причины, пока не сообразила, что откуда-то поблизости доносятся голоса. У нее всего лишь перепутались ощущения — когда еле-еле

различаешь чужую речь и когда подслушивают тебя саму. Если не шевелиться, можно было кое-что разобрать. А стоило сделать шажок вправо, слышимость улучшилась в разы.

— Плохая мысль.

Люси. Тон ее граничил с откровенно воинственным.

— Не обязательно. Можно сначала спросить ее.

— Мы с ней пообщались. Вряд ли она согласится.

Второй голос принадлежал Свакхаммеру — без маски.

Он повторил:

— Ну *спросить-то* ее можно. Не ребенок, сама за себя в ответе. Из этого может выйти толк — вдруг она скажет наверняка?

— Она и так уже уверена, что наверняка все знает, и сейчас у нее полно других забот, раз уж мы вспомнили о детях, — возразила барменша.

Скользнув за угол, Брайар прижалась спиной к стене рядом с приотворенной дверью.

— По-моему, она знает больше, чем говорит. И если это так, то не годится вытягивать из нее правду, — подытожила Люси.

Свакхаммер помолчал.

— Не надо ничего ни из кого вытягивать. Чуть

только она увидит его, а он ее, все сразу станет ясно. Он не сможет больше прятаться под маской другого мошенника; и у тех, кто сейчас его боится, появится повод выйти против него.

— Или же он попытается убить ее за то, что слишком много знает. А заодно и меня, раз уж я ее поведу.

— Тебе руку нужно чинить, Люси.

— Я об этом думала. Наверное, попрошу Хоцзиня. Тоже смыслит во всякой механике. Когда в прошлом месяце встали печи, исправлял все он. И еще починил карманные часы Кальмара. Умный паренек. Может, он сумеет привести ее в порядок.

— Китайцы, китайцы… Будешь и дальше водить с ними дружбу, поползут слухи.

— Да пусть ползут сколько угодно. Нам не обойтись без этих людей — и тебе это известно не хуже меня. Без китайцев мы и с половиной здешнего оборудования не управимся. Факт.

— Факты фактами, а меня они тревожат. Больно уж похожи на этих чертовых ворон, которые торчат на крышах: понять их невозможно, лопочут что-то между собой… Может, они за тебя, может — против, но ты ни в жизнь не узнаешь, пока уже не станет слишком поздно.

— Ты идиот, — сказала Люси. — Если ты их не понимаешь, это еще не значит, что они строят против тебя козни.

— А как насчет Яо-цзу?

Фырканье.

— Нельзя же судить все стадо по одной паршивой овце. Если бы я так делала, то больше ни одному бы мужику доброго слова не сказала. Так что хватит важничать, Иеремия. И не донимай миссис Уилкс нашим доктором. Она и *о нем-то* разговаривать не хочет, а уж с *ним* не захочет и подавно.

— Ну вот, видишь! Сама избегает этой темы, а ведь далеко не глупа. Ей, должно быть, любопытно. Если мы ее попросим, то вдруг она решит…

Просунув в проем ногу, Брайар отворила дверь. Свакхаммер и Люси оцепенели, словно их застали за чем-то непристойным. Они сидели друг напротив друга за столом, сервированным миской с фигами и горкой кукурузных початков.

— Спрашивайте меня о чем хотите, — предложила она, но правдивых ответов обещать не стала. — Видимо, пора нам всем выложить карты на стол. Я хочу поговорить об этом вашем докторе; хочу, чтобы Люси починили руку; хочу съесть фигу — так я даже пирога на Рождество не

хотела; но больше всего я хочу найти своего сына. Он пробыл тут… сколько же, интересно? Никак не меньше двух дней, а ведь он совсем один, и… может быть, его уже нет в живых. Но в любом случае я его здесь не оставлю. Только одной мне в городе делать нечего. Мне нужна ваша помощь. И я готова помочь вам.

Свакхаммер взял с верха кучки толстую спелую фигу и кинул ее Брайар. Она умяла плод в два счета, почти не пережевывая, и уселась возле барменши, лицом к Свакхаммеру — из подозрения, что его легче будет раскусить.

Люси покраснела, но не от злости. Ей было неловко, что ее поймали за сплетнями.

— Милая, я и не думала судачить за вашей спиной. Но Иеремия тут носится с одной нехорошей идеей, и мне не хотелось, чтобы она дошла до ваших ушей.

Брайар отчеканила:

— Он желает, чтобы я была с вами, когда вы пойдете к Миннерихту просить насчет руки.

— Да, примерно так.

Поигрывая кукурузным початком, Свакхаммер подался вперед и сделал серьезное лицо:

— Вы должны понять: стоит вам поглядеть на него и сказать, что это не Блю — или все-таки он,

люди сразу вам поверят. Если Миннерихт — ваш бывший муж, то мы будем вправе обвинить его в том, что случилось с городом, и вышвырнуть отсюда. Сдадим властям, а дальше пусть сами разбираются.

— Вы же не серьезно. — Вопрос у Брайар превратился в утверждение.

— Да куда уж серьезней! Вообще, его могут просто вытащить на улицу и скормить трухлякам… за всех я отвечать не могу. Но у меня что-то не появилось ощущения, что вы за него переживаете.

— Ни в малейшей степени.

Угостившись еще одной фигой, она сделала большой глоток из чашки, которую до сих пор таскала с собой. Свакхаммер достал из ящика за стулом мешочек сушеных яблок, и Брайар с радостью на них набросилась.

— Тут вот какое дело, — произнес здоровяк, опять нацепив на лицо серьезную мину. — Миннерихт, он… он гений. Настоящий гений, bona fide,[22] а не шут какой-нибудь из бульварных романчиков. Только чокнутый. И ведет себя так, будто здесь его королевство, все десять-двенадцать лет, что пробыл тут… с тех пор как смекнул,

---

[22] Примечания: 22
Истинный, без обмана *(лат.)*.

что мы нуждаемся в нем.

Судя по тому, как Свакхаммер замялся на слове «нуждаемся», эти речи не доставляли ему удовольствия. Однако он продолжил:

— Поначалу все было нормально. С организацией у нас как-то не складывалось — жили как в сумасшедшем доме, потому что многих хитростей еще не знали.

Люси поддержала его:

— Нормально, нормально. Держался он наособицу, не беспокоил никого, а когда хотел, мог и помочь. Некоторые китайцы считали его чуть ли не волшебником. Правда, — добавила она тут же, — быстро перестали.

— Что же изменилось? — спросила Брайар с набитым ртом. — И есть тут еще что-нибудь съестное? Не хочу показаться грубой, но я умираю с голоду.

— Минутку.

Свакхаммер встал и направился к штабелю ящиков, которые заменяли здесь буфет. Пока он рылся в них, Люси продолжила:

— А изменилось то, что люди сообразили, как делать на Гнили хорошие деньги, перегоняя ее в желтуху. И под «людьми» я имею в виду самого доктора Миннерихта. Мне говорили, он экспери-

ментировал с газом, пытался сотворить из него что-нибудь безвредное. А может, и не пытался. Знает лишь он.

Здоровяк наконец обернулся. В руках у него был завязанный мешочек, который миг спустя шлепнулся на стол перед Брайар.

— Что это? — поинтересовалась она.

— Вяленый лосось, — объявил мужчина. — Только Люси кое о чем умалчивает: Миннерихт начал испытывать препарат на своих друзьях-китайцах. Выдавал, наверное, за опиум. Но в итоге многих поубивал, и тогда остальные обозлились на него.

— Кроме Яо-цзу, — заметила барменша. — Он правая рука доктора и ведет у них все дела. Коварен, как змея, и в чем-то даже умнее Миннерихта, честное слово. Эти двое построили на желтой гадости маленькую империю и деньги гребут лопатой, но вот на что их тратят — бог знает.

— Здесь, под землей?

Брайар взяла кусок лососины и вгрызлась в него. Пить захотелось еще больше, но ее это не останавливало.

— Так и я о том же, — кивнула Люси. — Деньги здесь мало чего стоят. У нас в ходу лишь то, что можно выменять на еду и чистую воду. И вокруг

до сих пор полно домов, где остались хорошие вещи. Стена стеной, а не могли же мы прочесать тут каждый дюйм. Как я подозреваю, деньги у него уходят на металл, на всякие детали, шестеренки и все такое прочее. Делать машины из воздуха он пока не умеет, а от металла с поверхности, как правило, никакого толку.

— Почему?

Ответил Свакхаммер:

— Из-за воды и Гнили все ржавеет с невероятной скоростью. Если металлические детали хорошенько смазывать, можно замедлить процесс. А у Миннерихта есть какая-то особая глазурь — вроде гончарной, — которая неплохо защищает сталь.

— Он безвылазно сидит на Кинг-стрит, — сообщила Люси. — Сам себя объявил королем и улицу так же назвал.[23] Туда никто особо не суется. Хотя поблизости до сих пор живет кое-кто из китайцев — на границе их старого квартала.

— Но большинство переселилось поближе к холму — надоело, что с ними обращаются как с крысами, — добавил Свакхаммер. — А суть-то в чем, миссис Уилкс: доктор Миннерихт контро-

---

[23] Примечания: 23
King *(англ.)* — король.

лирует почти все, что происходит в городе. И все воздушники — Клай, Броли, Гринстед, Уинлок, Хейни и так далее — тоже подчиняются ему. Чтоб вывозить отсюда Гниль, нужно платить доктору налог; и всем химикам, которые потом вываривают отраву на Окраине, приходится отваливать денежки за рецепт. А еще ведь есть перевозчики, распространители — они все тоже ему должны. Для каждого у него находится кредит — мол, отдашь потом из прибыли. Но как-то так получается, что никто еще пока не сумел расплатиться с ним до конца. Всплывают проценты, комиссии и прочие фокусы, и в результате человек понимает, что принадлежит ему с потрохами.

Взгляд Брайар остановился на одинокой и бесполезной теперь руке Люси.

— Даже вы.

Барменша заерзала.

— Прошло уже… сколько я там сказала? Тринадцать-четырнадцать лет, не иначе. А ему все мало. Всегда выясняется, что я еще что-то должна. Деньги, сведения, и так до бесконечности.

— А если откажетесь отдавать?

Люси скривила рот, губы ненадолго приникли друг к другу и снова разошлись.

— Он придет и заберет ее. — Она торопливо

добавила: — Вы небось думаете, что еще не повод впрягаться в кабалу к старому мерзавцу, но у вас есть две отличные руки, а у меня без этой машины и одной-то нет.

— А Свакхаммер?

Помявшись, тот заговорил:

— Здесь не так-то просто выжить без некоторых вещей. Прежде чем у меня появилась эта броня, я столько раз висел на волоске от гибели, что и не сосчитать. А перед этим потерял племянника и брата. В подполье свои порядки. Мы… мы тут занимаемся такими делами, что… если о них узнают на Окраине, то мигом окажемся пред очами судьи. Миннерихт и на этом играет. Угрожает, что всех нас вышвырнет и оставит на милость закона — какого уж ни есть…

Люси заметила с ехидцей:

— А Мейнард на том свете. Так что нет за стеной ни одной шишки, которой мы могли бы довериться вот хоть на столечко.

Свакхаммер возвратился к исходной мысли:

— Но если вы подтвердите, что это Блю, то у людей появятся кое-какие козыри против него. Понимаете?

Брайар опрокинула кружку, дала последним каплям стечь в рот и со стуком поставила ее на

стол.

— Вот вам бредовый вопросик. А его-то самого кто-нибудь спрашивал? В смысле, мог ведь кто-нибудь подойти к нему и брякнуть: «А ваше имя и вправду Миннерихт? Может, вы все-таки Левитикус Блю?»

— Принесу вам еще, — сказал Свакхаммер, после чего забрал у нее кружку и вышел из комнаты.

Люси кивнула:

— Ну, люди пытались. Ничего не отрицает, ничего не подтверждает. Ему же того только и надо, чтобы слухи расползались. Хочет всех нас посадить на короткий поводок, а чем меньше мы о нем знаем и чем больше его боимся, тем лучше ему.

— Да он просто душка, — вздохнула Брайар. — Я по-прежнему уверена, что это не Леви, но слеплены они, похоже, из одного теста. Пожалуй, я все-таки пройдусь с вами, Люси. Может быть, доктор даже и не слышал обо мне. Вы говорили, он объявился здесь уже после строительства стены, так что вряд ли он из местных.

Вернулся Свакхаммер с полной кружкой воды и в сопровождении китайца преклонных лет, вежливо заложившего руки за спину.

— Вот ваша вода, миссис Уилкс, а для вас, миссис Люси, имеются новости. Пообщайтесь с ним. Никак не могу разобрать, что он там лопочет.

Люси отбарабанила какую-то фразу — то ли сесть предложила, то ли перейти к делу; старик ответил цепочкой звуков, за которой не в силах был уследить никто из присутствующих, кроме нее. Закончив свою тираду, китаец выслушал ее благодарности и вышел — так же тихо, как вошел.

— Ну что? — спросил здоровяк.

Люси встала из-за стола.

— Говорит, что только-только вернулся из восточного туннеля, был у «Мейнарда». Утверждает, будто видел там знак — черный отпечаток ладони. И нам всем известно, что это означает.

Брайар непонимающе уставилась на них, и Свакхаммер пояснил:

— Это означает, что доктор берет на себя ответственность за дело рук своих. И дает понять: трухляки были подарком *от него.*

19

Мучась от звона в ушах, Зик молотил ногой по люку, пока зазор не стал достаточно широк, чтобы пропустить его в город, куда ему совсем не хотелось. Но при прочих равных условиях он предпочел бы раствориться во мгле, а не сидеть в гондоле с воздушниками, которые уже расстегивали ремни на креслах и со стонами пересчитывали ушибы.

Загадочного тихони-китайца было не видать, пока Зик не обнаружил, что тот стоит рядом с капитаном и поглядывает на нежданного пассажира одним глазом.

— И куда это ты направился? — спросил капитан.

— Было весело, но теперь мне пора, — отозвался Зик, старательно изображая невозмутимость и удаль.

По его мнению, фраза прекрасно годилась на роль прощальной, однако ширины люка все-таки не хватило. Он просунул ноги в щель и заработал ими, как рычагами.

Капитан поднялся с перекошенного кресла и

шепнул что-то Фаню; тот кивнул. Затем хозяин корабля поинтересовался:

— Как тебя зовут, мальчик?

Зик не ответил — он как раз перелезал через край люка, оставляя кровавые отпечатки на каждой поверхности, которой касались его руки.

— Мальчик! Фань, хватай его, он ранен… мальчик, ты что?

Но Зик уже был снаружи. Спрыгнув на землю, он плечами приналег на дверцу, и ту снова заклинило — лишь на время, но ему и не требовалось больше, чтобы неровной побежкой кинуться прочь.

Вслед ему из нутра искалеченного дирижабля понеслись крики; Зик мог бы поклясться, что кто-то позвал его по имени.

Чушь. Он не успел им представиться.

Скорее всего, там выкрикивали какое-то другое слово, которое он в смятении принял за свое имя.

Мальчик завертел головой по сторонам, и перед глазами у него все поплыло, однако ничего особенного разглядеть не удалось. Его окружали стены; сперва он подумал, что городские, но нет — эти были пониже и сложены не из камня, а из монолитных бревен с заостренными верхуш-

ками. Прогалы между ними заделали другими материалами, и все вместе сливалось в единое целое.

На корабле упоминали какой-то форт.

Порывшись в памяти, Зик припомнил карту города, а затем и форт Декейтер. В трудные времена поселенцы укрывались в нем от местных племен. Может, это он и есть?

Казалось, частокол можно было повалить одним щелчком. Бревна мариновались в сыром, а впоследствии и ядовитом воздухе сотню лет — если одуревший вконец Зик не ошибся с датой. Целый век прошел, стены уже крошились на труху и щепки, но все-таки стояли. И вскарабкаться на них было никак нельзя.

Все вокруг застилал смертоносный туман, видимость ограничивалась полудюжиной шагов. Мальчику опять не хватало воздуха; сбившись с ритма, он часто и хрипло дышал под маской. Как и прежде, чесалось лицо, а каждый вдох отдавал желчью и тем, что было у него в последний раз на обед.

Где-то у него за спиной, во мгле, дубасили ногами по металлу. Скоро матросы вышибут люк. Скоро за ним придут.

Все эти «скоро» пугали его, а ноздреватые сте-

ны, вдоль которых он пробирался на ощупь, оставались ровными и голыми. Зик шарил руками по дереву, растопырив пальцы, хотя те и болели нещадно то ли от ушибов и переломов, то ли просто от перенапряжения. Пальцы исследовали каждую трещинку, выискивая прощелину, дверь или еще какой-нибудь способ попасть на ту сторону. Он был не особо крупным подростком. И смог бы протиснуться в самое узкое отверстие, если бы возникла такая необходимость, но вдруг, без лишнего шума…

…такая необходимость отпала.

Маску Зика сграбастала чья-то рука — до того сильная, что даже не верилось, — оторвала от земли и прямо за голову втянула в укромную нишу, во мраке которой можно было спрятать что угодно.

На них двоих — мальчика и обладателя рук — темноты хватило. А руки эти, при всей их пухлости, были словно железные.

От сопротивления Зик отказался по двум причинам. Во-первых, все свидетельствовало, что толку из этого не выйдет: державший его человек был сильнее, выше и дышал ровно, не борясь с тошнотой или обмороком, — иными словами, преимущество целиком было на стороне про-

тивника. А во-вторых, его ведь сейчас могли и спасать. Он же сам не хотел, чтобы его нашли люди с дирижабля, а меж тем они выбрались из кабины и с руганью приступили к осмотру повреждений. От ниши их отделяло ярдов пятьдесят.

Когда мальчик уже смирился с мыслью, что сейчас они пустятся его искать, найдут и уволокут на свою подбитую посудину, руки потащили его куда-то назад и вбок.

Зик старался облегчить их задачу, но лучше всего у него получилось спотыкаться и запинаться, поскольку вокруг было черным-черно. Послышался тихий скрип, и плеч его коснулся холодный сквозняк.

Осталось сделать еще несколько шагов, еще разок запутаться в собственных ногах… и дверь закрылась за ним. Он очутился в небольшом помещении с лестничным маршем и парой свечей, мерцавших над перилами.

Похититель или спаситель — поди разбери — отпустил его и позволил обернуться. Зик не представлял, с кем имеет дело и рискует ли чем-нибудь, так что решил попытать счастья:

— Спасибо, сэр. По-моему, те парни хотели меня прикончить!

На него с прищуром уставилась пара узких

карих глаз. За этими темными щелочками стоял спокойный ум, но понять их выражение было невозможно. Обладатель их молчал, глядя на мальчика сверху вниз, — тот был ниже на полголовы. Незнакомец длиннотелый и длиннорукий, и руки эти скрестил сейчас на груди. Одежда его напоминала пижаму, но была совершенно чистой, без единой складки — и за все время, проведенное в городе, Зику не попадалось ничего белее.

Мужчина по-прежнему хранил молчание. Все больше нервничая, Зик промямлил:

— Ну они ведь и вправду собирались меня убить… А вы… вы ведь не собираетесь, а?

— Как тебя зовут? — с еле заметным иностранным акцентом спросил мужчина.

— Это сегодня популярный вопрос, — заметил мальчик. А потом добавил, потому что стоял лицом к лицу с этим сильным и странным человеком: — Зик меня зовут. Зик Уилкс. И я никому не пытаюсь навредить. Просто хотел выбраться из города. У меня почти забились фильтры в маске, долго я здесь не протяну. Вы… вы можете помочь мне?

Последовала долгая пауза. Наконец мужчина произнес:

— Да, я могу тебе помочь. Идем со мной, Зик Уилкс. Кажется, я знаю одного человека, который охотно повидается с тобой.

— Со мной? Почему со мной?

— Из-за твоих родителей.

Зик застыл как вкопанный, стараясь унять громыхавшее в груди сердце.

— А что с ними не так? Я никому не хотел неприятностей. Я всего лишь искал… я хотел… Слушайте. Из-за моего папы у вас тут начались всякие проблемы, и героем его никто как бы не называет, но…

— Возможно, тебя ждет сюрприз, — небрежно обмолвился незнакомец и указал на лестницу, упиравшуюся подножием в коридор. — Сюда, Зик.

И Зик поплелся следом, хотя ноги у него подкашивались от истощения, страха и ран.

— Как это понимать? Что за сюрприз? Кто вы такой и откуда вы знали моего отца?

— Меня зовут Яо-цзу, и я не был знаком с человеком по имени Левитикус Блю. Зато знаком с неким доктором Миннерихтом, который, уверен, много чего может тебе рассказать.

Он повернул голову, встретившись с мальчиком глазами.

— А с чего вы взяли, что я стану у него что-то спрашивать?

— Передо мной сейчас юноша известного возраста. По моему опыту, юноши известного возраста имеют склонность сомневаться в мире и в том, что им рассказывали о нем. Подозреваю, наш чудак-доктор окажется для тебя весьма… интересным подспорьем в поисках.

— Слыхал о нем, — осторожно вставил Зик.

— Давно ли ты здесь? — поинтересовался Яо-цзу, завернув за угол и остановившись перед большой дверью, защищенной шторками и герметичными накладками.

Он поднял засов и с силой потянул на себя — дверь со свистящим шорохом покинула раму.

— Не знаю. Не так уж долго. День-два, — сказал мальчик, хотя по его ощущениям прошла целая неделя.

Яо-цзу жестом предложил Зику войти. По ту сторону проема горел свет, так что свечу он оставил в специальной выемке на стене.

— Если ты провел здесь хотя бы час, разумно ожидать, что ты слышал о нашем докторе.

За дверью Зика встретил довольно сильный сквозняк. Китаец вошел вслед за ним.

— Он что, такая важная персона?

— О да, очень важная, — ответил Яо-цзу без тени восхищения в голосе.

— И вы на него работаете?

Мужчина ответил не сразу:

— Можно сказать и так. Мы в каком-то смысле партнеры. Он великий мастер по части электричества, механики и пара.

— Ну а вы? — спросил Зик.

— Я? — Он издал какой-то негромкий звук — то ли «хм», то ли «ох». Затем проговорил: — Я деловой человек, скажем так. И дело мое — блюсти согласие и порядок, чтобы доктор мог спокойно воплощать свои замыслы. — И тотчас сменил тему: — Еще одна дверь, и сможешь снять маску. Они тут все с изоляцией, сам понимаешь. Приходится беречь чистый воздух.

— Ага. — Мальчик понаблюдал, как еще одна дверь отлипает от рамы. За ней располагался уже не коридор, а небольшая комната с многочисленными лампами, заливавшими светом все четыре угла. Он продолжил расспросы: — Так вы здесь вроде как шериф?

— Вроде как.

— У меня дедушка служил в полиции.

— Знаю, — сказал Яо-цзу. Затворив за собой дверь, он снял маску и явил миру лысую как

коленка голову и чисто выбритое лицо. Лет ему можно было дать и двадцать пять, и пятьдесят пять. — Свою тоже можешь снять. Только осторожно, — добавил он, указав пальцем на голову мальчика. — Кажется, ты поранился.

— Вот ведь повезло, что у вас тут есть доктор.

— И в самом деле повезло. Идем. Отведу тебя к нему.

— Что, сейчас прямо?

— Сейчас.

Ничего похожего на просьбу Зик не услышал. Он услышал приказ и понятия не имел, как теперь отвертеться. Конечно же, ему было страшно из-за того, что поведала Анжелина, брызжа слюной и яростью; а еще он нервничал, потому что этот невозмутимый китаец чем-то тревожил его, и чем именно, понять никак не удавалось. Яо-цзу был предельно вежлив, но сила его хватки и веский тон отнюдь не свидетельствовали о миролюбии и склонности к долгим уговорам.

Этот человек привык, чтобы ему подчинялись. А Зик был не из тех мальчиков, которые любят подчиняться.

Однако в желудке засел ком тошноты, а в груди саднило даже сейчас, когда надо было всего лишь дышать. И кто знает, что случится, если он

бросится в драку или в бегство. О побеге можно подумать потом, а сейчас лучше снять маску. И пока на этом все.

Воспаленная кожа вдоль ремешков чесалась, свербела и горела, словно ее натерли перцем, но вот наконец маска вместе со всеми пряжками и застежками отлепилась от лица. Бросив ее на пол, Зик впился в покрасневшие места ногтями.

Яо-цзу решительно перехватил его руку и отвел в сторону:

— Не чеши. Только хуже сделаешь. Доктор даст тебе мазь, и постепенно жжение пройдет. Первый раз в маске?

— Так долго — да, — признался он, опуская руки, которые сами тянулись наверх.

— Оно и видно. — Подняв маску, китаец принялся ее изучать — повертел в руках, проверил щиток и затворы фиксаторов. — Старая модель. И надо бы ее почистить.

Зик скривился от отвращения.

— Мне ли не знать. — И сразу же спросил: — А куда мы направляемся?

— Вниз. В подземелье под старым вокзалом, который не успели запустить. — Он смерил оценивающим взглядом поношенную одежду Зика и его нестриженую шевелюру. — Полагаю, здешние

удобства покажутся тебе исключительными.

— Исключительными?

— Именно. Мы устроили здесь уютное жилище. Вероятно, ты будешь удивлен.

— Пока что я тут видел одно старье да рухлядь.

— Ах, но ты ведь еще не бывал на вокзале?

— Нет, сэр.

— Ну что ж, позволь тогда считать тебя моим гостем.

Он подошел к стене и дернул за какой-то рычаг. Загремели невидимые цепи, заворочались шестеренки. Стена перед Зиком отъехала в сторону, и его взору предстал величественный зал, залитый светом.

А еще там было полным-полно мрамора и меди и скамей из полированного дерева с мягкими вельветовыми сиденьями. На полу была выложена мозаика из плитки и металла. Куда ни глянь, все блестело — каждый кусок хрусталя, каждая свеча. Однако, присмотревшись к источникам света, Зик понял, что горели они без всякого пламени, — все было не так просто. И на сводчатом потолке не виднелось ни пятнышка копоти.

Участок стены у него за спиной как влитой встал на место. Переведя наконец дыхание, Зик спросил:

— А что это за светильники там наверху? Что в них горит? Я не чувствую запаха газа, и дыма тоже нету.

— В них горит будущее. — Ответ прозвучал загадочно, но сказано это было не для красного словца. — Нам сюда. Я приготовлю для тебя комнату и ванну. И спрошу доктора, нет ли у нас какой-нибудь запасной одежды, ну и еды с водой. Тебе выпала череда нелегких дней, и они были немилостивы к тебе.

— Спасибо, — сказал мальчик без всякой искренности. Но мысль о еде была ему по нраву, а пить хотелось так, как никогда в жизни, — хотя он и не замечал этого, пока речь не зашла о воде. — Это место прекрасно, — добавил он. — Вы правы. Я удивлен. Я… под впечатлением.

— Этому месту легко быть прекрасным. Его никогда не использовали в качестве вокзала. Когда сюда пришла Гниль, строительство было еще не завершено. Мы с доктором кое-что здесь доделали по мелочи — вроде этого зала ожидания. Необходимые материалы тут уже имелись. Вокзалу оставалось недолго до совершенства, но кое-что потребовалось *реконструировать*.

Он указал на потолок, где были в ряд установлены три гигантские трубы с вентиляторами.

Сейчас лопасти не вращались, но Зик представил, какой феноменальный шум они производили во время работы.

— Они для воздуха?

— Да, молодец. Для воздуха. Вентиляторы включаются лишь на несколько часов в день, потому что больше и не надо. Мы забираем воздух над загазованными районами, над уровнем города. Трубы и шланги выходят за край стены. Потому-то здесь и можно дышать. Но это помещение мы считаем нежилым. Спальни, кухни и туалеты у нас вон в той стороне.

Зик чуть ли не с нетерпением зашагал следом — так интересно было, что там дальше. Но перед тем как они покинули сверкающий зал с высоким потолком, мальчик заметил на дальнем его конце дверь. Как и все остальные, она была хорошо изолирована, но к обычным мерам безопасности прилагались железные распорки и тяжеленные замки.

Яо-цзу завел Зика в металлическую корзину площадью с садовый туалет, закрыл невысокую дверцу и потянул за ручку на цепи. Вновь послышался шум механизмов, оживающих с гулким металлическим лязгом.

И платформа ушла вниз — не как подбитый

дирижабль, а как хорошо настроенная машина, выполняющая четкую задачу. Зик схватился за дверцу.

Когда корзина остановилась, Яо-цзу помог ему выйти и, положив руку на плечо, повел направо по коридору. С каждой стороны имелось по две двери, и все они были выкрашены в красный цвет и снабжены глазками размером с пенни — то ли чтобы заглядывать внутрь, то ли чтобы выглядывать наружу.

Крайняя дверь открылась сразу, без ключа. Зика это смутило. Должен ли он радоваться, что его не станут — по всей видимости — запирать? Или тревожиться, что к нему в любую минуту могут войти?

Впрочем, сама комната была приятной — таких он раньше и не видывал. Пухлый матрас на кровати, толстые одеяла. На потолке и столиках — яркие лампы. На дальней стене красовался карниз, с которого свисали роскошные длинные гардины. Мальчику это показалось странным. Он таращился на них, пока Яо-цзу не сказал:

— Нет-нет. Никакого окна там нет, разумеется. Сейчас мы в двух этажах под землей. Просто доктору нравятся гардины. Что ж, располагайся поудобнее. В углу есть умывальник. Воспользуй-

ся им. Я доложу о тебе доктору. Уверен, твоими ранами он займется лично.

Зик начал умываться, превращая воду в густой раствор сажи. Когда доступный ему предел чистоты был достигнут, он минут пять побродил по комнате, перетрогав все симпатичные вещички, какие попадались на глаза. Яо-цзу не лгал: окна за шторами не было — даже заложенного кирпичами. Одна лишь голая стенка, обклеенная теми же обоями, что и все прочие.

Он взялся за дверную ручку. Та с готовностью повернулась.

Высунув голову за дверь, Зик никого и ничего не увидел, кроме кое-какой мебели у стен и узкой ковровой дорожки, протянувшейся на всю длину коридора. Подъемная платформа стояла на прежнем месте, дверца была открыта.

Идея ясна: уйти ему никто не мешает, при условии что он догадается как… да и вообще захочет. Или же это только видимость. Может быть и такое, что у лифта включится сирена и с дюжины сторон разом в него полетят отравленные стрелы.

Он сомневался в этом, но не настолько сильно, чтобы перейти к действиям.

А потом заметил, что Яо-цзу прихватил с собой

его маску, и оценил ситуацию по-новому.

Зик присел на краешек кровати. Матрас на ней был толще и мягче пуховой перины и пружинил под его весом. Ему все еще хотелось пить, но воду в рукомойнике он испортил, а другой в комнате не нашлось. Болела рана на голове, но как с ней быть, он не имел понятия. А еще ему хотелось есть, но еды тоже не нашлось — и если уж на то пошло, то его больше мучил не голод, а усталость.

Не снимая ботинок, он закинул ноги на кровать. А потом свернулся калачиком, стиснул ближайшую подушку и закрыл глаза.

20

Брайар вышла помыть руки, а когда вернулась, рука Люси уже покоилась на столе в окружении болтов, шестеренок и винтиков. Над запястным суставом возился с масленкой и длинными щипчиками китайский паренек, ровесник Зика — не набралось бы и недельной разницы.

Он взглянул на Брайар сквозь хитроумно устроенные очки: к уголкам оправы крепилась система линз, которые можно было комбинировать на разный лад.

— Брайар! — радостно воскликнула Люси, однако не рискнула даже шевельнуться, памятуя о руке. — Знакомьтесь, это Хо-цзинь, но я зову его Хьюи, и он, кажется, не возражает.

— Не возражаю, мэм, — подтвердил паренек.

— Привет… Хьюи, — сказала Брайар. — Ну как там поживает ее рука?

Он снова нацелил батарею линз на развороченный механизм, уткнувшись в него носом:

— Не очень плохо. И не очень хорошо. Это прекрасная машина, но построил ее не я. Приходится быть осторожным. — На английском он гово-

рил с акцентом, однако не слишком резким, и понимать его это не мешало. — Если бы у меня были медные трубки, то я бы, вероятно, быстро ее починил. Но пришлось импровизировать.

— «Импровизировать», слыхали? — расхохоталась барменша. — Он учится английскому по книжкам. Когда был совсем еще крохой, практиковался на всех нас подряд. И теперь разговаривает так, что большинство мужчин, которых я знаю, ему и в подметки не годятся.

Брайар удивилась, с чего бы это Хьюи занесло в подполье в таком возрасте. И хотела даже спросить, но решила, что это не ее ума дело. И сказала просто:

— Ну что ж, я рада, что у вас есть такой помощник. А не могли бы вы рассказать мне про тот знак в восточном туннеле? Что он означает?

Люси покачала головой:

— Он означает, что Миннерихт обожает метить свою территорию — брызгает повсюду, словно пес. Не понимаю, чем его не устроил «Мейнард». Какое-то время он нас не донимал — вот и решил, наверное, что пора взбаламутить воду, чтобы не забывали о нем. А может, Кальмар опять ему задолжал.

— Мистер Свакхаммер полагает, что меня мог

заметить кто-то из людей Миннерихта, — сообщила Брайар. — Быть может, доктор разозлился, что я не нанесла ему визит, а сразу пошла к вам в кабачок.

Люси не ответила и притворилась, будто наблюдает за Хьюи, — тот уже привинчивал обратно панельку, которую снял с ее руки. Наконец она заговорила:

— Не исключено. У него повсюду шпионы, прах его возьми. И он не мог просто постучать в дверь или оставить записку — какое там! Вместо этого ему надо было натравить на нас мертвецов и сломить, может даже, прикончить одного-двух, чтобы лучше дошло. Интересно, как бы ему понравилось, если бы мы пробрались на вокзал и почикали все его замк***и*** и запоры. Пусть бы разбирался с мертвяками у *себя* на пороге. Это была бы уже война. И может быть, война пошла бы нам на пользу.

Закрутив последний винтик, Хьюи разогнулся и стянул со лба стеклянную махину. Ремешок зацепился за уши и со щелчком расстегнулся.

— Готово, миссис О'Ганнинг. Жаль, не получилось сделать лучше, но это все, что было в моих силах.

— Милый, да это же чудесно — не знаю даже,

как тебя отблагодарить. Если чего-то хочешь, если что-то нужно — говори. В следующий раз, как объявятся воздушники, могу у них заказать.

— Может, еще книг? — предложил он.

— Книг? Будет тебе столько книг, сколько они смогут увезти, — пообещала она.

Подумав немного, паренек спросил:

— А когда возвращается «Наама Дарлинг»? Не знаете?

— Ох, милый, даже и не скажу. А что? Надо что-то передать Фаню?

— Да, мэм, — признался он. — Хотелось бы иметь несколько книжек на китайском, а он должен знать, где их раздобыть. И наверняка сможет какие-то посоветовать.

— Считай, что они у тебя. Во вторник загляну на башню, попрошу за тебя. — Люси осторожно взъерошила ему волосы, и, хотя пальцы ее были лишены гибкости, жест вышел ласковым, как она и рассчитывала. — Хороший ты парень, Хьюи. И большая умница.

— Спасибо, мэм, — сказал он и с поклоном исчез в недрах Хранилищ.

Брайар заметила:

— А он и впрямь неплохо разговаривает.

— Хотела бы сказать, что это моя заслуга, да не

могу. Я всего лишь дала ему книжки, какие были, а учился он уже сам. — Она поводила рукой вправо-влево, потом вверх-вниз. — Думаю, на какое-то время сойдет. Работает не то чтобы идеально, но вполне прилично.

— Значит ли это, что вы расхотели идти к Миннерихту?

— Может, да, а может, нет. Дайте мне несколько часов — посмотрю, как она себя поведет. Ну а что насчет вас? Не пропало еще желание топать до самой Кинг-стрит, чтобы с ним повидаться?

— Кажется, не пропало, — ответила Брайар. — Кроме того, если мистер Свакхаммер прав, то вечно прятаться не выйдет. Доктор знает, что я где-то здесь, и примется усердно меня выкуривать, если сама не явлюсь на поклон. А мне совсем не хочется создавать вам неприятности, Люси.

— Ничего страшного, милая. У нас все время неприятности; если бы не вы, он бы придумал еще какую-нибудь напасть. Знаете что? Позову-ка я Кальмара. Может, он согласится сводить вас в старый банковский район. Никто не ориентируется там лучше его. Если ваш сынок побывал там, то Кальмар найдет следы.

У Брайар поползли брови на лоб.

— Правда? — Она пыталась вспомнить, о

котором из завсегдатаев «Мейнарда» идет речь. — Сухонький такой мужчина, с бакенбардами и козлиной бородкой?

— Он самый. С приветом, но мы тут все такие. Послушайте вот что: в возрасте Хьюи, если не моложе, Кальмар был воришкой. До появления стены он носился с грандиозной идеей: как бы проникнуть во все эти банки. Схемы всякие рисовал, изучил там каждый уголок… ох и бесился же, наверное, когда Костотряс его опередил! — Шевельнув рукой, она поморщилась. — Только поймите меня правильно: парень он надежный. Неглуп на свой лад, любит показать себя любезным. Вредить не станет, в беде не бросит.

— Умеете вы успокоить.

— А то. Но меж тем вам лучше бы поспешить. Скоро начнет темнеть. В это время года на улицах со светом туговато, так что разыщите-ка Кальмара и разведайте обстановку, пока не поздно. Он вас ждет. Я предупредила его, что нужно устроить вам экскурсию по окрестностям, и он был не против.

Брайар застала Кальмара за карточным столом, в обществе Уилларда и Эда. В знак приветствия он дотронулся до шляпы. Так и не решив, уместен ли подобный жест с ее стороны, она ограничи-

лась кивком.

— Здравствуйте. Люси говорит, вы были так любезны, что согласились показать мне банковские кварталы до захода солнца. Это ненадолго, часик-другой.

— Так точно, мэм. Кто как, а я-то и в воскресенье могу поработать. Только вот снаряжение возьму.

Кальмар Фармер был тощ как щепка; одежду его составляли узкие штаны и вязаная кофта на пуговицах, которая до того плотно обтягивала туловище, что можно было без труда пересчитать ребра. Поверх нее проводник Брайар натянул шерстяной свитер; тот успешно скрыл ребра, а вот голова едва-едва пролезла в ворот. Наконец на поверхность вынырнула лысеющая макушка, осененная седоватым пушком, а следом и косматые бакенбарды.

Он улыбнулся, продемонстрировав более или менее полный набор зубов, не часто знавшихся с зубной щеткой. И взял со столика у стены шлем в виде пузыря, в передней части которого была устроена заслонка. Заметив, что женщина смотрит на него с искренним недоумением, Кальмар пояснил:

— Одна из моделей доктора Миннерихта. Он разрешил мне забрать ее, потому что она никому

особо не нравилась и без толку собирала пыль.

— А почему? Шлем вообще на что-то годится?

— Годится. Очень даже годится, но больно уж тяжелый — и фильтры для него вырезать надо вручную. Только я особо не жалуюсь. Мне нравится, какой в нем обзор — почти круговой.

И действительно, выпуклое стекло охватывало половину шлема — от уха до уха. На вид и впрямь удобно.

— Может, со временем он сделает облегченный вариант.

— Я слышал, доктор над чем-то таким работал, но, даже если шлем будет готов, меня к нему и на пушечный выстрел не подпустят. Вы готовы?

Брайар достала респиратор:

— Вполне.

Кальмар надел шлем и сразу приобрел сходство с леденцом на палочке.

— Ну тогда пойдем.

Она зашагала следом, на ходу натягивая маску. А ведь казалось, только-только успела снять… Однако Брайар понимала, что без нее не обойтись, и, вопреки ожиданиям, почти уже начала привыкать к ней.

Они прошли темным лабиринтом коридоров, преодолели пару-тройку паршиво отремонти-

рованных лестниц и спустились на уровень, сплошь заделанный решетками. В уши Брайар ударил машинный гул.

Кальмару нечасто доводилось брать на себя роль гида, и он был довольно скуп на подробности, но на сей раз все же заметил:

— Ставим тут новые фильтры. — Он указал на решетку у себя под ногами. — Эксперимент такой.

— Что за эксперимент?

— Видите ли, чтобы поддерживать чистоту воздуха, нам приходится его закачивать из-за самой стены. Но тот китайчонок говорит, что делать это не обязательно. И что можно с таким же успехом очищать грязный воздух, а не искать чистый. Не знаю, прав он или нет, но кое-кто из наших считает, что попробовать стоит.

— Наверное, перекачивать воздух из такой дали утомительно.

— Еще как, еще как, — согласился он.

Брякая ботинками по решеткам, они в конце концов вышли на площадку с тремя укрепленными дверями. Кальмар поправил свой увесистый шлем и взялся за один из трех рычагов, торчавших из пола.

— Под землей нам ближе не подобраться,

так что выходим здесь, — пояснил он. — Через среднюю дверь. Снаружи ни одну из них не разглядишь. Тут мы работали на совесть. Нужно было законопатить все от и до, потому что газа тут невпроворот.

— Ну еще бы, — сказала Брайар. — В центре его и должно быть невпроворот.

— Фильтры у вас новые?

— Как раз в Хранилищах поменяла.

Кальмар сжал рычаг покрепче и навалился на него.

— Это хорошо. Потому что правило восьми… или как там, десяти часов? В общем, оно тут не работает. Этих фильтров хватит часа на два-три, не больше. Мы выйдем у самого разлома.

— Правда?

— Правда.

Рычаг ушел чуть ли не до пола. Где-то зазвенела цепь, и по контуру центральной двери обозначилась щель.

— Он проходит в аккурат под Первым Банком. Глубже Костотряс уже не зарывался. С воздухом здесь хуже всего, и это *плохая* новость.

— Вы так говорите, будто есть хорошая, — заметила Брайар.

Тем временем дверь со скрежетом отворилась,

открывая путь к разгромленному кварталу, где некогда располагались банки.

— Так есть ведь, есть! — подтвердил он. — И вот она: трухляков тут раза в два меньше, чем в других районах. Газ мигом разъедает плоть, так что они держатся подальше отсюда, а которые не держатся, долго не протягивают. А кстати, неплохо бы вам застегнуть пальто. И перчатки у вас есть?

— Есть, — ответила она, для наглядности пошевелив пальцами.

— Замечательно. Шляпу тоже надвиньте пониже. По самые уши, если налезет. По возможности тело надо закрывать. Иначе получите ожог, — мрачно заключил он. — Это как печку рукой погладить. И волосы тоже начнут линять, а они у вас и так уже золотом отдают.

— Рыжиной, — безразлично поправила она. — Раньше были черными, но из-за ядовитых дождей стали местами рыжеть.

— Заправьте за воротник, если не захватили шарфа. Сбережете шею.

— Хорошая мысль, — сказала Брайар и поступила, как он предложил.

— Ну что, готовы?

— Готова.

Изборожденное морщинами лицо Кальмара подрагивало за неровной выпуклостью смотрового щитка.

— Тогда пошли. Старайтесь не шуметь, но и переживать особо тоже не стоит. Как я уже сказал, мы в основном будем одни. — Он окинул ее «спенсер» пристальным взглядом. — Иеремия говорит, вы отличный стрелок.

— Правильно говорит.

— Это радует. Но да будет вам известно: если дойдет до стрельбы, то стрелять придется, скорее всего, не по трухлякам. У Миннерихта есть друзья… ну или работники, не важно. Иногда они обходят территорию. Мы сейчас на краю границы между китайскими кварталами и старым транспортным депо. Вы же в курсе, что до катастрофы тут строили новый железнодорожный вокзал?

— Да, — откликнулась она и жестом предложила ему идти. — Я слышала, там Миннерихт и живет — под недостроенным вокзалом.

— Ага. Тоже слыхал.

Он налег на дверь, и та отворилась пошире — двигаясь не столько наружу, сколько вверх. И когда створ завалился набок, Брайар сообразила наконец, что через эту дверь не проходят, а вылезают на поверхность.

— А вы его хоть раз видели? — поинтересовалась она. — Ну, доктора Миннерихта?

— Нет, мэм, — ответил Кальмар, не глядя на нее.

— В самом деле?

Он придержал для нее дверь, и Брайар вскарабкалась наверх. Она все еще была под землей, но теперь над головой опасно нависала разрушенная улица. В котлован просачивался жиденький свет послеполуденного солнца.

— В самом, — послышался голос Кальмара. — А почему вы сомневаетесь?

— Да ничего такого. Просто вы говорили, что он подарил вам шлем. И еще мне рассказывали, будто вы бывали у него в должниках. Вот я и подумала, что вы могли его видеть. Любопытно, как он выглядит.

Надо полагать, до него доходили слухи, как и до всех остальных. А поскольку Кальмар не присутствовал при ее беседах с Люси и Свакхаммером, он не мог знать, что у Брайар уже сложилось мнение насчет таинственного доктора.

Ее проводник выбрался следом и отпустил дверь. Затворившись, та стала почти неразличима среди обломков; должно быть, со стороны казалось, словно сама земля разверзлась со скри-

пом петель, чтобы исторгнуть из себя двоих людей.

Кальмар наконец заговорил:

— Пару раз я ему был должен, это факт. Хотя по сути-то — его людям. Одно время я с ними водился. Не очень долго, — торопливо добавил он. — Я никогда не работал на него в полном смысле слова. Но выполнял кое-какие поручения за еду и виски. — Он стоял около двери с таким видом, будто хотел почесать голову, да шлем не позволял. — Когда стены отрезали нас от мира, мы не сразу во всем разобрались. В первые годы было трудно. Ну, сейчас-то тоже нелегко, дело ясное. Но в то время человек готов был умереть за глоток воздуха. В то время мы дрались с трухляками за кожуру от фруктов и тухлое мясо.

— По-другому и нельзя было. Я все понимаю.

— Хорошо, хорошо. Я рад, что вы из таких, понимающих… — Он одарил ее желтозубой улыбкой. — Хотя и ожидал этого. Порода у вас достойная.

Сперва она не уловила смысла его слов, но затем вспомнила, почему ее так быстро приняли здесь.

— Ну… — произнесла она, потому что не представляла, как еще ответить.

Двадцать лет доказывать, что ты не похожа

на своего отца, — и вот теперь его репутация помогает тебе выжить в очень странном месте… Интересно, как бы это понравилось ему самому? В глубине души Брайар подозревала, что отец пришел бы в ужас… но ведь ей уже случалось раз-другой ошибаться на его счет.

Так что она сказала:

— Спасибо за ваши слова.

И больше не задавала никаких вопросов. Лучше молчать, чем слушать его ложь.

— А теперь скажите мне, миссис Уилкс: что, собственно, мы ищем?

— Следы, — сказала Брайар. — Следы моего сына. Любые признаки того, что он мог здесь побывать.

— Что, например?

Пробираясь через обломки, она размышляла над ответом. Гниющие останки деревянных тротуаров выдавались за края растерзанных улиц, и на шляпу ей сыпались трухлявые щепки. Ни ветра, ни звука. Словно ты на дне стоячего пруда. Со всех сторон недвижно висел грязно-желтый воздух. В любую минуту, подумала Брайар, мир может застыть, и она останется здесь навсегда, завязнет в янтаре…

— Что-то, чего не было в прошлый раз. Вроде

отпечатков подошв или… еще чего-нибудь такого. Не знаю даже. Не могли бы вы объяснить, что такое сейчас передо мной? Я ничего не понимаю. Где мы находимся?

— В этом месте Костотряс прошел под улицей. Улица обрушилась. На ней мы сейчас и стоим, но вон там, — он указал на рваную линию потолка, — оставшаяся часть. И тротуары. И все прочее, что там было шестнадцать лет назад.

— Фантастика! — откликнулась она. — Ох и темно тут. Я почти ничего не вижу.

— Ой, простите. Надо было захватить фонарь.

— Не извиняйтесь.

Брайар подобралась к месту, где маячил то ли край, то ли просто дальний угол ямы. И вот перед ней отверзлась черная пропасть в форме приплюснутого круга, уходящая вглубь земли. Всего несколько футов, и уже не было видно, куда она ведет и что в ней скрывается.

Брайар крикнула:

— Есть тут кто?

Но не во всю силу. И была бы шокирована, услышав ответ.

Ответа не последовало.

— Если хотите, можем подняться на уровень улицы. Вон там, — предложил Кальмар. Он под-

вел ее к довольно крутому уступу и показал на горку слежавшихся кирпичей и досок. — Тут придется полазить, но ничего особо трудного. Зато оттуда лучше видно.

— Хорошо. Я за вами.

Он вскарабкался по склону с такой резвостью, будто лет ему было вполовину меньше, и тенью встал на краю провала. Вскоре подоспела Брайар и, когда ей протянули руку, охотно приняла помощь. Кальмар затащил ее наверх и просиял:

— Скажите, ведь красотища?

— О да.

Если бы ее попросили выбрать десять слов, лучше всего описывающих открывшийся ее глазам вид, слова «красотища» среди них не затесалось бы.

Можно было подумать, что здесь велись боевые действия, что все окружающее уничтожено каким-то ужасным взрывом или стихийным бедствием. Там, где некогда стояли величественные сооружения, в которых хранились деньги и суетились клиенты, осталась лишь длинная разверстая рана в земле. По краям она успела обвалиться и заполнялась потихоньку обломками.

Невдалеке виднелась кучка округлых валунов. Вблизи они превратились в серые черепа, покры-

тые коркой грязи. Распрощавшись с телами, они все скатились в неглубокую канавку.

Брайар никак не могла отдышаться. Этого и следовало ожидать — Кальмар ее предупреждал. И все же каждый вдох давался с боем, а фильтры едва справлялись с обилием вредных примесей. Словно дышишь через пуховый матрас.

И как понять, бывал ли тут ее сын?

Окинув яму взглядом, она не увидела ничего похожего на тропинку — даже собственных следов. Отпечатков ног тут просто не оставалось. По развалинам мог бы прогуляться слон, и ничего не изменилось бы.

Сопротивляясь накатившей безысходности, Брайар обхватила себя за плечи. У нее иссякли идеи. Пройди здесь целая армия Зиков, она бы все равно ничего не заметила. И могла лишь твердить себе: нет, его не должно быть в том туннеле с дом высотой. Нет, он не задохнулся, не корчится сейчас на дне норы, которую давным-давно прокопал его отец. Нет, ему и не обязательно было знать про здешний воздух. Нет, нет и еще раз нет.

— Его здесь нет, — произнесла она, и слова горошинами запрыгали под маской.

— Так ведь это здорово, правда? — спросил

Кальмар. Пушистые брови за стеклянным забралом шевельнулись. — Вам и не нужно, чтобы он здесь был.

— Верно, — сказала она.

— Завтра в начале дня можем вернуться с фонарем. Заглянем в туннель. Уж там особо лазить не придется. Если он попал туда, то далеко не ушел.

Брайар пропищала:

— Возможно. Да. Не знаю. Возможно. Темнеет, — добавила она, так и не заставив себя определиться с ответом. — Который час?

— Тут всегда темнеет рано, — сообщил Кальмар. — А насчет времени не в курсе. К обеду дело идет, вот вам и время. Ну и чем же займемся теперь?

И вновь у Брайар не нашлось ответа. И она попытала удачи:

— А как вы сами думаете — где бы мы могли поискать? Есть тут поблизости еще какие-нибудь убежища или участки с нормальным воздухом?

Проводник завертел своей непомерной головой, оглядывая окрестности:

— Вынужден ответить «нет», миссис Уилкс. Дышать тут негде — до самых китайских бараков. Азиаты живут неподалеку от своего старого района, вон там. — Он показал направление.

— А доктор Миннерихт?

— Вон там. — Его рука повернулась на девяносто градусов. — Идти примерно столько же. Так что ближайшее убежище как раз то, из которого мы вышли. И сомневаюсь, что его можно найти, если не знать о нем заранее.

Взглянув на дно ямы, Брайар едва различила вход в подполье.

— Похоже, вы правы, — проговорила она.

И порадовалась, что Кальмар не видит ее лица, а она — его.

Белесо-серое небо над головой хмурилось, наливаясь темнотой. Брайар и ее спутник спустились с обрыва и вернулись в туннель. Со скрежетом встала на место дверь, и они вновь очутились в полумраке, среди мерцающих огней, машин и фильтров.

— Мне очень жаль, — произнес мужчина. Шлема он пока не снимал: чтобы дышать без опаски, нужно было оставить за собой еще несколько переборок. — Никаких следов вашего мальчика… Мне так неловко, что мы ничего не нашли.

— Спасибо, что сводили меня наружу, — поблагодарила его Брайар. — Вы не обязаны были помогать, так что я очень вам признательна. А сейчас, наверное, пойду и проверю, как там Люси.

Может, если она не передумала, сходим в гости к этому вашему доктору.

Кальмар отозвался не сразу, будто хотел как следует обмозговать ответ, прежде чем озвучить его.

— В общем-то, неплохая идея. Нельзя исключать, что вашего сына перехватил доктор и увел к себе. Или кто-нибудь из его ребят. У него повсюду люди.

У Брайар сжалось горло, точно его стиснула чья-то сильная рука. Такая мысль уже приходила ей в голову, и, хотя она была полностью, совершенно, безоговорочно уверена, что доктор не мог быть ее мужем… ее все равно мутило. Если что и радовало ее в жизни, так это то обстоятельство, что Зик никогда не видел своего отца, — и она не допустит, чтобы пустующее место занял самозванец.

Отчаянно хотелось кричать во все горло, забыв про маску, но она ограничилась тем, что кашлянула и сказала:

— Значит, на него много кто работает, на этого доктора? О его людях тут все время говорят, только я что-то не видела и намека на них.

— Ну, мундиров они не носят, — заметил Кальмар. — Но выделить их из толпы довольно легко.

В основном это воздушники без дирижаблей. Или торговцы дурью, они тут набегами бывают. Еще у него работают химики. Доктор постоянно придумывает новые способы изготовления желтухи, ну или пытается упростить процесс. Иногда из-за стены заносит здоровенных бандюг. Есть еще желтушники — они у доктора на побегушках. Ошиваются поблизости, выполняют всякие поручения. По чести говоря, у него тут небольшая армия. Только состав от раза к разу меняется.

— То есть люди приходят и уходят. Похоже, с ним не так-то легко сработаться.

— Ой как нелегко, — пробормотал он, затем добавил: — По крайней мере, так мне говорили. Ну да вы-то в подполье новенькая и на рожон не лезете. Вам только и нужно, что сынишку разыскать, так что вряд ли он станет портить вам жизнь. Видите ли, он ведь деловой человек. Мне кажется, если доктор вам напакостит, это плохо скажется на делах. Ребята, с которыми он водится, с большим теплом вспоминают вашего папашу.

Брайар обогнала его и пошла первой. Потом, не оборачиваясь — чтобы не встретиться с ним взглядом, — проговорила:

— А мне рассказывали, что это не всегда так и доктора не слишком волнуют какие-то там

порядки. Может быть, мое присутствие совсем ему не понравится.

— Может быть, — признал Кальмар. — Но судя по тому, что я видел, вы из женщин, которые могут за себя постоять. Не стал бы особо беспокоиться на его счет.

— Не стали бы?

«Спенсер» отбивал мерный ритм по его спине.

— Не-а. Если ему от вас ничего не надо, то, скорее всего, он вас и пальцем не тронет.

И вот здесь-то начинались трудности. Очень даже могло случиться, что доктор чего-нибудь от нее захочет. Чего — бог знает, но если он прослышал о ней и печется о своей репутации, то у нее мог появиться новый заклятый враг. Насупившись, она преодолела очередную дверь — и ушей ее коснулось рокочущее, свистящее биение мехов, перегонявших по туннелям воздух.

— Все, снимаю маску, — объявила она.

— Пожалуй, я свою тоже скину.

Приподняв шляпу, Брайар начала стаскивать респиратор.

— Не торопитесь, душенька. — Из-за занавеси на дальнем конце прохода показалась Люси. — На вашем месте я не стала бы пока располагаться со всеми удобствами. Если, конечно, желаете

встретиться с добрым доктором.

— Мэм. — Кальмар поприветствовал ее легким поклоном и стянул с головы шлем. — Надеюсь, вы не ко мне обращались. С меня на сегодня вылазок хватит. Как ни высунусь наружу, дышать еще тяжелее, чем раньше. И так каждый раз.

— Нет, Кальмар, я говорила не с тобой. Но рада, что перехватила вас двоих. Так и думала, что вы уже на обратном пути. Осмелюсь заметить, миссис Уилкс, вид у вас хоть и мрачный, но нетрагичный. Я так понимаю, вы ничего не нашли?

Брайар покачала головой. Затем поразмяла шею, добившись хруста.

— Не нашли. Мы там недолго пробыли, смотреть-то особо не на что.

— Ваши бы слова да Богу в уши, — хмыкнула барменша. — Там все как будто после взрыва и с годами краше не становится — и то сказать, кому взбредет с этим возиться? У нас тут есть более важные дела, да и не хватит на такое ни людей, ни фильтров. Вот все эти фундаменты, постройки да обломки и разрушаются потихоньку.

— Тут уж ничего не поделаешь, — сказала Брайар. — Только меня немного удивляет, что вы вышли нам навстречу.

— Да рука опять капризничает. Хьюи использо-

вал какие-то временные трубки, но они оказались совсем уж временными. Пришлось опять ее подвязать, чтобы не дергалась. — После недолгих колебаний она пересилила себя и выложила остальное: — Тут какое дело — чтобы вести нормальную жизнь, мне нужна хотя бы одна рабочая рука. И я вовсе не хочу принуждать вас, чтобы вы меня туда отвели. Так я поступать не буду, и если вы против, то буду последним человеком, который станет вас упрашивать. Но раз уж мы говорили об этом утром, я подумала…

— Да что вы, все в порядке. Я не против. Вы столько всего порассказали про доктора, что мне теперь и самой было бы интересно повидаться с ним. — Просунув руку в маску, Брайар принялась расправлять ее. — И если я удивлена, то потому лишь, что на улице уже темнеет, а после захода солнца у вас тут все предпочитают не высовывать носа из-под земли, как мне казалось.

За Люси ответил Кальмар:

— Да ну, отсюда до Кинг-стрит добраться легче легкого, на улицу вообще выходить не понадобится. Люси, у вас в котомке не фонари, случаем?

Он показал на бугристый мешок из брезента, свисавший у нее с шеи.

— Ага, захватила парочку. И керосина про

запас.

— А стоит ли разгуливать со светом? — спросила Брайар. — Он ведь привлечет трухляков.

— Ну даже если и привлечет, что с того? Там они все равно до нас не доберутся. И вообще, к Миннерихту лучше не заявляться украдкой. Нужно побольше шума, побольше света, чтобы не подумал, будто ты прячешься. Потому-то я и надеялась перехватить вас здесь. Самый короткий путь к доктору, где и шуметь можно, и фонарями размахивать, ведет через туннель к югу отсюда. А гонять тебя взад-вперед не видела смысла.

Хоть формально Брайар и поддерживала затею, рвения она в себе не чувствовала.

— А не поздновато ли?

— Поздновато? Да нет, так только кажется. Тут и время года виновато, и тень от стены, и мгла эта… Кажется, будто солнце толком и не всходит, так что и не скажешь уже, когда оно садится. — Она шевельнула плечом, и котомка притулилась на изгибе ее талии. — Слушайте, голубушка, если не хотите, то никаких вопросов. Уговорю Иеремию, он меня утром проводит. Спешки не то чтобы нет, но дело терпит. Одну ночь как-нибудь переживу и с такой рукой. Ничего страшного, если вы пока предпочитаете не привлекать к себе внимания.

Тут совесть возобладала над страхом, а когда Брайар вспомнила, что Миннерихт в теории может вывести ее на Зика, ей не оставалось иного, как сказать:

— Нет-нет. Пойдем сегодня… прямо сейчас. Дайте только заменить фильтры. Они и так были не новые, а на улице сразу засорились.

— Ну да, еще бы. Надеюсь, Кальмар вас предупредил на сей счет.

Выкручивая фильтры и вставляя на их место запасные, из сумки, Брайар заметила:

— О да. Он был прекрасным проводником, и я признательна ему за компанию.

— Сожалею, что нам ничего не удалось выяснить про вашего сынишку, — повторил Кальмар.

— Так это ведь не ваша вина, а попробовать стоило, правда? И теперь отпали все зацепки, кроме Миннерихта. — Колпачок фильтра с щелчком встал на место. — Люси, вам помочь с мешком?

— Не стоит, милая. Но вы спросите еще через часок, ответ может быть другим.

На душе у Люси явно стало легче, и Брайар прекрасно понимала почему. С таким увечьем, да в таком опасном месте… какое же отвратительное чувство незащищенности должна она сейчас испытывать.

Снова заговорил Кальмар:

— Леди, если вы готовы, то я, пожалуй, пойду. По соседству с восточной котельной идет игра, а китайцы иногда приносят с собой *золото.* Не выиграю, так хоть поглазею, — с лучезарным видом заключил он.

— Ну что ж, возвращайся тогда в Хранилища. А мы наведаемся к доктору, и если все пройдет гладко, то к ночи вернемся, — пообещала барменша.

Кальмар направился в сторону, откуда пришла Люси, и скрылся за бурыми занавесками. Женщины молча слушали, как стихают шлепки подошв.

21

Как только Кальмар удалился, Люси повернулась к Брайар:

— Готовы?

— Готова. Показывайте дорогу.

Меж тем барменша сражалась с собственной рукой, пытаясь пристроить на лице респиратор — уже не легкую модель на час, в которой щеголяла до этого, а нечто более солидное.

— Вам помочь?

— Неплохая мысль.

Когда маска села достаточно плотно, Брайар застегнула пряжки у Люси за ушами.

— Волосы не зацепились?

— Нет, деточка, все хорошо. Спасибо. — Она напустила храбрую улыбку, распрямила спину и объявила: — Теперь нам пора — сначала наверх, а потом и наружу выберемся. Возможно, встретится пара дверей, попрошу их открыть. Дорога тут довольно широкая, б***о***льшую часть пути можно пройти бок о бок, так что лучше держитесь со мной рядышком.

— А далеко ли идти?

— Да в общем, не больше мили, но со всеми этими лестницами и коридорчиками даже и не скажешь. По ощущениям — все две.

И Люси не шутила. С фонарем у нее тоже не особо ладилось, так что ее спутница зажгла свой и держала так, чтобы света хватало обеим. Пробравшись лабиринтом туннелей, переборок и занавесок, они вышли на площадку с перекошенной лестницей и герметичной дверью. Брайар отодвинула щеколду и начала подъем, то и дело поглядывая на барменшу, идущую следом. Функции механической руки постепенно отказывали, и пользы от нее становилось все меньше.

В конце концов Брайар по просьбе Люси зафиксировала своевольную конечность в более или менее неподвижном положении. Теперь в узких местах первой шла гостья с Окраины. Таким затейливым манером они продвигались все дальше и дальше на юг, пока не вышли на крышу некоего здания. Стена маячила так близко, что полностью закрывала небо.

— Что это за место? — спросила Брайар.

Таких крыш ей еще не попадалось: под ногами тут и там лежали листы фанеры, между ними торчали глубоко вкопанные металлические опоры. Над головой размещалась паутина пеше-

ходных мостиков на трапециях; чтобы опустить их, достаточно было потянуть ручку.

— Ох, даже и не знаю. По-моему, давным-давно здесь была гостиница. Ныне же… что-то вроде железнодорожного вокзала. Без поездов, конечно же, их тут быть и не может, но…

— Но тут сходятся пути, — догадалась Брайар.

Перед ними возвышался щит размером с фургон, сколоченный из досок. Брайар отступила на пару шагов и повыше подняла фонарь, чтобы лучше разглядеть надпись, намалеванную красной краской. Как оказалось, это был перечень названий со стрелками — совсем как на вокзале.

— Видите? — спросила Люси. — Нам надо на Кинг-стрит. Стрелка показывает, какой мостик нужно опустить.

— Вот этот, справа?

— Ага. А рядом рычаг, видите? Ну-ка потяните его, да посильней.

Брайар крепко навалилась на рычаг, слаженный из ручки от метлы. На конце он был выкрашен в зеленый цвет, в тон соответствующей стрелке, — хорошо придумано. Где-то наверху с лязгом начала высвобождаться цепь, ей слабым голосом вторил проржавевший металл. Над крышей всколыхнулась тень с острыми

краями, затем встала ровнее и пошла вниз. Вслед за тенью опустилась деревянная платформа, обмазанная дегтем.

— Да он не очень липкий, — сообщила Люси, опережая вопросы Брайар. — Деготь защищает древесину от сырости и газа; только больно уж быстро опилки налипают. Не бойтесь, можете встать на нее. Она прочнее, чем кажется.

Со всех четырех сторон платформа была обнесена оградкой, спереди и сзади снабженной дверцами. Сейчас она покоилась на рельсе, который, судя по толщине, не переломился бы и под стадом скота.

— Ну же. Залезайте на подъемник. Он не то что двоих — пятерых выдержит.

Так Брайар и поступила. За ней забралась барменша; пришлось подхватить ее, пока окончательно не потеряла равновесия.

— По рельсу поедем?

— Да-да.

Далее последовала запутанная череда подъемников, платформ и прочих хитроумных устройств, призванных перемещать людей в разных направлениях. В итоге они оказались на подобии перекрестка. Люси обратила внимание спутницы на зеленую стрелку — та указывала

на дорожку, начало которой было отмечено четырьмя досками того же цвета. Глаза барменши забегали под маской, и она перешла на еле различимый шепот:

— Чур головой не вертеть… но мы не одни. Справа, на крыше. И слева, в окне.

Брайар осторожно бросила взгляд в ту и другую сторону. Люси не ошиблась. В углу на соседней крыше стоял тип в маске и наблюдал за ними. В руках его было длинное ружье. Внизу, за окном из цельного куска стекла, проступал еще один силуэт — мужчины в шляпе, также вооруженного. И оба нисколько не таились, будто их не и заботило, видят их или нет.

— Часовые? — спросила Брайар.

— Да вы особо не нервничайте. Мы подошли с правильного направления, не скрытничаем и довольно сильно шумим. Они нас не тронут.

— Но ведь они высматривают чужаков?

— Чужаков и трухляков, ну и недовольных клиентов.

— Ну а я-то как раз чужая здесь, — заметила Брайар.

— Само собой. Зато они знают *меня.*

— Может, стоит у них поинтересоваться…

— Насчет чего? — перебила ее Люси.

— Насчет Зика. Дозорные они или кто? Вдруг кто-то видел моего сына?

Барменша покачала головой:

— Нет, с этими номер не пройдет. Разговаривать с вами не станут, даже если им и разрешено. В основном это наемники и ничего больше. И дружелюбием они не отличаются. Лучше оставить их в покое, — заключила она шепотом.

Женщины зашагали дальше. Вскоре Брайар приметила на ближайшей крыше третьего часового, а затем и четвертого.

— Их всегда так много?

Люси глядела в другую сторону — там обосновался пятый.

— Бывает иногда, — ответила она, но каким-то неуверенным голосом. — Хотя для обычного караула и впрямь многовато. Интересно, что тут происходит?

Брайар такие вести не особенно радовали, но она твердо решила не показывать виду — не сжимать винтовку крепче, не ускорять шаг. И они двинулись дальше по узким коридорам, сооруженным на каркасах из труб и брусьев. А внизу разлеглись улицы, зараженные Гнилью.

— По крайней мере, нас не держат на прицеле, — заметила Брайар.

— Ваша правда. Может, у них там какие-то неприятности. Мало ли кого они высматривают. Милая, не могли бы вы оказать мне одну услугу?

— Слушаю.

— Держитесь ко мне чуть-чуть поближе. Дорога тут неровная, а мне без руки трудно балансировать.

Брайар пошевелила плечом и сбила ранец с винтовкой набок, чтобы те не лезли Люси в лицо, после чего обняла ее за талию, и общими усилиями они преодолели участок, изобиловавший кривыми бревнами. В конце прохода их ждал очередной рычаг — и на его зов поспешил очередной подъемник.

— Это последний, — объявила Люси. — На нем спустимся в подвал. Поглядите-ка вон туда. Видите вокзал?

Прищурившись, Брайар вроде бы различила за творожистыми клубами газа черную точку и круг, рассеченный двумя линиями.

— Там?

— Да. Это часовая башня. Ее только-только успели возвести, когда на нас обрушилась Гниль. А сейчас мы попадем в депо, — продолжила она. Тем временем сцепились шестеренки, опускавшие платформу, и женщины поехали вниз. — Тут

должны были отстаиваться вагоны, для которых не нашлось дела. Теперь здесь что-то вроде вестибюля.

— Вестибюля?

— Ну да. Считайте, что вы в гостинице. Внутри тут довольно мило. Уж точно получше, чем в Хранилищах. Все-таки деньги и за стеной многое решают, а у Миннерихта их куры не клюют.

Скрипучая платформа все глубже увлекала женщин в недра мертворожденного вокзала-скелета — рывками, по этажу зараз, терзая несчастные желудки. Но вот путешествие окончилось, и за распахнутыми дверями Брайар встретила еще более пугающая пустота — угрюмое напоминание, что здесь уже никогда не будет ни поездов, ни касс, ни пассажиров. Это здание не успело насладиться собственной новизной и казалось теперь более древним, чем крылышки мух, застывших в мутном янтаре.

С прибытием подъемника в воздух взвилось облако пыли.

Брайар чихнула и подняла руку с намерением потереть нос, однако маска развеяла ее надежды.

— Идем, милая. Идти уже недалеко, а во внутренних помещениях с удобствами куда лучше.

— А давно он тут живет? — поинтересовалась

Брайар, семеня за барменшей.

— Ой, не знаю. Лет десять. Но времени обустроить все по своему вкусу у него было хоть отбавляй, даже и не сомневайтесь.

Пол был замощен обычным плоским камнем без намека на полировку или мозаику, и шаги отдавались на весь огромный зал предательским эхом. Наконец пустота разбилась о красные двойные двери, запломбированные по краям лоснящимися черными полосками. Брайар потрогала одну из них, присмотрелась. В отличие от того, что попадалось ей в других кварталах, резина казалась довольно чистой и не несла явных следов кустарщины.

— А как мы войдем? Надо как-то по-особенному постучать? Или тут есть дверной колокольчик? — недоуменно сказала она, не заметив на дверях ни ручек, ни запоров.

— Не поможете мне вынуть руку из повязки? — попросила барменша.

Когда все было должным образом распутано, Люси замахнулась и три раза ударила рукой по правой створке. Та ответила резким лязгом. Металл, бьющий по металлу.

— Двери…

— Сталь, по-моему. Кто-то рассказывал мне,

что доктор сделал их из вагонной обшивки. Но еще кто-то потом уверял, что их сняли с главного входа, так что я теперь толком и не знаю, откуда он их взял.

— И нас вот так вот запросто пустят?

Люси пожала плечами, и бессильно обвисшая рука заболталась у живота.

— Трухляки стучаться не станут. А остальных тут не боятся.

— Чудесно, — пробормотала Брайар.

Вскоре последовал толчок и скрип внутренних распорок — значит, их все-таки услышали.

На то, чтобы отпереть все замки, поднять все засовы и убрать все задвижки, ушло полминуты; наконец послышался жалобный визг петель, и дверь приотворилась. Из проема в так называемый вестибюль с подозрением поглядывал худой парень в громоздкой, не по размеру, маске. Роста он был среднего, а одет по-ковбойски: холщовые штаны, наглухо застегнутая рубашка и пара поясных ремней под револьверы, накинутых друг на друга. На груди у него висела винтовка — вроде «спенсера». Из всех, кто встречался Брайар за стеной, он был пока самым молодым, но все же не таким юным, как ее сын. Как знать, ему могло быть и тридцать.

— Приветик, Ричард, — сказала Люси.

В ответ он мог и нахмуриться, и улыбнуться, но маска скрыла все.

— Миссис Люси, у вас что-то с рукой?

— Ага.

Нисколько не стесняясь, Ричард оценивающе взглянул на Брайар:

— Как ваша подруга попала в город?

— А при чем здесь это? — недовольно спросила барменша.

— Может, и ни при чем. Как она попала в город?

— Между прочим, я стою сейчас прямо перед вами. Могли бы спросить и *меня,* — проворчала Брайар. — В общем, я высадилась с «Наамы Дарлинг». Капитан Клай оказался столь любезен, что подвез меня до города.

Люси оцепенела — совсем как животное, которое боится угодить на глаза хищнику, потом с расстановкой проговорила:

— Она здесь со вчерашнего дня. Я хотела привести ее раньше, но у нас началась суматоха с трухляками. Ну и теперь она здесь.

До этого Брайар казалось, что времени прошло куда как больше, но, по сути, за стеной она провела всего лишь около полутора суток. Не

дожидаясь расспросов, она заговорила:

— Я ищу своего сына. Он пробрался в город пару дней назад. Долгая история.

Парень уставился на нее не моргая. Мгновение затянулось.

— Верю. — Одарив ее еще одним долгим взглядом, он добавил: — Наверное, вам лучше зайти.

После чего повернулся и зашагал прочь. Женщины пошли следом, и красные двери захлопнулись, обдав их волной воздуха.

— Сюда, — буркнул Ричард и повел их через узкое помещение — для коридора, впрочем, слишком широкое.

На стенах торчали газовые лампы, которые уместнее смотрелись бы на корабле. Брайар вспомнились светильники на дирижабле Клая. Должно быть, от прикосновения они закачаются на своих крюках.

Они втроем так долго шли в тишине, что голос Ричарда заставил ее вздрогнуть:

— Думаю, вас уже ждут.

Брайар никак не могла понять — то ли новость ее обнадежила, то ли отозвалась тошнотой.

— Простите? — сказала она, ожидая разъяснений.

Таковых не последовало.

— Миссис Люси, а как вы руку-то сломали — не об Уилларда? Опять на взбучку напросился?

Барменша рассмеялась, но как-то нервно, без веселья.

— Нет, такого больше не повторялось. Он, вообще-то, парень смирный. Так, нашло что-то в тот раз… — Голос ее сошел на нет, затем прорезался снова: — Нет, это я нарвалась на шайку трухляков. У нас в «Мейнарде» были кое-какие трудности.

Брайар подозревала, что Ричард слышал об этих «трудностях», а то и приложил к ним руку. Реплику Люси он оставил без внимания, и та не пыталась больше поддерживать разговор. Немного спустя они оказались у выхода, занавешенного шторами — все из той же черной резины, но почти неотличимых от настоящих портьер.

— Если хотите, можете снять маски, — объявил Ричард. — Воздух здесь хороший.

Он стянул противогаз и взял под мышку, явив взорам широкий нос, изъязвленный шрамами, и впалые щеки — до того ввалившиеся, что в каждую можно было бы положить по сливе.

Брайар первым делом помогла Люси — стащила с нее маску и заткнула за перевязь, потом сняла собственную и убрала в сумку.

— Если вы готовы, то я тоже.

— Ну тогда пошли.

Он отодвинул штору — и в глаза Брайар ударил свет, едва не ослепивший ее.

— Надо было вас предупредить, — сощурившись, заявила Люси. — У доктора пунктик насчет света. Он его просто обожает. И все время придумывает новые лампы, причем работают они не на керосине, а на газу или электричестве. А здесь он их испытывает.

Дав глазам привыкнуть к освещению, Брайар осмотрелась. Куда ни глянь, на колоннах и столбах сияли лампы всевозможных размеров и форм. Лампы висели на стенах, парами и пучками. У одних источник питания был очевиден — и лимонно-желтые язычки пламени давали привычный свет. Другие же испускали мерцание менее понятной природы. Вот горит белая лампа, вот синяя. А вот с зеленоватым ореолом.

— Пойду доложу ему. Миссис Люси, вы с подругой не против подождать в вагоне?

— Без проблем.

— Дорогу вы знаете.

И Ричард скрылся за углом. Судя по звуку закрывшейся двери, он отошел на приличное расстояние, так что Брайар спросила у Люси:

— Что еще за вагон?

— Железнодорожный. Миннерихт вычистил несколько вагонов, меблировал и использует теперь вместо мастерских и складов. Из некоторых получились небольшие гостиничные номера, только под землей.

— А как он затащил их под землю? И откуда они тут взялись, если вокзал не успели достроить?

Люси не спеша двинулась вдоль строя подсвечников, которые так и напрашивались учинить здесь пожар.

— Поезда к нам начали заходить еще до конца строительства. Думаю, несколько вагонов провалились во время землетрясения. Хотя утверждать не берусь. Черт, да он мог их сам сюда приволочь или заплатил кому-нибудь. Деточка, не откроете дверь?

Брайар налегла на задвижку, и двойные двери широко распахнулись. За ними не было ничего, кроме тьмы… или так казалось после предыдущей комнаты, залитой полуденным сиянием. Но вот в непроглядной черноте замерцали светильники под стеклянными колпаками, и с потускневших металлических пластин потек теплый свет, лужицами расплескиваясь по потолку и стенам.

Подняв голову, Брайар увидела прямо над собой

много, слишком много всего.

Это не ускользнуло от Люси.

— Только не волнуйтесь. Знаю, это похоже на обвал, потому что обвал и есть. Но все обрушилось давным-давно, и с тех пор не сдвинулся ни один камень. Доктор поставил там распорки и укрепил все вагоны, оказавшиеся под обломками.

— Значит, их завалило?

— Некоторые. Так. Глядите, милая. Вот в этом он принимает посетителей. По крайней мере здесь он назначает мне встречи. Может, тут у него хранятся какие-то особые инструменты, не знаю. Но нам сейчас сюда.

Она кивнула в сторону двери, которой Брайар поначалу и не заметила за обломками и земляными завалами. Вход располагался под аркой, сооруженной из железнодорожных шпал. Слева и справа виднелось еще по двери.

— Средняя, — сказала Люси.

Брайар истолковала это как предложение открыть дверь. После увесистых конструкций, попадавшихся ей в последнее время, эта казалась совсем хрупкой. Щеколда представляла собой тонкий стерженек, который легко помещался в ладонь. Она бережно взялась за него, боясь переломить. Раздался щелчок, и дверь отворилась.

Придержав дверь для Люси, она вошла следом. В мерцающем свете ламп ее взгляду предстало устрашающее множество деталей, инструментов и таинственных устройств, о предназначении которых Брайар и гадать не бралась. От пассажирских сидений доктор избавился, хотя несколько штук выстроились в ряд вдоль противоположной стены. В середине вагона стоял длинный стол, почти полностью заваленный всякими диковинными вещицами.

— Что это такое? — спросила она.

— Ну… это… это всего лишь инструменты. Тут у него мастерская, — заключила барменша, словно это все объясняло.

Брайар переходила от кучки к кучке, поглаживая трубки, шланги и гаечные ключи таких экзотических форм и размеров, что и представить было трудно, какие гайки ими закручивали. По краям комнаты то ли валялось, то ли хранилось еще какое-то оборудование, наводившее своим видом на мысли, что все его полезные функции сводились к пищанию и гудению. Зато часов не было никаких — только стрелки да детальки; и никакого оружия, если не считать кое-каких острых инструментов и колб, внутри которых змеились тоненькие проволочки, похожие на

вены.

Сквозь искоробленную старую дверь просочился характерный стук приближающихся шагов.

— Это он, — прошептала Люси. На миг лицо ее исказила паника, неисправная рука сама собой задергалась на коленях. Она выпалила скороговоркой: — Ох, простите меня. Не знаю, правильно я поступила или нет, но если нет, то простите.

И дверь отворилась.

22

Брайар затаила дыхание, не в силах отвести глаз.

Маска доктора была исполнена с той же искусностью, что и личина Свакхаммера, но Миннерихт больше напоминал не механическое животное, а труп со стальным черепом, собранным из мелких трубочек и клапанов. Маска закрывала всю его голову, от макушки до ключиц. В переднюю часть были встроены очки с плоскими линзами, окрашенными в насыщенный синий цвет, но с подсветкой изнутри, что создавало эффект горящих зрачков.

Сколько она ни вглядывалась, его лицо оставалось загадкой. Он был не коротышкой и не великаном, не толстым и не худым. Тело его было полностью скрыто одеянием, похожим на домашний халат, однако сшитом при этом из густо-бордового велюра.

Кто бы он ни был, он тоже смотрел ей в глаза. Звук дыхания, вырываясь из фильтрующих трубок, превращался в мелодичную череду посвистываний и шорохов.

— Доктор Миннерихт? — заговорила Люси. — Спасибо, что выкроили для меня время. А это моя новая знакомая. Она прибыла на «Нааме Дарлинг», а сейчас помогла мне добраться до вас — у меня опять раскапризничалась рука.

— Жаль такое слышать, — произнес он, не отрывая взгляда от Брайар.

Как и у Свакхаммера, его голос звучал с искажениями. Только это был не шелест речи, пропущенной через жестяную банку, а перезвон старинных часов, выбивающих мелодию под водой.

Он вошел в мастерскую, купавшуюся в теплом свете, и закрыл за собой дверь. Люси нервно затараторила:

— Ее зовут Брайар, она ищет сына. Надеялась, что вы его видели или слышали о нем, у вас же на улицах много людей…

— А сама за себя она говорить умеет? — спросил Миннерихт невинным тоном.

— Когда ей этого хочется, — ответила Брайар, однако продолжать не стала.

Доктор не то чтобы расслабился, но принял нарочито непринужденную позу, сглаженную его просторным халатом. Жестом он предложил барменше пройти к столу, устроиться на скамей-

ке и подготовить руку к осмотру.

— Не присядете, миссис О'Ганнинг?

У двери стоял неприметный ящичек. Взяв его, доктор направился к Люси. Брайар отошла от них и по захламленному проходу пробралась к свободному месту у окна.

Ужасно было гадать, что ему известно и что он скажет. Но ведь у нее-то по-прежнему не имелось сомнений, правда? Он не Левитикус Блю — в этом Брайар была готова поклясться и теперь, и впредь; и все же она не могла отрицать, что двигался он с размеренной важностью, которая казалась почти знакомой. И в голосе его будто бы проскакивали нотки, которые ей уже приходилось слышать.

Миннерихт расстегнул замки на ящичке — по одному зараз, — открыл его и прикрепил к забралу маски обойму сочлененных линз.

— Что ты на этот раз с ней сотворила?

— Трухляки, — выдавила Люси, и голос ее дрожал.

— Трухляки? Неудивительно.

Брайар прикусила язык, чтобы не ляпнуть: «Еще бы ты удивлялся, ведь ты-то их и подослал».

Люси замямлила:

— Мы уходили из «Мейнарда», и Хэнку стало плохо. У него маска сидела неплотно, так что он замертвел, и у нас начались неприятности. Мне пришлось с боем пробиваться к Хранилищам вместе с миссис Брайар.

Из-под маски послышался добродушный квохчущий звук — ни дать ни взять родитель, увещевающий дитя.

— Люси, Люси. А как же твой арбалет? Сколько можно тебе напоминать: это тонко организованная машина, а не дубинка.

— Арбалет… у меня не было… было не до того. Знаете, в такой кутерьме… потерять что-нибудь проще простого.

— Ты его потеряла?

— Ну, я уверена, он до сих пор там где-то валяется. Но когда я выбралась на поверхность, его уже не было. Потом найду. Думаю, он цел.

Она поморщилась: Миннерихт снял панель с ее руки и принялся ковырять в механизме длинной тонкой отверткой.

— Ты дала кому-то покопаться в этом узле, — произнес он, и Брайар почувствовала неодобрение, которого не могла увидеть на его лице.

У Люси был такой вид, словно ей отчаянно хотелось уползти куда-нибудь, но она осталась

неподвижна и залепетала, чуть ли не защебетала:

— Некуда было деваться. Она вообще не работала, только брыкалась и дергалась, а я не хотела никого поранить, ну вот и дала Хьюи взглянуть.

— Хьюи, — повторил доктор. — То есть Хоцзинь. Слышал о нем. У него неплохая репутация в вашем районе, как я понимаю.

— Он… одаренный мальчик.

Не поднимая глаз, Миннерихт сказал:

— Я всегда заинтересован в одаренных людях. Тебе стоит привести его сюда. Думаю, я бы с удовольствием встретился с ним. Но… вот так штука! Посмотрите-ка, что он натворил. Из чего сделана эта трубка, Люси?

— Я… я не знаю.

Люси ушла в себя, однако Миннерихт еще не закончил:

— О, теперь я вижу, чего он добивался. Разумеется, ему неоткуда было знать, как сильно нагреваются эти детали из-за трения. И мальчик не мог предвидеть, что его способ не пройдет. И все-таки я хочу встретиться с ним. Полагаю, это будет справедливая плата за ремонт. Ты согласна, Люси?

— Не знаю. — Казалось, она сейчас подавит-

ся. — Дедушка Хо-цзиня может не отпустить…

— Тогда захвати и дедушку. Чем больше народу, тем веселее, как говорится.

Однако Брайар ничего веселого в его словах не уловила. Ее угнетало, что вагон такой маленький… что нельзя отодвинуться подальше от этого человека.

— Миссис Брайар, — неожиданно окликнул он, — могу я попросить вас об одной ничтожной услуге?

— Можете, — сказала она.

В горле у нее пересохло, и напустить холода не получилось.

Он указал отверткой на какой-то угол:

— Вон там, за вами. Если обернетесь, увидите коробку. Не могли бы вы ее принести?

Коробка оказалась тяжелее, чем ожидала Брайар; и она охотнее стукнула бы ею доктора по голове, чем вручила в руки, но все-таки сделала, как он просил. Возле него на скамейке было немного свободного места. Она оставила коробку там и вернулась на прежнюю позицию.

Он не смотрел на нее.

— Знаете, миссис Брайар, через маску я никак не могу вас укусить.

— Как-то не верится.

— Поневоле становится любопытно, что такого вам нарассказывала обо мне Люси, если вы держитесь от меня на таком расстоянии. Не хотите присесть?

— Не хотите сказать мне, видели вы моего сына или нет?

Его рука застыла в воздухе вместе с отверткой. Затем он продолжил — открутил что-то и вытащил из коробки новую трубку.

— Простите… разве мы разговаривали о вашем сыне?

— Кажется, о нем тут обмолвились.

— Разве я утверждал, что видел его?

— Нет, — признала Брайар. — Но обратного вы тоже не утверждали. Так что прошу меня извинить за легкую прямолинейность.

Миннерихт установил панель на место. Люси проверила, как работает отремонтированная конечность, и на лице ее отразилось глубочайшее облегчение: рука снова стала ей послушна. Она по очереди согнула и разогнула каждый палец, словно считала что-то, потом поводила кистью вверх и вниз, влево и вправо.

Доктор отодвинулся в сторону и, не вставая со скамейки, развернулся лицом к Брайар:

— А воздушников спрашивали? Капитан Клай

— это ведь он водит «Нааму Дарлинг», если не ошибаюсь? — видит и слышит больше других. Вероятно, из-за своего чудовищного роста.

— Не говорите ерунды, — сказала Брайар и сразу же возненавидела себя за ребяческую грубость. Та отнюдь не играла ей на руку и не располагала доктора к сотрудничеству, но такие игры ведутся по старым как мир правилам, и обходной дорожки не нашлось. Она была рассержена, больше того — напугана, а в таком состоянии в ней пробуждалась личность, которая совсем ей не нравилась. — Я не то что *его* спрашивала, я спросила каждого воздушника, у которого нашлось для меня пять минут времени. О мальчике никто ни сном ни духом. И ничего удивительного, потому что он попал сюда через канализацию, а не по небу.

Синие огоньки за забралом моргнули, словно доктор игриво повел бровью.

— Так почему же вы не последовали его примеру? Без сомнений, это куда менее… болезненный способ проникнуть в наш прекрасный зачумленный город.

— Вчера туннель засыпало из-за землетрясения. Пришлось искать другие пути. Поверьте, мне не слишком-то хотелось прыгать в трубу, чтобы

пролететь тысячу футов и приземлиться в топке.

— Ну что вы, какая тысяча, — прошелестел доктор. — Так, пара сотен. Однако вы это очень кстати, насчет туннеля. Нужно его восстановить, и как можно быстрее. Удивлен, что слышу такие вести только от вас. Я полагал… — Он предпочел не заканчивать фразу. — Надо бы не забыть с ним разобраться. Но скажите мне, миссис Брайар, как вы намерены покинуть город? И если вы знали, что туннель обрушился, то как хотели вывести отсюда мальчика?

— Где мой сын? — спросила она в лоб, сделав резкий разворот к прежней теме.

От его ответа сквозило театральностью, исключавшей всякую серьезность.

— А с чего вы взяли, что мне это известно?

— Если бы не было, вы так бы и сказали. Если же вам известно, где он, и вы так вот увиливаете — значит, мальчик для чего-то вам нужен…

— Миссис Брайар, — перебил доктор, больше необходимого повышая голос. Сила его тона, давящего своим весом, напитанного медным перезвоном колокольчиков, заставила ее умолкнуть с такой легкостью, что это было страшно. Но она не намерена была подчиняться ему, что бы он ни говорил. — Ни к чему такая резкость.

Можем поговорить о вашем сыне, если угодно, но я не потерплю ни требований, ни обвинений в свой адрес. Сейчас вы гостья в моем доме. Пока вы готовы играть эту роль, отношение к вам будет соответствующее.

Люси втягивала воздух короткими, натужными вдохами, по которым можно было считать время, как по секундной стрелке. Она все еще не встала со скамейки, а теперь, казалось, и не смогла бы. От страха кожа ее чуть ли не позеленела, и Брайар подозревала, что ее в любое мгновение может вырвать.

Однако обошлось. Взяв себя в руки, барменша приняла бесстрастный вид и вымолвила:

— Пожалуйста, не… Брайар, по-моему… давайте сохранять спокойствие. Нет нужды грубить друг другу. Мы тут гости, он правильно сказал…

— Я его слышала.

— Тогда прошу, не отвергайте его гостеприимства ради меня. Раз он обещал, что выслушает, — значит, выслушает. Я всего лишь прошу вас — как просила бы мать, если вы не против таких сравнений, — не забывать о манерах.

Ничего материнского в ее призывах не было. Это было похоже на робкую попытку ребенка примирить бранящихся родителей.

Брайар проглотила слова, которые вертелись у нее на языке. Удалось не сразу: слишком велик был ком из слов, которые хотелось выкрикнуть. Наконец она заговорила, отмеряя каждую фразу с точностью портного, нашивающего петли на рубашку:

— Да, я признательна за возможность увидеться с вами. У вас дома ли в качестве гостьи или где-нибудь еще — не столь важно. Но пришла я сюда не для того, чтобы знакомиться или хвалиться, какая хорошая из меня гостья. Я пришла с единственной целью — найти своего мальчика. И пока я его не найду, вам придется простить меня, если мое внимание будут занимать несколько иные материи, чем мои манеры.

Синие огоньки за стеклом — пламенно-яркие сгустки, которые заменяли Миннерихту глаза, — не колыхнулись, не дрогнули.

— Понимаю. Считайте, что прощение вам обеспечено.

И тут в груди у него что-то тихонько зажужжало.

На один безумный миг Брайар решила, что это его сердце — бездушное устройство без капли крови, собранное или выточенное каким-то умельцем. Однако же доктор, запустив руку в

карман, выудил оттуда золотые часы, взглянул на циферблат и негромко крякнул:

— Дамы, а время меж тем позднее. Разрешите предложить вам ночлег. С Хранилищами не сравнить, но все же апартаменты могут прийтись вам по нраву.

— Нет! — воскликнула Люси слишком громко, слишком поспешно. — Нет, мы не можем вас стеснять. Пойдем лучше к себе.

Вмешалась Брайар:

— Люси, я останусь здесь до тех пор, пока он не расскажет мне о Зике. И если ему так угодно, побуду гостьей. А вам не обязательно оставаться, если не хотите. — Она со значением — насколько могла — посмотрела Люси в глаза и мягко добавила: — Если уйдете сейчас домой, я не обижусь. С бедой вашей мы вроде бы сладили.

Теперь на лице Люси был написан не только страх: к нему добавились подозрительность и любопытство, против которого оказался бессилен даже ужас.

— Я вас не оставлю, — сказала она. — И вообще, у меня нет желания возвращаться одной.

— Но теперь вам это по силам. Я рада вашему обществу, но не стану вас удерживать насильно.

Миннерихт поднялся со скамейки и встал в

полный рост. Теперь Брайар оказалась ближе к нему, но никак не могла сообразить — а может, и вспомнить, — такого же или нет роста и телосложения был Леви. Доктор заговорил:

— Вообще-то, Люси, у меня есть для тебя небольшое поручение.

— Вы и так уже попросили меня привести Хьюи. Это хорошая плата за ремонт.

Похоже, просьба не вызывала у нее ни малейшей радости.

— И что-то я не слышал, чтобы ты ответила согласием, — заметил он с некоторым неудовольствием. — Но эти разговоры неуместны. Ты его приведешь, иначе потом будешь жалеть. Я думал, «Мейнард» тебе дорог, миссис Люси. Я думал, он для тебя что-то значит. И ты хочешь его сохранить.

— Не будь таким мерзавцем! — прошипела она, перед лицом откровенной угрозы позабыв о всяких манерах.

— Буду и кем похуже, если пожелаю.

На глазах Брайар поднимался незримый занавес, с доктора сползала некая маска — хотя та, в которой он щеголял, казалась приваренной к его черепу.

— Завтра или послезавтра ты придешь сюда с

Хьюи, мы с ним обсудим качество его ремонта и другие вопросы. А сегодня сходишь в мой форт.

— Декейтер? — с искренним удивлением спросила Люси.

Брайар не понравилось, что он объявил форт своей собственностью.

— Да, туда. Доставишь записку от меня, — распорядился Миннерихт. — За стеной объявились еще кое-какие незваные гости, кроме твоей подруги, и я хочу удостовериться, что они знают свое место.

— И что же это за место? — поинтересовалась барменша.

— *Мое.* — Он достал из внутреннего кармана жилетки запечатанный конверт. — Отдашь капитану, которого там найдешь. Насколько я понимаю, он устроил на моих давних владениях ремонтную площадку.

Люси была разъярена, но у нее хватило ума не устраивать спектакль.

— Записку ведь может отнести кто угодно. Если я вам мешаю, не обязательно посылать меня посреди ночи на улицу, в объятия голодных трухляков. Хотите, чтобы я ушла, — уйду, раз Брайар все равно не против.

— Люси, — он вздохнул, словно ее возражения

и вправду его утомили, — мы оба знаем, что на улице тебе делать нечего. Если ты до сих пор не усвоила, как добраться до форта по туннелям, то я сильно тебя переоценивал все эти годы. Засомневаешься — поверни на третьей развилке на юг. Она помечена желтым. Если расхочется потом идти до самых Хранилищ, можешь вернуться сюда — попросим Ричарда пристроить тебя в бронзовом крыле.

В последней фразе отчетливо проглянули нотки снисходительности. В руке доктор по-прежнему сжимал конверт — то ли с указаниями, то ли с требованием дани.

Неласково посмотрев на руку в перчатке, Люси выхватила конверт и стрельнула в Брайар взглядом, в который было вложено слишком много всего, чтобы однозначно его истолковать.

— Сходите, если по-другому нельзя. Я не возражаю, Люси. Со мной все будет хорошо. Завтра утром встретимся в Хранилищах.

Миннерихт не поддержал ее слов, но и не опроверг, хотя барменша нарочно подождала.

— Ладно. Если с ней что-нибудь случится, вы от нас уже так просто не отделаетесь. И не сможете больше делать вид, будто мы все здесь друзья.

— Мне безразлично, друзья мы или нет. И с чего

ты взяла, что за нее стоит тревожиться? Не смей угрожать мне в моем собственном доме. Если захотелось понадоедать — убирайся.

— Брайар… — вымолвила Люси. Это была и мольба, и предостережение.

В их разговоре было слишком много непонятного для Брайар, подоплека ускользала от нее. И что бы ни стояло за деланым обменом репликами, там крылась опасность. Но сейчас она сама себе вырыла могилу — и ляжет в нее, если понадобится.

— Ничего-ничего, — сказала она. — Утром увидимся.

Люси сделала глубокий вдох. Механические внутренности ее руки отозвались дребезжащим перестуком, словно напряглись до предела.

— Я вот так вот вас не оставлю, — заявила она.

— Оставишь-оставишь, — поправил доктор Миннерихт, подтащив ее к двери и вытолкнув за порог.

Однорукая развернулась на каблуках, глаза ее пылали от гнева.

— Мы еще не закончили, — проскрежетала она, но все-таки зашагала прочь, и дверь захлопнулась за ней. Напоследок послышался ее крик: — Завтра вернусь!

— Не советовал бы, — произнес Миннерихт, хотя Люси уже не могла его слышать.

В затихающем звуке шагов унижение боролось с яростью.

Брайар и доктор стояли на безопасном расстоянии друг от друга и молчали, не находя безобидных тем для беседы. Она заговорила первой:

— Насчет моего сына… Я хочу услышать от вас, где он и что с ним. Жив ли он?

Настала его очередь без всяких вступлений переломить ход разговора:

— Знаете, а мы ведь сейчас не в основной части вокзала.

— Ваша правда. Мы в вагоне, засыпанном землей. Да я понятия не имею, где вы живете и чем занимаетесь. Мне просто нужен мой сын.

Она сжала было руки в кулаки, но тут же расслабила и принялась разглаживать карманы на пальто. Обхватила пальцами ремень сумки, словно ее вес и представление о вещах, лежавших в ней, могли придать ей сил и упорства.

— Позвольте показать вам, — сказал доктор, но не стал пояснять, что именно для нее приготовил.

Затем он открыл дверь вагона и придержал ее

для Брайар, как заправский джентльмен.

Она вышла наружу и сразу повернулась к нему лицом: даже мысль, что Миннерихт окажется у нее за спиной, была невыносимой. В голове Брайар роились успокоительные доводы, а сердце ее твердо знало, что этот человек не ее муж, что муж ее — мертв. Однако это ничего не меняло в том, как он передвигался, как стоял, как с вежливым презрением поглядывал на нее. Ей до смерти хотелось сдернуть с него шлем, увидеть его лицо — чтобы утихли беззвучные крики тревоги, отвлекавшие ее, взывавшие к ней. Она всей душой желала, чтобы он сказал хоть слово, чтобы подтвердил или опроверг, что знает ее и намерен воспользоваться этим знанием.

Но нет.

Через комнату с лампами он прошел обратно в коридор и подвел ее к очередной платформе на шкивах. Она мало походила на плохо обтесанные щиты, стоявшие на наружных подъемниках; ее собрали более тщательно и даже придали подобие стиля.

Доктор Миннерихт потянул рычаг, и выход перегородила кованая решетка, заперев их двоих на пространстве размером с чулан.

— Спустимся еще на этаж, — пояснил он, после

чего нашел ручку у себя над головой и дернул.

Цепь начала разматываться, и в считаные секунды платформа приземлилась уровнем ниже.

Решетка с грохотом отъехала, и глазам Брайар открылось нечто вроде бального зала. Все здесь блестело золотом, полы походили на зеркала, а с потолка хрустальными марионетками свисали люстры.

Когда удалось наконец перевести дыхание, она произнесла:

— Люси уверяла, что здесь получше, чем в Хранилищах. Она не шутила.

— Люси не знает про этот этаж, — бросил доктор. — Я никогда ее сюда не брал. И мы еще не пришли — нам надо в другое место.

Казалось, сияющие огни наблюдают за ней, поворачиваются вслед. И это были не кристаллы, а стеклянные колбы и трубки, скрепленные проволокой и шестеренками. Она пыталась отвести от них взгляд, но потерпела неудачу.

— Откуда они тут взялись? Это… это… это потрясающе!

Ее так и подмывало сказать, что они ей кое-что напоминают, но таких признаний лучше было избегать.

Шагая под раздробленными лучами света,

растекавшимися по полу белыми узорами, от которых рождались странные тени, Брайар думала о лампе, которую смастерил Леви, когда у них зашла речь о ребенке.

В день катастрофы она еще не знала о Зике, даже не подозревала. Но планы у них были.

И он сделал особый светильничек — так хитро устроенный и сверкавший так красиво, что Брайар была просто очарована, хотя давно уже вышла из нежного возраста. Она пристроила его вместо лампы в углу гостиной, надеясь когда-нибудь перенести в детскую. Надежды эти не сбылись.

Здесь лампы были гораздо крупнее — каждая заняла бы целую кровать. Такую не повесишь над колыбелькой. И все-таки сходство было несомненным, и это ее пугало.

Заметив ее интерес, Миннерихт показал на центральный светильник — самый большой из всех:

— Этот был первым. Его привезли заранее и хотели разместить в главном зале. Видите, он не похож на остальные. Я нашел его в одном из вагонов. Как и все в южной части города, ящики были завалены землей. С остальными пришлось попотеть.

— Верю, — сказала она.

Все это было чересчур знакомо ей. До странности привычно было слышать, как он рассуждает об интересных ему вещах.

— Признаюсь, это был эксперимент. Вон те два работают на керосине, но конструкция довольно неуклюжая, и запаха от них много — не слишком-то приятно. Те, что справа, потребляют электричество, — на мой взгляд, у этого варианта больше перспектив. Но с ними есть сложности, и в плане безопасности не лучше огня.

— Куда вы меня ведете? — спросила она, чтобы развеять его беспечный пыл и чтобы не прозябать в неведении.

— В место, где мы можем поговорить.

— Мы можем поговорить прямо здесь.

Он наклонил голову, как бы пожимая плечами, и сказал:

— Верно, но здесь негде присесть, а я предпочитаю размещаться с удобствами. Разве вам не хотелось бы разместиться поудобнее?

— Хотелось бы, — произнесла она, прекрасно понимая, что этому не бывать.

Не важно, что он снова нацепил на себя личину цивилизованности, которую скинул, стоило ей бросить ему вызов. Брайар знала, чт***о*** поджидало ее по ту сторону видимого радушия Минне-

рихта, — отпечаток черной ладони. Там пахло смертью, там стенали и жаждали живой плоти — и на нее эти приемы не действовали.

Наконец они оказались перед резной деревянной дверью — до того темной, что одной морилкой тут явно не обошлось. А богатство резьбы намекало, что это не какой-нибудь случайный трофей. Материалом послужило черное дерево, потемневшее до оттенка кофе, предметом — батальные сцены. Судя по одеяниям солдат, это были греки или римляне.

Чтобы разобраться в изображенном, Брайар потребовалось бы время, но Миннерихт ей времени не дал и сразу провел в комнату. На полу лежал ковер — рыхлый, как овсяная каша. За столом из древесины — более светлой, чем дверь, — находился камин, каких ей еще не доводилось видеть. Он был сооружен из кирпича и прозрачных стеклянных трубок, в которых журчала и пузырилась кипящая вода, обеспечивая кабинет теплом без дыма и пепла.

Под углом к столу располагался круглый красный диванчик, обтянутый плюшем; рядом стояло мягкое кресло.

— Выбирайте любое, — предложил Миннерихт.

Она села в кресло, и скрипучая, скользкая кожа, усеянная медными заклепками, поглотила ее.

Доктор занял место за столом — с такой естественностью, будто власть была у него в крови, — и спокойно сложил руки.

Брайар чувствовала, что краснеет. Жар рождался где-то за ушами и темным румянцем стекал по шее и груди. Хорошо, что на ней пальто и рубашка с высоким воротником. Он заметит краску лишь у нее на щеках, а такое бывает и от обычного тепла.

За спиной хозяина кабинета гудел и булькал камин, изредка выплевывая струйки пара.

Глядя ей в глаза, доктор произнес:

— Брайар, тебе не кажется, что наш с тобой маленький спектакль смехотворен?

Он с такой легкостью перешел на «ты», что Брайар против воли стиснула зубы. Но подыгрывать ему она не собиралась:

— Конечно же кажется. Я задала вам простой вопрос, а вы не желаете мне помогать, хотя можете, я так полагаю.

— Я не это имел в виду, и тебе это известно. Ты знаешь, кто я такой, но зачем-то притворяешься — зачем, ума не приложу. — Он поставил пальцы «домиком» и тут же разрушил свое детище,

нетерпеливо забарабанив ладонями по столешнице. — Ты меня узнала.

— Нет.

Он попробовал зайти с другого бока:

— Зачем ты прятала его от меня? Иезекииль должен был родиться… примерно тогда, когда построили стену. А я тут не особенно скрывался. Даже до мальчика дошла молва, что я жив; мне сложно поверить, что ты осталась в стороне.

Разве она упоминала имя Зика? Брайар была почти уверена в обратном. Кроме того, Зик при ней никогда не заявлял, что его отец мог быть жив.

— Я не знаю, кто вы такой. — Она не отступала от своей версии и говорила таким сухим тоном, точно сама выпарила из него всю влагу. — И мой сын в курсе, что его отец мертв. Знаете, с вашей стороны неприлично…

— Неприлично? Не тебе твердить мне о приличиях, женщина. Ты ушла, когда должна была оставаться с семьей; ты сбежала, преступив свой долг.

— Вы не представляете, о чем говорите, — сказала она, почувствовав себя немного увереннее. — Если это худшее, в чем вы можете меня обвинить, то лучше сразу признайтесь в обмане.

Изобразив оскорбленный вид, он откинулся на спинку стула:

— В обмане? Да это ведь ты явилась сюда и ведешь себя так, будто я за это время мог забыть, как ты выглядишь. Я так подозреваю, Люси тоже осведомлена. Иначе бы она представила тебя полным именем.

— Она проявила осторожность, потому что опасалась за меня. И видимо, не без причины.

— Разве я угрожал тебе? Что ты от меня видела, кроме вежливости?

— Вы до сих пор не сказали мне, что вам известно о моем сыне. Для меня это верх хамства, потому что не так уж трудно догадаться, как я за него переживала все эти дни. Вы нарочно истязаете меня, да еще подкалываете какими-то намеками, которых не спешите разъяснять.

Он ответил снисходительным смехом:

— Истязаю? Боже, ну и заявленьице. Ладно, ладно. Зик жив и здоров. Ты это хотела услышать?

Да — но проверить не могла никак. Надежде трудно было пробиться сквозь заслон из лжи и обмана.

— Я хочу его видеть, — заявила она, оставив его вопрос без внимания. — И не поверю вам, пока не увижу. А вообще могли бы сказать напрямую.

Давайте же, вы так усердно на это намекаете. Скажите, если хватает смелости, а по-моему, ее вам должно хватать. Половиной вашей власти над людьми вы обязаны маске и сумбуру в головах. Они боятся вас, потому что ни в чем не уверены.

— А ты?

— Уверена вполне.

Он вскочил со стула, словно не мог больше усидеть на нем ни секунды, — сорвался с такой силой, что тот выскользнул из-под него и ударился о стол.

— Дура! — произнес он, встав к ней спиной. Маска поблескивала в свете искусственного камина. — Ты такая же дура, как и раньше!

Брайар не оставила ни места за столом, ни угрюмого тона.

— Возможно. Но прожила ведь я как-то дурой столько лет, может, и еще немного проживу. Что ж, я жду. Откройте мне, кто вы такой или за кого себя выдаете.

Он резко обернулся; полы халата взвились, разметав бумаги на столе, китайскими колокольчиками зазвенели стекляшки на настольной лампе.

— Я Левитикус Блю — тот, кто был и остается тебе мужем, кого ты бросила в этом городе шест-

надцать лет назад.

Дав ему упиться произведенным эффектом, она тихо-тихо сказала:

— Я Леви не бросала. Будь ты им, ты бы знал.

Из-под маски донесся то ли писк, то ли свист, однако внешне доктор ничем не выдал, что слова Брайар как-то затронули его.

— Вероятно, у нас с тобой разные взгляды на то, что значит бросить человека.

Теперь рассмеялась уже она — не смогла сдержаться. Смех был не особенно громким и не особенно звонким — он родился из чистого неверия.

— Ты просто чудо. Никакой ты не Леви, но ты — чудо. Нам обоим известно, кого ты из себя строишь. И знаешь что? Да мне плевать, кто ты на самом деле. Мне без разницы, как тебя зовут и откуда ты родом; *мне нужен только мой сын.*

— Жаль, — сказал он… и шустро выдвинул ящик стола. Спустя несколько мгновений — она бы ни за что не успела взвести свой «спенсер» — в лоб ей смотрел блестящий толстый револьвер. Доктор Миннерихт взвел курок и прицелился. — Жаль, потому что мальчик останется со мной, — он тут еще вчера неплохо разместился… и, боюсь, ты остаешься тоже.

Брайар заставила себя расслабиться, позволив телу поудобнее разлечься в кресле. У нее еще имелась в запасе одна карта, и разыграть ее нужно, не давая доктору возможности насладиться ее страхом.

— Нет, не останется. И я *тоже* не останусь. И если в тебе есть хоть толика здравого смысла, ты не станешь в меня стрелять.

— Ты так считаешь?

— Ты ведь так старательно создавал себе репутацию — раскидывал повсюду намеки, будто ты и есть Леви, и до того всех запугал, что получил власть над людьми. Что ж, споры идут везде — и в «Мейнарде», и в Хранилищах, и в котельных. И везде меня подбивали сходить и поглядеть на тебя, потому что люди хотят знать правду, а от меня ее и ждут.

Он обошел стол и встал рядом, не опуская револьвер, но и не стреляя. Поскольку рта ей тоже пока не затыкали, Брайар продолжила:

— Ты пытался убедить меня, что ты Леви; значит, это и есть твоя цель — чтобы все стало официально. Нашел, конечно, какую личность присваивать… Но если так уж сильно хочется — бери.

Рука с револьвером дернулась. Наставив его на

потолок, Миннерихт склонил голову на манер озадаченного пса:

— Что-что?

— Забирай, говорю, коли надо. Можешь побыть и Леви — мне-то что с этого. Если желаешь, я так им и скажу — и мне поверят. Больше ни одна живая душа не сможет ни подтвердить, ни опровергнуть твоих претензий. Если убьешь меня, они быстро сообразят, что я раскусила самозванца и поплатилась за это. А вот если отпустишь нас с Зиком, сможешь выбрать себе любую легенду на вкус. Рушить ее не стану.

Наверное, дело было в ее воображении, но в язычках синего света Брайар вдруг почудилась какая-то хитринка.

— А мысль недурная, — вымолвил доктор.

— Мысль отличная. Только попрошу об одном условии.

Револьвер он так и не отложил, хотя и не направлял уже ей в лицо.

— Каком же?

Она подалась вперед, и кресло со скрипом выпустило ее из объятий.

— Зик должен знать. Я не позволю ему считать тебя отцом, но втолкую, что и как нужно говорить. Он единственный, кому надо знать правду.

Вновь сверкнули синие огоньки. Миннерихт не стал спорить, а сказал просто:

— Мне нужно об этом подумать.

И с быстротой, которой Брайар никак от него не ожидала, ударил ее по голове рукояткой револьвера.

В виске грохочущим гонгом вскрикнула боль.

И все на свете погрузилось во тьму.

23

Когда Зик проснулся, освещение в его роскошной комнате оказалось слегка приглушенным. Судя по шершавому вкусу во рту, он проспал дольше, чем рассчитывал. Чмокнув губами, мальчик попытался согнать сухость с языка.

— Иезекииль Уилкс, — произнес чей-то голос, прежде чем Зик сообразил, что не один в помещении.

Он перекатился на спину и удивленно моргнул.

На стуле у фальшивого окна сидел, сложив руки, мужчина в чудовищного вида противогазе и похлопывал себя по колену. На нем был роскошный красный халат, в котором мог бы щеголять какой-нибудь заморский король, начищенные черные сапоги и перчатки.

— Сэр? — с трудом выдавил Зик.

— Сэр. Ты назвал меня «сэр». Тебе знакомы элементарные манеры. Значит, внешность твоя обманывает. По-моему, это хороший признак.

Он еще разок моргнул, но странное видение никуда не исчезло — человек на стуле даже не

шевельнулся.

— Признак чего?

— Того, что порода бывает иногда сильнее воспитания. Нет, — сказал мужчина, когда Зик попытался сесть. — Не вставай. Раз уж ты проснулся, я сейчас осмотрю раны у тебе на голове и ладони. Не хотел тревожить твой сон. — Он показал на свою маску. — Я знаю, как она выглядит со стороны.

— Тогда почему не снимете? Я ведь тут спокойно дышу.

— Я бы тоже мог, если бы захотел. — Он пересел со стула на край кровати. — Сойдемся на том, что у меня есть причины не снимать ее.

— У вас там что, шрамы?

— *Повторяю,* у меня есть причины. Не двигайся. — Прижав ладонь ко лбу мальчика, незнакомец другой рукой отодвинул слипшуюся прядь волос. Перчатки до того плотно прилегали к его коже и были такими теплыми, что на их месте могли бы быть голые пальцы. — Как ты получил ее?

— Вы доктор Миннерихт? — спросил он, не удосужившись ответить.

— Да, я доктор Миннерихт, — проронил мужчина, не меняя тона ни на йоту. Он прощупал пару

мест, понажимал тут и там. — По крайней мере так меня здесь называют с некоторых пор. Надо бы наложить тебе швы, но полагаю, выживешь ты и без них. С момента получения травмы прошло слишком много времени, в рану набились волосы, но пока что она не кровоточит и не грозит воспалением. Тем не менее надо будет за ней посматривать. Теперь давай руку.

Если Зик и услышал что-то после слова «да», то никак не прореагировал.

— Яо-цзу сказал, вы знали моего отца.

Пытливые руки оставили его, и доктор сел прямо.

— В самом деле? Именно в таких выражениях?

Зик наморщил лоб, пытаясь вспомнить точные слова китайца. Нахмуренные брови потянули за собой пострадавшую кожу на макушке, заставив его вздрогнуть.

— Не помню. Что-то вроде того. Короче, он обещал, что вы сможете рассказать мне об отце.

— О да, это я могу, — кивнул доктор. — И все же… Что тебе рассказывала мать?

— Да не особенно много.

Зик со скрипом принял сидячее положение и чуть не ахнул, увидев доктора с нового угла. Он мог бы поклясться, что у лица в маске не было

глаз: на месте зрачков ярко горели два синих огонька.

На миг они вспыхнули еще ярче, затем потускнели. Мальчик понятия не имел, как это понимать. Тем временем доктор взял его руку и принялся оборачивать тонкой легкой материей.

— Немного. Понимаю. Будет ли ошибкой предположить, что она вообще ничего тебе не рассказывала? И прав ли я буду, предположив, что немногие крупицы знания ты почерпнул из истории, а также из разговоров школьных товарищей и сплетен, гуляющих среди мужчин и женщин Окраины?

— Примерно так.

— Тогда ты не знаешь и половины. Даже толики не знаешь. — Огоньки замерцали, словно доктор моргал, и речь его полилась медленнее, спокойнее: — Они свалили на него неудачу с Костотрясом лишь из-за своего невежества, понимаешь? Они поставили ему в вину Гниль, ибо ничего не смыслят в геологии и других науках, в происходящих под земной корой явлениях. Им невдомек, что он всего-то хотел основать новую отрасль — разбавить чем-то лесную промышленность, кровавую и грязную забаву. Он мечтал ввести этот город и его жителей в новую

эпоху. Только вот сами жители… — Миннерихт сделал паузу, чтобы перевести дыхание, и Зик тихонечко отполз подальше от него, вжавшись в подушки. — Они не представляют, как протекает исследовательский процесс, и не понимают, что здание успеха возводится на костях провалов.

Дальше пятиться было некуда, так что Зик решил отвлечь его какой-нибудь ерундой:

— То есть вы неплохо его знали?

Миннерихт встал и, скрестив руки, начал неторопливо прохаживаться между кроватью и умывальником.

— Это все твоя *мать*, — проговорил он, как бы переводя разговор на другую тему.

Однако продолжения не последовало, а злоба в его голосе вызвала у Зика дурноту.

— Наверное, она там вся испереживалась из-за меня.

Доктор встал спиной к нему.

— Надеюсь, тебя не сильно обидит, что мне плевать. Пускай себе побеспокоится — слишком много натворила. Тебя спрятала, а меня бросила одного в этих стенах, как будто я не дворец для нее выстроил, а тюрьму.

Зик оцепенел. Он и так сидел неподвижно и не видел для себя иного выхода, кроме как вконец

закаменеть. Сердце выбивало о ребра тревожную дробь, в горле с каждой секундой все нарастал и нарастал комок.

Доктор — как его стали называть с некоторых пор — дал мальчику осмыслить услышанное и лишь тогда обернулся, эффектно взмахнув накидкой:

— Пойми, мне пришлось сделать выбор. Коечем пришлось поступиться. Оказавшись перед лицом этих людей, перед лицом их лишений и бедствий — в которых не было моей вины, — я был вынужден залечь на дно, чтобы хоть как-то восстановить силы. После случившегося, — продолжил он, чеканным голосом выводя симфонию невзгод, — я не мог так вот просто вернуться и заявить о своей невиновности. Я не мог восстать из праха и провозгласить, что не сделал ничего плохого и никому не причинил вреда. Кто бы стал меня слушать? Кто бы поверил моим словам? Надо признать, молодой человек, я и сам бы себе не поверил.

— Вы хотите сказать, что вы… вы…

Ровное течение монолога нарушилось. Бесцветным тоном Миннерихт произнес:

— Ты мальчик неглупый. А если и нет, то должен был вырасти таким. Но и здесь я до конца не

уверен. Твоя *мать*... — Слово вновь прозвучало в его устах ядом. — Увы, я не могу поручиться за ее вклад.

— Эй, — возмутился Зик, разом позабыв все советы Анжелины, — не смейте так говорить о ней. Она работает не покладая рук, и ей очень тяжко приходится из-за... из-за *вас*, а как же иначе. Она мне сказала пару дней назад, что на Окраине ее никогда не простят из-за *вас*.

— Что ж, если горожане не могут ее простить, то с чего должен прощать я? — спросил доктор Миннерихт. Однако, встретив неповиновение со стороны подопечного, добавил: — Тогда случилось много всего. Я и не ожидал, что ты все поймешь. Но давай пока оставим эту тему. Обсудим ее потом. Ведь я только что обрел сына. Такое событие стоит отпраздновать, не находишь?

У Зика никак не получалось успокоиться. С тех пор как он очутился за стеной, в его жизни стало слишком много неразберихи и страха. Он и так подозревал, что ему угрожает опасность. А теперь еще этот человек оскорбляет его мать. Это было чересчур.

Настолько чересчур, что почти уже не играло роли, действительно ли доктор отец ему или нет. Зик и сам не знал, почему ему не верилось в

слова Миннерихта. И тут в его памяти всплыли прощальные слова принцессы.

«Как бы он тебя ни уверял, что бы ни говорил, он здесь чужак и вовсе не тот, за кого выдает себя. Правды он тебе никогда не скажет, потому что ему выгодно лгать».

Но что, если он не лгал?

Что, если лгала Анжелина? Ведь сама она, хоть и расписала Миннерихта как монстра, которого боится весь мир, превосходно ладила с воздушными пиратами.

— Я принес тебе кое-какие вещи, — вымолвил доктор и показал ему матерчатую сумку — то ли чтобы отвлечь от внутренней борьбы, то ли просто на прощание. — Через час ужинаем. Яоцзу зайдет за тобой и отведет ко мне. Вот там-то и поговорим обо всем, чего твоя душа желает. Я отвечу на твои вопросы — уверен, их накопилось немало. Я расскажу тебе все, что тебе хотелось бы знать, ибо, в отличие от твоей матери, я не держу ни от кого тайн — ни от тебя, ни от других. — Сделав шажок к двери, он добавил: — Возможно, тебе лучше оставаться в этой комнате. Если ты заметил, дверь запирается изнутри. Наверху у нас небольшая проблема. Судя по всему, у нашего оборонного периметра скапливаются трухляки.

— А это плохо?

— Конечно же плохо, но не ужасно. Шансов прорваться в здание у них практически никаких. И все же осторожность никогда не помешает.

С этими словами он вышел из комнаты. И снова Зик не услышал щелканья замка. Действительно, дверь можно было запереть изнутри на засов. Но опять-таки у него отняли маску. Далеко ли здесь уйдешь без нее?

— Не особо, — тоскливо заключил он вслух.

И тут же подумал, что за ним могли подсматривать или подслушивать. Захлопнув от греха подальше рот, мальчик направился к сумке с одеждой. Доктор оставил ее возле умывальника вместе с чашей чистой воды.

Не заботясь, как он при этом выглядит, и демонстрируя чудовищную невоспитанность, Зик приник к фарфоровой емкости и пил, пока не осушил полностью. Его поразило, насколько же ему хотелось пить и есть. Все остальное его тоже поражало — дирижабли, крушение, вокзал, доктор, — но он не знал, что из этого принимать на веру. А вот желудок… Ему можно было доверять. И желудок заявлял, что тоскует без пищи несколько дней.

Но сколько же? Сколько времени прошло? Он

даже успел два раза поспать: в подвале башни, под обломками, и вот теперь здесь, на вокзале.

Зик подумал о матери. И о том, как чудесно все распланировал: быстренько сделать вылазку в город и вернуться домой, пока мать не начала сходить с ума от беспокойства. Он надеялся, что с ней все хорошо. Что она не наделала глупостей, не свихнулась от страха… но его не оставляло ощущение, что надежды эти напрасны.

В сумке мальчик обнаружил стираные брюки, рубашку и носки без единой прорехи. Он стащил с себя измаранные вещи и переоделся в чистые, непривычно ласкавшие кожу. Даже шерстяные носки оказались гладкими и ничуть не колючими. Только ноги чувствовали себя странно в старой обуви. Там, где в прежних носках красовались дырки, ботинки натерли мозоли. Теперь натирать было нечего.

На полочке над умывальником нашлось зеркало. С его помощью Зик изучил ссадину на голове и многочисленные синяки, которых так просто было не разглядеть.

Из-за зеркала на него глядел чумазый подросток, но все же не такой чумазый, как всегда. Ему это понравилось. Одежда хорошо смотрелась на нем, и даже толстая повязка на руке не портила

впечатления.

Яо-цзу беззвучно отворил дверь. Зик чуть не выронил зеркало, когда заметил в уголке искаженное отражение китайца.

— Могли бы и постучать, — произнес он, обернувшись.

— Доктор пожелал, чтобы ты составил ему компанию за ужином. Он полагает, ты мог проголодаться.

— Ну еще бы не полагал! — сказал Зик… и почувствовал себя очень глупо. В уютном убранстве комнаты, в опрятной новой одежде ему отчего-то хотелось лучше себя вести, чище выглядеть и чище разговаривать. Но взять и в один миг измениться он не мог, так что невинно добавил: — Что будем есть?

— Если не ошибаюсь, жареную курицу. Возможно, с картофелем или лапшой.

У Зика потекли слюнки. Он уже и не помнил, когда в последний раз *видел* жареную курицу, не то что ел.

— Ведите, я за вами! — объявил мальчик с искренним воодушевлением, в котором разом потонули все страхи, копошившиеся на задворках его разума.

Вслед за китайцем он вышел в коридор, и

увещевания Анжелины вместе с его личными тревогами сами собой забылись.

За очередной дверью без засовов, украшенной по углам резными фигурами драконов, их встретила комната, похожая на гостиную, только без окон. За ней находилась столовая, достойная какого-нибудь замка.

На всю длину помещения вытянулся узкий стол, накрытый хрустящей белой скатертью; вдоль него были равномерно расставлены стулья с высокими спинками. Сервировка была на двоих. Места располагались не друг напротив дружки — иначе товарища по трапезе было бы просто не разглядеть, — а рядышком, во главе стола.

Его уже поджидали. Доктор шептался о чем-то с причудливо одетым чернокожим мужчиной с бельмом на левом глазу, но Зик не расслышал, о чем шла речь. Наконец беседа закончилась, Миннерихт отпустил своего подручного и повернулся к Зику:

— Наверное, ты умираешь с голоду. Во всяком случае, вид у тебя истощенный.

— Угу, — буркнул Зик, плюхнувшись на стул.

Почему к ним не присоединился Яо-цзу, его совершенно не заботило. Его не волновало даже, что за тип сидит с ним рядом, — родной отец, при-

крывшийся выдуманным именем, или какой-то самозванец. А волновала его одна-единственная вещь — разделанная птичья тушка под золотистой корочкой, истекавшая соком у него на тарелке.

Возле тарелки лежала тканевая салфетка, сложенная в форме лебедя. Не удостоив ее вниманием, мальчик потянулся за куриной ножкой.

Сам доктор вооружился вилкой, но осуждать застольные манеры Зика не стал.

— Матери стоило лучше тебя кормить. Понимаю, на Окраине сейчас непросто живется, но все же. Растущему мальчику необходимо хорошо питаться.

— Да кормит она меня, — отозвался тот, набив рот мясом.

И внезапно что-то в словах доктора смутило его, тонкой птичьей косточкой застряло в зубах. Он хотел попросить разъяснений, как Миннерихт проделал одну необычайную вещь.

Он снял маску.

На это ушло некоторое время, и процедура оказалась довольно замысловатой — сначала еще нужно было совладать с целым сонмом пряжек и застежек. Но вот пала последняя из них, увесистая стальная конструкция легла на стол,

и выяснилось, что под ней все-таки скрывалось человеческое лицо.

Красотой это лицо не отличалось, цельностью — тоже. От уха до верхней губы кожа представляла собой сплошной пузырчатый шрам размером с ладонь, намертво запечатавший правую ноздрю и стянувший мышцы вокруг рта. Один глаз открывался и закрывался с трудом, потому что поврежденная кожа вплотную подходила к веку.

Как Зик ни старался, он не мог отвести глаз. Впрочем, прекратить есть он тоже не мог. Желудок захватил над ним власть и управлял руками и ртом по своему усмотрению; оторваться от тарелки было немыслимо.

— Ничего, можешь смотреть, — произнес Миннерихт. — Заодно можешь считать себя польщенным. Без маски я чувствую себя в безопасности всего в двух местах: в этой комнате и в своих личных покоях. Людей, которые видели меня без нее, можно пересчитать по пальцам одной руки.

— Спасибо, — сказал Зик, едва удержавшись от вопросительной интонации, поскольку сомневался, гордиться ему теперь или тревожиться. И солгал: — Да не так уж и страшно-то. На Окраине я видел людей с ожогами от Гнили, у них все хуже.

— Это не от Гнили. Обычный ожог от огня, хотя приятного тоже мало.

Миннерихт с усилием открыл рот и начал есть, откусывая мясо небольшими порциями, в отличие от голодного мальчика, который запихнул бы ножку в рот целиком, если бы на него никто не смотрел. Понаблюдав, как двигаются губы доктора, как натужно раздувается единственная его здоровая ноздря, Зик понял, что лицо его частично парализовано.

И без маски, искажающей голос, сразу стало заметно, что ясность речи дается ему с некоторым напряжением.

— Сын, — промолвил он. Зик поморщился, но решил не спорить. — Боюсь, у меня есть для тебя… огорчительные новости.

Зик сжевывал, что мог, а остальное попросту проглатывал, пока не унесли.

— А именно?

— До моего сведения дошло, что твоя мать проникла в город и разыскивает тебя. На место, куда она заявилась с расспросами, напала шайка трухляков, и теперь ее нигде не могут найти. Здесь, за стеной, с трухляками постоянная головная боль. Кажется, я упоминал, что в данную минуту у нас тоже из-за них небольшие неприятности,

так что едва ли в этой встрече стоит винить ее беспечность.

Мальчик забыл про еду:

— Погодите… Что вы сказали? С ней все в порядке? Она пришла сюда, чтобы искать *меня?*

— Боюсь, это так. Думаю, мы смело можем накинуть ей несколько очков за упорство, хотя и не за исключительные родительские навыки. Ты что, не видел раньше салфетки?

— Я не… *где она?*

Доктор, похоже, взглянул на ситуацию с новой стороны и поспешно уточнил:

— Мне никто пока не доносил о ее смерти, и нет никаких признаков, что она была укушена и подцепила заразу. Она всего лишь… пропала… после этого события. Возможно, еще где-то объявится.

На тарелке почти ничего не осталось, но у Зика теперь кусок не шел в горло.

— А вы собираетесь ее искать? — спросил он.

Не зная, какой ответ ему хочется услышать, мальчик не решился торопить Миннерихта, когда молчание затянулось.

— Да, несколько моих людей высматривают ее, — сказал тот наконец.

Зику не понравилась нарочитая осторожность этой фразы и сам ее тон.

— И как вас понимать? — С каждым словом он все больше срывался на крик. — Ну да, она не лучшая на свете мама, но и я не лучший на свете сын, так что пока мы квиты. Если она сейчас в беде, то я должен ей помочь! Мне нужно… нужно срочно ее найти, я не могу тут оставаться!

— Абсолютно исключено. — Властные нотки в его голосе не подкреплялись ни единым жестом, словно доктор не был уверен, как вести себя дальше. — Ничего такого ты не сделаешь.

— Это кто сказал? Вы, что ли?

— За пределы вокзала выходить небезопасно. Ты и сам уже это понял, Иезекииль.

— Но она моя мать и оказалась тут по моей вине, и…

Выйдя из оцепенения, Миннерихт встал и отпихнул стул; салфетка слетела на пол.

— Даже если на тебе и есть какая-то вина, я твой отец, и ты останешься здесь, пока я не разрешу тебе уйти!

— Нет!

— Думаешь, не смогу удержать? Ошибаешься, сынок.

— Нет, вы мне не отец. Я думаю, вы все врете. Не пойму только, зачем вам понадобилось внушать остальным, что вы Левитикус Блю, его ведь все

ненавидят. — Зик соскочил со стула и попятился, в спешке чуть не угодив рукой в тарелку. — Вы так говорите о моей матери, будто были знакомы с ней, но это ложь. Держу пари, вы даже имени ее не знаете.

Миннерихт взял маску и принялся натягивать ее обратно, будто броню, которая защитит его от любых словесных атак.

— Что за вздор ты несешь. До замужества она звалась Брайар Уилкс, потом — Брайар Блю.

— Это всем известно. А теперь скажите мне ее *второе* имя! — торжествующе потребовал Зик. — Спорим, вы его не знаете!

— Да при чем тут это? Мы с твоей матерью… столько времени прошло с тех пор. Больше, чем ты на свете живешь!

— Ах, ну что за славное оправдание, *доктор,* — хмыкнул Зик, и подступившие было слезы растворились без следа в сарказме. — Какого цвета у нее глаза?

— Прекрати. Прекрати немедленно, или это сделаю я.

— Вы ее не знаете. Никогда не знали. И меня тоже.

Наконец шлем с клацаньем сел на место, хотя доктор едва притронулся к еде.

— Это я-то не знаю?! Милый мальчик, да я ее знаю получше твоего. Мне ведомы тайны, которыми она никогда с тобой не…

— А мне без разницы, — заявил Зик. Только от слов его куда сильнее веяло отчаянием, чем ему хотелось бы. — Мне просто надо найти ее.

— Я же сказал, ее ищут мои люди. Это мой город! — с внезапной горячностью добавил Миннерихт. — Мой! И если сейчас она в нем…

Зик перебил его:

— То она тоже принадлежит вам?

К его удивлению, доктор не стал возражать, лишь бросил сухо:

— Да. Как и ты.

— Я тут не останусь.

— У тебя нет выбора. Точнее, выбор есть, но не очень приятный. Можешь остаться здесь и разместиться со всеми удобствами, пока другие разыскивают твою своенравную мать. А можешь без маски вылезть на поверхность и задохнуться, или подцепить заразу, или умереть еще какой-нибудь ужасной смертью. И все. Других вариантов пока не предвидится, так что почему бы тебе не пойти в твою комнату и не устроиться поуютнее?

— Ни за что. Так или иначе я отсюда выберусь.

— Не будь кретином! — прошипел доктор. — Я готов дать тебе все, в чем она тебе отказывала с самого детства. Я готов сделать тебя наследником. Стань мне сыном — и увидишь, какой властью будешь обладать — вопреки закоснелым слухам и предрассудкам, вопреки неурядицам между мной и этим городом.

В голове Зика быстро и бестолково проносились мысли. Ему нужна маска, тут и гадать нечего. Миннерихт не ошибся: без нее он обречен.

— Я не желаю… — начал было он, но так и не придумал, как закончить мысль. И попробовал еще раз — без всякого пыла, подражая тупой бесстрастности докторской маски: — Я не желаю сидеть у себя в комнате.

Почуяв близость компромисса, Миннерихт успокоился:

— Наверх тебе подниматься нельзя.

— Угу, — согласился мальчик. — Понимаю. Но я хочу знать, где моя мама.

— Поверь, я хочу этого не меньше тебя. Если я дам тебе слово, ты обещаешь вести себя как подобает цивилизованному молодому человеку?

— Может быть.

— Хорошо, тогда я рискну. Даю тебе слово, что если мы найдем твою мать, то в целости и со-

хранности доставим сюда и ты сможешь с ней увидеться, а потом вы оба можете уйти, если вам будет угодно. Ну что, все по-честному?

Вот это как раз и смущало. Все было слишком по-честному.

— В чем подвох?

— Ни в чем, сынок. А если от кого и ждать подвоха, то от твоей матери. Если она и вправду о тебе заботится, а не делает вид, то уговорит тебя остаться. Ты мальчик смышленый, и мы, я считаю, многому могли бы друг у друга научиться. Я могу обеспечить тебе намного более достойные условия жизни, чем она, и если уж на то…

— А, понял. Вы собираетесь заплатить ей, чтобы ушла.

— Не глупи.

— Ну а разве не так? — спросил Зик. Он больше не сердился. Он был удивлен, разочарован и сбит с толку. Зато ему дали обещание. Сдержат его или нет, но уже было с чего начинать. — Хотя мне без разницы. Сами разберетесь. Мое дело сторона. Я хочу лишь одного: знать, что с ней все нормально.

— Ну видишь, можем ведь договориться! Я разыщу ее и приведу сюда. Детали обсудим позже. Что же до первой попытки отужинать в семейном

кругу… Давай считать ее законченной, — сказал он, глядя мимо Зика — на мужчину, стоявшего в дверном проеме.

Это был все тот же чернокожий с бельмом. Требуя внимания доктора, он многозначительно повел подбородком.

— Хочу маску, — вставил Зик, пока момент еще не окончательно был упущен и Миннерихт его слушал.

— Нельзя.

— Вы просите, чтобы я вам доверял. Но как, если вы даже вот столечко не доверяете мне в ответ? — пожаловался мальчик.

— А ты и в самом деле умен. Рад это видеть. Однако маска тебе нужна с единственной целью — сбежать отсюда, а я пока не готов принять на веру твои заверения, что ты останешься здесь по собственной воле. Так что, боюсь, не в моей власти удовлетворить сию разумнейшую петицию.

— Что это значит? — буркнул Зик. Умные слова всегда его бесили.

— Это значит «нет». Маски ты не получишь. Впрочем, в комнате тебе сидеть не обязательно. Гуляй где вздумается. Далеко тут не уйдешь. И поверь мне на слово: в пределах моего королевства нет такого места, где я не смогу тебя найти.

Понял?

— Понял, — ответил мальчик и угрюмо ссутулился.

— Яо-цзу тебя… Черт подери, Лестер, где Яо-цзу?

— Не могу знать, сэр, — отозвался Лестер, хотя вряд ли это было правдой, скорее он не желал говорить при постороннем.

— Прекрасно. Просто замечательно. Уйти в такой момент, чтобы… Ну и пусть. Ты. Идем со мной, — бросил он Лестеру. — А ты, сын, чувствуй себя как дома. Осмотрись. Займись чем хочешь. Только я бы советовал тебе оставаться на этом этаже. Когда я найду твою мать, то сразу приведу к тебе. И как бы ты ни относился ко мне, что бы там себе ни нафантазировал, имей в виду, что, даже если ты как-то выберешься на поверхность и начнешь собственные поиски, я все равно найду ее первым. Если не хочешь разминуться с ней, держись поближе к дому.

— Тоже мне «дом»! — проворчал Зик. — Сказал же — понял я все.

— Отлично, — произнес Миннерихт.

Это было не столько утверждение, сколько приказ оставить его. Однако первым из комнаты вышел он сам, чуть ли не волоком таща за собой

Лестера.

Когда они ушли, столовая оказалась в распоряжении Зика. Походив туда-сюда, он вернулся к своей тарелке, но садиться не стал. Мальчику нужно было подумать, а лучше всего ему думалось на полный желудок и на ходу, так что он сгреб остатки курицы и обгладывал их, пока на косточках не осталось ни следа мяса; тогда настала очередь порции, не доеденной доктором.

Очистив его тарелку и задумавшись мимоходом, где тут размещалась кухня, Зик испустил могучую отрыжку и еще немного поразмыслил о респираторах.

У доктора Миннерихта — Зик отказывался думать о нем как обо отце — где-то должен быть запас. Очевидно, его собственная маска была сделана в единственном экземпляре — для него одного, но ведь здесь жили и другие люди. Взять хотя бы Яо-цзу и одноглазого негра. А еще ведь тут столько комнат, с замками и без замков, — за ними тоже кто-то должен присматривать. Сверху доносился звук шагов — тяжелых, ходили явно в сапогах. Иногда это была скучающая поступь часового, иногда — топот бегущих людей.

Кто бы ни были эти неизвестные, они не сидели безвылазно под землей. Они сновали взад

и вперед. Где-то у них наверняка была большая кладовка, и если бы Зик нашел ее, то не побрезговал бы стянуть оттуда маску.

Если бы.

Однако же, послонявшись какое-то время по округе, он не обнаружил ни тайника с противогазами, ни людей. Вокзальный подвал словно вымер, если не считать топота ног, что долетал временами издалека, еле слышных обрывков разговоров и шипения труб в стенах, перегонявших воду и пар.

Безусловно, кто-то должен был обслуживать гостевые комнаты; кто-то приготовил для них с доктором еду и позже явится, чтобы прибрать. Во всяком случае так говорил себе Зик, блуждая по дозволенным хозяином этажам.

Наконец чутье вывело его к кухне; порывшись в буфете, мальчик стал обладателем нескольких шматков вяленого мяса, завернутых в вощеную бумагу, пары блестящих яблок и горстки сушеных вишен, оказавшихся на вкус послаще конфет. Откуда взялись свежие продукты, которые подавали им за ужином, оставалось неясным, однако он был рад своему улову и утащил все с собой, на случай если вечером или ночью захочется перекусить.

Зик не нашел того, что искал, но потребность что-нибудь этакое умыкнуть и припрятать была на время утолена. Он вернулся к себе в комнату и присел на краешек кровати, с вялой тревогой размышляя о дальнейших своих действиях. В желудке приятным теплым грузом лежала жареная курица. Вскоре сытость навалилась на него всем весом и опрокинула на матрас, все дальше увлекая в объятия неги. В конце концов она заманила мальчика под одеяло — и тот, желая лишь прикрыть глаза на минутку, не просыпался уже до самого утра.

24

На следующее утро Зик проснулся с намерением воплотить вчерашний план. Набив карманы припасенной снедью (за вычетом того, что пошло на завтрак), он выбрался в коридор и отыскал лифт. Решетка была задвинута, но легко поддалась. Зайдя в корзину, мальчик растерялся. С проволочного каркаса, заменявшего ей потолок, свисало целых четыре рукояти, и одна из них вполне могла включать сигнал тревоги.

Здесь должна быть лестница.

Обязана просто.

А еще здесь должны быть люди. Он как раз думал об этом, когда из-за угла дружно вылетели двое взбудораженных типов — замечательно долговязый китаец и замечательно низенький белый. Завидев Зика, они прервали разговор и с любопытством уставились на него.

— Привет, — сказал он.

— Привет, — откликнулся кругленький белый тип. Он был одного роста с Зиком, зато в обхвате — шире в три-четыре раза. Его талию экватором огибал ремень, поверх разросшейся шевелюры

красовалась фуражка военного образца. — Ты сынишка Блю?

— Я Зик, — уклончиво ответил он. — А вы кто?

Ему тоже отвечать не торопились.

— Куда это ты собрался? Наверху полно трухляков, малец. Если у тебя в черепушке есть хоть капелька мозгов, оставайся здесь. А то тебе несдобровать.

— Никуда я не собрался, просто гуляю. Доктор разрешил.

— Неужели?

— Ну да.

Высокий худой китаец наклонился, чтобы получше его рассмотреть, и резким хриплым голосом спросил:

— А где Яо-цзу? Не наша это работа — за детишками приглядывать.

— А что, это его работа?

— Наверное, ему нравится быть у доктора на подхвате, — проронил коротышка. — А может, и нет, не знаю. Но терпит как-то.

Кивнув, Зик взял услышанное на заметку — на случай, если это важно.

— Ладно. Я вот еще что хотел спросить. Как мне наверх попасть? Внизу я все уже осмотрел, скучно.

— Ты вообще меня слушал? Небось и шума тоже не слышишь? Там *трухляки,* мальчик. Я даже отсюда слышу.

Рослый азиат с узкими карими глазами поддержал его:

— На верхнем этаже опасно. Трухляки и Дохлые — скверная смесь.

— Ну серьезно, ребята, — заискивающе начал Зик, чувствуя, что они готовы махнуть на него рукой и убежать по своему срочному делу. — Трудно помочь, что ли? Я просто хочу осмотреть свой новый дом.

После краткого обмена жестами высокий удалился. Его низкорослый товарищ покачал головой:

— Нет, не выйдет. И не ходи наверх, коли сам себе не враг. Там сейчас неспокойно. В здание со всех сторон лезут трухляки, будто их нарочно кто подпускает. И это еще не все проблемы.

— А что еще-то?

— А то, что у папаши твоего не особо много друзей за стенами вокзала и временами местные поднимают бучу. Тебе в это влезать ни к чему. А мне ни к чему, чтобы на меня потом все свалили.

— Если вдруг меня наверху убьют, обещаю

никому не рассказывать, что ты мне помог. Договорились?

Рассмеявшись, толстячок заложил большие пальцы за ремень:

— Уел, уел. Что ж, план толковый. Управляться с лифтом я тебя не научу — не мое это дело, да и не люблю я дергать за всякие там шнуры. Но если свернешь вон за тот угол и до конца пройдешь налево, то увидишь лестницу. Только если кто-нибудь спросит, то я тебе ничего не говорил. И если вдруг задержишься здесь, не забывай, кто оказал тебе услугу.

— Спасибо! — просиял Зик. — Не забуду, будь спок. Ты настоящий друг.

— А то! — хмыкнул коротышка.

Но Зик уже удалялся от него трусцой, переходящей в бег. Через несколько мгновений он отыскал лестницу и с новообретенной уверенностью понесся по ступенькам. Даже если на верхнем этаже и творится что-то неладное, там могут быть люди в респираторах. Не важно, какого типа, неважно, у кого придется красть. — Зик раздобудет маску даже ценою жизни.

Освещение на лестничной клетке отсутствовало, и никаких способов разогнать потемки ему на ум не приходило, но преодолеть нужно было

всего один пролет, а не умолкавший наверху шум служил прекрасным ориентиром.

Судя по звукам, по вокзалу взад-вперед бегали здоровенные мужики. В общей какофонии выделялись крики. Спотыкаясь чуть ли не на каждом шагу, Зик поднимался все выше, пока здание не сотряс взрыв. Мальчик беспомощно замахал руками, пытаясь ухватиться за перила или еще какую-нибудь опору, однако потерпел неудачу и упал на четвереньки.

Когда затихли последние отголоски, Зик поднялся на ноги, вытер пыль о штаны и на ощупь двинулся вдоль стены. Вскоре на уровне пола возникла полоска белого света — очевидно, щель под дверью. Не отыскав ничего похожего на ручку, Зик изо всех сил налег на панель. Тем временем суматоха снаружи разгоралась пуще прежнего, и у него стали появляться сомнения, так ли уж сильно ему туда надо.

К воплям и топоту добавился узнаваемый грохот выстрелов.

Зик прекратил мучить дверь и замер. Встревоженный пальбой, он готов был пойти на попятную. Похоже, там кипела настоящая война — ничего похожего на тишину и роскошь покоев, пустовавших этажом ниже. Не о том ли Лестер

нашептывал Миннерихту на ухо?

Он ни разу еще не видел вблизи настоящего, голодного трухляка. И уж тем более — целой своры.

В иррациональном порыве любопытства Зик принялся искать ручку вновь.

Чуть выше, чем ей положено было находиться, его пальцы нашарили какую-то штуку вроде рычага. Он схватился за нее и дернул. Ничего не произошло. Навалившись всем весом, мальчик потянул с удвоенной силой, однако дверь не сдвинулась с места.

И тут ее вышибли с другой стороны.

От мощнейшего удара дверь распахнулась, припечатав Зика к стенке. Из груди выбило дыхание, и он рухнул на пол, сжимая голову, хотя прикрывать ее было уже поздно. Разинув рот, он надсадно глотал воздух, от которого несло Гнилью и пороховой вонью. В горле появилось ощущение чего-то клейкого, и его чуть не вырвало. Звук вышел сдавленный и слабый — на фоне тарарама, царившего за дверным проемом, его нельзя было услышать.

И все-таки услышали.

Кто-то заглянул за дверь и обнаружил за ней мальчишку, бесформенной грудой осевшего на

пол и спрятавшего лицо в ладонях. Этот кто-то отбрасывал очень широкую тень. Даже сквозь пальцы Зику было видно, что темная громада перегораживает весь проем.

— *Эй, ты! Что здесь делаешь? Вставай,* — выговорил мужчина через некое приспособление, превращавшее голос в механический гул. Казалось, каждое его слово пропущено через металлическое сито.

— Я… э-э-э… закройте дверь, а?

Зику было страшно: все больше пуль сновало между стенами, кошмарное громыхание выстрелов раздавалось совсем рядом. Щурясь, он отвел руки от лица и всмотрелся в силуэт, обрисовавшийся на фоне проема, но ничего не разглядел, кроме общих очертаний — не вполне человеческих. Силуэт принадлежал мужчине, облаченному в броню или костюм со стальными вставками, а также маску, напоминавшую формой бычью голову.

В течение нескольких секунд незнакомец хранил молчание; свистели пули, с лязгом отскакивая от наплечников. Наконец он вымолвил:

— *Детям тут не место, слишком опасно. Что ты делаешь здесь?*

Говорил он медленно, словно от ответа зависе-

ло очень и очень многое.

— Выбраться пытаюсь! У меня внизу отняли маску. Я думал…

В ход его мыслей грубо вмешался грохот, огласивший полумрак у верзилы за спиной, — такой громкий и раскатистый, что револьверы тут были явно ни при чем.

— Что это? — чуть ли не взвизгнул Зик.

Зашатавшись под силой взрыва, мужчина широко расставил ручищи и уперся в дверную раму, чтобы удержаться на ногах.

— *Это Ударный Звукомет доктора Миннерихта. Он… он стреляет в людей звуком, не хуже настоящей пушки.* — Судя по всему, он хотел добавить еще каких-то подробностей, но передумал и сказал: — *А насчет выбраться — хорошая мысль. Только не отсюда. Лучше тебе не…* — И произнес вдруг: — *Иезекииль. Тебя ведь так зовут, да?*

— А вы кто? И какая вам разница?

— *Я знаю одного человека, который тебя разыскивает,* — пояснил незнакомец, но мальчика такой ответ не успокоил.

Первым делом Зику вспомнилось лицо великана, дирижабль которого рухнул во дворе форта.

А этому типу хватало природных габаритов, чтобы наглухо перегородить проход, так что он

мог быть капитану роднёй, а то и хуже — членом экипажа или наемником. В списке интересующих Зика занятий возвращение к человеку, у которого каждая ладонь была величиной с ведро, занимало последнее место. Еще его тревожило, что незнакомцу в маске известно его имя, — это осложняло дело, ведь теперь воздушный пират знал, кого ищет, и высылал за беглецом подручных.

— Нет, — разом ответил Зик на все вопросы. — Оставим это. Отпустите меня.

Мужчина покачал головой; маска заскребла по металлическим наплечникам, поскрипывая на стыках.

— *Можешь идти, только сюда не суйся. Погибнешь.*

— Мне нужна маска!

— *А знаешь что?* — Бросив взгляд через плечо, здоровяк приметил что-то любопытное. — *Подожди-ка здесь, я сам тебе принесу.*

Обойти его не вышло бы при всем старании — совсем как крепостной ров. Но если он отлучится на пару секунд, то у Зика появляется время на бросок…

— Хорошо, — шепнул он и кивнул.

— *Обещаешь никуда не уходить? Дождешься?*

— Да, сэр, — заверил его Зик.

— *Отлично. Через минуту вернусь.*

Но едва громила, бряцая доспехами, отвернулся, Зик юркнул мимо него и кинулся в сторону, подальше от очага схватки.

Стоять на месте было слишком жутко и отнюдь не безопасно, так что он пригнулся и скользнул к ближайшему укрытию — штабелю ящиков, которые таяли потихоньку от ударов пуль, выбивавших из них щепку за щепкой. По спине обжигающей кистью мазнул раскаленный кусок металла, продырявив рубашку.

Он попытался дотянуться рукой до саднящей полоски кожи между лопатками, но не смог и бросил это занятие, рассудив, что еще не умер и даже не умирает. Если уж на то пошло, голова у него болела куда сильнее, сильнее даже рассаженной руки.

Зик забился в угол, с ужасом глядя на открывшуюся глазам сцену.

Все помещение было поделено между враждующими сторонами. Заслышанные еще внизу звуки не обманули — здесь действительно кипела война. Только вот, вопреки заявлениям доктора и других, мальчик не увидел никаких трухляков — сопящих, подволакивающих ноги мертвецов,

каких ему описывали. Он видел лишь вооруженных людей, ожесточенно паливших друг по другу. Между ними раскинулась блестящая гладь мраморного пола, который некогда был красивым, а теперь пестрел щербинами. С одной стороны засели три китайца в компании пары типов, одетых примерно как матросы с «Клементины». С другой — Лестер и горстка парней, явно прибывших на место боя из вокзальных подвалов.

С потолка сталактитами свисали каскады сияющих ламп, заливая светом затянутые паутиной и пылью закоулки, где разворачивались ужасные события.

Вдоль глухих стен размещались скамейки с мягкими сиденьями и искусственные растения из шелка; поливать их не требовалось, а вот заштопать теперь не помешало бы, настолько их изрешетили. За кадками с растениями, под скамейками, между аккуратными рядами стульев, скрепленными между собой и привинченными к полу, со злобными гримасами прятались люди и делали все возможное, чтобы сломить волю противников или попросту перебить их.

Зик не вполне представлял, куда его занесло, — похоже, в пассажирский зал. И не узнавал никого, кроме Лестера; не знал, из-за чего они сцепились.

На одних были маски, на других — нет. И по меньшей мере трое лежали мертвыми на глянцевых плитах — двое ничком, один навзничь. У последнего отсутствовала б***о***льшая часть горла, потускневший взгляд был устремлен куда-то в незримые небеса.

А вот на одном из лежавших ничком была маска.

К немалому изумлению Зика, парень в доспехах как раз пытался стянуть ее. Шея трупа болталась, как пустой носок, но вот соскользнул последний ремешок, а вместе с ним и маска.

Здоровяк обернулся и поискал глазами выход на лестницу. Увидев, что дверь распахнута, а Зика и след простыл, он громко выругался и завертелся на месте. В лопатку ему с нежным кимвальным звоном ударила пуля, однако явного вреда не причинила.

Наконец он заметил мальчика, забившегося за ящики.

На миг тот испугался, что сейчас верзила сдернет со спины свою гигантскую пушку и выстрелит; тогда его разнесет на тысячу кусочков — да так, что родная мать не признает.

Вместо этого незнакомец сгреб маску ладонью, скатал в комок и швырнул мальчику на колени,

после чего выхватил из-за пояса здоровенный шестизарядный револьвер и принялся палить по всему залу, расчищая себе дорогу к отступлению. А может, и Зику — тот внезапно засомневался, правильно ли судил о здоровяке.

На дальнем конце помещения виднелась еще одна дверь, и в нее ломился кто-то очень крупный. А может, и не очень — просто «кого-то» было *много.*

Это были не единичные удары, наносимые машиной или тараном. На дверь шел беспрестанный, настырный натиск, в нее били и колотили. Меж тем ее хорошо укрепили изнутри. Даже из угла было видно, что дверь забаррикадирована так, будто с той стороны ожидалась целая армия.

Может, она-то сейчас и нагрянула?

Пока что дверь выдерживала, но парень в доспехах уже кричал ему:

— *Чего ждешь, возвращайся вниз! Найди другой выход. Иезекииль!* — добавил он, дабы не возникло путаницы с адресатом его слов. — *Выбирайся отсюда!*

Зик скрутил маску в узел и привстал.

Слева от него вскрикнул и рухнул на пол какой-то мужчина, утащив за собой портьеру, за которой прятался. Она укрыла его вместо савана.

Из-под бахромы вытекла красная лужица и стала медленно расползаться по серо-белой вязи полированного мрамора.

25

Зик лихорадочно озирался в поисках выхода. Кажется, так ему незнакомец и сказал — найти выход. Но иных вариантов, кроме двери, стонущей под напором некой чудовищной силы, и коридора, через который он сюда попал, на глаза не попадалось.

У мужчины в стальной одежке закончились патроны.

Хотя нет — патроны закончились лишь в одном из револьверов. Здоровяк заткнул его за пояс на животе, который надежно защищала металлическая пластина, выхватил из кобуры над бедром еще один и начал отход, ведя заградительный огонь.

Зик насчитал еще восьмерых мужчин, постреливавших из-за стульев и разбросанных кое-где ящиков. Он рассудил, что рано или поздно у всех них иссякнут боеприпасы и бой придется прекратить. Пока же свинцовому потоку не было конца; пули разлетались во все стороны, словно град на сильном ветру.

Мальчику не хотелось оставаться здесь. А спи-

на громилы все ближе придвигалась к коридору: он старался вытеснить Зика обратно на лестницу — и, кажется, это все-таки была не худшая идея на свете.

От двери его отделял всего один рывок по прямой, а все внимание отвлекал на себя детина, закованный в броню. С другой стороны, этот детина непременно последует за ним вниз. Однако здесь, наверху, царили лишь смерть и хаос.

Зик решил не упускать случая и выскользнул из укрытия.

Он сделал скачок, больше напоминавший короткий полет на минимальной высоте, приземлился посреди зала и закончил акробатический этюд неуклюжим броском, стремглав выпорхнув на лестницу и приземлившись на четвереньки. С небольшим отставанием подтянулся и здоровяк, отступавший с куда большей грацией, чем можно было ожидать. Он захлопнул дверь, навалился всем весом — и в тот же самый миг кто-то врезался в нее с другой стороны.

Зик мчался вниз по лестнице, теряя и восстанавливая равновесие, натыкаясь на углы. И вот он не мог уже видеть, что творится наверху; оставалось только слушать. Он вернулся на нижний этаж. Здесь было заметно тише: потолок и камен-

ные стены приглушали грохот выстрелов.

Оказавшись там, откуда начал, мальчик приуныл, пока не вспомнил о маске, в которую вцепился как в спасательный трос.

Миннерихт уверял, что маски Зику не видать, — и, как выяснилось, ошибся. Правда, ее только что сняли с трупа, но мальчик старался не думать о лице, которое совсем недавно за ней скрывалось. Он рассуждал философски: покойнику от нее теперь никакого толку, так что взять ее себе не зазорно и даже разумно. Однако ему не стало от этого менее противно, когда он потрогал стекло с внутренней стороны и понял, что оно до сих пор влажное от предсмертных вздохов другого человека.

Теперь у него есть респиратор, но что с ним делать? Куда идти? Может, лучше припрятать его в комнате, пока все не утрясется? Нет, так не пойдет…

На вершине лестницы человек в доспехах удерживал вход, только вот Зик не особо представлял, долго ли он продержится.

А у подножия лестницы, в коридоре с дверями и лифтом в конце, не было никого, кроме Зика.

Хорошо это или плохо, он понятия не имел. Его не покидало чувство, что все пошло наперекосяк.

Бушевавший наверху хаос быстро и неуклонно пробивал себе дорогу вниз, и на пути у него стояла одна-единственная дверь.

Скованный неуверенностью, Зик прислушался к выстрелам. Те раздавались все реже. Издали доносились стук, треск и шумная возня, но почти уже на пределе слышимости, так что об этом можно было пока не думать. Хозяин брони упрямо покряхтывал, отстаивая дверь.

На дальнем конце коридора с бряцанием цепей ожил подъемник. Сообразив, что все еще держит в руке присвоенную маску, Зик скомкал ее и засунул за пазуху. И крикнул, пока его не обвинили в соглядатайстве:

— Эй! Есть тут кто-нибудь? Доктор Миннерихт? Яо-цзу?

— Я здесь, — донесся голос Яо-цзу.

Китаец соскочил с платформы, не дожидаясь, пока та остановится. На нем было длинное черное одеяние со свободными рукавами, в котором Зик его раньше не видел. На лице пролегли угрюмые морщины, которые стали еще глубже, когда он увидел Зика.

Вытянув ручищу, китаец стиснул его плечо:

— Иди в свою комнату и закрой дверь. Она запирается изнутри на большой засов. Чтобы

выломать ее, понадобится катапульта. Какое-то время ты будешь там в безопасности.

— Что происходит?

— Ничего хорошего. Занимай оборону и жди. Все наладится.

Он торопливо потащил мальчика за собой, все дальше уводя его от лестницы и человека в доспехах.

— Но я не хочу… занимать оборону, не могу… — промямлил Зик, оглядываясь через плечо.

— А жить вообще непросто, — сухо бросил Яо-цзу. Остановившись перед дверью в апартаменты Зика, он грубо развернул его лицом к себе и скороговоркой выложил остальное: — У доктора много врагов, но обычно они держатся разрозненно и не представляют угрозы для нашей маленькой империи за стеной. Не знаю почему, но эти разрозненные силы неожиданно сплотились. Я подозреваю, что это как-то связано с тобой или твоей матерью. Так или иначе, они наседают на нас, вдобавок наделали кучу шуму.

— Шуму? А шум здесь каким боком?

Прижав палец к губам, Яо-цзу показал на потолок, потом зашептал:

— Слышишь? Нет, не выстрелы. И не крики. Стук. Стоны… Это не люди. Это трухляки. Су-

матоха привлекает их внимание. Для ходячих мертвецов это сигнал, что еда где-то поблизости. — И он повторил: — Если хочешь пережить эту ночь, закройся и больше двери не отпирай. Я тебя не запугать пытаюсь, а уберечь, из уважения к доктору.

С этими словами он зашагал прочь и скрылся за поворотом коридора. Черное одеяние развевалось, словно мантия.

Зик, недолго думая, зарысил обратно к лестнице, надеясь узнать что-нибудь новенькое — например, что путь свободен, а свистопляска наверху закончилась. Очаг столкновения вполне мог сместиться куда-нибудь еще, и тогда у него будет возможность поискать выход, не опасаясь посторонних.

Однако вскоре он вновь уловил звуки боя. А потом чей-то вой, в котором больше было от львиного рева, чем от человеческого крика.

Он чуть не дал деру, но заслышал вдруг еще какой-то звук — не столь уже угрожающий. И очень тихий — то ли стон, то ли хрип. Источник находился совсем рядом, за одной из дверей. А дверь была не до конца притворена, но и не распахнута настежь — заходи кто хочет.

Он все-таки решил зайти.

За дверью обнаружилась небольшая кухня, которая на кухню была совершенно не похожа. Но в какой еще комнате бывает столько чашек, горелок, сковородок и ламп?

Внутри из-за множества горящих конфорок стояла духота. Невольно сощурившись, Зик насторожил уши и вновь уловил тот же усталый вздох — из-под стола, частично накрытого скатертью, которая была когда-то обычным мешком. Мальчик отодвинул ее и сразу зачастил:

— Эй! Эй, ты что здесь делаешь? Что с тобой такое?

Ибо под столом свернулся в позе зародыша Алистер Мейем Остеруд собственной персоной. Зрачки у него были такие огромные и жуткие, что глаза эти, казалось, не видели ничего или видели все на свете.

Руди пускал слюни. Вокруг рта во множестве красовались свежие язвочки, напоминавшие череду вздувшихся ожогов. Каждый вдох сопровождался присвистом. Это был скрежет скрипичной струны, по которой медленно ведут смычком.

— Руди?

В ответ мужчина оттолкнул руку Зика и заскреб ногтями лицо, пробормотав в знак протеста

какое-то короткое словечко вроде «нет» или «нельзя».

— Руди, я думал, ты погиб. Думал, тебя в башне завалило обломками.

Он умолчал, что Руди и вправду выглядел полумертвым, — не придумав, как бы потактичнее об этом сообщить.

Тщательнее оглядев его, мальчик убедился: бывший солдат и в самом деле ранен — если и не смертельно, то очень сильно. Шея сзади была вся в синяках и царапинах, правая рука неестественно повисла. Из раны на плече вытекло столько крови, что рукав пальто насквозь отсырел и стал багрового оттенка. По трости с одного бока пробежала длинная трещина. Похоже, пользы от нее больше не было — ни в качестве опоры, ни в качестве оружия. Руди уронил ее рядом с собой и больше не замечал.

— Руди, — позвал мальчик, постучав костяшкой пальца по бутылке, которую тот прижимал к груди. — Что это, Руди?

Дыхание мужчины из поверхностного и сиплого стало почти незаметным. Страшные черные зрачки, разом созерцавшие все и ничего, начали резко сужаться, пока не превратились в точки. По животу Руди прошла глухая судорога, затем

перекинулась на туловище и выше — и вот уже клокотала в горле. У калеки затряслась голова, и на рубашку мальчику брызнула слюна.

Зик попятился:

— Руди, да что с тобой?!

Тот не отвечал.

Зато со стороны двери донесся чей-то голос:

— Он умирает. Как того и хотел.

Зик с такой прытью обернулся и вскочил на ноги, что приложился плечом об угол стола. Стиснув больное место, он проворчал:

— Черт, миссис Анжелина, а нельзя было постучать? Ну ей-богу, тут вообще никто не стучится!

— А смысл? — спросила она, войдя в комнату и присев на корточки; послышался отчетливый хруст суставов. — Ты бы меня все равно не пристрелил с перепугу, а он в таком состоянии не поймет даже, что я здесь.

Мальчик принял ту же позу — держась за край стола, просунул под него голову.

— Мы должны что-то сделать, — слабым голосом произнес он.

— А что, например? Помочь ему? Даже если бы я и хотела, теперь ему уже ничем не поможешь. Добрее всего с нашей стороны было бы пристрелить ему башку.

— Анжелина!

— Не смотри на меня так. Будь он псом, ты бы не дал ему страдать. Только он не пес. И я не против, чтобы он пострадал. Знаешь, что у него в бутылке? Вот в этой, которую он прижал к себе, как родное дитя?

— И что же?

Он высвободил бутылку из вялых пальцев Руди. Жидкость за поцарапанным стеклом была негустой и мутной, имела зеленовато-желтый оттенок и чуточку отдавала кислым душком Гнили, а еще соленой водой и, кажется, керосином.

— А бог его знает. Тут у них химическая лаборатория — пытаются сотворить с этой гадостью что-нибудь этакое, чтобы ее можно было пить, курить или нюхать. Жуткая пакость эта Гниль, трудно ее приспособить под людей. Ну а Руди, старый дезертир, просидел на ней много лет. Я ведь что тебе хотела внушить тогда, в туннеле: он потащил тебя сюда лишь потому, что надеялся на награду от Миннерихта. В один прекрасный день эта несчастная отрава должна была его убить, и, по-моему, сегодня как раз такой день.

Она бросила мрачный взгляд на бутылку, потом на лежащего мужчину.

— Мы должны ему помочь, — сказал Зик, не

желая мириться со смертью человека.

— Все-таки хочешь его пристрелить?

— Нет!

— Вот и я не хочу. Не заслужил. А вот мучений и смерти — вполне. Он в свое время много наделал мерзостей, чтобы раздобыть себе вонючего пойла. Или пасты, или порошка… Оставь его. Прикрой, если считаешь правильным. На этот раз ему не оклематься. — Она встала и, похлопав по столешнице, продолжила: — А по-моему, он не знал даже, что это. Искал небось, где бы поживиться своей любимой дрянью, забрел сюда и вылакал первую попавшуюся бутылку.

— Вы так думаете?

— Да, я так думаю. У Алистера и так с мозгами было туговато, а он и эти крохи угробил желтухой.

Зик тоже встал и завесил скатертью закуток под столом, где отбивала зловещий ритм о доски пола голова Руди. Он не мог больше смотреть на это.

— А вы что здесь делаете? — спросил он Анжелину, удовлетворяя сразу и любопытство, и потребность сменить тему.

— Разве я не говорила, что хочу его убить?

— Я думал, вы не всерьез!

Она в искреннем замешательстве ответила:

— А почему нет? В списке тех, кого бы мне тут хотелось убить, он не первый, но все-таки имеется.

Когда она замолчала, мальчик заметил, что грохот наверху сменился редкими всплесками шума. В дверь на дальнем конце зала никто больше не колотился — оттуда не доносилось ни звука. Хватая ртом воздух, он выдавил:

— Лестница. На лестнице был человек.

— Ага, Иеремия. Здоровый такой, как кирпичная стена. Весь в броне.

— Да, это он. Он… он нормальный?

Принцесса догадалась, к чему клонил Зик:

— Как у всех мужчин, у него есть недостатки, но сюда он пришел, чтобы помочь.

— Кому помочь? Мне? *Вам?* — Зик метнулся к дверному проему и высунул голову наружу, озираясь по сторонам. — Куда он подевался?

Анжелина протиснулась мимо него в коридор.

— Мне кажется, он здесь ради твоей матери. Она где-то тут, на вокзале. Иеремия! — выкрикнула она.

— Да не орите вы! — шикнул Зик. — Так он здесь ради мамы? Я думал, ее нигде не могут найти!

— Откуда такие мысли? Миннерихт напел?

Забыл, что я тебе говорила, пустая ты голова? А говорила я то, что он — лживая змеюка. Твоя мать тут уже сутки, если не двое. И Иеремия испугался, что доктор содеял с ней какую-нибудь гнусность. Иеремия! — еще раз проревела она.

Зик затеребил Анжелину за руку:

— Мама здесь? Она просидела тут все это время?

— Да, где-то здесь. Ее ждали в Хранилищах к утру, но она так и не вернулась. Тогда Дохлые всей толпой повалили сюда на поиски. И сдается мне, без нее они не уйдут. — И вновь она крикнула: — *Иеремия!*

— Хватит! — взмолился Зик. — Прекратите вопить! Нельзя!

— А как еще мне его искать? Ничего такого страшного. Все равно на этом этаже никого нет, — по крайней мере, мне никто не попадался.

— Тут несколько минут назад был Яо-цзу, — возразил Зик. — Сам видел.

Анжелина пристально взглянула на него:

— А вот теперь не смей мне врать, мальчик. Я видела этого злодея наверху. Он ведь спустился? Если да, то мне надо знать, куда он ушел.

— Туда. — Зик показал на угол коридора. — А потом вправо.

— Давно?

— Несколько минут назад, — повторил мальчик и схватил принцессу за руку, пока она не умчалась прочь. — Где он может держать мою маму?

— Не знаю, малыш, и выяснять нет времени. Мне еще старого душегуба искать.

— Так найдите время! — Зик не то чтобы перешел на крик, но в словах его звенела некая сила; такого тона он за собой не знал. Отпустив ее руку, он более сдержанно добавил: — Вы говорили, Миннерихт всегда лжет. Ну и вот, он сказал, что мама сунулась в город из-за меня. Это правда?

Она отвела руку и смерила его непонятным взглядом:

— Правда. Она искала здесь тебя. Миннерихт заманил ее на вокзал вместе с Люси О'Ганнинг. Люси вчера улизнула и отправилась в Хранилища за подмогой.

— За подмогой. Люси. Хранилища, — произнес он вслед за ней. Слова эти ничего ему не говорили, но казались важными. — Кто…

Терпение Анжелины было на исходе.

— Люси — это однорукая женщина. Увидишь ее — назовись, и она постарается тебя отсюда вытащить.

Принцесса отступила от него и бросилась бежать; разговор был окончен.

Зик опять вцепился ей в руку и резко потянул назад.

Анжелине это не понравилось. Сопротивляться она не стала, но, очутившись рядом с мальчиком, приставила ему нож к животу. Это была не угроза — пока что. Это была лишь пища для ума и предостережение.

— Быстро убрал руку!

Он послушно отпустил ее и проговорил:

— Где он может держать мою маму?

Индианка бросила нервный взгляд на поворот коридора и сердитый — на Зика:

— Я не знаю, где твоя мать. Подозреваю, он просто запер ее где-нибудь. Может, в одной из этих комнат. Может, и ниже. Я тут бывала пару раз, вынюхивала кое-что, но не могу сказать, что знаю вокзал как свои пять пальцев. Если снова встретишь Иеремию, оставайся с ним. С виду он чудовище, но пропасть тебе не даст, если мешать не будешь.

Сообразив, что на большее рассчитывать не стоит, Зик пустился прочь; сзади доносился бойкий топоток Анжелины, удалявшейся в другом направлении.

Он подбежал к первой же двери и распахнул ее.

Вся обстановка комнаты состояла из кровати, умывальника и комода — почти как в отведенных ему апартаментах, только здесь было не столь шикарно и чисто. Запах пыли и старого белья наводил на мысль, что комнатой очень давно не пользовались. Он вернулся в коридор, выкрикивая имя Анжелины, но тут же вспомнил, что она ушла без него. Даже шаги ее стихли вдали; мальчик остался наедине с рядом дверей.

Однако теперь он знал, что ему делать.

Следующая дверь была заперта.

В лаборатории уже не слышалось звуков дыхания — или же Руди дышал так тихо, что Зик ничего не уловил. Он на цыпочках подкрался к столу и, не заглядывая под мешковину, нашарил ботинком сломанную трость.

Та оказалась весьма увесистой. Даже с длинной трещиной, зиявшей в боку, она производила внушительное впечатление.

Мальчик кинулся к запертой двери и заколошматил тростью по ручке. Вскоре замок не выдержал, и дверь уступила напору.

Ворвавшись в комнату, он увидел перед собой горы хлама. На вид тут не было ничего полезного

или нового, а вот кое-что опасное имелось. У одного из ящиков отсутствовала крышка; внутри лежали барабаны и другие детали от револьверов, мотки с проволокой. Соседний был набит опилками и стеклянными трубками.

А дальше ничего было не разглядеть: не хватало света.

— Мама? — попытал он счастья, хотя уже знал, что ее здесь нет. Сюда вообще никто не наведывался какое-то время. — Мама? — попробовал он еще разок, на всякий случай.

Ответа не последовало.

За следующей дверью Зик обнаружил еще одну лабораторию, плотно заставленную столами и лампами, которые можно было располагать под любым удобным углом благодаря шарнирам.

— Мама? — для порядка позвал он и вновь не получил ответа.

Тогда мальчик развернулся, чтобы идти дальше, и чуть не уперся носом в металлическую грудь того, кого Анжелина окрестила Иеремией. Как при таком обилии брони можно двигаться так бесшумно, Зик не представлял, однако он был тут как тут. И тут же стоял, чуть дыша, сам Зик, у которого впервые за много дней появилась настоящая зацепка.

— С дороги! — выпалил он. — Мне нужно найти маму!

— *Да я помочь тебе пытаюсь, дурень. Так и знал, что это ты,* — добавил он, пропустив Зика в коридор. — *Ну кто ж еще это мог быть, как не ты.*

— Поздравляю. Вы не ошиблись, — буркнул мальчик.

Непроверенной осталась всего одна дверь. Зик направился было к ней, но Иеремия его остановил:

— *Это кладовая. Там он ее держать не стал бы. Я так думаю, он увел ее вниз, на жилой этаж.*

— А это разве не жилой?

— *Нет. Здесь комнаты для гостей.*

— Вы здесь бывали?

— *Ага, бывал. Откуда, думаешь, у меня это снаряжение? Идем к подъемнику.*

— Вы умеете им пользоваться?

Иеремия без лишних слов протопал к платформе и отодвинул решетку; мальчик едва поспевал за ним даже бегом. И едва он зашел в корзину, та, покачиваясь, поехала вниз.

— А что происходит? — спросил Зик. — Мне никто не хочет говорить…

— *А то происходит,* — Иеремия потянулся к какой-то рукояти, видимо тормозной, — *что этот*

двинутый доктор у нас уже вот где сидит.

— Но почему? Почему сейчас?

Здоровяк раздраженно помотал головой:

— *А почему бы и не сейчас, а? Мы годами позволяли обращаться с собой как с собаками — все терпели, терпели, терпели… Но на этот раз он сцапал дочку Мейнарда, а в подполье ни один Дохлый или Скребун такого не одобрит.*

Зик почувствовал прилив неподдельного облегчения и благодарности:

— Так вы и вправду здесь, чтобы помочь моей маме?

— *Она пришла сюда с одной целью — найти тебя. Он мог не трогать ее и отпустить вас обоих с миром. Однако же,* — продолжил он, повиснув на рукоятке всем весом и остановив лифт, — *не отпустил. Вам обоим тут делать нечего, а вы все-таки здесь. И это неправильно.*

Он с такой силой толкнул решетку, что та сломалась и повисла на петлях.

Зик отпихнул ее ногой и очутился еще в одном коридоре с коврами, лампами и дверями. Откуда-то поблизости веяло дымком. У запаха был уютный, теплый оттенок, как от горящих в камине ореховых дров.

— Где мы? Что это за место? Мама! Мама, ты

здесь? Ты меня слышишь?

И тут наверху случилось нечто ужасное, прорвавшись мощнейшим, чудовищным взрывом, который живо напомнил Зику случай с башней и «Клементиной». Его захлестнуло то же чувство неотвратимости, и оттого, что сейчас он был под землей, становилось только страшнее. По потолку пробежала трещина, с балок посыпалась пыль.

— Что это было?! — воскликнул Зик.

— *Да откуда мне знать?*

Вслед за взрывом сверху донесся низкий многоголосый рев, и даже Зик — который втайне считал, что побывать в городе и не повидать ни одного трухляка равносильно позору, — без труда догадался, что это был за звук.

— *Трухляки,* — сказал Иеремия. — *Целая куча трухляков. Я думал, нижние этажи укреплены лучше. Иначе какой в них смысл? А ведь похоже, Миннерихт не такой уж и всезнайка, а? Пойду-ка я лучше наверх, задержу их.*

— Хотите их остановить? В одиночку?

— *Может, ребята Миннерихта подсобят; им не больше меня хочется стать трухлячьим дерьмом, а большинство тут только из-за денег. Кстати, если через пару минут услышишь гром-*

кий бум-бум, сильно не беспокойся.

— То есть как это?

Иеремия уже стоял в корзине лифта, подбирая нужный рычаг.

— *А ты останься здесь и поищи мать. Скорее всего, ей понадобится помощь.*

Зик подбежал к платформе и затараторил:

— А что мне делать потом? Куда нам идти?

— *Наверх,* — ответил здоровяк. — *И прочь с вокзала — любыми путями. Тут скоро станет жарко, разгребать и разгребать. Трухляки добрались досюда раньше, чем думали наши ребята. Возвращайтесь, наверное, в Хранилища или бегите к башне и дождитесь ближайшего дирижабля.*

Подъемник дернулся, накренился и понес Иеремию куда-то за потолок. Через миг скрылись из виду его ботинки, и Зик вновь остался один.

Но здесь было полно дверей, и где-то здесь держали его мать — так что ему было чем отвлечься от творившейся наверху суматохи. Дверь на дальнем конце коридора была отворена, и мальчик, избрав линию наименьшего сопротивления — или наибыстрейшего проникновения, — бросился к ней.

Так вот откуда дым: в кирпичном камине пылали дрова, заливая все золотисто-оранжевым

светом. Посреди комнаты, на ковре, вышитом по углам фигурами драконов, расположился массивный черный стол. За ним стоял пухлый стул с кожаной обивкой и мягким сиденьем, перед ним — еще два. Зик впервые в жизни оказался в чьем-то кабинете и не очень представлял, зачем все так устроено, но комната была красивая и теплая. Добавить еще кровать — и лучшего жилья не найти.

Пользуясь отсутствием хозяина, он обошел стол и выдвинул верхний ящик. Там лежали бумаги на незнакомом ему языке. А вот во втором ящике — к счастью, незапертом — отыскалось кое-что поинтереснее.

Сначала мальчик решил, что сходство ему лишь мерещится. Ему очень хотелось верить, что он видел эту сумку и раньше — у матери на плече, но уверенности все-таки не было. Торопливо перерыв содержимое, он нашел патроны, очки и маску, которых прежде не видел. А потом — значок с потертыми инициалами «М. У.» и материн кисет, которым явно не пользовались несколько дней. И сразу стало ясно, что доктору не принадлежит ни одна из этих вещей.

Вытащив сумку, он наклонился, чтобы задвинуть ящик обратно, и увидел под столом

винтовку. Ее нельзя было заметить иначе как со стула с высокой спинкой, на котором, надо думать, Зику сидеть не полагалось.

Он прихватил и винтовку.

В комнате было тихо и пустынно, лишь мерцал и потрескивал огонь в камине. Зик оставил все как есть и потащил свои сокровища в коридор.

Дверь напротив не пожелала открываться. Зик заколотил по ней изувеченной тростью, но ручка, сломавшись, попросту отвалилась, а засов с другой стороны остался невредим. Мальчик бросался на дверь, пока не отбил себе плечо. Все без толку. Впрочем, дверей много, и к этой еще можно вернуться, если что.

За соседней обнаружилась пустая спальня. А вот следующая не поддалась, пока Зик тупым концом трости не разнес ручку на куски. Замок еще держал оборону, но мальчик лягался не хуже мула. Через полминуты рама треснула и дверь со всего маху распахнулась.

26

Брайар снились землетрясения и машины, стиравшие в своей колоссальной мощи целые города. Из неведомого «там» доносились на грани слышимости звуки стрельбы и чего-то еще — а может, этого чего-то и не было, потому что шум уже не повторялся. А в неведомом «здесь» царил мягкий покой, приглушенно светили лампы и была еще кровать, на которой могла бы уютно устроиться семья из четырёх человек.

Пахло пылью и керосином, а еще засохшими цветами, что томились в вазе возле умывальника.

С ней был Леви. Он спросил ее:

— Ты ведь так ему ничего и не рассказала, правда?

Едва в силах поднять отяжелевшие веки, Брайар отвечала с кровати:

— Я никогда ему ничего не рассказывала. Но теперь расскажу, как только смогу.

— В самом деле? — Ее слова не убедили его, скорее, позабавили.

На нем был толстый полотняный фартук, ко-

торый он часто надевал в лаборатории, поверх фартука — легкое пальто до колен. Шнурки на ботинках, как обычно, болтались, словно ему и в голову не приходило их завязать. На голове красовался набор моноклей, соединенных между собой; они были посажены на ремешок, из-за которого у него со лба никогда не исчезала глубокая бороздка.

Брайар слишком выдохлась, чтобы возражать ему, и он присел на край кровати. Выглядел он точно таким, каким она запомнила его. А еще он улыбался, словно все было хорошо, а ничего плохого не было вовсе. Тогда она проговорила:

— Кроме шуток. Я все ему расскажу, чего бы мне это ни стоило. Я устала от всех этих тайн. Не могу их больше держать в себе. И не буду.

— Не будешь?

Он потянулся к ее руке, но Брайар перекатилась на бок, к нему спиной, и обхватила живот.

— Чего тебе надо? — спросила она. — Что ты здесь делаешь?

— Вероятно, вижу сон. Как и ты. Гляди, любовь моя. Хотя бы здесь мы смогли встретиться.

— Так, значит, это все-таки сон, — вымолвила она, и по желудку расползлось обжигающее чувство тошноты. — А мне на миг показалось,

что явь…

— Возможно, это единственное, в чем ты не ошиблась, — сказал он, не пытаясь ни придвинуться к ней, ни отодвинуться.

Под его весом матрас просел, и у нее появилось ощущение, будто она потихоньку скатывается к нему.

— В чем? В том, что молчала?

— Если бы не молчала, то потеряла бы его еще раньше.

— Я не потеряла его. Я просто не могу его найти.

Леви покачал головой. Она это не увидела — почувствовала.

— Он нашел, что хотел, и теперь ты уже никогда не сможешь его вернуть. Он искал факты. Он искал отца.

— Ты умер, — напомнила Брайар, словно он и так не знал.

— *Его* ты в этом не сумеешь убедить.

Она крепко зажмурила глаза и уткнулась лицом в подушку, запах которой — затхлый, неприятно теплый — грозил удушьем.

— Если я все ему покажу, то убеждать будет незачем.

— Ты дура. Такая же дура, как и раньше.

— Лучше быть живой дурой, чем мертвым…

— Мама, — сказал он.

Она распахнула глаза:

— Что?!

— Мама.

Вот, снова. Повернув голову, она оторвала лицо от подушки:

— Что ты несешь?

— Мама, это я.

Ее выкинуло из сна одним стремительным, резким рывком, будто пронесло через туннель. Из уютной, теплой тьмы Брайар настойчиво тянули туда, где было холодно, страшно и бесконечно менее удобно. Но в конце туннеля был голос, и она поползла ему навстречу, или заскользила, или рухнула вверх, стремясь до него добраться.

— Мама? Вот ведь дерьмо… Мама! Ну давай же, просыпайся, ты должна проснуться. Тащить я тебя не смогу, а отсюда надо сматываться.

Перекатившись на спину, она попробовала открыть глаза и поняла, что уже открыла их, но ничего толком не видит. Мир превратился в размытое пятно, и лишь справа от нее мерцал свет, а над ней отчетливо нависала густая тень.

И тень эта без конца повторяла:

— Мама?

Землетрясение из ее сна до сих пор не утихло, а может, человек-тень хотел ее растолкать. Вцепившись Брайар в плечи, он все тормошил и тормошил ее, пока в шее у нее что-то не хрустнуло.

— Ой! — пискнула она.

— Мама?

— Ой! — вырвалось у нее еще раз. — Прекрати. Прекрати меня… Хватит.

Зрение понемногу возвращалось к ней, но вместе с ним приходила и жгучая боль, и ощущение жидкости, стекающей по скуле. Брайар потрогала больное место; когда она убрала руку, та была мокрой.

— У меня кровь? — спросила она у тени. А потом: — Зик, у меня идет кровь?

— Не сильно, — ответил он. — У меня и то было хуже. А у тебя в основном синяки. Разве что наволочку кровью перепачкала, но она все равно не наша. Ну все, пошли. Вставай. Давай, давай.

Подсунув матери руку под спину, мальчик стащил ее с кровати. Та и впрямь была очень мягкой — сон не обманул. И комната была та же, так что, видимо, перед этим Брайар не совсем спала и кое-что уловила верно. Однако рядом никого больше не было, кроме Зика, который как раз

пытался поставить ее на ноги.

Колени сперва норовили подогнуться, но она кое-как устояла, опершись на сына.

— Эй… — выдавила она. — Эй, Зик. Это ты. Это правда ты? А то мне такой чудной сон приснился…

— Да я это, я, старая ты чудилка, — с ворчливой нежностью откликнулся тот. — Ты что вообще здесь делаешь? О чем ты только думала, когда сюда сунулась?

— Я-то? Постой. — Хоть из-за травмы у нее все плыло перед глазами, она помотала головой, пытаясь собраться с мыслями. — Постой, да это ведь мои слова! — И понимание пришло — даже нахлынуло. — О тебе. О тебе я думала, глупыш безмозглый.

— Я тоже тебя люблю, мамуль, — ответил он с такой широкой улыбкой, что слова вышли едва разборчивыми.

— И все ж таки я тебя нашла, а?

— Мог бы возразить, что это *я* тебя нашел, но об этом поспорим потом.

— Но ведь я тебя *специально* искала.

— Знаю. Об этом поспорим потом. Сначала нужно как-то выбраться отсюда. Принцесса ждет нас… наверное. Надо найти ее и этого Иеремию.

— Кто-кто нас ждет?

В висок с пульсирующим шумом билась кровь. Брайар невольно заподозрила, что ошиблась насчет своего состояния — и спит до сих пор.

— Принцесса. Миссис Анжелина. Она мне очень помогла. Тебе она понравится. Соображает что надо.

Он отпустил Брайар; та пошатнулась, но устояла.

— Винтовка… — произнесла она. — Где моя винтовка? Я без нее не могу. И еще у меня была сумка. И… кое-какие вещи. Где они? Он их спрятал?

— Да. Но я все вернул. — Он чуть ли не впихнул винтовку и сумку ей в руки. — Только управляйся с ней сама, а то я стрелять не умею.

— Я тебя не научила.

— Научишь еще. Пошли! — скомандовал он.

И Брайар чуть не рассмеялась, но сдержала себя. Ей нравилось видеть его рядом — даже таким взбудораженным и властным. Нравилось, что сын нянчится с ней, как с ребенком, пока она потихоньку приходит в чувства. Он где-то разжился хорошей одеждой и, кажется, искупался.

— А чистенький ты ничего.

— Знаю, — откликнулся мальчик. — Как ты себя чувствуешь? Тебе не больно?

— Жить буду.

— Да уж постарайся. У меня же никого больше нет, кроме тебя.

— Где мы? — спросила она, поскольку Зик, судя по всему, лучше владел положением. — Под… под вокзалом? Куда меня упрятал этот мерзавец, пока я была в отключке?

— Да, мы под вокзалом. На два этажа ниже той большой комнаты с люстрами на потолке.

— Так под землей есть еще один этаж?

— Если не больше. Тут настоящий лабиринт, мам. Ты просто не поверишь. — У выхода он остановил ее и резко распахнул дверь, затем выглянул в коридор и поглядел налево-направо. Потом вдруг поднял руку. — Погоди-ка. Слышишь?

— Что? — поинтересовалась Брайар, встав рядом. Пока мальчик стрелял глазами по сторонам, она проверила винтовку. Та была по-прежнему заряжена; вещи в сумке тоже казались нетронутыми. — Я ничего не слышу.

Через некоторое время он расслабился и сказал:

— Пожалуй, ты права. Мне почудился какой-то звук, но я и раньше ошибался. В конце коридора есть подъемник… вон там, видишь?

— Да, — подтвердила она, высунувшись за

дверь. — Вот этот, да?

— Угу. Сейчас бежим к нему. Другого выбора нет, иначе нас сцапает Яо-цзу, а нам этого не надо.

— Не надо?

Никакого вопроса на самом деле не подразумевалось, но Брайар не до конца еще пришла в себя, и пока что ей легче было общаться на такой вот манер. А еще она так рада была его видеть, что хотела лишь одного — прикасаться к нему, говорить с ним.

Вдали послышалась пальба. Сначала что-то звучно громыхнуло — скорее винтовка, чем револьвер. В ответ — несколько выстрелов из чего-то помельче и поскорострельнее.

— Что происходит? — удивилась она.

— Долго рассказывать.

— Куда мы направимся?

Мальчик взял ее за руку и потащил в коридор.

— К Башне Смита — ну, высоченной такой. К ней причаливают дирижабли.

И тут ей кое-что вспомнилось.

— Но ведь еще не вторник? — спросила она, топоча вслед за ним. — Нет, явно не он… Оттуда нам из города не выбраться… плохая мысль, по-моему. Надо вернуться в Хранилища.

— Нет, можно и с башни, — заверил ее Зик. — Иеремия сказал, там есть корабли.

Когда они добежали до подъемника, Брайар высвободила руку. Платформа ничем не отличалась от той, что доставила их с Люси на вокзал. Отодвинув железную решетку, она втолкнула мальчика в корзину, сама вошла следом и сказала:

— Нет. Я должна повидаться с Люси. Узнать, все ли с ней хорошо. И…

Раздалось еще несколько выстрелов — и довольно близко.

— А наверху творится что-то нехорошее. — Пока лифт полз на следующий этаж, она взяла «спенсер» на изготовку. — Так что давай сойдем здесь. И по возможности не будем ввязываться.

— Да трухляки это, скорее всего, — заявил мальчик и попытался удержать ее в корзине: Брайар вовсю уже возилась с решеткой. — Только нельзя нам сейчас уходить. Может, принцесса еще наверху!

— Ну, не совсем.

Мигом обернувшись, Брайар взяла на прицел невысокую женщину с тощими руками-ногами и длинными седыми волосами, заплетенными в косичку. Внешность выдавала в ней индианку, но племя было не угадать; к тому же она щеголя-

ла в мужской одежде — синей куртке простого покроя и того же цвета штанах, которые были ей велики.

Женщина держалась за бок. Сквозь пальцы сочилась кровь.

— Миссис Анжелина! — крикнул Зик, подбегая к ней.

Брайар опустила было винтовку, но тут же вскинула снова: опасность могла нагрянуть с любой стороны. Все-таки они стояли сейчас посреди большого зала с несколькими дверями, и все они были закрыты. Никаких отличительных особенностей комната не имела, как и конкретного предназначения. Обстановки не было, если не считать штабеля столов у стены и груды стульев, наваленных друг на друга и оставленных собирать пыль.

— Мэм, — бросила она через плечо. — Мэм, вам нужна помощь?

Но та лишь нетерпеливо отмахнулась:

— Нет. А ты, мальчик, не трогай меня.

— Вас ранили!

— Скорее поцарапали. И попортили новенький костюм. Эй, — обратилась она к Брайар, постучав ее по плечу костлявым пальцем, — если увидите лысого китайца в черном пальто, пальните ему от

моего имени между глаз. Очень меня порадуете.

— Буду начеку, — пообещала Брайар. — А вы та самая принцесса?

— Принцесса как принцесса. А сейчас еще и злая как черт, но нам пора уносить ноги. Если останемся, нас схватят.

— Мы как раз на пути в Хранилища.

— Или в башню! — упрямо вставил Зик.

— Тоже неплохо, — сказала Анжелина, — но лучше бы вам податься в форт. Как починят «Нааму Дарлинг», попросите старого Клая подкинуть вас за стену, если хотите выбраться из города.

Брайар нахмурилась:

— Клай здесь? В форте?

— Ремонтирует дирижабль.

Суматоха наверху грянула с новой силой, и Брайар решила, что продолжит расспросы позже.

— Стойте, — вмешался Зик. — Мы что, вернемся на тот корабль? К этому старому верзиле? Нет уж, дудки. Мне он не нравится.

— Клай-то? — уточнила Брайар. — Ты что, он хороший. И вывезет нас отсюда, не беспокойся.

— Откуда тебе знать?

— Он перед нами в долгу. По крайней мере, верит в это.

За углом что-то с грохотом повалилось, и по ту сторону стены зазвучала, накатывая устрашающими волнами, тяжелая поступь мертвецов.

— Скверно, — заметила Брайар.

— Если не хуже, — отозвалась Анжелина, но без особой печали.

Достав из чехла на спине большую двустволку, она проверила, как обстоят дела с патронами. Стоило ей отпустить рану, потекла кровь — впрочем, несильно.

— Вы тут ориентируетесь? — спросила Брайар.

— Получше вас, ребята. Но ненамного. Вход-выход найти сумею, и все на этом.

— Можете проводить нас до Хранилищ?

— Да, но я все-таки считаю, что вам нужно в форт, — проворчала она и оттолкнула Зика, который полез ей помогать. — Отстань, мальчик. Сама могу идти. Бок побаливает немножко, но я еще поживу.

— Это хорошо, — сказала Брайар. — Потому что у нас неприятности.

Из шахты лифта донесся жалобный стон, по крыше лифта забарабанили кулаки. Затем раздался оглушительный треск… и они хлынули в коридор. Один или двое проложили путь, и следом за ними из невидимого пролома повалили

остальные.

Первыми в проход вылетели трое мертвяков, которые в прошлом были солдатом, цирюльником и китайцем. Шустро передергивая затвор, Брайар пустила первым двоим по пуле между глаз, а третьему отстрелила ухо.

— Мама! — закричал Зик.

— Встали мне за спину, оба! — распорядилась она, но Анжелина проигнорировала приказ и уложила третьего из дробовика.

Через трупы уже с кровожадным видом перебиралась следующая порция трухляков — полдюжины трупов вширь, столько же или больше вглубь.

— Отходим! — крикнула Анжелина, не прекращая огня. — Отходим, сюда!

В коридоре поднялся оглушительный грохот, а головы у матери и сына и без того раскалывались. Однако выбор был прост: либо стрелять и надеяться на лучшее, либо сдаться и умереть. И женщины не переставали палить, а Зик тем временем юркнул за поворот, выполняя роль разведчика и худо-бедно следуя указаниям Анжелины.

— Справа!.. Ну, с другого права, — поправилась она. — В конце коридора должна быть дверь.

Рядом с кабинетом!

— Тут заперто! — отозвался мальчик.

Второе слово потонуло в грохоте «спенсера», но смысл Анжелина уловила.

— Прикройте меня на секундочку, — бросила она сестре по оружию.

И шустро — так, что Брайар оставалось лишь подчиниться, — повернулась и отпихнула с дороги Зика, после чего разрядила в замок один из стволов дробовика, и раскуроченные остатки двери повисли на петлях.

— Это запасная лестница, — пояснила принцесса. — Он всех уверяет, что здесь тупик, а на самом деле — его личный спасательный ход… сволочь!

Зик раскидал ногами обломки двери. Жаль, теперь уже никак не закроешься, но иначе ничего не вышло бы, да и не время для жалоб… Он попытался было пропустить женщин вперед, однако те не собирались оставлять безоружного подростка позади.

Мать ухватила его за шею — в месте, где та встречается с плечом, — и вышвырнула в коридор, а мгновением позже, сделав очередной выстрел, чуть о него не споткнулась.

— Беги! — велела ему Анжелина, перезаряжаясь на ходу.

В коридоре было темно и тесно, и все же Зик разглядел два лестничных пролета: один вел вверх, другой вниз.

— Куда? — спросил он, застыв на краю площадки, где лестница делала изгиб.

— Да вверх, Господь с тобой! — в сердцах бросила Анжелина и вновь взвела курок. — Так мы оставим их позади. А если сунемся вниз, нас загонят в угол. Надо прорываться на поверхность, коли жизнь дорога.

— Долго мы так не продержимся, — прохрипела Брайар и в последний раз пальнула из дверного проема.

Пуля сшибла с ног трухляка, который ковылял первым, лоб его вздулся и треснул. Теперь узкую горловину черного хода отделяло от волны гниющей плоти примерно десять ярдов.

— Вверх, значит. Ну ладно, — пропыхтел Зик и начал взбираться по лестнице.

— На следующем этаже есть дверь. Там темно. Пошарь как следует, найдешь. Обычно она не заперта. Сейчас, надеюсь, тоже, — донесся голос Анжелины откуда-то из непроницаемой тьмы.

Стоило им повернуть за угол, на лестничной клетке стало черным-черно, и время от времени каждый получал то рукой, то локтем, то раска-

ленным стволом ружья по плечу или под ребра. Мало-помалу троица отступала в мир живых, где даже хаос был простым и понятным.

— Нашел дверь! — объявил Зик и, рванув ее на себя, чуть ли не вывалился наружу.

Следом протиснулись Брайар и принцесса, и дверь немедленно захлопнули. У стены ждала наготове толстенная, с человеческую голову диаметром, распорка, и совместными усилиями они подперли ею засов.

Тут как раз подоспела голодная орава; дверь содрогнулась, но выдержала. Под натиском трухляков распорка поехала было по полу, однако Анжелина ударом ноги вернула ее на место и впилась в нее взглядом: пусть только шевельнется.

— Ее надолго хватит? — поинтересовался Зик. Никто ему не ответил.

— Где мы, принцесса? — спросила Брайар. — Не узнаю этого места.

— Надевайте маску, — невпопад сказала Анжелина. — Скоро она вам понадобится. Мальчик, к тебе это тоже относится. Давай-давай. Нам еще на поверхность прорываться, а если вы не сможете нормально дышать, то шансов никаких.

В спешке Брайар накинула ремень сумки как попало — не до удобства было. Теперь она сдвину-

ла его на привычное место поперек груди. Затем достала маску и кое-как просунула голову между ремешками, поглядывая на Зика, который был занят тем же самым.

— Откуда у тебя эта маска? Из дому ты уходил с другой…

— Иеремия дал, — откликнулся мальчик.

— Свакхаммер? Что он здесь делает? — удивилась Брайар.

Хотя ни к кому в частности она не обращалась, принцесса ответила ей:

— Вас заждались в Хранилищах. В конце концов Люси подняла ваших друзей, и пошло-поехало.

Она сделала глубокий вдох, в котором слышалось что-то болезненное, словно в легких у нее застряла какая-то колючка. Брайар перевела взгляд на бок Анжелины и увидела, что рана открылась снова.

— Так они пришли меня спасти?

— Ну да. Или развязать войну, о которой мечтали много лет. Я это не к тому, что они не хотят помочь вам, — еще как хотят. Просто им нужен был толчок, чтобы закатить такой вот бунт. А вы подходите идеально.

Вдоль низкого потолка были развешены лампы, сцепленные хлипкой веревкой. Явного

источника питания Брайар не заметила. Однако с веревкой тесно переплетались металлические вены — провода, по которым, видимо, и передавалась неведомая энергия. Свет был не очень ярким, но его вполне хватало, чтобы не запинаться на каждом шагу и не палить друг в друга при каждом звуке. У стен выстроились штабеля ящиков и чудовищных размеров машины, закутанные в парусину. В помещении было холодно и сыро.

— Что это за место? — спросила Брайар.

— Склад, — отозвалась Анжелина. — Для лишних вещей. То есть для всего, что он наворовал и надеется когда-нибудь использовать. Будь у нас время и средства, я предложила бы тут все спалить. У всех этих вещей одно-единственное предназначение — убивать и калечить людей.

— Совсем как у тех лабораторий в подвале, — пробормотала Брайар.

— Нет, не совсем. Эти механизмы можно продать на другом рынке, если он разберется, как что работает. Они остались от большого конкурса, объявленного русскими, — им понадобилась машина, которая может бурить мерзлоту и поднимать на поверхность золото. Если война продолжится, то он страшно разбогатеет.

— А разве он не богат? — вмешался в разговор

Зик.

— Не так, как хотел бы. Им всегда мало — правильно я говорю, миссис Уилкс? Теперь он пытается переделать бурильные машины в военные, раз уж толку из них не вышло. И рассчитывает продать на восток — тому, кто больше заплатит.

Брайар слушала вполуха. Приподняв уголок ближайшего полотнища, словно подол юбки, она вгляделась в неясный бурый сумрак:

— Я уже видела эту штуку. И знаю, для чего она предназначается… точнее, предназначалась. Но они тут не все остались после конкурса.

— Как это? — не понял мальчик. — Что ты имеешь в виду?

— Он крадет изобретения у Леви и приспосабливает их под собственные цели. Это вещи твоего отца. Скажем, эта машина… — Она сдернула полотнище, выставив на обозрение жутковатый вытянутый механизм в форме крана, снабженный колесами и обшитый металлическими пластинами. — Ее планировалось использовать при строительстве больших кораблей. Ну или так он заявлял. Якобы с ее помощью можно было… не помню. Кажется, перемещать по верфи крупные детали судов, чтобы люди не надрывались без толку. Я ему тогда не поверила и не верю сейчас.

— Почему? — заинтересовался Зик.

— А зачем судостроителям нужны артиллерийские снаряды и емкости для пороха? Я не дура. Просто, видимо, мне не хотелось ничего знать.

— Значит, Миннерихт не… — заговорил мальчик.

— Ну само собой, он не твой отец. Не скрою, на минуту ему удалось меня напугать. У него подходящий рост и подходящий… как бы не соврать. Подходящий типаж. Но это не он.

— А я знал, что это не он. С самого начала.

— Неужели?

Зик взглянул на Анжелину и с гордостью сказал:

— Вы мне велели не верить его словам, и я не стал. Я знал, что это он все врет.

— Замечательно, — произнесла его мать. — А что насчет вас, принцесса? Почему вы так уверены, что мой покойный муж и добрый доктор — разные люди? У меня есть свои причины так считать. Каковы ваши?

Индианка пощупала свою рану и, сморщившись от боли, прикрыла ее ладонью. Затем она убрала двустволку обратно в чехол и ответила:

— А таковы, что он сукин сын. И всегда таким был. А я… — Анжелина оставила несчастную

дверь и под светом ламп зашагала по коридору. — А я и есть та сука.

У Зика отвисла челюсть.

— Он ваш *сын?*

— Да я не в буквальном смысле. Давным-давно он был женат на моей дочери Саре. А потом довел до безумия и убил. — Она не сглатывала слез, и глаза ее оставались сухи. Она много лет жила с этим знанием, носила его в груди. И правда не стала ужаснее оттого, что воплотилась в слова. — Моя девочка повесилась на кухне, на потолочной балке. Может, он ее и не застрелил, не вскрыл вены, не отравил… но все-таки *убил.*

— Ну и как же тогда его зовут на самом деле? — спросила Брайар. — Уж точно не Миннерихт. Немцы так не разговаривают.

— Его зовут Джо. Джо Фостер. Ни одному еще мужчине не давали при крещении более скучного имени. И его, дело ясное, это не радует. Если бы он был уверен, что ему все сойдет с рук, то присвоил бы имя Блю сразу же — после появления Гнили и строительства стены. Но он пострадал во время эвакуации. Если вы видели его лицо, то понимаете меня. У него ожоги из-за пожара — тогда ведь люди думали, что против газа помогает огонь… Поэтому ему пришлось красть чужую жизнь по

кусочку, вместе со всеми этими изобретениями, инструментами и прочими игрушками. На то, чтобы освоиться с ними, у него ушло довольно много времени.

Брайар никак не могла связать зловещего доктора Миннерихта с именем «Джо Фостер». Оно ему не подходило. Не соответствовало этому странному человеку с таким раздутым самомнением и властным характером, что он мгновенно напомнил ей давным-давно сгинувшего мужа. Но тут ее раздумья прервали.

— Тихо, — шепнула Анжелина, приложив к губам окровавленные пальцы. — Прислушайтесь… Вы их еще слышите?

Под «ними» подразумевались трухляки, которые по-прежнему осаждали припертую дверь в конце коридора.

— Слышу, — признала Брайар.

— Хорошо, очень хорошо. Пока мы их слышим, нам известно, где они. Так, а над нами? Слышишь что-нибудь? — Теми же двумя пальцами она указала на потолок.

— А что там такое?

— Сейчас мы под вестибюлем. Там-то и началась перестрелка.

— А, точно, — вспомнил Зик. — Туда Иеремия

пошел с трухляками разбираться.

В тот же миг здание вокзала сверху донизу сотряс невообразимый взрыв; следом донесся грохот кирпичей и обломков, падающих дождем где-то неподалеку, разносящих отголоски взрыва.

Троица застыла на месте. Анжелина нахмурилась.

— По-моему, это не Глушилка. Вы же понимаете, о чем я? — спросила она у Брайар.

— Понимаю. И да, вы правы. Звук какой-то не такой.

— А я его уже слышал, — подал голос Зик. — Вроде бы Иеремия говорил о каком-то Ударном Звукомете.

— М-да, скверно, — пробормотала принцесса. — Боже, лишь бы с ним все было нормально. Но парень он крепкий, да и снаряжен неплохо. Так что должен быть цел. Что ж, остановимся и тихонько все разведаем.

— Я его не брошу, — сказала Брайар. — Он сильно мне помог. Если он ранен…

— Не паникуйте раньше времени, миссис Уилкс. Не стоит. Вот я не слышу больше никакой стрельбы, а вы?

— И я не слышу.

— И я, — поддакнул Зик. — Может, они ушли. Или перебили друг друга.

— Пожалуйста, не говори так, — упрекнула его мать. — Мне нравятся эти люди. И в «Мейнарде», и в Хранилищах со мной обошлись по-доброму, хотя не обязаны были. Они помогли мне искать *тебя*. Не знаю, дожила бы я до этой минуты, если бы не они.

Анжелина привела их к ничем не примечательной и никак не помеченной двери, за которой скрывалась еще одна лестница. Если бы Брайар пообещали, что она больше в жизни не увидит ни одной ступеньки, ей бы и этого показалось мало, но все-таки потопала во главе отряда вверх, а Зику позволила идти последним. Ее все больше беспокоила рана индианки: она ценила волевых людей, но кого обманывала Анжелина? Ей нужен был доктор — настоящий и притом хороший. И это не радовало.

Единственным доктором, о котором Брайар доводилось слышать в этих стенах, был… что ж, это был Миннерихт. И что-то подсказывало ей, что при встрече не стоит ждать от него помощи.

27

Встав у двери, Брайар прильнула ухом к щели и хорошенько прислушалась. Ничего, тишина. Тогда она стала перезаряжать винтовку — прямо в темноте, нашаривая патроны в сумке на ощупь. На это потребовалось некоторое время, но на такие цели ей было не жаль времени.

Наконец она сказала:

— Пойду первой. Нужно все разведать.

— Да я и сама справлюсь, — запротестовала Анжелина.

— А я, в случае чего, могу сделать не два выстрела, а больше. Мэм, вы приглядите лучше за моим сыном, хорошо?

С этими словами она толкнула засов, и дверь медленно отворилась.

Сначала в помещение вошел ствол ее винтовки, следом — сама Брайар. Противогаз сильно ограничивал обзор: чтобы охватить всю картину, приходилось без конца вертеть головой. Звук дыхания в маске усиливался и отдавался эхом, ударяя по ушам; с тех пор как она впервые ее нацепила и соскользнула по трубе, ничего не

изменилось. Брайар уже не верила, что к маске можно привыкнуть.

Открывшееся ее глазам зрелище разительно отличалось от того, что она видела в прошлый раз. Великолепие недостроенного вестибюля было подпорчено следами не то чтобы масштабного, но крайне ожесточенного боя. На полу и поперек стульев, выстроившихся ровными рядами, в разных позах валялись трупы; навскидку она насчитала одиннадцать. В стене зияла внушительная дыра, достойная самого Костотряса.

А прямо в дыре, где остатки стены болтались гигантскими лохмотьями, Брайар разглядела человеческую ногу. Казалось, ее обладатель проделал брешь собственным телом и прилег отдохнуть на груде обломков.

Оставшуюся часть вестибюля она удостоила лишь беглым осмотром. Ничего не сказав сыну и принцессе, которые по-прежнему томились во тьме лестничной шахты, Брайар подбежала к дыре, перебралась через фрагменты кладки и мраморных плит, завалившие проем, и спрыгнула рядом с раненым, дав «спенсеру» и сумке соскользнуть с плеча.

— Свакхаммер, — произнесла она, похлопав его по маске. — Мистер Свакхаммер.

Мужчина не отвечал.

Маска казалась целой, да и хозяин ее, в общем, тоже, пока Брайар не просунула пальцы между доспехами, ощупывая его на предмет травм. И там обнаружилась кровь — много крови. А та самая нога переломилась ниже колена и свисала под невероятным углом вместе с тяжелым ботинком, окованным сталью.

Она как раз стаскивала с него шлем, когда Зику надоело ждать.

— Там кто-то есть? — поинтересовался он, встав у края пролома.

— Иеремия.

— С ним все в порядке?

— Нет, — проворчала она. Снять шлем удалось полностью, но отбросить его в сторону мешали многочисленные трубочки и пружинки. — Свакхаммер? Иеремия?

В маске уже набралось порядочно крови: она вовсю текла из носа мужчины и — с тревогой отметила Брайар — непрерывно капала из правого уха.

— Он умер? — не унимался Зик.

— У мертвых кровь не хлещет, — возразила Брайар. — Но досталось ему сильно. Господи, Свакхаммер. Что с тобой стряслось? Эй! — Она

тихонько пошлепала его по щекам. — Ау! Что с тобой случилось?

— *Путался под ногами.*

Механический голос Миннерихта обрушился на них, словно молот Господень, раскатистым эхом пронесся по залу, над мертвыми телами и развороченными стенами. У Брайар что-то сжалось в груди от страха; хотелось накричать на Зика за то, что покинул лестницу, где было относительно безопасно. А теперь он стоял на самом виду, перед заваленной обломками брешью, совершенно беззащитный…

Она посмотрела на раненого. У Свакхаммера под веками, слипшимися от крови, шевелились глазные яблоки. Да, он был еще жив, но едва-едва. Подняв глаза, Брайар произнесла громко, чтобы услышали на той стороне вестибюля:

— Ты не Левитикус Блю. Но мог бы быть его братом, — добавила она, изображая полнейшее безразличие. — Не хуже его умеешь выбрать подходящий момент.

Выступ, через который она перелезла, служил неплохим укрытием. Доктор — если он и впрямь был доктор — никак не мог видеть, чем занимается Брайар… в подробностях точно не мог. Не теряя времени даром, она наспех обыскала

своего друга, надеясь найти что-нибудь полезное. «Спенсер» сразу отпадал. Хотя винтовка лежала совсем рядом, Брайар ни за что не успела бы подобрать ее, взвести курок, прицелиться и выстрелить. А Миннерихт натворил бы за это время страшных дел.

На груди у Свакхаммера лежал большой револьвер, но барабан был пуст.

— А я и не говорил, что я Левитикус Блю.

— Еще как говорил, — буркнула Брайар, пытаясь подсунуть руку под спину Свакхаммера: вдруг там что-то завалялось.

— И *меня* уверял! — тоненьким голоском пропищал Зик.

— Тихо, Зик, — одернула его мать. Будь ее воля, она сказала бы сыну еще несколько слов, но вместо этого обратилась к ряженому мерзавцу, пока тот не нашелся с ответом: — Всяк знает, что именно это ты и пытался внушить остальным. Ты хотел, чтобы местные боялись тебя, но с твоим собственным именем такой номер не прошел бы. От змеи в тебе только коварство, а вот страшным не назвать.

— Замолчи, женщина! В этом городе все держится на мне! — огрызнулся он. Кажется, его самолюбие было слегка задето.

И Брайар очень на это надеялась. Надеялась, что в поступках он похож на Леви.

— Не замолчу, и ты меня не заставишь, Джо Фостер, даже если сильно постараешься. А что, с тебя станется. Мужчины вроде тебя любят обижать женщин. И я тут узнала, что даже не первая.

— Меня не волнует, что ты там узнала и где узнала! — рявкнул он. — Но я *сию же минуту* желаю знать, откуда тебе известно это имя.

Она встала во весь рост и крикнула, не считаясь с его приказами:

— А я желаю знать, кем ты себя возомнил и для чего затащил нас на свой игрушечный фронт. Будто нам восточного мало, сукин ты сын! — завершила Брайар, позаимствовав у Анжелины фирменное ругательство.

Теперь она видела его так же ясно, как и он ее, — и трехстволка в его руках наводила ужас, потому что нацелена была не на Брайар. Все три дула смотрели на Зика, который, к его чести, не открывал уже рта, хотя, что тому было виной, послушание или чудо-ружье Миннерихта, оставалось неясным.

Брайар ожидала, что угрожать будут *ей,* однако Миннерихт оказался хитрее и подлее. Что ж, отлично. Она тоже умела быть подлой и хитрой.

— Так, значит, все держится на тебе? Считаешь, у тебя здесь есть какая-то власть? И ведешь себя соответственно, но это ведь все чушь собачья, а? Спектакль — чтобы люди верили, будто ты самый умный и самый богатый. Только это неправда. Будь ты вполовину так умен, как притворяешься, тебе не пришлось бы воровать изобретения у Леви и подбирать крохи, оставшиеся после конкурса. А я их видела у тебя на складе. Думал, я их не узнаю?

— Молчать! — взревел он.

Однако Брайар намерена была и дальше отвлекать внимание на себя — от Зика и от сухощавой старушки с мальчишеской фигурой, которая потихоньку подкрадывалась к Миннерихту сзади. И продолжила, еще больше повысив голос, чтобы ее нельзя было перекричать:

— Если бы ты хоть наполовину был тем, за кого себя выдаешь, то смог бы состряпать себе легенду и без меня и обошелся бы без подручных. Леви был безумцем и плохим человеком, но слишком умным, чтобы ты просто взял его игрушки и присвоил себе. Теперь тебе нужен Хьюи, потому что он умен; и ты чуть не уговорил моего мальчика остаться здесь, наврав ему с три короба. Но если бы все и вправду держалось на тебе, ничего этого

не понадобилось бы.

Трехстволка уставилась ей на грудь. Брайар никогда еще не была так счастлива.

— Скажи еще хоть слово, — прошипел Миннерихт, — и я…

— Ты — что? — завопила она. Следующую фразу Брайар выпалила отчаянной, злой скороговоркой — на одном дыхании, не сбиваясь на паузы, стараясь еще больше его рассердить, потому что Анжелина почти до него добралась. — Спорим, ты не знаешь даже, как из нее стрелять? И уж точно не ты ее сделал. Все свои идеи ты украл у Леви, это он все придумал и собрал. А ты знаешь ровно столько, чтобы строить из себя короля, и все, что тебе остается, — молиться Богу, чтобы никто не догадался, какой ты на самом деле слабый и никчемный!

Он прокричал в ответ просто, без надрыва:

— Ну вот зачем тебя сюда принесло? Тебя и его, зачем? Не надо было вам приходить. Вы здесь вообще ни при чем! Сидели бы дома, в мерзкой своей хибарке на Окраине. А я предложил вам нечто большее… гораздо, гораздо большее, чем вы оба заслуживаете, хотя и не обязан был! Я ничего не должен ни тебе, ни ему!

— Ну конечно же нет! — откликнулась она. —

Ведь ты мне не муж, а ему — не отец, и это не наш бой, не наша проблема. Только поздновато ты до этого додумался, Джо Фостер.

— Прекрати меня так называть! Ненавижу это имя, не хочу, не желаю его слышать! *Откуда ты узнала о нем?*

Ответила ему Анжелина.

Не успела Брайар и глазом моргнуть, как старушка накинулась на него и заключила в тиски объятий — в ярости своей подобная пуме, но куда беспощаднее. В руке у нее был нож; через мгновение тот оказался у Миннерихта под подбородком — у зазора между маской и шеей.

Навалившись всем весом, она запрокинула ему голову, расширив этот зазор, обнажив кадык и белую полоску кожи. Брайар ахнула; Зик в два прыжка перебрался через завалы и нырнул в укрытие, к матери.

Анжелина проговорила:

— От Сары Джой Фостер, жизнь которой ты оборвал двадцать лет назад.

И одним быстрым, безжалостным движением полоснула ему по горлу.

Миннерихт пальнул из двух стволов сразу, но шок и дезориентация сделали свое дело. Пошатнувшись, он закружился на месте, ноги стали

разъезжаться по выщербленному мраморному полу, залитому его собственной кровью. А кровь хлестала с обеих сторон шеи парой мощных фонтанов — Анжелина разделала его от уха до уха. Теперь она скакала на нем, как на необъезженном жеребце, а он размахивал руками, пытаясь ухватиться за нее, за собственное горло, хоть за какую-то опору. Однако кровь уходила из его тела чересчур быстро.

Времени на сопротивление оставалось мало; не желая его терять, Миннерихт попытался перевернуть дробовик и направить себе за плечо, но тот был слишком тяжелым, а сам он потерял много крови и ослаб. Он повалился на четвереньки, и лишь тогда Анжелина отпустила его.

Отшвырнув трехстволку подальше, она уставилась на врага, хрипящего на полу. Его роскошная красная накидка стала еще краснее, чем прежде.

Брайар отвернулась. Смерть Миннерихта ее нисколько не заботила, зато заботил Свакхаммер; хоть в его случае и обошлось без кровавых представлений, жизнь угасала в нем с каждой минутой. Быть может, его уже не спасти.

Зик отступил на пару шагов; Брайар до этого и не замечала, что мальчик прячется у нее за спиной.

Он открыл было рот и тут же закрыл, потому что его мать, заслышав вблизи шум, схватила «спенсер», взвела у него курок и взяла на изготовку.

— Пригнись, — велела она, и Зик *подчинился.*

Анжелина подковыляла к пролому, залезла внутрь и вскинула дробовик — как раз вовремя, чтобы взять на мушку Люси О'Ганнинг, вылетевшую из-за угла в зал, где несколько мгновений назад закончилась смертельная схватка.

На руке у нее красовался арбалет, готовый к бою, — то ли старый отыскала, то ли приладила новый. Впопыхах она нацелилась на Анжелину, однако быстро узнала ее и опустила оружие.

— Миссис Анжелина, что вы… — начала Люси, но тут завидела Брайар. Продолжала она чуть ли не со смехом: — Ну и парочка, чтоб мне с места не встать! У нас за стеной не так-то много женщин, но с теми, что есть, шутки плохи.

— Вы тоже входите в их число, Люси. Только улыбаться пока рано. — Она указала на Свакхаммера, которого барменша не видела за грудой обломков. — У нас есть проблема — большая и тяжелая.

— Так это Иеремия! — воскликнула Люси, заглянув в дыру.

— Люси, он умирает. Нужно перенести его в безопасное место.

— И еще неизвестно, поможет это ему или нет, — вставила Анжелина. — Он тяжело ранен.

— Сама вижу, — сказала барменша, но довольно мягко. — Надо его перенести… Дотащить до… — бормотала она, словно идея могла прийти сама собой, если рассуждать вслух. Так и вышло: — До рельсовой дороги, в туннель!

— Хорошая мысль, — одобрительно кивнула Анжелина. — Спустить его будет легче, чем поднять. А если погрузите в вагонетку, можно будет без труда докатить его до самых Хранилищ.

— Если, если, если. Ну а как же мы все-таки… — начала Брайар.

— Дайте мне минутку, — перебила Люси. И добавила персонально для Свакхаммера: — Чтобы никуда не уходил, старый негодяй. Держись. Я мигом.

Если он ее и слышал, то никак это не показал. Дыхание его стало неглубоким, едва заметным; зрачки уже не бегали, а вяло перекатывались из угла в угол.

Спустя полминуты Люси вернулась с Кальмаром, а также с Фрэнком и Алленом, если Брайар правильно вспомнила имена. Вид у Фрэнка был

не ахти: под глазом у него красовался здоровенный синяк, заявлявший также права на нос и лоб; Аллен придерживал раненую руку. Тем не менее они вскарабкались в пролом, подняли раненого и чуть ли не волоком потащили в вестибюль.

— Можем донести его до лифта, — сказала Люси. — На нижнем уровне должны быть вагонетки — пути на плане Миннерихта заканчивались как раз под вокзалом. Так что пошли-ка, и поживей. Так он долго не протянет.

— А куда мы его понесем? — поинтересовался Кальмар. — Ему нужен доктор, но…

И тут они заметили лужу крови, а в центре лужи — мертвого злодея.

— Боже… Он и вправду помер? — с благоговейным страхом спросил Фрэнк.

— Помер, и слава богу, — подала голос Анжелина. Потом взялась за волочившуюся по полу ногу Свакхаммера — ту, что вроде бы не пострадала, — и взвалила ее на плечо. — Я вам помогу. Мне бы тоже не помешало показаться лекарю, — призналась она. — Но с этого угла Иеремия не такой уж тяжелый. Так что помогу.

— Я знаю подходящего человека, — сообщила барменша. — Старик-китаец, он живет неподалеку отсюда. У него немножко не те методы лечения,

к которым вы привыкли, но врач есть врач. А сейчас вам обоим выбирать не приходится.

— К которым привыкли, говоришь? — проворчал Аллен. — Да уж лучше подохнуть, если честно.

— Свакхаммер тоже бы, наверное, предпочел окочуриться, чем дался бы в руки китайцу, — проронила Люси, поддерживая спину Иеремии, благо сила механической руки позволяла. — Он их до смерти боится. Но пусть уж лучше перепугается, лишь бы жив остался.

— Мам?

— Что, Зик?

— А как насчет *нас?*

На миг Брайар замялась, но только на миг. Покряхтывая, друзья Иеремии Свакхаммера тащили его к лестнице; за ним оставался след из красных капель, словно кто-то разматывал клубок кровавых ниток. А стоны и топот трухляков не смолкали даже здесь, наверху. Их яростные голодные стенания становились все громче, мертвецов все прибывало и прибывало, они рвались в каждую свежую брешь и каждую открытую дверь.

— Они повсюду, — произнесла Брайар, так и не ответив на вопрос сына.

— Внизу будет не лучше. Ума не приложу, как

они еще в этот зал не набились, — хмуро заметила Люси. — А где Глушилка?

— Здесь! — тут же отозвалась Брайар, словно в то же мгновение эта мысль посетила и ее. Массивная наплечная пушка была наполовину погребена под обвалившейся секцией потолка, но Брайар вытянула ее и с немалым усилием оторвала от пола. — Господи! Зик, да эта штука весит не меньше, чем ты. Люси, вы знаете, как ей пользоваться?

— Примерно. Поверните вон ту ручку слева. До конца, нам понадобится вся силища, какая в ней есть.

— Сделано. Что теперь?

— Теперь ей надо разогреться. Иеремия говорит, она накапливает энергию. Чтобы стрелять, ей нужно насосаться электричества. Берите ее с собой и пошли к лифту. От лифта и пальнете, — по-моему, лучше места не найти.

— Вы правы. Тогда звук разнесется по всем этажам сразу. Должно сработать… только до лифта еще надо добраться. — После недолгих раздумий она вручила пушку Зику, и тот склонился под ее весом. — Держи. Я пойду первой и зачищу коридор. Там раньше были трухляки, могли остаться до сих пор.

И со «спенсером» наперевес она бросилась вперед, оставив позади группу, несущую Свакхаммера, и своего сына, который вынужден был чуть ли не до упора прогнуться назад, иначе Глушилка перевесила бы.

Брайар пинком распахнула дверь на лестницу и помчалась вниз, не встречая никакого сопротивления.

— На лестнице все чисто! — крикнула она. — Зик, волоки сюда пушку! Люси, сколько еще она будет разогреваться? За последний час из нее не стреляли. Только не говорите, что пятнадцать минут!

— И не скажу — если и впрямь не стреляли. Чуть-чуть еще потерпите, — слабо донеслось откуда-то сверху.

Последних слов Брайар уже не слышала. Коридор на гостевом этаже оказался слегка приперчен трухляками в различных, но одинаково мерзких стадиях разложения. Она насчитала пятерых. Мертвяки разгуливали среди тел павших товарищей, обгладывая руки и ноги у трупов посвежее. Увлеченные этим занятием, они едва обращали внимание на Брайар, и та быстро, одного за другим, их перестреляла.

По полу были разбросаны оторванные конеч-

ности, которым вроде бы полагалось смердеть, но тут Брайар вспомнила, что на ней до сих пор маска, — и запах резины и угольных фильтров перебивал все остальные. Впервые за время, проведенное в городе, она порадовалась этой вони.

Там и сям попадались руки, отпавшие сами собой в результате гниения, а за углом обнаружилось несколько полуголых трупов без голов, улегшихся вповалку. Сначала она встревожилась: кто мог их обезглавить? Но потом решила, что это пустяки и ей нет до этого дела. У всех живых — даже тех, кто цапался между собой, — был общий враг в лице трухляков, и кто бы ни отделил эти головы от этих тел, он заслуживал благодарности.

Она расшвыривала на ходу бесхозные конечности, расчищая себе путь, и заодно проверяла, так ли уж безобидны все эти тела, лежащие ничком. Так и есть, нашелся притворщик: подняв оставшееся без пары веко, он оскалил зубы и в тот же миг распрощался и с ними, и с лицом.

Из лестничной шахты вынырнул Зик; Глушилку он взвалил на спину и обхватил сзади руками, на манер колодок.

— Мам, что теперь будем делать? — спросил он с нескрываемой тревогой, и Брайар поняла, что

не вполне готова к такому вопросу.

— Не знаю, — призналась она. — Но отсюда надо убираться, это ясно как день. С этого и начнем.

— Пойдем с ними? В китайский квартал?

— Нет, не стоит, — проронила Анжелина.

Она возникла в проеме первой — с ногой Свакхаммера на плече. Следом показался Фрэнк со второй ногой, затем Кальмар и Люси, между которыми безвольно повисло туловище раненого.

— Простите?

— Топайте в форт. Там они чинили дирижабль. Сейчас должен быть готов ко взлету, — заключила принцесса, каждым отрывистым словом выдавая крайнюю усталость. — На нем и улетите.

— Из города? — вставил Зик.

— По крайней мере, из этой его части, — сообщила Люси из-под шеи Иеремии. — Помогите нам погрузить его в лифт и подождите, пока мы не спустимся. А вот как уйдем… — Она шевельнулась, и раненый слабо застонал. — Тогда вы заберетесь на подъемник, Брайар Уилкс, и шарахнете из этой чертовой пушки. А потом унесете отсюда ноги, оба.

Все еще колеблясь, Брайар выполнила первую часть просьбы — помогла разместить здоровяка

в корзине. Пока Фрэнк и Кальмар его поддерживали, Люси возилась с ручками и рычагами.

— Как доберемся до нижнего уровня и перенесем Иеремию к путям, я отправлю платформу обратно, ясно? Придется прыгать, потому что сама она не остановится.

— Понимаю, — сказала Брайар. — Только я не уверена…

— Да я и сама ни в чем не уверена, — парировала Люси. — Но кое в чем уверенность есть: с вами ваш мальчик, а трухляки с минуты на минуту захватят весь вокзал. И всякого, кто здесь останется, съедят.

— А это не вы их сюда впустили? — поинтересовался Зик.

Люси отрывистым кивком указала на Фрэнка с Алленом:

— Око за око, так ведь говорят? Только жаль, не все предусмотрела. Не ожидала, что они заберутся так глубоко.

— Мы ведь можем пойти с вами. Помочь как-нибудь, — настаивал мальчик.

Брайар думала о том же:

— По крайней мере, мы могли бы вас проводить.

— Нет, исключено. У нас либо получится, либо

нет. Он либо выживет, либо нет. А донесем мы его и сами. Что же до вас двоих… До *вас,* миссис Уилкс. Докажите капитану, что вы не погибли. Ему нужно знать, что он уплатил старый долг, а не наделал новых. Сейчас он в форте Декейтер — починил свой корабль и готовится к отлету. И он уже в курсе, что ваш сын здесь. Сам мне сказал, когда я передала ему записку Миннерихта.

У Свакхаммера вдруг расправились плечи, и он издал булькающий звук — словно легкие его были забиты смолой. Звук закончился на скулящей ноте, от которой у Брайар стало тяжко на душе. Иеремия Свакхаммер не должен был, не мог так скулить.

— Господи, Люси… Увозите его отсюда. Найдите скорее этого вашего лекаря. И спасибо вам. Мы еще увидимся, даю вам слово.

— Поехали, — объявила барменша. Она не позаботилась даже закрыть решетку — просто дернула за ворот над головой, и платформа начала рывками опускаться, увозя человеческий груз. Тогда Люси сказала: — У нас всегда найдется для вас местечко в Хранилищах, если захотите. А если и нет, то для меня было честью сражаться рядом с вами, Уилкс.

А потом тросы и цепи унесли корзину еще ни-

же, и вся компания скрылась с глаз.

Брайар осталась наедине с сыном.

Тот изнывал под тяжестью пушки, почти неподъемной для него. Но не жаловался, хотя колени у него дрожали, а шею начинало жечь от разогревающегося понемногу металла.

Со дна шахты донесся звук остановившейся платформы.

Брайар с Зиком слушали, как Люси отдает команды; после необходимых приготовлений Свакхаммера сняли с подъемника и утащили в самые недра подземного лабиринта. Оставалось надеяться, что где-нибудь там отыщется вагонетка и что Люси сумеет доставить его до места, где ему помогут.

С шуршащим бряцанием цепей лифт вновь пошел вверх.

Мать с сыном затаили дыхание и приготовились к прыжку.

Едва показалась корзина, они закинули на нее Глушилку, а следом заскочили и сами. Благополучно приняв их вес, корзина замедлила ход, но подъема не прекратила, одолевая по доле этажа за каждый рывок. Брайар перевернула пушку и поставила ее прикладом вниз.

Из корпуса выпирала спусковая собачка тол-

щиной с мужской палец.

Машина гудела, разрываясь от накопленной энергии, и была готова к бою.

— Зажми уши, Зик, — сказала Брайар. — Серьезно, я не шучу. Как следует зажми. Трухляков-то мы оглушим, но только на пару минут. Бежать надо будет быстро.

Как можно дальше отодвинувшись от пушки, Брайар подождала, пока лифт не подойдет к верхнему этажу, и потянула собачку.

Звуковой импульс с хлопком устремился вверх — и вниз. Заточенный в пределы шахты, он заметался, с грохотом отдаваясь от стенок, распространяясь по всему вокзалу, разливаясь от этажа к этажу каскадом волн, которые могли усилить его мощь или, наоборот, рассеять. Лифт загремел, заклацал, запрыгал на тросах; и на миг ошарашенная, почти ослепшая женщина испугалась, что переборщила. Ей стало страшно, что корзина не выдержит и что сейчас они с Зиком понесутся вниз, навстречу гибели.

Однако корзина выдержала и заползла еще немного выше — в очередные потемки.

Мальчик был потрясен, точно как его мать, когда впервые столкнулась с Глушилкой. Но она сгребла его в охапку — после пушки Зик казался

совсем легким — и вытащила из корзины.

И сразу же натолкнулась на дверь. Не зная, чего ожидать, Брайар распахнула ее и вместе с ошеломленным мальчиком вылетела наружу, размахивая «спенсером» по широкой дуге, вмещавшей весь горизонт.

На улицах горело с дюжину костров, и каждый оранжевый пузырь окружала полоса пустого пространства. Ей никто не говорил, что трухляки сторонятся огня, но мысль была здравой, и Брайар с готовностью приняла ее.

За кострами следили люди в масках, которым явно не было дела до побоища, разыгравшегося под вокзалом. Они пошатывались, но уже приходили в себя. Эти люди тоже слышали Глушилку и знали, что она собой представляет. Впрочем, они находились достаточно далеко, а треск костров давал какую-никакую защиту от шума, поэтому на земле оказались немногие. Иные мотали головой или стучали себя по уху, пытаясь как-то справиться с грозной мощью Оглушающей Пушки доктора Миннерихта.

Брайар не знала, что они здесь. Но если бы и знала, все равно бы сделала тот выстрел. В конце концов, живые отходят быстрее мертвых.

Тут она заметила, что у некоторых из-под ре-

спираторов выбиваются косички. Китайский квартал располагался поблизости от вокзала, рядом со стеной; и это были его жители, вышедшие на защиту окрестных улиц, а значит, и самих себя.

На Брайар никто не обращал внимания. На Зика — тоже.

— Бросай Глушилку, — велела она сыну.

— Но…

— У нас не будет больше шанса использовать ее. Слишком уж долго заряжается, нас она будет только замедлять. А теперь, — объявила она, спохватившись, что самого главного и не знает, — нам нужно найти форт. Ты знаешь, где это?

Из-за дыма и Гнили видимость была очень плохой. Брайар хотела спросить у кого-нибудь дорогу, но китайцы были заняты своими кострами и не оборачивались на ее крики. Вряд ли они владели английским.

Зик подергал ее за рукав:

— Это недалеко отсюда. Иди за мной.

— Ты уверен?

Сначала она шла неохотно, но Зик взял ее за руку и потащил вперед.

— Уверен. Ну да, точно! Туда ведь Яо-цзу меня и отвел, а расположение я помню по картам.

Пошли. Он за углом, через несколько улиц. А костры и впрямь помогают, — добавил он. — Я вижу, куда иду!

— Хорошо, — сказала Брайар и послушно потащилась за сыном, оставляя позади костры и жилистых китайцев с их масками и лопатами.

Завернув за угол, мальчик встал как вкопанный.

Сзади на него налетела мать, и его отбросило на пару шагов вперед — к небольшому легиону трухляков. Все они лежали на мостовой, но некоторые начинали уже подергиваться и выказывать другие признаки пробуждения. Их тут были десятки, а дальше по улице, скрытой от глаз ядовитой пеленой, могли быть и сотни.

— Не стой на месте! — скомандовала она, обгоняя его. — У нас меньше минуты. Ради бога, малыш. *Беги!*

Он без промедления и споров кинулся за ней, перескакивая от тела к телу, стараясь ступать по мостовой, где только можно. Брайар двигалась в указанном им направлении, без разбору давя подошвами все головы и туловища, какие попадались на пути, и подавая тем самым пример.

Один раз она чуть не упала, поскользнувшись на чьей-то ноге, — та покатилась, как бревно, но

Зик пришел на подмогу, и вскоре они вырвались с улицы, заваленной негодующими, обездвиженными мертвецами.

— Направо, — крикнул мальчик.

Она все еще шла первой, так что была сейчас и ведущей, и ведомой. Под маской пахло эликсиром из надежды и страха, резины, стекла и угля. И она вдыхала его полной грудью, потому что одышка не оставляла выбора; слишком быстро забылось, как непросто бежать и дышать одновременно, когда на голове противогаз. Зик тоже хрипел, но был моложе и, по-своему, сильнее.

Наверняка Брайар не знала, но все-таки надеялась.

Время, выигранное благодаря Глушилке, было на исходе; впрочем, они так далеко отошли от эпицентра взрыва, что здешние трухляки едва ли его почувствовали.

Еще две улицы, еще один поворот…

Зик остановился, выискивая взглядом ориентиры.

— Только не говори мне, что мы заблудились, — взмолилась Брайар.

Она прижалась спиной к ближайшей стене и заставила Зика сделать то же самое.

— Да нет, не заблудились. Видишь вон ту баш-

ню? Она тут самая высокая. А форт был вон там. До него совсем чуть-чуть.

Мальчик не ошибся. Они наугад пробирались сквозь беззвездную мглу, пока не вышли к воротам форта, закрытым изнутри. Брайар заколотила по ним, понимая, что откликнуться могут вовсе не те, кто ей нужен… и надеясь, что риск оправдан, *должен быть оправдан.* Им надо попасть внутрь — трухляки уже на подходе. Их стоны раздавались все ближе, а ей теперь не убежать далеко.

Сумка, бившая ее по бедру, стала опасно легкой, и Брайар не решалась проверить, сколько у нее осталось патронов.

Зик присоединился к ней, замолотив по воротам кулаками и ботинками.

А потом с другой стороны донесся шум: с ворот снимали тяжелые засовы и перекладывали на землю. Ряды бревен, из которых были сложены стены форта, пришли в движение, и между ними возникла щель — достаточно широкая, чтобы в нее протиснулись женщина и мальчик, за мгновение до того, как из-за угла с пыхтением вынырнули первые разведчики трухлячьего войска и бросились в атаку…

28

Лиц мужчин было не видно, но Брайар узнала их по фигурам.

Фань — худощавый, совершенно неподвижный силуэт.

Капитан Клай — великан, которого ни с кем не спутаешь.

Двор отнюдь не купался в свете, но нескольких островков вполне хватало. Над тропинками на китайский манер были протянуты веревки с фонарями. Двое мужчин работали каким-то инструментом, изрыгавшим искры и пламя, третий обслуживал генератор, который с пыхтением и сопением испускал облака горячего пара, запаивая разошедшиеся швы на корпусе «Наамы Дарлинг».

Брайар удивлялась, как ухитрилась разглядеть хоть что-то сквозь воздух, густой, как пудинг. Но нет, вот она, «Наама» — почти что величавая, несмотря на множество заплат.

— Вы ведь, кажется, не планировали так быстро возвращаться? — обратилась она к Клаю.

— Не планировал. — Он указал большим паль-

цем еще на одного мужчину, который стоял к ним спиной и наблюдал за ремонтными процедурами. — Но старина Крог влип в историю.

— Это я-то влип? — Обернувшись, капитан одарил его таким свирепым взглядом, что это было заметно даже сквозь маску. — Никуда я не влипал. Это какой-то недоделанный ворюга спер «Вольную ворону»!

— Привет, э-э-э… капитан Хейни, — сказала она. — Мне очень жаль это слышать.

— Вам жаль, мне жаль. Всем детям Божьим *жаль*, — буркнул он. — Самый мощный корабль на много миль отсюда, куда ни глянь. Единственный пока линкор, который удалось увести у одной из воюющих сторон, и у кого-то хватило дерзости увести его у *меня!* А вам бы в самый раз благодарить судьбу, мэм, — добавил он, ткнув в Брайар пальцем.

— Ой, да я благодарю. В последнее время так вообще каждый день, — заверила она. — А за что?

— Без «Вольной вороны» я никак не смог бы вас забрать, и одному Богу известно, нашли бы вы кого-нибудь на замену. Но этот детина согласился помочь мне с моей птичкой, и вот теперь мы здесь.

— Как видите, — вставил Клай, — с Крогом у нас

ничего не вышло, но я рад, что хоть вас перехватили. А нас вот потрепало немножко, — сказал он, кивнув на рабочих, которые выключили свои инструменты и спускались с дирижабля по канатам. — Насчет этого можете уточнить у своего сынишки. А что ты все-таки делал на борту «Вольной вороны», а? Как признал тебя, только об этом и думаю, да в голову ничего не приходит.

Зик, не подававший доселе голоса в надежде, что его не заметят, пролепетал:

— Мне сказали, что корабль называется «Клементиной». И я просто хотел вернуться на Окраину. Миссис Анжелина сама обо всем договорилась. Обещала, что меня высадят за стеной. Я не знал, что он краденый, — соврал он.

— Что ж, он и *вправду* краденый. И первым украл его я — честь по чести, комар носа не подточит. Я его переделал. Теперь на нем не стыдно летать. Он стал «Вольной вороной» благодаря мне, и он мой — это так же верно, как и то, что я его построил с самого руля!

— Мне ужасно жаль, — пискнул Зик.

— Значит, это Анжелина тебя посадила? Но она знает почти всех наших, кто здесь курсирует, — заметил Клай, лениво почесывая местечко, где маска давила на ухо. — Вряд ли бы она тебя

доверила незнакомому капитану.

— Так она уверяла, что знает его. Только, по-моему, не больно-то хорошо знает…

— Ну и где же она тогда? — чуть ли не заорал Кроггон Хейни. — Где эта чокнутая индианка?

— На пути в Хранилища, — ответила Брайар, давая тоном понять, что тема закрыта. — А нам пора бы подумать об отлете. На вокзале творятся нехорошие вещи, скоро и в других местах начнется.

— Ну и пусть, — отмахнулся Хейни. — Этому форту почти ничего не страшно. Вот сейчас разыщу эту старуху и…

И Зик, надеясь услужить, сказал:

— Мистер, того капитана звали Бринк. Рыжий такой, руки все в татуировках.

На миг Хейни застыл, переваривая услышанное, потом всплеснул руками и принялся молотить воздух:

— Бринк! Бринк! Знаю я этого козла!

Он развернулся и зашагал к дирижаблю, сражаясь с пустотой, бранясь и выкрикивая неразборчивые угрозы.

Эндан Клай наблюдал за своим буйствующим коллегой, пока тот не скрылся за «Наамой Дарлинг». Тогда он посмотрел на Брайар и хотел уже

что-то сказать, но женщина опередила его:

— Капитан Клай, хоть вы и не планировали так быстро возвращаться в город, я все же рада вас видеть. И… — она замялась, не зная, как лучше выразить просьбу, — надеюсь, я могу попросить вас еще об одном маленьком одолжении. В моих силах сделать его выгодным, а вам это практически по пути.

— Хм… выгодным?

— Очень даже. Как вылетим из форта, я хотела бы сделать остановку у моего старого дома. Хочу показать Зику, где я когда-то жила. А мой муж, как вы помните, был человеком богатым. Мне известно, где спрятана часть его денег; даже самые усердные мародеры не нашли бы их все. Там есть… тайники. С удовольствием поделюсь с вами всем, что удастся наскрести.

Зик выпалил, словно и не слышал остального:

— Честно? Ты возьмешь меня с собой? Покажешь старый дом?

— Честно, — подтвердила она, хотя от этого в ее голосе прорезалась почти стариковская усталость. — И возьму, и покажу. Я все тебе покажу, — добавила она. — Если, разумеется, наш славный капитан окажет нам любезность и подвезет нас.

Из-за кормы «Наамы Дарлинг» показался Кроггон Хейни. Его запас ругательств еще не иссяк.

— Надеюсь, Бринк сейчас отлично проводит время на моем корабле, потому что я убью его, когда поймаю, совсем убью! [24]

Клай глядел на него, прищурившись, — скорее насмешливо, чем недоверчиво.

— Думаю, в интересах наживы его можно будет уговорить на небольшой крюк. И вообще, это мой корабль. Так что заскочим к вам домой, если хотите. Там есть куда причалить, ну или хотя бы якорь привязать?

— Во дворе стоит дерево — большой старый дуб. За эти годы он, конечно, засох, но дирижабль уж как-нибудь удержит на несколько минут.

— Поверю вам на слово, — произнес гигант. Он окинул взглядом ее, затем мальчика и добавил: — Можем взлететь, когда вам будет угодно.

— Как только вы будете готовы, капитан, — отозвался Зик и обнял мать за талию, напугав и в то же время обрадовав ее.

Брайар было приятно, хоть и чуточку грустно. Она всегда сознавала, что однажды ее сын вырас-

---

[24] Примечания: 24

Историю капитана Хейни и его корабля Чери Прист продолжила в повести «Клементина» («Clementine»).

тет, но не ожидала, что так скоро, — и не уверена была теперь, как с этим быть.

Она вымоталась до невозможности, глаза болели от многодневного недосыпа и беспокойства, не говоря уже о злополучном ударе в висок. Она прислонилась к сыну и положила бы ему голову на плечо, не будь на ней старой отцовской шляпы.

Бросив взгляд через плечо и убедившись, что рабочие закончили с последними инструментами, Клай спросил Фаня:

— Родимера погрузили на борт?

Китаец кивнул.

— Ах да, Родимер, — сказала Брайар. — Помню его. И немного удивлена, что он не вышел поболтать.

Капитан без церемоний объявил:

— Он погиб. Что-то там повредил во время крушения — не то чтобы сломал, а внутри… ну, вы понимаете. Сначала вроде держался, а потом взял и помер. И теперь… не знаю даже. Наверное, отвезем его домой. Пускай его сестра решает, что с ним делать.

— Какая жалость… Он мне нравился.

— Мне тоже, — признался Клай. — Но с этим ничего не поделаешь. Идем, хватит нам здесь торчать. Мне уже осточертела эта маска. И этот

воздух. Хочу поскорее убраться отсюда. Идем. Пора домой.

Не прошло и получаса, как «Наама Дарлинг» оторвалась от земли.

Капитан начал взлет с осторожностью, проверяя работу двигателей, баллонов и руля. Для махины таких размеров дирижабль поднимался довольно легко, и вскоре форт остался далеко внизу.

Кроггон Хейни с ворчанием занял место Родимера и взял на себя роль старшего помощника. Фань, пристегнувшись к креслу, исполнял обязанности штурмана в полном молчании — при помощи жестов и кивков. Брайар с Зиком устроились в углу, у слегка растрескавшегося лобового стекла, и смотрели на город.

— Пока что пойдем низом, через Гниль, — сказал Клай. — Если заберемся выше, напоремся на боковой ветер, а я с этой птичкой хочу быть понежнее, пока не буду уверен, что все работает как надо. А теперь посмотрите вниз и налево. Видите вокзал?

— Вижу, — откликнулась Брайар.

Внизу услужливо подставленными пальцами сплетались пешеходные мостки, ведущие в квартал, где стояло близ прибрежной полосы,

вплотную к великой Сиэтлской стене, недостроенное здание вокзала. Света костров вполне хватало, чтобы все разглядеть, а люди, которые за ними присматривали, казались маленькими, как мыши.

«Наама Дарлинг» поплыла в опасной близости от вокзальных часов, и на них тупо уставился пустой циферблат величиной со спальную комнату. Ни механизмов, чтобы отмечать время, ни стрелок, чтобы его показывать. Это был символ тщетных усилий и несбывшихся надежд.

Воздушный корабль скользил над улицами, которые постепенно наводнялись трухляками. Те передвигались кучками и стайками, бестолково отскакивая от стены к стене, как стеклянные шарики, высыпавшиеся из ведра. Брайар прониклась к ним огромной жалостью, всем сердцем желая, чтобы кто-нибудь однажды их всех перебил — всех до единого. Они ведь когда-то были людьми и заслуживали лучшей участи.

Взяв курс на вершину, дирижабль полетел над склоном холма, самого высокого в городе. Брайар подумала о Миннерихте и засомневалась. Пожалуй, лучшего заслуживали не все из них. Лишь некоторые.

И она перевела взгляд на сына, сидевшего

рядом. Он тоже смотрел в окно, на тот же город-катастрофу. И улыбался — не оттого, что город был красивым, а оттого, что все-таки победил его и что получит теперь единственную награду, к какой стремился. Брайар поглядывала на него искоса, чтобы не привлечь его внимания пристальным взглядом. Она так хотела, чтобы он улыбался, и гадала, много ли радости еще осталось в этой улыбке.

— Миссис Уилкс, мне не помешал бы ваш совет, — подал голос капитан Клай. — Я знаю, что вы жили где-то на холме, но точного места не назову.

— Туда. — Она показала пальцем. — Вдоль Денни. Выше по склону и слева. Большой такой особняк.

Он вырос из грязной, низко стелющейся пелены газа, подобно крошечному замку, — серый дом, ракушкой прилепившийся к круче и весь как будто бы состоящий из углов. Брайар разобрала очертания плоской башенки и площадки с перильцами на крыше, пышную отделку водостоков. От светлой расцветки милого старого гнездышка осталось ровно столько, чтобы выделять его во тьме.

Некогда стены были выкрашены в бледно-ли-

ловый с серым отливом — ее любимый цвет. Она как-то даже призналась Леви — ему, и никому больше, — что ей всегда нравилось имя «Хизер»;[25] жаль, что оно не пришло на ум ее родителям. Тогда Леви сказал, что можно выкрасить в цвет вереска ее дом и, если у них когда-нибудь появится дочь, Брайар сможет назвать ее, как душе угодно.

Теперь тот разговор вернулся к ней отчетливо и ясно, словно воспоминание застыло и застряло у нее в глотке.

И вновь она украдкой посмотрела на Зика. В те дни она еще не знала о нем. Столько всего случилось, пока у нее зародились первые подозрения, — и ко времени, когда Брайар сообразила наконец, почему неважно себя чувствует и почему ей хочется всякой странной снеди, она уже оказалась на Окраине и дважды похоронила отца. Чтобы выжить, она понемногу продавала столовое серебро, прихваченное из дома Леви. А вокруг города, который был для нее домом, росли стены…

— Что? — Зик почувствовал ее взгляд. — Что такое?

---

[25] Примечания: 25
Heather *(англ.)* — вереск. Ср.: briar — шиповник.

Она издала нервный смешок — такой тихий, что его можно было принять за всхлип.

— Так, думала о разном. Если ты был девочкой, мы назвали бы тебя Хизер. — Потом она обратилась к капитану: — А вот и дерево, видите?

— Вижу, — отозвался тот. — Фань, подготовь швартовочный крюк.

Китаец исчез в грузовом отсеке.

Отъехала панель в днище дирижабля, и в крону мертвого дуба полетел якорь-кошка на канате. Брайар видела из окна, как ломаются давно высохшие ветви, но, когда веревка натянулась и задрожала, якорь остался на месте. «Наама Дарлинг» проплыла еще немного, остановилась и зависла в воздухе.

Возле дерева развернулась веревочная лестница, пары футов не дотянув до земли.

Фань вернулся на капитанский мостик.

— Шибко надолго этого не хватит, но несколько минут у нас есть, — сказал Клай.

Капитан Хейни, поневоле ставший первым помощником, спросил:

— Вам помочь?

Брайар поняла, что его на самом деле интересует:

— Не могли бы вы просто оставить нас наедине

на пару минут? А потом заходите в дом, и я помогу вам разыскать остатки золота. Вы тоже, капитан Клай. Я вам очень обязана, так что все, что найдете, можете унести с собой.

— Сколько минут? — не унимался Хейни.

— Как насчет десяти? Мне нужно лишь забрать кое-какие личные вещи.

— Пусть будет пятнадцать, — сказал Клай. И добавил: — Я его задержу, если понадобится.

— Охотно бы посмотрел, как ты это будешь делать, — проронил Хейни.

— Надо думать. Ну а пока давай выделим леди время, которое она просит, хорошо? Идите же, пока трухляки не смекнули, что на вокзале ничего интересного нет, и не повалили обратно на холмы.

Зику второго приглашения не требовалось — он сразу кинулся в трюм, к лестнице. Брайар хотела уже броситься за ним, но Клай покинул кресло и деликатно удержал ее за руку:

— Как у вас с фильтрами?

— Да ничего, свежие.

— Могу ли я чем-нибудь… Можно ли как-нибудь…

Что бы он ни имел в виду, у Брайар на это не было времени. Так она и сказала:

— Просто дайте мне побыть с сыном, ладно?

— Извините. — Он отпустил ее. — Вам, наверное, понадобится фонарь?

— Хм. И вправду что. Спасибо.

Он вручил ей пару фонарей и спички. Поблагодарив его, Брайар повесила их на руку и зажала под мышкой, чтобы не мешали спускаться по лестнице.

Несколько мгновений спустя она стояла посреди своего бывшего двора.

Газон зачах, как и старый дуб; во дворе ничего не осталось, кроме грязи да склизкого ковра из давно сгнивших цветов и травы. Сам особняк стал серовато-коричневого с желтизной цвета, как и все, чего касалась Гниль на протяжении шестнадцати лет. На месте розовых кустов, что росли когда-то у террасы, виднелись лишь хрупкие скелеты растительности.

Она поставила оба фонаря на крыльцо и зажгла спичку.

Парадная дверь стояла нараспашку. Окно рядом с ней было разбито. Если это был Зик, то она ничего не слышала… Впрочем, кто угодно без труда мог просунуть руку, нащупать задвижку и войти.

— Мам, ты в доме?

— Да, — тихонько ответила Брайар.

Ей не хватало дыхания, и маска тут была ни при чем. Внутри после ее ухода все изменилось, но осталось узнаваемым. Сюда явно наведывались посторонние — в этом сомнений не возникало. Все, что можно украсть, украдено, кое-что поломано. По полу разбросаны осколки сине-белой японской вазы. Шкафчик с посудой разгромлен, содержимое частью отсутствует, частью перебито. Восточный ковер стоптан по краям — мародеры особо не церемонились. Через гостиную к кухне и жилым помещениям тянулись цепочки следов. А в коридоре стоял Зик, пожирая все это взглядом, впитывая в себя все и сразу.

— Мама, ты только посмотри! — воскликнул он, будто и она была здесь впервые.

Она протянула ему зажженный фонарь и сказала:

— Вот, теперь можешь посмотреть *по-настоящему.*

Гляди, вот диванчик с бархатной обивкой — погребенный под таким слоем пыли, что уже и не понять, какого он цвета. А вот пианино, и нотная тетрадь до сих пор на месте — бери и играй. А вон там, над притолокой, — подкова, которая так и не принесла никому счастья.

Брайар стояла в центре комнаты и пыталась вспомнить, как та выглядела шестнадцать лет назад. Какого все-таки цвета был диванчик? А кресло-качалка в углу? Не на него ли она набрасывала свою шаль?

— Иезекииль, — прошептала она.

— Что, мам?

— Мне надо кое-что тебе показать.

— Что?

— Это внизу. Мне надо показать тебе, где все произошло и как. Показать тебе Костотряс.

Он расплылся в улыбке — Брайар поняла это по прищуру глаз.

— Да! Покажи!

— Сюда, — произнесла она. — Держись рядом. Неизвестно еще, что там с полами.

И тут она заметила одну из старых своих ламп — та висела на стене, словно хозяйка никуда и не уходила. Дутый стеклянный колпак был совершенно цел, даже не треснул. Когда она проходила мимо, свет ее дешевого фабричного фонаря заиграл на колпаке, и на миг показалось, что лампа ожила.

— Лестница вот здесь, — сказала Брайар, и при мысли об очередной порции ступенек ее ноги заныли.

Однако она толкнула дверь кончиками пальцев, и петли привычно заскрипели. Они проржавели, но не рассыпались и выводили все те же визгливые ноты, что и раньше.

От волнения Зик лишился дара речи. Это чувствовалось по тому, как неуклюже он топал у нее за спиной; по улыбке, задержавшейся под маской; по частым, как у кролика, вдохам и выдохам, со свистом вырывавшимся из фильтров респиратора.

У нее назрела потребность кое-что разъяснить.

— Много лет назад русские устроили конкурс. Они хотели добывать золото из-под слоя мерзлоты на Клондайке. Твой отец победил, и тогда ему заплатили, чтобы он построил машину, способную пробурить стофутовый панцирь льда. — С каждым шагом, уводящим ее вниз, она сообщала ему новые детали, пытаясь как-то замедлить их совместный спуск, избежать которого не могла. — Как я поняла, там он никогда не тает и добывать руду очень сложно. В общем, Леви дали на работу шесть месяцев, и он должен был показать машину послу, когда тот прибудет в город с визитом. И вдруг он заявил, что запустит ее раньше срока, потому что получил письмо от посла.

Вот он, подвал.

Она подняла фонарь повыше. Иезекииль встал рядом и спросил:

— Где он?

Свет фонаря озарил практически пустое помещение, лишь кое-где валялись полотнища, которыми раньше накрывали машины и прочее оборудование.

— Не здесь. Это еще не лаборатория, а просто подвал. Тут он хранил все свои свежие изобретения, которые надеялся кому-нибудь продать. И те, которые не придумал еще, как использовать.

— Что с ними стало?

— Я так думаю, Миннерихт перетащил к себе все, что только мог. Большая часть того, что мы видели на вокзале — ну или очень многое — как раз отсюда. Те красивые светильники, например… ты же видел их? Работают на электричестве, а откуда электричество — поди разбери. А ружье его помнишь, трехстволку? Здесь она мне не попадалась, зато я видела чертежи. Вон на том столе.

Возле стены приткнулся длинный приземистый верстак. Сейчас на нем не было ничего — ни клочка бумаги, ни самого распоследнего огрызка карандаша.

— Миннерихт, или Джо Фостер, или как его

там… Сдается мне, он прибрал тут все, что плохо лежало. По крайней мере все, что было на виду и поддавалось перевозке. Но Костотряс он и с места бы не сдвинул, даже если бы знал, где искать.

Она выдвинула верхний правый ящик стола, нащупала пальцами скрытую панель и нажала кнопку.

Раздался щелчок, потом треск, и в стене прямоугольником проступила дверь.

Зик бросился к ней с радостным криком.

— Осторожнее, — предостерегла его мать. — Дай покажу.

Она подошла к углублению в стене и провела руками вдоль контура, затем толкнула створку в определенном месте. Та со скрипом отъехала, и глазам их предстала еще одна лестница.

— Ну что ж, — произнесла Брайар, высоко подняв фонарь, чтобы осветить всю комнату. — Похоже, потолок выдержал.

Зато досталось всему прочему.

Часть стены и весь пол сгинули начисто, превратились в фарш. С потолка свисали провода толщиной с палец, в беспорядке падая на груды камня, которые с легкостью, точно снег, раскидала гигантская машина, вынырнув из недр холма в старую лабораторию.

Костотряс же был невредим, но весь усыпан обломками, которых сам же и понаделал в таком изобилии. Он засел в самом центре помещения, будто пустил там корни.

Света фонарей не хватало, чтобы полностью разогнать мрак, однако Брайар различила между фрагментами обвалившейся кладки исцарапанную стальную обшивку и чудовищные измельчители, торчащие, словно клешни исполинского краба, — видно было лишь два из четырех.

Машина не то чтобы разломала, а скорее стерла в порошок три длинных стола, на руинах которых поблескивали осколки стекла. Еще она опрокинула и смяла ряды стеллажей и шкафчиков; даже то, чего она едва коснулась, разлетелось в щепки.

— Удивительно, как еще она не обрушила весь дом! — прошептала Брайар. — Знаешь, а я ведь тогда уже настроилась, что так и будет.

Даже сквозь маску чувствовалось, что воздух здесь стылый и спертый, пропитавшийся за шестнадцать лет плесенью, пылью и Гнилью.

— Угу, — буркнул Зик.

Сейчас он согласился бы со всем, что она скажет.

Создавалось впечатление, что машина лежит на боку, однако это был лишь оптический

обман, навеянный пропорциями комнаты. На самом деле Костотряс застыл носом кверху, на треть выдаваясь из пола. При вращении его буры — каждый размером с пони — разворотили и перекрутили все вокруг; Брайар вспомнила, как ей подумалось тогда об огромных вилках, наматывающих на себя спагетти. И хотя режущую кромку буров с их лопастями и канавками тронула ржавчина, они по-прежнему выглядели страшнее, чем сны дьявола.

Брайар сглотнула комок. Зик сжался в пружину, готовясь сорваться с места, но она остановила его жестом:

— Видишь стеклянный колпак в верхней части машины?

— Вижу.

— Там-то он и сидел, когда управлял ею.

— Я тоже хочу посидеть. Можно? Люк открывается? Как думаешь, машина еще работает?

Не успела она и слова сказать, как он перемахнул через провал и соскочил на лестницу, примостившуюся на краю комнаты, в стороне от завалов.

— Погоди! — крикнула Брайар и прыгнула вслед за ним. — Не трогай ничего! Тут повсюду битое стекло.

Какое-то время после прыжка фонарь в ее руке еще раскачивался, и казалось, будто в пыльной разгромленной лаборатории полным-полно звезд.

— А я в перчатках, — откликнулся Зик и полез по кучам мусора к водительской кабине, держась подальше от буров.

— Стой! — окрикнула она, подпустив в тон нотку приказа.

Он остановился.

— Позволь мне все объяснить, не хочу дожидаться, пока ты потребуешь объяснений.

Она сбежала по ступенькам и вскарабкалась к нему, перебравшись через нагромождения камней, щебня и бывших стен, в которые Костотряс закутался, как омар — в панцирь. И начала:

— Он утверждал, что это была авария. Якобы что-то не заладилось с рулем и двигателем и он потерял управление над машиной. Но при этом, как ты сам прекрасно видишь, пригнал ее прямехонько в подвал, как только закончил.

Зик кивнул. Встав на колени, он принялся очищать корпус от пыли, чтобы получше разглядеть стальную обшивку с крупными, с кулак, вмятинами.

— Он клялся, что ничего не знает о судьбе бан-

ковских денег, потому что не брал их, и что у него в мыслях не было кому-то навредить. И хочешь верь, хочешь нет, скрывался здесь несколько дней. Никто точно не мог сказать, куда направилась машина. И поначалу никто не догадывался, что он попросту увел ее домой, как тележку на колесиках.

Но тут явился твой дедушка — он разыскивал Леви. В общем-то, его все тогда искали, но если кто и знал, куда он подевался, то это я, так что ко мне отец и пришел.

Я не разговаривала с ним с тех пор, как убежала из дому и вышла замуж. Папе Леви никогда не нравился. Он думал, что Леви для меня слишком стар, — и, по-моему, был прав. Более того, он считал Леви прохвостом — и опять-таки угадал. В итоге, когда мы с твоим дедушкой встретились в последний раз, я обозвала его лжецом за то, что заклеймил моего мужа как мошенника. И соврала ему в лицо, будто не знаю, где Леви. Но он-то был прямо здесь, в этой самой лаборатории.

— Эх, хотел бы я встретиться с ним, — вставил Зик. — С твоим папой, в смысле.

Она растерялась и не сразу смогла выдавить из себя ответ:

— Я бы тоже этого хотела. Он не был особенно

приветливым человеком, но ты бы ему понравился. Думаю, он гордился бы тобой. — Откашлявшись, она продолжила: — Но в нашу последнюю встречу я повела себя ужасно — вытолкала за порог — и больше уже не видела его живым. — И добавила — больше для себя, чем для сына: — И надо же было так случиться, что это Клай отнес его домой. Мир тесен.

— Капитан Клай?

— Да. Именно Клай, хотя тогда он был помоложе и не дорос еще до капитана, надо полагать. Может, он сам тебе все расскажет, как вернемся на корабль. Узнаешь, как на самом деле проходил побег, — тебя ведь всегда это интересовало. Если кто и может прояснить картину, то это Клай — он ведь был там.

Но тем же вечером, как выпроводила папу, я спустилась в лабораторию, хотя и знала, что меня там не ждут. Твой отец весь избрюзжался, чтобы я не ходила сюда без разрешения. Но я все равно пробралась в подвал и тихонько вошла. Он возился с какими-то там болтами или гайками как раз под этим колпаком — зад снаружи, голова внутри. В общем, он меня не видел.

Зик понемногу придвигался к водительскому месту — к стеклянному пузырю со стенками в ла-

донь толщиной. Он поднял фонарь над головой, насколько позволяла длина руки, и вгляделся в расцарапанную поверхность:

— Там что-то есть.

Брайар заговорила быстрее:

— Едва я открыла дверь, на глаза мне попались мешки с надписью «ПЕРВЫЙ СКАНДИНАВСКИЙ БАНК». Стояли себе рядком вон там, на обломках стола, и чуть ли не лопались от денег.

Я замерла, но он все-таки меня заметил и даже подпрыгнул на кресле. С такой яростью на меня еще никто не смотрел. Он начал орать. Велел убираться отсюда, но потом сообразил, что я видела деньги, и попробовал зайти с другой стороны. Сознался в краже, но уверял при этом, что знать ничего не знает про газ. Мол, это была трагическая случайность.

— А что сталось с деньгами? — спросил Зик. — Они еще где-то здесь?

Обшарив несчастную комнату взглядом и ничего не обнаружив, полез к кабине.

Брайар ответила:

— Б*о*льшую часть он уже припрятал. А я наткнулась на остатки, которые Леви не успел перетащить в тайник. Кое-что я взяла с собой, когда уходила из дому, и берегла каждый пенни.

На эти деньги мы жили, когда ты был совсем маленьким, а я еще не работала на очистной станции.

— А остальное?

Она набрала в грудь воздуха:

— Спрятала наверху. — И затараторила еще быстрее, надеясь выложить всю правду до того, как Зик увидит все своими глазами: — Леви стал заговаривать мне зубы — что-то насчет того, чтобы вместе бежать и начать жизнь заново в других краях, только мне этого не хотелось. И вообще, было ясно как день, что он планировал бежать без меня. Он начал кричать, а я была рассержена и напугана. А на столе… на столе, который стоял вон там, лежал один из револьверов, из которых он подумывал сотворить что-то покрупнее и почуднее.

— Мама!

Она не позволила сбить себя с набранного темпа:

— Я взяла его и наставила на Леви. Он расхохотался. Велел подняться в дом и собрать вещи, потому что через час мы уезжаем из города на Костотрясе. Или же я могу остаться здесь и погибнуть, как все остальные. И он повернулся ко мне спиной — залез обратно в машину и продолжил

работу, словно меня здесь и не было. Он ни в грош меня не ставил, — добавила она, словно раньше ее эта мысль не посещала. — Считал молоденькой дурочкой — достаточно смазливой, чтобы украсить гостиную. Думал, беззащитную овечку нашел. Что ж, он ошибся.

Теперь Зик стоял совсем близко к кабине, так близко, что различил неуклюже развалившуюся фигуру, когда поднес фонарь к разбитому стеклу.

— *Мама,* — произнес он.

— И я вовсе не говорю, что он угрожал мне, пытался ударить. Все было совсем не так. А было вот как: он забрался в Костотряс, а я подошла сзади и выстрелила.

Зик нащупал защелку на высоте колена. Склонился над ней и замер в нерешительности.

— Ну же, — сказала она. — Посмотри. А то всю жизнь потом будешь гадать, врал тебе Миннерихт или нет.

Мальчик бросил последний взгляд на застывшую у двери мать, на ее фонарь, затем надавил на защелку и потянул на себя дверцу. Стеклянная крышка, посаженная на пару петель, с шипением отошла и начала подниматься.

Внутри сгорбился, завалившись лицом вниз, мумифицированный труп мужчины.

Затылок у него отсутствовал, хотя кусочки его поналипали повсюду — на стекле, на приборной доске… Разлетевшись когда-то брызгами, со временем они высохли и почернели или посерели. На трупе был светлый рабочий халат и кожаные перчатки, доходившие до самых локтей.

Брайар проговорила медленно и негромко:

— Я не могу даже прикинуться, будто защищала тебя. О том, что у меня появишься ты, я узнала лишь через несколько недель, так что оправдание никудышное. Ну вот, теперь тебе все известно. Я убила его. Если бы не ты, вряд ли бы это что-то значило. Но ты сейчас здесь, и ты мой сын и его тоже, заслужил он тебя или нет. И это кое-что значит, как бы я к этому ни относилась.

Она умолкла и стала ждать, что теперь будет делать ее сын.

Сверху, из гостиной, донесся звук тяжелых шагов, потом голос капитана Клая:

— Миссис Уилкс, вы здесь?

— Мы внизу, — прокричала она в ответ. — Дайте нам еще секундочку, скоро поднимемся! — Затем Брайар вымолвила: — Скажи что-нибудь, Зик. Умоляю тебя, мальчик мой. Что-нибудь!

— Что я должен сказать? — спросил он. Судя по тону, он действительно не знал.

И она сделала попытку:

— Скажи, что не презираешь меня. Что все понимаешь — а если нет, скажи, что ничего в этом страшного. Скажи, что услышал то, о чем всегда хотел услышать, и что не сможешь отныне упрекать меня в скрытности. А если не можешь меня простить, то так и скажи, ради бога! Скажи, что поступила с тобой дурно, как и с ним много лет назад. Скажи, что отказываешься понять меня, что мог остаться на вокзале с Миннерихтом и теперь жалеешь. Скажи мне, что не желаешь больше меня видеть, если такова твоя воля. *Скажи хоть что-нибудь.* Только не заставляй меня стоять перед тобой и мучиться неизвестностью.

Зик повернулся к ней спиной и вновь уставился на скопление кнопок, рычагов и потухших огоньков. Пристально взглянул на ссохшееся тело — лица он никогда уже не увидит. А затем взялся за стеклянную крышку и опустил ее, щелкнув замком.

Мальчик съехал с корпуса машины и остановился в нескольких шагах от матери, которая от ужаса не могла даже плакать, хотя и очень хотела.

Он спросил:

— Что теперь будем делать?

— Теперь?

— Да. Что мы теперь будем делать?

Сглотнув, Брайар разжала пальцы, мертвой хваткой вцепившиеся в ремень сумки. Ей нужно было знать.

— О чем ты?

— Ну, как поступим-то — поднимемся в дом, заберем денежки и вернемся на Окраину?

— Ты думаешь, нам лучше остаться здесь? Угадала?

— Ага, о том тебя и спрашиваю. Какой вообще смысл возвращаться на Окраину? А вдруг тебя уже уволили? Тебя не было несколько дней, меня тоже. Может, нам лучше взять остатки денег и попросить капитана, чтобы отвез нас на восток? Война ведь когда-нибудь закончится. Может, если забраться подальше на север или на юг… — Он сбился с мысли, и фонтан идей иссяк. — Короче, не знаю, — заключил он.

— Я тоже, — призналась Брайар.

И Зик добавил:

— И я тебя не презираю. *Не могу.* Ты пробралась в город, чтобы найти меня. Никто на свете, кроме тебя, даже пальцем бы ради этого не шевельнул.

В носу у нее захлюпало, на глаза навернулись слезы. Она потянулась смахнуть их и вспомнила,

что на ней маска.

— Ладно. И хорошо. Очень хорошо, я рада это слышать.

— Пошли наверх, — сказал Зик. — Посмотрим, не завалялось ли там чего. А потом… потом… что сама предложишь?

Брайар обвила рукой его талию, крепко-накрепко прижала к себе, и они в обнимку поднялись по лестнице.

На верхних этажах шумели воздушные пираты — рылись в комодах, перебирали содержимое шкафов и полок.

— Давай-ка им поможем, — проговорила Брайар. — В полу спальни, под кроватью, есть сейф. Я всегда была уверена, что когда-нибудь к нему вернусь. Не знала просто, как скоро. — Она отчаянно гундосила и чувствовала себя почти счастливой. — Ведь так или иначе, а у нас все будет хорошо, правда?

— Очень даже может быть.

— Ну а насчет того, что нам делать дальше… — Дальше она пошла первой и вывела его обратно в коридор, и узкий проход затопил теплый свет их фонарей. — Времени на решение у нас не так уж много. *Здесь* оставаться нельзя. Подполье — не лучшее место для мальчика.

— И для женщины, как я слышал.

— Может, и для женщины. — Она не стала упорствовать. — Только к нам это не обязательно относится. В конце концов, я убийца, а ты… ты из дому убежал. Может, мы с этим городом и этими людьми друг друга стоим. И может быть, из этого выйдет что-то хорошее. Вряд ли жизнь тут будет намного хуже, чем за стеной.

В гостиной их нескладной тенью встретил капитан Клай. В парадную дверь вошел Кроггон Хейни, на ходу поправляя маску и все еще сокрушаясь вполголоса по своему ненаглядному кораблю. В антракте между ругательствами он заметил:

— Странно все это, миссис Уилкс. Кажется, меня ни разу еще не приглашали ограбить чей-нибудь дом.

Она окинула взором свернувшиеся в трубочку сырые обои, размякшие ковры, непонятной расцветки квадраты на стенах — на их месте когда-то висели картины. Вдоль стены и возле камина стояли пустые скорлупки мебели; острые края стекол, торчащих из оконных рам, отбрасывали причудливые тени, словно бы выжженные на грязных стенах. Там, за окном, вставало солнце. Света худо-бедно хватало, чтобы разогнать ца-

рившие в комнате потемки, но ему недоставало яркости, чтобы придать ей по-настоящему трагичный вид.

Улыбка Зика давно истаяла, но он нацепил ее снова, как флаг, и сказал:

— Прямо и не верится, что в этой развалине еще может быть что-то ценное. Но мама говорит, наверху припрятаны денежки.

Она обняла мальчика и с нежностью притянула к себе — насколько он позволил. А пиратам заявила:

— Это *мой* дом. Если здесь еще осталось что-то путное, то самое время пойти и взять. А мне здесь больше делать нечего. Я собрала что могла, на жизнь должно хватить.

Зик стоял неподвижно, не мешая матери ерошить ему волосы, потом повернулся к капитану Клаю и спросил:

— А вы правда участвовали в побеге? Мама сказала, это вы принесли моего дедушку домой.

Клай кивнул:

— Истинная правда. Я и мой брат. Давайте-ка обчистим это местечко, вернемся на борт, и уж там я расскажу тебе об этом, если хочешь. Во всех подробностях.

Эпилог

На станции хмурый бригадир, облаченный в очень толстые перчатки, поведал Хейлу Куортеру, что нет, миссис Блю не вышла на работу в этот день. Собственно, за всю неделю она не оттрубила ни одной смены и, по мнению бригадира, больше здесь не работала. Нет, он не знает, что с ней такое случилось. И нет, он понятия не имеет, куда она могла подеваться и чем сейчас занимается.

Но если Хейлу сильно надо, или просто любопытно, или нечего делать, то он смело может осмотреть ее личные вещи, если какие-то еще остались. Насколько известно бригадиру, никто пока не удосужился опустошить ее ячейку.

Не было у Брайар ничего такого, чтобы заинтересовать других.

Кивнув, молодой биограф оттянул пальцем воротник рубашки; в помещении стояла невозможная духота. Из щелей в больших машинах сочился, выплескивался, а иногда и бил струей пар; из котла в котел шипящими, пенистыми водопадами тяжело переливалась кипящая вода, готовая к обработке. Рабочие посматривали на

Хейла с недоверием и открытым презрением, хотя не знали даже, зачем он сюда пришел. Им было достаточно того, что одет он щеголевато, а под мышкой носит блокнот, и того, что на нем очки, запотевавшие каждый раз, как над его головой, чуть в стороне, расставалась со своим горячим содержимым очередная подвесная емкость. Он был человеком совсем другой породы, и рабочие не готовы были проявить доброжелательность. Они хотели, чтобы он прекратил мешаться у них под ногами и убрался.

Хейл угадал их желание и поспешил прочь из главного цеха, оскальзываясь на влажных от пара решетках, которые играли роль перекрытий между этажами. Уже на самом выходе он прокричал, сбиваясь на кашель:

— А как я пойму, что это ее вещи?

Бригадир не потрудился даже отвести глаз от системы клапанов, где толстая красная стрелка подрагивала между синим и желтым сектором. Он просто бросил в ответ:

— Поймете.

Хейл вернулся к служебному входу, в комнату, где работники станции хранили личные вещи, и сразу же понял, что имел в виду бригадир. В глаза ему бросилась полка, помеченная фами-

лией Брайар… точнее, таков был изначальный замысел. На узком пространстве доски одна процарапанная надпись спорила с другой, и так далее до полной неясности.

На полке лежала пара перчаток. Он хотел было осмотреть их, но выяснилось, что они прилипли к дереву.

Привстав на цыпочки, биограф разглядел застывшую лужицу краски, превратившуюся в нечто вроде клея. Тогда он оставил перчатки в покое и пошарил рукой за ними, надеясь отыскать какие-нибудь свидетельства из жизни Брайар, благо краска высохла. И выгреб из дальних углов ячейки осиротевшую линзу от защитных очков, порванный ремень от сумки и конверт с именем Брайар — совершенно пустой.

Ничего больше не обнаружив, Хейл опустился на каблуки. Какое-то время он постукивал костяшкой пальца по своему ремню — так легче думалось, однако ничего нового ему в голову не пришло. Это означало, что его запас идей окончательно иссяк. Где бы сейчас ни пропадала Брайар Уилкс-Блю, исчезла она неожиданно. Она ни с кем не попрощалась, не сообщила на работе об увольнении, не собрала вещи и ни словом не обмолвилась о своих планах.

Ее сына тоже нигде не было.

Тогда Хейл решил в последний раз наведаться к ней на порог. Даже если никого нет дома, могут сыскаться признаки, что кто-то там *побывал,* — хозяева или посторонние. На худой конец, поблизости может околачиваться кто-нибудь из дружков Иезекииля. А в самом крайнем случае можно позаглядывать в пару окошек и еще больше укрепиться в очевидном выводе: куда бы ни направилась Брайар Уилкс-Блю, она уже не вернется.

Хейл Куортер взял блокнот под мышку, взобрался в седло и начал долгое путешествие вдоль приливной полосы, плетясь на лошади по раскисшим улочкам Окраины, все ближе подбираясь к кварталу, где упокоился на дворике за собственным домом Мейнард Уилкс. Час был еще ранний, и ненавязчиво моросящий дождь не особо угнетал. Солнечные лучи вяло пробивались сквозь щели между тучами, вывернутыми наизнанку тенями ложась на лошадку Хейла и тележную колею, прорезанную в мягком грунте. В спину биографу дул ветер, студеный, но не такой кусачий, как в иные дни, и бумаги его почти не намокли.

Ко времени, когда он очутился у дома Уилксов,

день пошел на убыль, и начало темнеть раньше положенного, как и всегда в эту пору года. Выше по улице мальчишки зажигали фонари — пенни за штуку. Этого освещения хватило, чтобы дом предстал перед Хейлом во всем своем покинутом великолепии.

Строение было приземистое и серое, как и все в округе. Стены уродовали дождевые потеки цвета Гнили; тот же узор, словно бы вытравленный кислотой, виднелся и на окнах.

Входная дверь была закрыта, но не заперта — это Хейл уже выяснил. Он взялся за ручку, но вдруг застыл.

Вместо того чтобы зайти, он заглянул в ближайшее окно. Ничего не увидев, вернулся к двери. Влажная ладонь легла на холодную металлическую ручку. Он провернул ее наполовину, в сотый раз передумал и отпустил.

Дождь припустил сильнее, стал налетать порывами, вонзая Хейлу в уши ледяные иголки. На крыльце особо не укроешься, тем более надолго. Он крепко прижал к себе блокнот на кожаных застежках, защищавших бумагу от дождя, и мысли его вновь свернули к незапертой двери.

Усевшись спиной к ней, подальше от дождевых струй, он положил блокнот на колени. Ветер

трепал кроны деревьев, окруживших ветхий домишко, пелена дождя опускалась и поднималась, как театральный занавес.

Хейл Куортер послюнявил перо кончиком языка и принялся писать.

От автора

Полагаю, фабула «Костотряса» не оставляет сомнений, что перед вами литературный вымысел. С другой стороны, мне всегда доставляло удовольствие сдабривать свои романы точными деталями: местной историей и достопримечательностями, и этот не стал исключением. Тем не менее позвольте вас немного задержать и заверить: я *полностью отдаю себе отчет* в том, что в данной книге самым прискорбным и бесцеремонным образом обошлась с историческими, географическими и техническими реалиями.

Мотивы мои столь же просты, сколь и корыстны: мне понадобился Сиэтл образца 1863 года, заселенный значительно гуще, чем реальный город той поры. Соответственно, как разъясняется в первой главе, я устроила золотую лихорадку и открыла Клондайк на несколько десятилетий раньше срока, и численность жителей, таким образом, возросла в геометрической прогрессии. В свете вышеизложенного, когда я говорю о тысячах трухляков и целых районах, подвергшихся эвакуации и изоляции, я отталкиваюсь от цифры

в сорок тысяч душ, а не от пяти тысяч, которые даровала мне скупая история.

Кроме того, как вы уже, несомненно, заметили, дорогие краеведы, я обошла вниманием несколько поворотных моментов в развитии Сиэтла: пожар 1889 года, уничтоживший большую часть города, и землеройные работы 1897-го, положившие конец холму Денни-Хилл. Поскольку оба этих события имели место спустя солидное время после событий моей книги (кои датируются 1880 годом), у меня был широкий простор для фантазии, когда я набрасывала свою версию Пайонир-сквер и близлежащих кварталов.

Для справочных целей я использовала городскую карту 1884 года от издательства «Сэнборн», что позволило в самых общих, приблизительных чертах воссоздать картину местности, но, видят небеса, временами меня уводило в сторону.

Ergo.[26]

Если допустить, что основное население города сформировалось намного раньше, то не будет посягательством на здравый смысл и предположение, что некоторые из исторических зданий Сиэтла вошли в строй еще в 1860-х, до появления

---

[26] Примечания: 26
Следовательно *(лат).*

стены.

Такова была моя логика, и я от нее не отступала.

Поэтому нет нужды засыпать меня электронными письмами с любезными пояснениями, что строительство вокзала Кинг-стрит началось лишь в 1904 году, Башни Смита — в 1909-м, а Коммершл-авеню на самом деле зовется Первой авеню. Факты мне известны, и каждое отклонение от них не случайно.

Как бы то ни было, спасибо вам за чтение и за то, что на несколько сотен страниц отложили свое недоверие в сторонку. Прекрасно понимаю, вся эта история — одна сплошная натяжка. Но, если честно, не для того ли и придуман стимпанк?